

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
(Tomsk State Pedagogical University Bulletin)

Научный журнал
Издается с 1997 года

ВЫПУСК 3 (227) 2023

ТОМСК
2023

Главный редактор:

В. В. Обухов, доктор физико-математических наук, профессор (Томск, Россия)

Редакционная коллегия:

А. Н. Макаренко, доктор физико-математических наук, доцент (зам. главного редактора) (Томск, Россия);

С. Б. Куликов, доктор философских наук, доцент (зам. главного редактора) (Томск, Россия);

Н. Ф. Алефиренко, доктор филологических наук, профессор (Белгород, Россия);

В. И. Богословский, доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);

Н. С. Болотнова, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (Томск, Россия);

А. А. Веряев, доктор педагогических наук, профессор (Барнаул, Россия);

М. П. Войтеховская, доктор исторических наук, профессор (Томск, Россия);

Л. Р. Дускаева, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);

Ю. В. Кобенко, доктор филологических наук, профессор (Томск, Россия);

А. Д. Копытов, доктор педагогических наук, профессор, член-кор. РАО (Москва, Россия);

А. В. Курьянович, доктор филологических наук, профессор (Томск, Россия);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербург, Россия);

А. А. Никитин, доктор физико-математических наук, профессор, академик РАО (Новосибирск, Россия);

С. Д. Одинцов, доктор физико-математических наук, профессор (Томск, Россия; Барселона, Испания);

С. И. Поздеева, доктор педагогических наук, профессор (Томск, Россия);

Н. В. Полякова, кандидат филологических наук, доцент (Томск, Россия);

Г. Г. Слышкин, доктор филологических наук, профессор (Москва, Россия);

В. А. Стародубцев, доктор педагогических наук, профессор (Томск, Россия);

А. Б. Туманова, доктор филологических наук, профессор (Алматы, Казахстан);

В. Д. Черняк, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

S. Capozziello, профессор (Неаполь, Италия);

E. Elizalde, профессор (Барселона, Испания);

S. Koryčánková, доктор философии, доцент (Брно, Чехия);

R. Leikin, профессор (Хайфа, Израиль);

S. Odintsov, профессор (Барселона, Испания);

M. Sasaki, профессор (Киото, Япония).

Научные редакторы выпуска:

А. В. Курьянович, Н. В. Полякова, Н. С. Болотнова, Е. А. Полева

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 20.03.2023).

Журнал включен:

- в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ);
- европейскую базу данных European reference index for the humanities and the social sciences (ERIH Plus);
- базу данных периодических и продолжающихся изданий Ulrich's Periodicals Directory.

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел./факс 8 (3822) 31-14-64

Адрес редакции, издательства:

пр. Комсомольский, 75, оф. 205, Томск, Россия, 634041.

Тел. 8 (3822) 311-325, тел./факс 8 (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Отпечатано: ООО Полиграфическая компания «Скорость Цвета».

Адрес типографии: г. Томск, пр. Ленина, 30/2. E-mail: voc2006@mail.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-51990 от 07.12.2012

Подписано в печать: 27.04.2023. Дата выхода в свет: 26.05.2023. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.

Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 18. Тираж: 1000 экз. Цена свободная. Заказ: 1252/Н.

Выпускающий редактор: Ю. Ю. Афанасьева. Технический редактор: А. И. Алышева. Корректор: Г. В. Кругликова

© ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», 2023. Все права защищены

MINISTRY OF EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)**

TOMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

Published since 1997

ISSUE 3 (227) 2023

**TOMSK
2023**

Editor-in-Chief

V. V. Obukhov, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Tomsk, Russian Federation)

Editorial Board:

- A. N. Makarenko, Doctor of Physics and Mathematics, Associate Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);*
S. B. Kulikov, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);
N. F. Alefirenko, Doctor of Philology, Professor (Belgorod, Russian Federation);
V. I. Bogoslovskiy, Doctor of Pedagogy, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);
N. S. Bolotnova, Doctor of Philology, Professor; Honored Worker of Higher School of the Russian Federation (Tomsk, Russian Federation);
A. A. Veryayev, Doctor of Pedagogy, Professor (Barnaul, Russian Federation)
M. P. Voytekhsovskaya, Doctor of History, Professor (Tomsk, Russian Federation);
L. R. Duskaeva, Doctor of Philology, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);
Yu. V. Kobenko, Doctor of Philology, Professor (Tomsk, Russian Federation);
A. D. Kopytov, Doctor of Pedagogy, Professor; Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Moscow, Russian Federation);
A. V. Kurjanovich, Doctor of Philology, Professor (Tomsk, Russian Federation);
V. V. Laptev, Doctor of Pedagogy, Professor; Member of Russian Academy of Education, Honoured Scientist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation);
A. A. Nikitin, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Novosibirsk, Russian Federation);
S. D. Odintsov, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Tomsk, Russian Federation; Barcelona, Spain);
S. I. Pozdeeva, Doctor of Pedagogy, Professor (Tomsk, Russian Federation);
N. V. Polyakova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor (Tomsk, Russian Federation);
G. G. Slyshkin, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Moscow, Russian Federation);
V. A. Starodubtsev, Doctor of Pedagogy, Professor (Tomsk, Russian Federation);
A. B. Tumanova, Doctor of Philology, Professor (Almaty, Kazakhstan);
V. D. Chernyak, Doctor of Philology, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);
S. Capozziello, Professor (Naples, Italy);
E. Elizalde, Professor (Barcelona, Spain);
S. Koryčánková, Ph.D. (Brno, Czech Republic);
R. Leikin, Professor (Haifa, Israel);
S. Odintsov, Professor (Barcelona, Spain);
M. Sasaki, Professor (Kyoto, Japan).

Scientific Editors of the Issue:

A. V. Kuryanovich, N. V. Polyakova, N. S. Bolotnova, E. A. Poleva

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

The journal is included in the list of the leading reviewed academic journals and publications, publishing main results of doctoral and postdoctoral theses that are approved by the Highest Attestation Board of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (revision of 20.03.2023).

The journal is included:

- in the system of the Russian Science Citation Index;
- in the database of “European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH Plus)”;
- in the database of periodicals “Ulrich’s Periodical Directory”.

Address:

ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel./fax +7 (3822) 31-14-64

Publisher and editorial address:

pr. Komsomol'skiy, 75, of. 205, Tomsk, Russia, 634041.

Tel. +7 (3822) 311-325, tel./fax +7 (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Printed by: “Skorost’ Tsveta”.

30/2, Lenina avenue, Tomsk, 634050, Russia. E-mail: voc2006@mail.ru

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

PI No. FS77-51990, issued on 07.12.2012.

Approved for printing: 27.04.2023. Publication date: 26.05.2023. Format: 60×90/8. Paper: offset.

Printing: screen. Circulation: 1000 copies. Price: not settled. Order: 1252/H

Production editor: Yu. Yu. Afanas'yeva. Text designer: A. I. Alysheva. Proofreading: G. V. Kruglikova

© Tomsk State Pedagogical University, 2023. All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Кошкарлова Н. Н., Истомина Е. М. Языковые средства выражения эмоций (к вопросу о генерализованной модели эмотивности языка)	7
Матюшина Н. В. Актуальные отечественные методики описания концептуализации	15
Бирюлина Е. А. Ассоциативно-вербальное поле ГУМАННЫЙ ЧЕЛОВЕК как средство существования концепта в языковом сознании сибирских студентов	24
Серебренникова Е. А., Курьянович А. В. Учебный текст как тип текста и объект научного описания: обзор подходов к определению функционально-типологических свойств	32

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Козачина А. В., Базаева Ю. А. Лингвистическая репрезентация гетеростереотипов в японском педагогическом дискурсе (на материале учебников по японскому языку для иностранцев)	40
Сафина Л. М., Кобенко Ю. В. Особенности перевода военно-административных и военно-исторических реалий в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» (на материале английского, французского и татарского языков)	48
Лежнин Р. А. Топонимы бассейна реки Арбаты (Республика Хакасия)	58

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Запольская А. А., Рябова М. Ю. Поликодовость экспрессивных средств в дискурсе англоязычной рекламы	67
Ульянова У. А. Функции милитарных коллокаций в военно-политическом дискурсе	76

РУССКИЙ ЯЗЫК

Болотнов А. В. Особенности медиапроекта как лингвокоммуникативного феномена и его использование в образовательной деятельности	86
Баженова Е. А., Карпова Т. Б. Диагностика креативности текста при обучении русскому языку	95
Бутакова Л. О. Коммуникативно-деятельностный подход к негомогенным текстам институциональной направленности	103
Мякишева О. В. Путь к осмыслению текста как осмысление жизни	112

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА

Бабенко Н. А. Организация действия в пьесе В. Масса и Н. Эрдмана «Телемах»	120
Барковская Н. В. Коммуникативные неудачи и способы их преодоления в «подростковых» повестях Аси Петровой	128
Сердюк А. М. Периферия без центра: система нарраторов в романе «Sketches of Russian Life in the Caucasus»	136

CONTENTS

THEORETICAL LINGUISTIC

<i>Koshkarova N. N., Istomina E. M.</i> Linguistic ways of expressing emotions (to the issue of the generalized language emotivity model)	7
<i>Matyushina N. V.</i> Relevant domestic concepts' methodology	15
<i>Biryulina E. A.</i> Associative and verbal field HUMANE PERSON as a means of existence of the concept in the linguistic consciousness of Siberian students	24
<i>Serebrennikova E. A., Kuryanovich A. V.</i> Educational text as a type of text and an object of scientific description: a review of approaches to the determination of functional and typological properties	32

COMPARATIVE AND APPLIED LINGUISTICS

<i>Kozachina A. V., Bazayeva Y. A.</i> Linguistic representation of heterostereotypes in Japanese pedagogical discourse (based on the Japanese language textbooks for foreigners)	40
<i>Safina L. M., Kobenko Yu. V.</i> Features of the translation of military-administrative and military-historical realonyms in "Taras Bulba" by N. V. Gogol into English, French and Tatar languages	48
<i>Lezhnin R. A.</i> Toponyms of Arbaty area (Republic of Khakassya)	58

GERMANIC LANGUAGES

<i>Zapolskaya A. A., Ryabova M. Yu.</i> Polycode expressive means in English advertising discourse	67
<i>Ulyanova U. A.</i> Combinatorial semantic analysis of military collocations in military political discourse	76

RUSSIAN LANGUAGE

<i>Bolotnov A. V.</i> Peculiarities of a media project as a linguo-communication phenomenon and its use in educational activities	86
<i>Bazhenova E. A., Karpova T. B.</i> Diagnostics of text creativity in teaching the Russian language	95
<i>Butakova L. O.</i> Communicative and activity approach to non-homogeneous institutional texts	103
<i>Myaksheva O. V.</i> The path to comprehension of the text as a comprehension of life	112

RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

<i>Babenko N. A.</i> Organization of action in the play "Telemachus" by V. Mass and N. Erdman	120
<i>Barkovskaya N. V.</i> Communication failures and ways to overcome it in the "teenage" stories by Asya Petrova	128
<i>Serdyuk A. M.</i> Periphery without centre: system of narrators in the novel "Sketches of Russian Life in the Caucasus"	136

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'23 + 81'44

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-7-14>

Языковые средства выражения эмоций (к вопросу о генерализованной модели эмотивности языка)

Наталья Николаевна Кошкарлова¹, Екатерина Михайловна Истомина²

^{1,2} Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия

¹ koshkarovann@susu.ru

² istom555@mail.ru

Аннотация

Антропологический подход при изучении языка обусловил возникновение и интенсивное развитие нового направления в лингвистике – эмотиологии, изучающей взаимосвязь эмоций и языка. Рассматриваются языковые способы выражения эмоций на различных уровнях языка, что является важным при классификации различных подходов к анализу заявленного объекта исследования. Практическая значимость настоящего исследования связана с возможностью использования представленной схемы анализа на материале других языков и типов дискурса. Цель – проведение теоретического обзора научных концепций о способах репрезентации эмоций на различных языковых уровнях. Кроме того, в работе предпринимается попытка выявления иерархической связи между эмотивными единицами различных уровней по аналогии с выявленной Ф. де Соссюром иерархической связи языковых единиц, подразумевающей, что каждый предыдущий уровень является базой для последующего. Актуальность исследования обусловлена необходимостью построения модели целостного функционирования эмотивных единиц всех языковых уровней. Представлены анализ, синтез накопленного материала о языковой репрезентации эмоций на материале русского языка и обобщение существующих научных концепций. Эмотивные единицы присутствуют на каждом уровне языковой системы. Наблюдается связь между эмотивными единицами различных уровней, что позволяет при изучении эмотивных единиц определенного уровня задействовать соседние уровни. В тексте эмоциональность выражается комплексно, позволяя максимально корректно и эффективно воспринимать и создавать эмоциональные тексты, что особенно важно в текстах политического содержания, агитационного и рекламного характера и пр. Поскольку эмоции многочисленны и многогранны, сложны и их языковые репрезентации, имеющие место на каждом из языковых уровней. Наблюдаемая иерархичность эмотивных единиц позволяет говорить о полноценной реализации эмотивного потенциала языка на уровне текста. Создание генерализованного «теоретического каркаса», целью которого является представление о способах и средствах выражения эмоций на различных уровнях языка, является важным для дальнейшего применения этой базы к анализу эмпирического материала.

Ключевые слова: эмотиология, эмотивность, эмотив, эмоциональность, эмотивное фонетическое значение (ЭФЗ), экспрессивно-оценочная морфема, эмотивная лексика

Для цитирования: Кошкарлова Н. Н., Истомина Е. М. Языковые средства выражения эмоций (к вопросу о генерализованной модели эмотивности языка) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 3 (227). С. 7–14. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-7-14>

THEORETICAL LINGUISTIC

Linguistic ways of expressing emotions (to the issue of the generalized language emotivity model)

Natalya N. Koshkarova¹, Ekaterina M. Istomina²

^{1,2} South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russian Federation

¹ koshkarovann@susu.ru

² istom555@mail.ru

Abstract

An anthropological approach in the language study caused the appearance and vigorous development of a new branch in linguistics called emotiology, that studies the relationships between emotions and the language. In the paper, language units of different levels for expressing emotions are observed as they are crucial for classification of different approaches to the analysis of the stated object. Practical significance of the present study is connected with the possibility to use the presented scheme of analysis on the material of different languages and types of discourse. Aim and objectives are to perform a theoretical review of scientific theories concerning the ways of representing emotions on different language levels. Moreover, an attempt of discovering hierarchy between emotive units of different levels similar to the one of language units is made. The hierarchy supposes that each succeeding level is based on a preceding one. The thematic justification is caused by the necessity to create the model of integral functioning of the emotive units. Material and methods include analysis and synthesis of the material on the linguistic representation of emotions on the base of the Russian language, generalization of the factual scientific theories. Emotive units are found at each level of the language system. At the phonetic level, emotive phonetic meaning is discovered. The connection between emotive units of different levels is observed. It allows to use neighboring levels for studying emotive units of a single level. In texts, emotionality is expressed in an integrated manner. That allows to perceive and create emotional texts prudently and efficiently, which is especially important in texts of political content, propaganda and advertising, etc. Due to the numerousness and complexity of emotions, their linguistic representations are also complex. The observed hierarchy of emotive units suggests total realization of the language emotive potential on the text level. Creation of generalized «theoretical framework» aimed at the concept of ways and means of expressing emotions on different language levels is crucial for further application of the corpus to empirical material analysis.

Keywords: emotiology, emotivity, emotive, emotive phonetic meaning (EPS), expressive-evaluative morpheme, emotive lexicon

For citation: Koshkarova N. N., Istomina E. M. Linguistic ways of expressing emotions (to the issue of the generalized language emotivity model) [Yazykovye sredstva vyrazheniya emotsiy (k voprosu o generalizovannoy modeli emotivnosti yazyka)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 3 (227), pp. 7–14 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-7-14>

Введение

Эмоции – неотъемлемая и крайне важная составляющая жизни человека: познавая мир, человек проявляет вербально и невербально реакцию к нему, адресант выбирает эмоционально окрашенные средства для эффективной реализации своих интенций, в то время как адресат стремится распознать эти эмоции для определения истинных интенций адресанта.

Если раньше эмоции не включались в сферу лингвистики, то сегодня изучение их языкового воплощения вылилось в целую науку – эмотиологию, и значимость изучения эмотивного компонента языка приравнивается к важности изучения его информативной, когнитивной и рациональной составляющих. Более того, исследования в области филологии и психологии показали, что именно эмоции являют-

ся мотивационной основой сознания, мышления, социального поведения и речевой деятельности.

В. И. Шаховским и его коллегами разработана целостная теория лингвистики эмоций, основанная на лексико-семантической концепции. Модель концепции представляется следующим образом: мир рассматривается как объект, а человек как субъект, отражающий этот мир. Отражение мира человеком происходит избирательно, включая только значимое для него. Это значение объектов мира для говорящего выражается эмоциями. Таким образом, эмоции «выступают в роли посредника между миром и его отражением в языке» [1, с. 6], отражают не сами объекты реального мира, а субъективные отношения человека к ним. Следовательно, язык выступает в качестве инструмента для изучения эмоций и является объектом их изучения, а человек

рассматривается не только как существо разумное – «homo sapiens», но и чувствующее – «homo sentiens», поскольку говорит и чувствует одновременно.

Ключевым понятием в эмотиологии является понятие эмотивности, определяемое как «имманентное свойство языка выражать психологические (эмоциональные) состояния и переживания человека» [2, с. 5], т. е. эмотивность – категория лингвистики, отражающая в языке субъективные переживания эмоций человеком, в отличие от эмоциональности – психологической характеристики, означающей чувственное восприятие человеком эмоциональных ситуаций и реакций на них.

Разделяя позицию В. И. Шаховского, будем разграничивать термины «эмоциональность» как элемент категориально-понятийного аппарата психологии, нейропсихологии и философии и «эмотивность» как термин лингвистики.

Соглашаясь с необходимостью подобного разделения терминологического аппарата, с позиции функционального подхода к языку Л. А. Пиотровская определяет эмотивность как «функцию языковых единиц, связанную с выражением либо эмоционального состояния субъекта речи, либо его эмоционального отношения к объективной действительности, к содержанию высказывания адресата, к самому адресату» [3, с. 322]. Таким образом, языковые единицы, осуществляющие эмотивную функцию, Л. А. Пиотровской именуется эмотивными, а значение таких единиц – эмотивным.

Цель данной работы – проведение теоретического обзора репрезентаций эмоций на различных языковых уровнях и их систематизация. Актуальность данного теоретического исследования определяется необходимостью изучения различных (не только лексических) средств репрезентации эмоций и значимостью для лингвистики системного анализа, в том числе и средств выражения эмоций. Кроме того, для изучения репрезентации эмоции на материале различных языков необходимо построить модель целостного функционирования эмотивных единиц на всех языковых уровнях, что является дополнительным аргументом в пользу актуальности представленного исследования.

Материал и методы

В данной работе предпринимается попытка описания языковых уровней вербального проявления эмоций с использованием метода теоретического анализа и синтеза уже имеющихся научных сведений о языковой репрезентации эмоций и описательного метода.

Предпосылки научного диалога

В настоящем исследовании изучение эмоций проводится на различных уровнях языка, без при-

вязки к тексту, но при этом важно помнить, что в значении любой языковой единицы, представленной в словарях разного типа (традиционном толковом, словаре активного типа и др.), предусматривается типичное текстовое (речевое) употребление: единицы языка в то же время являются и единицами речи, значение языковых единиц извлекается из конкретных употреблений в речи/тексте. Поэтому исследователь может выявлять в тексте как типичное, так и атипичное семантическое или структурное поведение единицы. Полагаем, что представленное в данной статье системное описание выражения эмоций на разных уровнях языка позволит в дальнейшем изучить и описать конкретное текстовое «поведение» языковых единиц при реализации в конкретном типе дискурса на материале того или иного языка.

Результаты и обсуждение

Результаты исследований эмотивных единиц языка А. Вежбицкой, Л. А. Пиотровской, Д. А. Романова, В. И. Шаховского [1–5] и ряда других лингвистов демонстрируют, что в процессе выражения эмоций задействованы языковые единицы абсолютно всех языковых уровней: фонетического, лексического, фразеологического, морфологического и синтаксического.

Наиболее малоизученным языковым уровнем в плане репрезентации эмоций является фонетический, поскольку долгое время семантика звуков отрицалась. В исследовании звуковой семантики различают два основных подхода, базирующихся на одном явлении в психологии, явлении синестезии: метафорический и ассоциативный. Сторонники метафорического подхода коррелируют звук с эмоциями, и передача ими данной корреляции происходит через образы реального мира. Такой подход свойственен людям творческим (В. Набоков, А. Белый и пр.), зачастую не имеет четких обоснований, поскольку осуществляется на уровне творческого подсознания и сиюминутен [6, с. 6–7].

Ассоциативный подход, разработанный американскими лингвистами, базируется на ассоциациях среднестатистического человека, а не человека искусства. Звук при таком подходе ассоциируется уже с реальными характеристиками, такими как объем, размер, скорость и прочее. Д. А. Романов, взяв за основу результаты исследований фонетической семантики о дифференциальных акустических признаках, разработанных Р. Якобсоном, Г. Фантом, М. Халле, М. В. Пановым, доказывает, что смысловым коррелятором звука служит эмоция, а «человеческий опыт, включающий в себя представление о словах определенного фонетического (акустического) состава, наиболее часто употребляемых в конкретной (эмоциональной) ситуа-

ции общения, составляет эмоциональное фонетическое значение (ЭФЗ)» [6, с. 8], которое мы, придерживаясь разработанного метаязыка, будем именовать «эмотивное фонетическое значение (ЭФЗ)». В результате исследований с применением методов направленных ассоциаций Д. А. Романов выстраивает «теорию эмоционально-семантических фонетических параметров» для изолированного звука, лексемы и текста. На уровне изолированного звука было выявлено, что все звуки распределяются по трем категориям:

1) звуки с отчетливым ЭФЗ (например, [А], [М'] – *радость-удовольствие*; [Ы] – *отвращение*; [Р] – *гнев-ярость*);

2) звуки с контаминированным ЭФЗ, т. е. тяготеющие к определенной факторной группе эмоциональных значений (например, [Ж], [З] – *гнев-ярость + отвращение*; [М] – *интерес-волнение + радость-удовольствие*; [Ф] [Ф'] – *отвращение + презрение*);

3) звуки с нейтральным ЭФЗ (например [Б'], [Й], [Ч]).

На уровне слова проявление ЭФЗ Д. А. Романов считает недифференцированным, поскольку в звуковом составе слова могут присутствовать как звуки определенных ЭФЗ, так и звуки нейтральные. В лексике русского языка присутствуют звуки с различными эмоциональными значениями, но возможно и доминирование звуков с определенным ЭФЗ, именуемое автором – эмоциональным фонетическим сдвигом [6, с. 19].

На текстовом уровне ЭФЗ проявляется полноценно: создавая текст, человек, по результатам исследования Д. А. Романова, подсознательно использует лексику, включающую звуки с ЭФЗ той эмоции, которая владеет им в момент говорения. Концентрирование в тексте лексем с определенным эмоциональным сдвигом формирует соответствующее текстовое эмоциональное значение [6, с. 21].

На морфологическом уровне эмотивность связана с выделением словообразовательных компонентов – аффиксов, передающих эмоциональное отношение говорящего к предмету речи. Аффиксы, служащие для выражения субъектом речи своих эмоций, в исследовательской литературе имеют разные обозначения. Вслед за В. И. Шаховским будем именовать их аффиксами эмотивно-субъективной оценки, подчеркивая наличие эмотивной коннотации в их семантике, а слова, образованные с помощью таких аффиксов, – эмотивными дериватами [7, с. 23].

По результатам исследований, наиболее эффективным способом словопроизводства для передачи эмоций является аффиксация, в особенности – суффиксация. При этом выявлено, что суффиксы эмотивно-субъективной оценки полисемичны и в

зависимости от контекста могут выражать даже противоположные значения. Так, уменьшительно-ласкательные суффиксы способны передавать отношение от ласкового до уничижительного: *Егорка, Катька, собачка, девка* [4, с. 147–149], а увеличительные суффиксы – от грубости, пренебрежения, неодобрения до восхищения и удивления говорящего: *грубиянщице, человечщице* [8, с. 242]. Кроме того, В. И. Шаховским была выявлена способность эмоционально нейтральных морфем образовывать эмотивные единицы: *наплевизм, чудненько* [1, с. 138]. Образование эмотивных дериватов возможно и с помощью сочетания эмоционально-оценочных суффиксов с другими способами словообразования, например с повтором: *реченька-река*.

И. И. Сандомирская, исследуя эмотивный компонент в значении глагола, выделяет в качестве эмотивно-оценочных морфем суффиксы деривации имени в глагол, при котором за глаголом сохраняется оценочное значение имени или оно меняется на противоположное: *подхалим* (отрицательное оценочное значение) – *подхалимничать* (отрицательное оценочное значение); *великодушный* (положительное оценочное значение) – *великодушничать* (отрицательное оценочное значение) [9, с. 120–129]. Кроме того, автор выделяет в качестве еще одного из способов деривации имени в глагол способ звукоподражания: *тараторить, мямлить* и использования заимствований: *фанфаронить*.

Префиксы эмотивно-субъективной оценки могут как самостоятельно участвовать в образовании эмотивных дериватов, так и совместно с префиксами эмотивно-субъективной оценки: *прехорошенький* и словосложением, например, *хороший-прехороший, хорошенький-прехорошенький*. Эффективным способом эмотивизации лексики, наряду с аффиксацией и словосложением, является универбация – трансформация сложной номинативной единицы в одно слово (универб, универбат) методом суффиксации: *генеральша* (*генеральская жена*), *богач* (*богатый человек*). Таким образом, словообразование представляет собой богатейший ресурс для проявления и передачи эмотивного значения, поскольку многочисленны и разнообразны аффиксы эмотивно-субъективной оценки и допустимо использование нескольких способов словообразования в рамках одного эмотивного деривата.

Однако доминирующая роль в раскрытии эмотивного потенциала языка, по мнению большинства лингвистов, принадлежит лексическому уровню. Для исследований лексического уровня репрезентации эмоций характерно вычленение из всего ряда лексических единиц так называемой «эмотивной лексики» как противоположности «нейтральной лексики». Среди лингвистов, занимающихся

эмотивной лексикой, нет единства в понимании ее состава. З. Е. Фомина выделяет в качестве эмотивной лексики пять групп слов: 1) слова с формально выраженной субъективной оценкой; 2) междометия, частицы и аффективы, к которым относят инвективы, бранные слова, ругательства и пр.); 3) слова – названия эмоций; 4) слова с эмоционально-оценочным компонентом в семантической структуре; 5) оценочные слова [10, с. 13]. Поскольку эмотивность выполняет аффективную функцию в языке, а оценочность обладает аксиологической функцией, то, на наш взгляд, категории «оценочные слова» и «слова с формально выраженной субъективной оценкой» не следует причислять к лексическим эмотивам. Л. Г. Бабенко к эмотивной лексике относит: 1) слова-аффективы, включающие междометия и междометные слова, бранную лексику; 2) слова с эмотивностью в сознании; 3) слова, называющие эмоции [11, с. 4]. Е. М. Галкина-Федорук в состав языкового эмотивного фонда включает: 1) слова, обозначающие чувства; 2) слова, характеризующие предмет с положительной или отрицательной стороны и выражающие эмоциональное отношение к ним (*жадина, милый*); 3) слова, выражающие эмоции контекстуально (*осел*) [12, с. 106]. И. Б. Голуб в качестве лексем-эмотивов выделяет: 1) эмоционально окрашенные метафоры (*тряпка*); 2) слова с ярким оценочным значением (*брюзга, безответственный*); 3) слова с суффиксами субъективной оценки [13]. На наш взгляд, лексику с суффиксами субъективной оценки не следует относить к эмотивной лексике, поскольку эмотивность в данном случае создается эмотивными аффиксами, а не номинативными свойствами слова. В. И. Шаховский к эмотивным лексическим единицам причисляет: 1) аффективы, то есть слова, в лексическом значении которых имеется лишь эмотивный компонент (*дорогуша*); 2) коннотативы, у которых в лексическом значении эмотивный компонент находится в статусе коннотации (*осел*); 3) потенциальные эмотивы, являющие собой нейтральную лексику, ставшую эмотивной в определенной эмоциональной ситуации [2, с. 46]. Сторонники теории потенциальных эмотивов считают, что любое слово способно стать эмотивом в отдельной ситуации [14, с. 39] по причине того, что незначительные компоненты содержания понятия об объекте могут являться в некой ситуации значимыми и получить эмоциональное осмысление. Таким образом, абсолютно любая лексика способна приобретать эмотивное значение в определенной речевой ситуации, и языковая реализация эмоций на уровне лексики осуществляется денотативно, коннотативно и прагматически.

Анализ результатов лингвистических исследований состава эмотивной лексики выявил, что ряд

ученых, например И. В. Арнольд [15], И. Б. Голуб [13], В. И. Шаховский [2] и другие, не склонны считать лексику эмоций полноценной эмоциональной лексикой. Однако исследования Н. А. Красавского выявили подверженность лексики эмоций аккумуляции эмотивности под влиянием контекста в художественном тексте [16, с. 148]. При этом эмотивный потенциал текста, по наблюдениям С. В. Ионовой, составляет не столько сама лексика, называющая эмоции, сколько лексика, описывающая ее признаки: слова со значениями способов невербального выражения эмоций и слова, указывающие на причину, результат, косвенный признак эмоции [17, с. 69]. В. И. Шаховский также приходит к выводу о том, что «...слова, называющие эмоции, имеют в своем значении довольно яркий эмпирический компонент, в нашем сознании они прочно ассоциируются с теми или иными эмоциональными проявлениями...» [18, с. 62]. Кроме того, выявлено, что лексика эмоций наделена повышенным эмотивным потенциалом [19, с. 54].

Учитывая вышеуказанные свойства (понятийное выражение чувств и повышенный эмотивный потенциал), лексику эмоций, на наш взгляд, все же следует относить к эмоциональной лексике.

Выделенные три класса эмотивов – аффективы, коннотативы и лексика эмоций – в таком случае противопоставляются друг другу по двум параметрам: 1) аффективы, непосредственно выражающие эмоции, противостоят лексике эмоций и коннотативам, выражающим эмоциональность опосредованно; 2) лексика эмоций противостоит коннотативам и аффективам, характеризующимся размытой семантикой, конкретизирующейся исключительно в контексте.

Отдельным языковым уровнем выделяем фразеологический, поскольку, хотя фразеологизм и выполняет функцию отдельной лексемы, являясь устойчивыми по составу и структуре, лексически неделимым и целостным по значению словосочетанием или предложением, в отличие от лексемы, он называет эмоцию или передает ее только через коннотативный компонент своего значения, реализуя эмоциональность денотативно или коннотативно. Причем если в семантике слова коннотативный компонент факультативен, то в семантике большинства фразеологизмов он доминирует.

Фразеологизмы-денотативы репрезентуют эмоциональность по классификации, предложенной Д. А. Романовым, первично и вторично [5, с. 33]. Фразеологизмы с первичной эмоциональностью представляют эмоцию непосредственно, называя ее (например, *прыгать от радости*) или опосредованно (например, *быть на седьмом небе*). Фразеологизмы вторичной эмоциональности демонстрируют эмоцию через описание ее невербального проявления (например, *потирать руки*).

Коннотативный аспект значения фразеологизма отражает субъективную характеристику денотата. Фразеологизмы-коннотативы передают эмоциональное состояние адресанта через коннотативный компонент своего значения (например, *дары да-найцев*). Анализ таких фразеологизмов осуществляется только в пределах корпуса фразеологического словаря. Как и на лексическом уровне среди фразеологизмов выделяется и ряд аффективов: *где это видано, не было печали* и пр.

На синтаксическом уровне репрезентация эмоций происходит через синтаксические конструкции членов предложения. Результаты многочисленных исследований отечественных и зарубежных лингвистов на материале различных языков свидетельствуют о наличии в синтаксическом строе различных языков определенных моделей эмотивных высказываний. Анализ результатов исследований приводит к выводу о существовании в синтаксисе двух видов эмотивных высказываний: собственно эмотивных и эмотивно осложненных. Под собственно эмотивными высказываниями понимаем непредикативные единицы, выражающие исключительно эмоции. Собственно эмотивные высказывания представляют собой морфологически аморфные и синтаксически автономные реплики – коммуникативы (например, *слава богу*). По структуре различают коммуникативы однословные и фразеологизированные. Под фразеологизированными коммуникативами, вслед за Н. Ю. Шведовой, подразумеваем конструкции, которые, имея вариативное лексическое наполнение, являются готовыми синтаксическими образованиями [20, с. 22] (например, *Тожже мне + знаток / помог / хороший*). Эмотивно осложненные высказывания являют собой предикативные единицы, где наряду с объективной информацией присутствует и выражение автором эмоций [21, с. 5]. Эмотивное осложнение осуществляется при помощи интонационно маркированных вопросительных, восклицательных и отрицательных предложений, риторических вопросов, риторических обращений и восклицаний, синтаксического параллелизма, повторов, инверсии, парцелляции эллипсиса, оксюморона, градации, антитезы [17, с. 73] и использования коммуникативов в составе высказывания. Рассмотрим ряд примеров:

«Я ненавижу здесь все! – выкрикнул он. – Я ненавижу, как вы со мной обращаетесь, как не даете проявить себя!» (С. Кинг).

В данном случае имеет место быть комбинация восклицательного предложения и синтаксического параллелизма в сочетании с лексической едини-

цей, называющей эмоцию. Синтаксические конструкции значительно усиливают переживаемую говорящим эмоцию ненависти.

Разве не прекрасна каждая травинка, наполненная пахучим соком, и каждое семечко липы? (К. Паустовский).

Здесь наблюдается сочетание интонационно маркированного риторического вопроса, повтора и эмотивной лексики *прекрасна*.

И слава богу. И слава богу (Астафьев).

Третий пример демонстрирует повтор коммуникатива, за счет чего выражаемая эмоция усиливается.

Таким образом, полная реализация эмотивного потенциала языка осуществляется на текстовом уровне, где коммуникативные стратегии и тактики, используемые для выражения эмоций адресанта и оказания эмоционального воздействия на адресата, находят свое выражение. С учетом различных тематических, жанровых и стилистических принадлежностей текстов их диапазон эмотивности становится довольно широким [22, с. 109].

Заключение

Изучение средств выражения эмоций на различных уровнях языка приводит к выводу в первую очередь об их тесной взаимосвязи и наложении, что позволяет изучать более полноценно языковые средства определенного уровня языка, задействовав для этого языковые средства соседних уровней. Во-вторых, выявленная комплексная реализации языковых средств в устном и письменном тексте способствует максимально корректному и эффективному восприятию и созданию эмоциональных текстов.

Объем и содержательное наполнение средств выражения эмоций детерминировано структурно-функциональными особенностями языка, типом дискурса, иллокутивной характеристикой конкретного высказывания. Однако создание генерализованного «теоретического каркаса», целью которого является представление о способах и средствах выражения эмоций на различных уровнях языка, является важным для дальнейшего применения этой базы к анализу эмпирического материала.

Проведенное теоретическое исследование выявило широкий круг проблем для дальнейших исследований, таких как языковые способы реализации отдельных эмоций или эмоциональных комплексов, сопоставление языковых способов репрезентации эмоций определенного уровня различных языков, сравнение комплексов языковых средств текстов различной стилистической направленности, различных дискурсов и пр.

Список источников

1. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1987. 208 с.

2. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
3. Пиотровская Л. А. Эмотивность и дейксис // XLIII Международная филологическая конференция: избранные труды (Санкт-Петербург, 11–16 марта 2014 года). СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2015. С. 321–332.
4. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
5. Романов Д. А. Языковая репрезентация эмоций: уровни, функционирование и системы исследований: На материале русского языка: дис. ... д-ра филол. наук. Тула, 2004. 496 с.
6. Романов Д. А. Эмоционально-семантические параметры фонетической системы современного русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новгород, 1998. 23 с.
7. Шаховский В. И. Типы языковых значений эмотивной лексики // Вопросы языкознания. 1994. № 1. С. 20–25.
8. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М.: Флинта, 2016. 464 с.
9. Сандомирская И. И. Эмотивный компонент в значении глагола (на материале глаголов, обозначающих поведение) // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 114–136.
10. Фомина З. Е. Эмоционально-оценочная лексика современного немецкого языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 66 с.
11. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: смУралГУ, 1989. 189 с.
12. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке: сб. статей по языкознанию. М.: Наука, 1958. С. 103–124.
13. Голуб И. Б. Стилистика современного русского языка. М.: Высшая школа, 1986. 336 с.
14. Кинцель А. В. Психолингвистическое исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1998. 25 с.
15. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М.: ФЛИНТА, 2016. 384 с.
16. Красавский Н. А. Семантика имен эмоций, функционирующих в разных типах текста // Язык и эмоции: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1995. С. 142–150.
17. Ионова С. В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1998. 197 с.
18. Шаховский В. И., Сорокин Ю. А., Томашева И. В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы. Волгоград: Перемена, 1998. 148 с.
19. Калимуллина Л. А. Семантическое поле эмотивности в русском языке: диахронический аспект (с привлечением материала славянских языков). Уфа: РИО БашГУ, 2006. 344 с.
20. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 178 с.
21. Соколова Е. Д. Эмотивные высказывания в русской и английской прессе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010. 23 с.
22. Киселева Л. А. Параметры языкового моделирования эмоциональных ситуаций в художественном тексте // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17, № 3. С. 108–118.

References

1. Shakhovskiy V. I. *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Categorisation of emotions in the lexical and semantic language system]. Voronezh, Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 1987. 208 p. (in Russian).
2. Shakhovskiy V. I. *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [Linguistic theory of emotions]. Moscow, Gnozis Publ., 2008. 416 p. (in Russian).
3. Piotrovskaya L. A. Emotivnost' i deysis [Emotiveness and deixis]. *XLIII Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya* [XLIII International philological conference]. Saint-Petersburg, 2015. Pp. 321–332 (in Russian).
4. Vezhbitskaya A. *Yazyk. Kul'tura. Poznaniye* [Language. Culture. Cognition]. Moscow, Russkiye slovari Publ., 1996. 416 p. (in Russian).
5. Romanov D. A. *Yazykovaya reprezentatsiya emotsiy: urovni, funktsionirovaniye i sistemy issledovaniy: Na materiale russkogo yazyka*. Dis. ... dokt. filol. nauk [Language representation of emotions: levels, functioning and studies systems. On the material of the Russian language. Thesis of doct. philol. sci.]. Tula, 2004. 496 p. (in Russian).
6. Romanov D. A. *Emotsional'no-semanticheskiye parametry foneticheskoy sistemy sovremennogo russkogo yazyka*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Emotional and semantic parameters of the modern Russian language phonetic system. Abstract of thesis ... cand. philol. sci.]. Novgorod, 1998. 23 p. (in Russian).
7. Shakhovskiy V. I. *Tipy yazykovykh znacheniy emotivnoy leksiki* [Types of emotional vocabulary's language meanings]. *Voprosy yazykoznaviya*, 1994, no 1, pp. 20–25 (in Russian).
8. Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovskiy V. A. *Stilistika russkogo yazyka* [Russian language srylistics]. Moscow, Flinta Publ., 2016. 464 p. (in Russian).
9. Sandomirskaya I. I. *Emotivnyy komponent v znachenii glagola (na materiale glagolov, oboznachayushchikh povedeniye)* [Emotional component in verb meaning (on the material of the verbs denoting behavior)]. *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti* [Human factor in language. Speech mechanisms of expressiveness]. Moscow, 1991. Pp. 114–136 (in Russian).

10. Fomina Z. E. *Emotsional'no-otsenochnaya leksika sovremennogo nemetskogo yazyka*. Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Emotional and evaluative vocabulary of modern German language. Abstract of thesis ... doct. philol. sci.]. Moscow, 1996. 66 p. (in Russian).
11. Babenko L. G. *Leksicheskiye sredstva oboznacheniya emotsiy v russkom yazyke* [Lexical means of emotions identification in the Russian language]. Sverdlovsk, UralGU Publ., 1989. 189 p. (in Russian).
12. Galkina-Fedoruk E. M. Ob ekspressivnosti i emotsional'nosti v yazyke [On expressivity and emotionality in language]. *Sbornik statey po yazykoznaniyu* [Works on language studies]. Moscow, Nauka Publ., 1958. Pp. 103–124 (in Russian).
13. Golub I. B. *Stilistika sovremennogo russkogo yazyka* [Stylistics of modern Russian language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1986. 336 p. (in Russian).
14. Kintsel' A. V. *Psikholingvisticheskoye issledovaniye emotsional'no-smyslovoy dominanty kak tekstoobrazuyushchego faktora*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Psycho-linguistic study of emotional and notional centerpiece as text-forming factor. Abstract of thesis ... cand. philol. sci.]. Barnaul, 1998. 25 p. (in Russian).
15. Arnol'd I. V. *Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk* [Stylistics. Modern English language]. Moscow, FLINTA Publ., 2016. 384 p. (in Russian).
16. Krasavskiy N. A. Semantika imen emotsiy, funktsioniruyushchikh v raznykh tipakh teksta [Semantic of emotions' names functioning in different text types]. *Yazyk i emotsii* [Language and emotions]. Volgograd, 1995. Pp. 142–150 (in Russian).
17. Ionova S. V. *Emotivnost' teksta kak lingvisticheskaya problema*. Dis. ... kand. filol. nauk [Text emotiveness as linguistic problem. Thesis of cand. philol. sci.]. Volgograd, 1998. 197 p. (in Russian).
18. Shakhovskiy V. I., Sorokin Yu. A., Tomasheva I. V. *Tekst i ego kognitivno-emotivnye metamorfozy* [Text and its cognitive and emotional transformations]. Volgograd, Peremena Publ., 1998. 148 p. (in Russian).
19. Kalimullina L. A. *Semanticheskoye pole emotivnosti v russkom yazyke: diakhricheskyy aspekt (s privilecheniyem materiala slavyanskikh yazykov)* [Semantic role of emotiveness in the Russian language: dyachrinic aspect (using the material of slavic languages)]. Ufa, RIO BashGU Publ., 2006. 344 p. (in Russian).
20. Shvedova N. Yu. *Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoj rechi* [Study on the Russian colloquial speech syntax]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1960. 178 p. (in Russian).
21. Sokolova E. D. *Emotivnye vyskazyvaniya v russkoy i angliyskoy presse*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Emotional utterances in Russian and English mass-media. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Saratov, 2010. 23 p. (in Russian).
22. Kiseleva L. A. Parametry yazykovogo modelirovaniya emotsional'nykh situatsiy v khudozhestvennom tekste [Parameters of language modeling of emotional situations in the literary text]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznaniye – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2018, no. 3, pp. 108–118 (in Russian).

Информация об авторе

Кошкарлова Н. Н., доктор филологических наук, профессор, Южно-Уральский государственный университет (пр. Ленина, 76, Челябинск, Россия, 454080).

Истомина Е. М., старший преподаватель, Южно-Уральский государственный университет (пр. Ленина, 76, Челябинск, Россия, 454080).

Information about the author

Koshkarova N. N., Doctor of Philological Sciences, Professor, South Ural State University (National Research University) (pr. Lenina, 76, Chelyabinsk, Russian Federation, 454080).

Istomina E. M., Senior Lecturer, South Ural State University (National Research University) (pr. Lenina, 76, Chelyabinsk, Russian Federation, 454080).

Статья поступила в редакцию 09.05.2022; принята к публикации 17.03.2023

The article was submitted 09.05.2022; accepted for publication 17.03.2023

УДК 81-139

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-15-23>

Актуальные отечественные методики описания концептов

Наталья Владимировна Матюшина

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия, nwl2002@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6982-5305>

Аннотация

Продолжена дискуссия о методологии концептуальных исследований, открытой И. Б. Левонтиной в 2008 г. на страницах журнала «Вопросы языкознания» в рецензии на первый том коллективной монографии «Антология концептов» и продолженной И. А. Стерниным и В. И. Карасиком в дальнейших томах словаря нового типа. Наукометрический обзор актуальной лингвистической литературы посвящен изучению различных аспектов концептуализации, материалом для которого послужили описания концептов в русле ведущих научных школ, психолингвистические работы, описания в рамках Московской семантической школы и др. Методом сплошной выборки на официальном сайте ВАК были найдены диссертации по концептологии за последние 10 лет. Кроме того, анализу подверглись актуальные монографии и научные статьи, представленные в базе данных РИНЦ. Основу обзора составили труды за последнее десятилетие, привлекались работы более раннего периода для описания полноты картины. Особое внимание в ходе проведения анализа работ уделялось изучению методологии и материалу исследований. В итоге удалось установить, что 2/5 авторов согласны с предложенной И. Б. Левонтиной стратегией изучения концептов, основанной на семантическом анализе, разработанном в Московской семантической школе, в частности Ю. Д. Апресяном. Лишь 10 % трудов по концептологии основаны исключительно на лексикографических источниках, в остальных случаях привлекаются данные корпусной лингвистики, опрос информантов, полевые исследования и т. п. Около четверти диссертантов опирались на различные экспериментальные методы исследования. Анализ современного состояния отечественной концептологии представлен с привлечением наглядных методов презентации статистической информации, в том числе разнотипных диаграмм. Подводятся промежуточные итоги продолжающейся по сей день дискуссии и очерчиваются некоторые перспективы развития отечественной лингвистики.

Ключевые слова: концептуализация, «Антология концептов», Московская семантическая школа, наукометрический анализ, экспериментальные методики

Благодарность. Автор выражает искреннюю признательность Московской семантической школе и лично О. А. Сулеймановой, О. Н. Селиверстовой, М. А. Кронгаузу и Е. В. Рахилиной, сформировавшим ее как исследователя и во многом определившим ее научный путь, а также выражает глубокую благодарность авторам работ, ставших основой для наукометрического анализа.

Для цитирования: Матюшина Н. В. Актуальные отечественные методики описания концептов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 3 (227). С. 15–23. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-15-23>

Relevant domestic concepts' methodology

Natalia V. Matyushina

Moscow City University, Moscow, Russian Federation, nwl2002@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6982-5305>

Abstract

The paper follows the ongoing discussion on conceptualization methodology that was initiated by I. Levontina on the pages of *Topics in the Study of Language* in 2008. The author reviewed the first volume of *Anthology of Concepts*, I. Sternin and V. Karasik continued the debate in the second part of the conceptuary. The paper presents scientometric analysis of up-to-date linguistic works dedicated to various conceptualization aspects. Investigations in the context of leading linguistic schools, as well as psycholinguistic researches and studies within Moscow semantic school were analyzed. All theses on concepts in between 2012.01-2022.04 were taken from the official cite of HAC. Moreover, monographs and contributions from the database of RSCI were studied. The main body of this part consisted of the works published within the last ten years. Still some earlier researches were also engaged to show the whole picture. Special

attention was paid to the methodology and material of the selected works. The obtained results show that 2/5 authors support I. Levontina's proposal on how to investigate concepts. That suggested approach was elaborated within Moscow Semantic School, namely by Yu. D. Apresyan. Only 10% of researches are based on lexicographic sources, the rest rely on corpora, native speakers' survey, field studies, etc. A quarter of theses' authors applied various experimental techniques. To visualize the results of the survey different diagrams and charts are used. The paper is wrapped up with the subtotals of the ongoing discussion, some development prospects of domestic linguistic are suggested.

Keywords: *conceptualization, Anthology of Concepts, Moscow Semantic School, scientometric analysis, experimental techniques*

For citation: Matyushina N. V. Relevant domestic concepts' methodology [Aktualnye otechestvennye metodiki opisaniya konceptualizacii]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 3 (227), pp. 15–23 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-15-23>

Введение

Важной вехой в отечественной концептологии, безусловно, стал выход в свет словаря нового типа «Антология концептов» [1]. Авторы коллективной монографии полагают, что когнитивная лингвистика «использует концепты и когнитивные процессы, делает выводы о типах и содержании концептов в сознании человека на основе применения к языку имеющихся в распоряжении лингвистики собственно лингвистических методов анализа с последующей когнитивной интерпретацией результатов исследования» [1, с. 7].

Идеи составителей концептуария по сей день поддерживаются исследователями концептов. Так, в качестве теоретико-методологической базы своих диссертационных работ 81 % авторов указали труды, по крайней мере, одного из основателей Волгоградской, Воронежской, Краснодарской или Кемеровской научных школ. Отметим, что в последнее время Кемеровскую школу, основоположником которой является М. В. Пименова, позиционируют как Санкт-Петербургско-Кемеровскую научную школу в силу расширения географии данного научного сообщества. Вслед за ними в качестве основной задачи соискатели ставят обнаружение полного состава языковых средств, описывающих концепт. Дальнейшей задачей ставится толкование значений выявленных единиц с использованием методики когнитивной интерпретации результатов исследования. Итоговым этапом авторы видят определение места концепта в национальной концептосфере [1, с. 10]. Психологически реальное значение, по мнению авторов, выявляется преимущественно с применением экспериментальных методик, в то время как лексикографическое значение представляет собой краткое описание, приведенное в словарях [1, с. 8].

Материал и методы

Различные концепты подвергаются всестороннему анализу учеными разных специальностей. Очевидно, что для разных концептологических описаний применяются различные методики ис-

следований. Целью данного обзора является описание наиболее частотных методик изучения и описания концептов, результаты которых представляются убедительными.

Для достижения поставленной цели был проведен анализ актуальных монографий и научных статей из базы публикаций Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Основу анализа составили актуальные работы, посвященные исследованию концептов, опубликованные за последние пять лет. Кроме того, для полноты картины в обзор включены труды, увидевшие свет в период после выхода «Антологии концептов» [1] и до 2012 г., т. е. более чем 10 лет назад. В ходе данного исследования была изучена тематика и материал опубликованных работ, особое внимание уделялось рассмотрению использованных авторами методик проведения концептуологических штудий.

Кроме того, для составления обзора методом сплошной выборки с официального сайта Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки (ВАК) РФ [2] были отобраны диссертационные исследования на соискание степеней кандидата и доктора филологических наук, посвященные изучению различных концептов. Количество подобных работ, защищенных за последние десятилетие (с января 2012 г. по апрель 2022 г.), составило 414 диссертаций. Авторефераты отобранных исследований подверглись детальному наукометрическому анализу, в ходе которого были проштудированы теоретико-методологические базы и методики изучения концептов. В задачи настоящего исследования входило, во-первых, проанализировать, какой материал использовался соискателями для написания диссертационных работ, опирались ли они на лексикографические источники, обращались ли к данным корпусной лингвистики, привлекали ли для сбора контекстов художественные произведения и т. п. Второй задачей было выявление частотности применения экспериментальных методик с привлечением информантов, а также статистических методов при подсчете результатов.

Дискуссия. Критический взгляд на методологию, предложенную в «Антологии концептов»

Выход словаря «Антология концептов» послужил началом продолжительной научной дискуссии о методологических аспектах концептологии. В рецензии на книгу «Антология концептов» И. Б. Левонтина отмечает, что авторы работы столкнулись с главной проблемой большинства концептологических исследований – «ускользанием» предмета изучения, т. е. зачастую не ясно, «сущность какого рода автор описывает» [3, с. 124]. И. Б. Левонтина делает еще одно критическое замечание, на наш взгляд, обоснованное и очень важное, а именно подчеркивает, что «отправной точкой описания концептов служат словарные толкования выражающих их слов». Автор видит в обращении к словарям определенную пользу, но в то же время констатирует, что «состояние русской лексикографии не таково, чтобы дефиниции из русских словарей можно было так некритически использовать» [3, с. 125]. Отвечая на критику, И. А. Стернин и В. И. Карасик парируют, что использование словарных дефиниций в качестве источника семантического материала является общепризнанным приемом «семантического анализа в самых разных направлениях лингвистики с незапамятных времен» [4, с. 26]. Как представляется, само по себе долгое использование словарей в лингвистике не говорит о качестве современных лексикографических источников. Иными словами, замечание И. Б. Левонтиной видится резонным.

Схожее суждение озвучено и в другой рецензии на «Антологию концептов». В. Б. Гольденберг в отзыве на словарь нового типа подчеркивает, что контекстуальный анализ «оказывается эффективным методом обнаружения той части в содержании концепта, которая не получила отражения в системном значении слова» [4, с. 9]. Иными словами, системные описания лексем, представленные в словарях, нуждаются в дополнении данными, полученными путем анализа контекстов и проведения лингвистических экспериментов.

И. Б. Левонтина предлагает определенный путь к разрешению вышеотмеченной проблемы, а именно начать с семантического анализа реальных языковых единиц, выявить их взаимосвязи и т. п., далее на основе полученных данных реконструировать фрагменты языковой картины мира. При этом автор подчеркивает, что достоверность будет обеспечена «опорой на реальные языковые факты» [3, с. 125]. В качестве примера исследования, исходящего из подобных предпосылок, И. Б. Левонтина приводит толкования слов в Новом объяснительном словаре синонимов русского языка (под общим руководством Ю. Д. Апресяна) [5]. Отвечая И. Б. Левонтиной, И. А. Стернин и В. И. Карасик

замечают, что «значение – это никак не концепт, это одно из представлений содержания концепта в языке». Авторы разделяют *языковую картину мира*, представленную в словарях, и *когнитивную*, составляющую концептосферу народа и описанную в «Антологии концептов» [4, с. 33].

На наш взгляд, разумным являются доводы обеих сторон. По-видимому, не стоит сужать концепт до значения слова или группы слов. Тем не менее идея начать изучение того или иного концепта с погружения в семантику слов (или единиц других уровней, например синтаксического), его репрезентирующих, кажется вполне обоснованной. Более того, значение отобранных языковых единиц следует описывать с применением эмпирических методов.

Отметим, что дискуссия, начатая около 20 лет назад, продолжается по сей день. Вопросы методологии исследования концептуализации и сходные темы широко обсуждаются на многочисленных конференциях, заседаниях разнообразных методических объединений, научных школ и диссертационных советов. Подобные обсуждения находят свое отражение в многочисленных публикациях. Одни авторы, изучающие концепты, опираются на описания, предложенные в лексикографических источниках, например, работы, выполненные под руководством Л. Г. Поповой [6]. Другие же лингвисты говорят о значимости использования данных корпусной лингвистики, экспериментальных методов и др. Так, Д. О. Добровольский в своих видеолекциях [7] отмечает потенциал применения параллельного корпуса текстов для описания значения лексических единиц. Авторы коллективной монографии рассматривают методы направленного применения корпусов текстов в качестве инструмента семантического исследования, детально описывают семантический и ассоциативный эксперименты, применяемые при описании значения слов [8].

В целях получения актуального среза отечественной концептологии были изучены современные труды, посвященные исследованию концептов, в том числе диссертационные работы, научные статьи и монографии, представленные в базе данных РИНЦ. Перейдем к описанию результатов анализа.

Результаты наукометрического анализа

Одной из задач проведенного анализа диссертационных трудов за последние десять лет стало выявление доли работ, авторы которых поддерживают высказанные И. Б. Левонтиной замечания и анализируют фрагменты языковой картины мира, во-первых, привлекая данные корпусной лингвистики, содержащие более репрезентативную и актуальную информацию, нежели словари, во-вто-

рых, опираясь на различные экспериментальные методики для получения более валидных результатов описания концептов.

Как показало проведенное исследование, лишь 10 % диссертационных исследований и незначительная доля научных трудов других жанров выполнены путем детального анализа лексикографических источников без привлечения иных документов или ресурсов. Ряд лингвистов проводят сравнительный анализ концептов в двух или более языках путем сопоставления репрезентирующих их лексем с опорой на данные этимологических, толковых, синонимических и других словарей.

Рассмотрим положительные и отрицательные стороны подобного подхода на примере некоторых описаний концептов в отечественной лингвистике за период с 2005 г., т. е. со времени выхода в свет «Антологии концептов» по настоящее время. Так А. В. Имас, изучая особенности концепта ЛЕСТЬ в русской и немецкой лингвокультурах, отмечает, что предположения о сходстве или различии лингвокультурных концептов могут быть «подтверждены или опровергнуты при изучении их „предмечивания“ в языках» [9, с. 63]. Своей задачей автор видит «вхождение» в концепт в двух изучаемых языках, а именно рассмотрение и последующее сопоставление лексем русского и немецкого языков с опорой на данные этимологических, толковых, синонимических и других словарей. В работе Н. В. Кононовой отбор лексем, репрезентирующих концепт RESERVE/RESTRAINT, для анализа проводился из толковых словарей и словарей синонимов, тезаурусов, энциклопедий. Автор придерживается точки зрения, что «именно в словарном определении сокрыто логико-предметное содержание слова, отраженный сознанием образ, взаимосвязи предметов в реальном мире» [10, с. 34].

Как представляется, данная позиция является спорной, поскольку в таком случае умалется важность результатов, полученных исследователями и на данный момент не нашедших отражения в словарях. Кроме того, опора на словари как на единственный источник лингвистической информации может привести к ряду неточностей, так как словари не обладают в полной мере достаточной описательной силой.

Остановимся на примерах неточностей, встречающихся в толковых словарях, которые выявлены современными исследователями концептов. Ряд работ в области концептологии доказывают, что словарные определения требуют дополнения и уточнения. После изучения концепта ПОРЯДОЧНОСТЬ в русском и английском языках на материале лексикографических источников и параллельного подкорпуса Национального корпуса текстов русского языка О. П. Гришановой удалось устано-

вить, что «лексические варианты трансляции русского концепта ПОРЯДОЧНОСТЬ в английский язык довольно разнообразны и словарные статьи дают лишь частичное представление о них (в корпусе параллельных текстов суммарная частота использования лексем *decency* и *honesty* и производных от них отражает лишь 36 % случаев)» [11, с. 239]. Таким образом, исследование данного концепта и особенности его перевода на другой язык только на материале словарей представляется недостаточным.

Иными словами, фундаментальный подход к изучению концептов, в основе которого лежит детальный анализ лексикографических источников, является, безусловно, важным и в значительной степени показательным для понимания разницы между изучаемыми лингвокультурами. Как отмечает А. В. Имас, подобное сопоставление концептов является одним «из способов более глубокого погружения как в родную культуру и язык, так и в национальные языковые картины мира других народов, а значит, это способствует в широком смысле более глубокому пониманию взаимодействия культуры, языка и сознания» [9, с. 64]. Тем не менее отметим, что полноценное лингвистическое исследование требует опоры на экспериментально полученные данные. Сами авторы работ, проведенных с опорой только на лексикографические источники, часто отмечают, что последующим развитием своего исследования они видят применение различных эмпирических методик. Так, в качестве дальнейшей перспективы А. В. Имас упоминает привлечение «более разнообразного языкового материала, включающего в себя паремиологический фонд, словесную реализацию концептов в речи носителей языка, литературе и т. п., привлечения исторических и культурологических сведений» [9, с. 70]. О. П. Гришанова ставит перспективой своего исследования способов перевода русского концепта ПОРЯДОЧНОСТЬ на английский язык семантический анализ переводческих эквивалентов [11, с. 239].

В этой связи хотелось бы подчеркнуть важность проведения серии экспериментов, которые, очевидно, подкрепят доказательствами и обогатят подобного рода описания лингвокультурных концептов. Отметим, что экспериментальные методики для изучения концептов используют все больше и больше ученых. Ср., например, исследование концепта ВЛАСТЬ в российском и зарубежном медиадискурсе. Авторами был проведен свободный ассоциативный графический эксперимент. Данные такого эксперимента показали более глубокое осмысление изучаемого концепта. Так, по мнению авторов, статичность всех полученных рисунков свидетельствует о том, что носители языка видят «власть» как нечто стабильное и устойчивое [12].

Анализ отечественных диссертационных исследований за последние десять лет показал, что почти четверть соискателей основываются в своей работе на методиках с привлечением информантов и почти треть от общего числа работ выполнена с привлечением статистического метода или элементов количественного анализа.

Безусловно, у методик привлечения информантов в качестве участника исследования есть как сторонники, так и противники. Последние в качестве аргумента обращают внимание на возможные неточности или даже ошибки в суждениях испытуемых носителей языка. При этом подобные погрешности могут быть вызваны как внешними факторами, например обстановкой проведения эксперимента, так и внутренними, т. е. неумением осознанно относиться к языковой деятельности. Таким обра-

зом, лингвистический эксперимент нужно планировать таким образом, чтобы информанты (особенно если мы имеем дело с информантами-нефилологами) оценивали высказывания по заранее известной и максимально понятной шкале, что, в частности, подчеркивается представителями Московской семантической школы (МСШ) [13]. Если же информанты предлагают комментарии по употреблению тех или иных языковых явлений, их, безусловно, нужно зафиксировать и использовать для построения дальнейших гипотез с последующей верификацией, т. е. как один из этапов методики применения гипотетико-дедуктивного метода (о применении ГДМ см. также ниже). Однако исходное положение, что информанты самостоятельно объясняют какой-либо лингвистический феномен, является, по-видимому, в корне ошибочным.

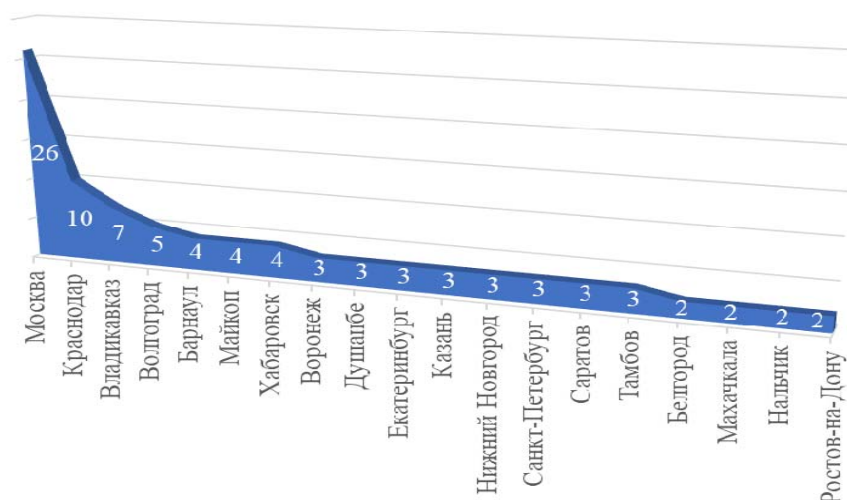

Рис. 1. Города, где были написаны диссертационные работы с опорой на труды Ю. Д. Апресяна (места 1–19 составленного перечня)

Результаты наукометрического анализа актуальных отечественных диссертаций

В ходе анализа диссертационных работ выяснилось, что 2/5 авторов, следуя путем, предложенным И. Б. Левонтиной, в качестве методологической базы исследований выбрали труды МСШ, в том числе Ю. Д. Апресяна и его коллег. Остановимся на различных аспектах проведенного анализа.

Рассмотрим диссертационные исследования, методологию которых составили работы именно Ю. Д. Апресяна. Показательной видится география диссертационных работ, авторы которых полагаются на труды Ю. Д. Апресяна и отмечают его труды в качестве методологической базы своего исследования. Большинство подобных исследований было проведено в Москве, Краснодаре и Владикавказе (рис. 1), а защищено в Москве, Краснодаре и Волгограде (рис. 2). Полученная статистика доказывает, во-первых, что труды Ю. Д. Апресяна ши-

роко известны и уважаемы на территории страны и за рубежом, во-вторых, что последователи идей МСШ, сосредоточенные по очевидным причинам в столице, распространены и в других регионах, где лингвисты активно занимаются изучением концептов, в том числе в Краснодаре и Волгограде, являющимися центрами одноименных концептуальных школ.

Если подробнее изучить местоположение ведущих организаций (рис. 3) и места работы официальных оппонентов (рис. 4), принявших участие в защитах диссертационных исследований, опиравшихся на труды Ю. Д. Апресяна, то можно заключить, во-первых, что география представителей двух списков в целом совпадает, лидерские позиции при этом занимают российские столицы (1-е и 4-е места), Краснодар и Волгоград. Отметим, что в целом эти же регионы стали местом написания и защиты описанных диссертационных проектов.

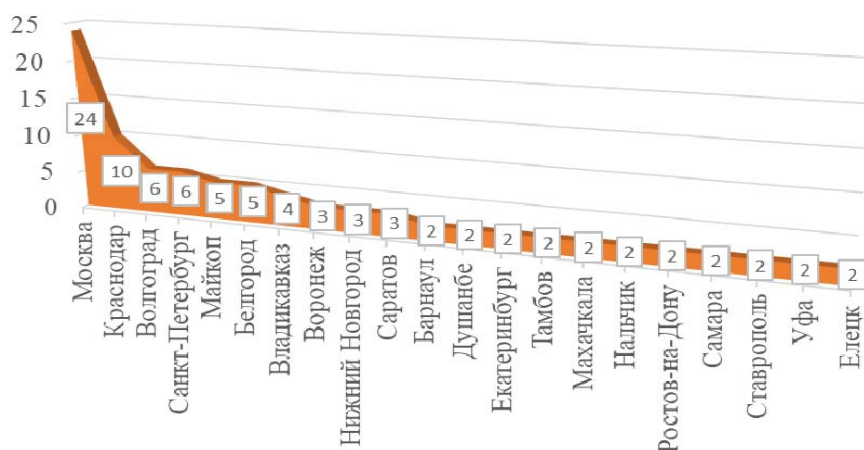

Рис. 2. Города защит диссертаций с опорой на труды Ю. Д. Апресяна

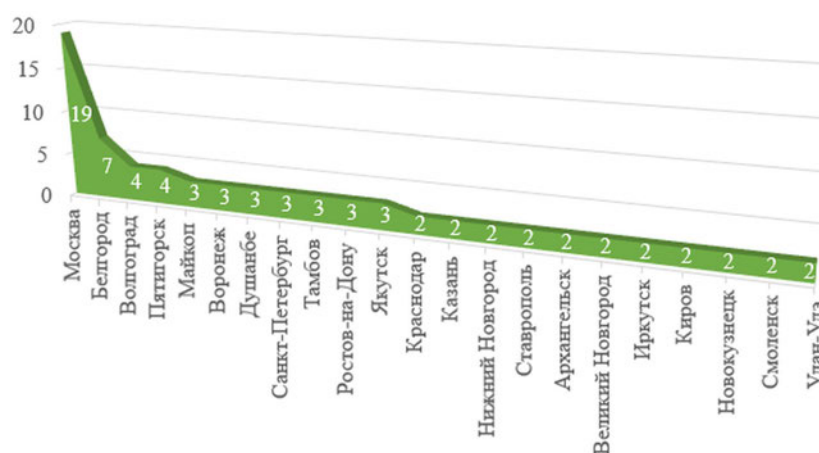

Рис. 3. Местоположение ведущих организаций на защитах диссертационных работ с опорой на труды Ю. Д. Апресяна (места 1–22)

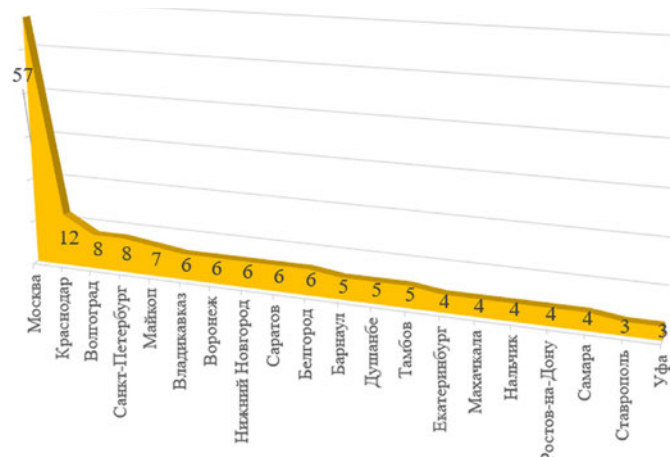

Рис. 4. Места работы официальных оппонентов на защитах диссертационных работ с опорой на труды Ю. Д. Апресяна (пункты 1–20)

Примечательно, что Санкт-Петербург чаще предоставляет площадки для защиты диссертаций, опирающихся на работы Ю. Д. Апресяна, а также является местом работы оппонентов и ведущих организаций, в то время как написание подобных трудов начинающими исследователями в северной

столице не частотно. Второй вывод из рис. 3 и 4 состоит в том, что распространение идей МСШ в разных регионах России, в том числе в центрах отечественной концептологии, наблюдается не только на уровне молодых ученых, представляющих на защиту свои диссертации, но и среди заре-

комендовавших себя лингвистов с опытом рецензирования, оппонирования и составления критических отзывов.

Перейдем к анализу диссертационных работ по концептологии, выполненных за последние десять лет, авторы которых основывались на идеях других представителей МСШ. Схожие с Ю. Д. Апресяном взгляды на методологию описания семантики можно также найти в трудах Е. В. Рахилиной [14], О. Н. Селиверстовой [15] и ее учеников О. А. Сулеймановой [16, 17], Т. Д. Шабановой [18], а также их последователей [19]. Идеи данных авторов активно используются лингвистами при исследовании концептуализации. Так, на работах Ю. Д. Апресяна основано 27 % диссертаций, труды И. Б. Левонтиной стали базой для 1 % лингвистов, идеи Е. В. Рахилиной близки 7 % диссертантов. Как представляется, внушительное количество цитат данных трудов говорит о все большем утверждении позиции необходимости опоры на эмпирические данные в

ходе исследований концептов и семантики языковых единиц.

В качестве примера исследований различных концептов, в ходе которых применялась эмпирическая методика на основе гипотетико-дедуктивного метода с опорой на эксперимент, разработанная О. Н. Селиверстовой, можно привести следующие работы. А. М. Иванова описала концептуализацию ментальных процессов, связанных с «выделением/подчеркиванием» на материале английского языка [20], О. А. Сулейманова и В. В. Демченко описали проблему концептуализации ментального состояния субъекта [21].

Рассмотрим также географию распространения идей Московской семантической школы в целом (рис. 5). Из представленной диаграммы видно, что труды московских исследователей семантики известны в различных городах России и зарубежья, наибольшее признание они имеют в самой Москве, также Душанбе, Тамбове, Калининграде и Краснодаре.

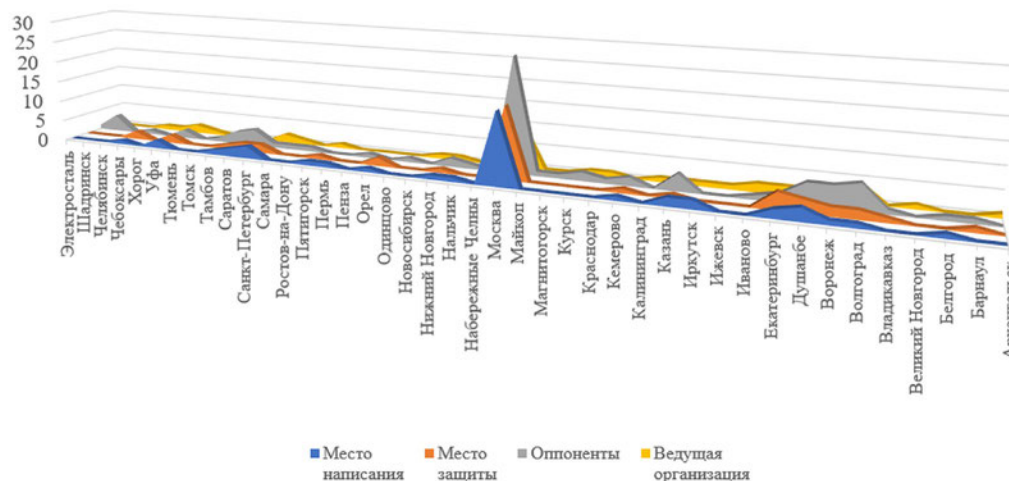

Рис. 5. География диссертационных работ с опорой на труды МСШ

Как представляется, полученные показатели доказывают, что опора на современные валидные методики исследований концептов представляется необходимой для большого числа современных лингвистов. По всей видимости, в дальнейшем число экспериментальных исследований будет расти.

Заключение

Подводя некий промежуточный итог дискуссии относительно методов изучения концептуализации на современном этапе развития лингвистики, можно сделать три следующих вывода. Во-первых, идеи, высказанные авторами-составителями «Антологии концептов», поддерживаются молодыми учеными и служат опорой для проведения многочисленных исследований, в том числе диссертационных. Значительная доля работ основана на данных, полученных из различных лексикографических источников. Во-вторых, широкое распростра-

нение имеют постулаты, высказанные в рамках МСШ. Иными словами, большое количество исследователей активно применяют данные корпусной лингвистики и методику привлечения информантов. В-третьих, одновременно с этим растет количество работ, авторы которых опираются на современные экспериментальные методики изучения концептов и привлекают различные формы статистической обработки данных.

Несомненно, дискуссию о методологии исследования концептов нельзя считать оконченной. Как представляется, вопрос о подходах и способах описания еще долгое время будет актуальным.

Безусловно, интересной в этой связи видится перспектива проведения аналогичного наукометрического анализа через десять лет с последующей сравнительной оценкой двух исторических срезов и описанием тенденций развития лингвистики.

Список источников

1. Антология концептов, 2005. Т. 1 / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма. 352 с.
2. Официальный сайт Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/main> (дата обращения: 30.04.2022).
3. Левонтина И. Б. Антология концептологии. Рецензия на книгу «Антология концептов» / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. М.: Гнозис, 2007 // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 122–126.
4. Антология концептов. Т. 6 / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2008. 332 с.
5. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина и др. М.: Языки русской культуры, 1997. 512 с.
6. Попова Л. Г., Парфененко Е. Н. Лексико-семантическая репрезентация ядра и центра концепта «помилование» в русской и английской терминосистемах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 10. С. 320–323. doi: 10.30853/filnauki.2019.10.68
7. Добровольский Д. О. Параллельные корпуса текстов // ПостНаука. URL: <https://postnauka.ru/video/54851> (дата обращения: 09.12.2022).
8. Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе. 2-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА, 2023. 304 с.
9. Имас А. В. Концепт ЛЕСТЬ и концепт SCHMEICHELEI. Сопоставительный анализ на материале лексикографических источников // Слово в динамике: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. Вып. 4. С. 63–71.
10. Кононова И. В. Лингвокультурные характеристики британского регулятивного концепта RESERVE/RESTRAINT // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Филологические науки. 2020. Т. 1, № 1. С. 32–41.
11. Гришанова О. П. Концепт ПОРЯДОЧНОСТЬ: русско-английские переводные эквиваленты // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9, № 4 (33). С. 237–240.
12. Вашунина И. В., Гуслякова А. В. Лингвокультурный концепт ВЛАСТЬ в российском и зарубежном медиадискурсе // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2019. № 1 (43): Филологические науки, вып. 115. С. 43–49.
13. Сулейманова О. А. Пути верификации лингвистических гипотез: pro et contra // Вестник Московского городского пед. ун-та. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2013. № 2(12). С. 60–68.
14. Рахилина Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2000. Т. 59. № 1. С. 3–15.
15. Селиверстова О. Н., Сулейманова О. А. Эксперимент в семантике // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1988. Т. 47. № 5. С. 431–443.
16. Сулейманова О. А., Фомина М. А. Триангуляционный подход в экспериментальной лингвистике // Русистика и компаративистика: научные труды по филологии. М.: Книгодел, 2018. С. 220–235.
17. Сулейманова О. А., Фомина М. А., Тивьяева И. В. Принципы и методы лингвистических исследований. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Языки народов мира, 2020. 352 с. ISBN 978-5-89191-091-1
18. Шабанова Т. Д. Метод семантического толкования versus метод компонентного анализа // Вестник Пятигорского гос. лингвист. ун-та. 2013. № 1. С. 120–123.
19. Лягушкина Н. В. Семантика пространственных предлогов и наречий позади и сзади / под ред. Д. Пайара, О. Н. Селиверстовой // Исследования по семантике предлогов. М.: Русские словари, 2000. С. 297–312.
20. Иванова А. М. К проблеме изучения семантики синонимических единиц в рамках когнитивного подхода (на примере глаголов со значением «выделять/подчеркивать») // Контекстуальные аспекты языка: константность и вариативность: сб. ст. к юбилею О. А. Сулеймановой. М.: Флинта, 2017. С. 99–42.
21. Сулейманова О. А., Демченко В. В. Использование BIGDATA в экспериментальных лингвокогнитивных исследованиях: анализ семантической структуры глагола SHUDDER // Когнитивные исследования языка. 2018. № 33. С. 466–472.

References

1. *Antologiya kontseptov* [Anthology of Concepts]. 2005. T. 1. Eds. V. I. Karasik, I. A. Sternin. Volgograd, Paradigma Publ., 352 p. (in Russian).
2. *Ofitsial'nyy sayt Vysshey attestatsionnoy komissii pri Ministerstve nauki i vysshego obrazovaniya Rossiyskoy Federatsii* [Official site of Higher Attestation Commission Ministry of Education and Science of the Russian Federation] (in Russian). URL: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/main> (accessed 30 April 2022).
3. Levontina I. B. *Antologiya kontseptologii. Retenziya na knigu «Antologiya kontseptov»* [Anthology of conceptology. Review of the book “Anthology of concepts”]. Eds V. I. Karasik, I. A. Sternin. Moscow, Gnozis Publ., 2007. *Voprosy yazykoznavaniya*, 2008, no. 4, pp. 122–126 (in Russian).
4. *Antologiya kontseptov*. Tom 6 [Anthology of Concepts. Vol. 6]. Ed. by V. I. Karasik, I. A. Sternin. Volgograd, Paradigma Publ., 2008. 332 p. (in Russian).
5. *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [New explanatory dictionary of synonyms in Russian]. Yu. D. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина, et al. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997. 512 p. (in Russian).

6. Popova L. G., Parfenenko E. N. Leksiko-semanticheskaya reprezentatsiya yadra i tsentra kontsepta "pomilovaniye" v russkoy i angliyskoy terminosistemakh [Lexico-semantic Representation of Nucleus and Core of the Concept Pardon in the Russian and English Legal Term Systems]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*, 2019, vol. 12, no. 10, pp. 320–323. doi: 10.30853/filnauki.2019.10.68 (in Russian).
7. Dobrovol'skiy D. O. Parallel'nye korpusy tekстов [Parallel Text Corpora]. *PostNauka*. Electronic source (in Russian). URL: <https://postnauka.ru/video/54851> (accessed 09 December 2022).
8. *Metodologiya sovremennykh semanticheskikh issledovaniy v razvitiy i perspective* [Methodology of Contemporary Semantic Investigations in Progress and Prospective]. Moscow, FLINTA Publ., 2023. 304 p. (in Russian).
9. Imas A. V. Kontsept LEST' i kontsept SCHMEICHELEI. Sopostavitel'nyy analiz na materiale leksikograficheskikh istochnikov [Concept of LEST' and concept of SCHMEICHELEI. Comparative analysis on the material of lexicographical sources]. *Slovo v dinamike: sbornik nauchnykh trudov* [Word in dynamics: collection of scientific papers]. Tver, Tver State university, 2005. Vol. 4. Pp. 63–71 (in Russian).
10. Kononova I. V. Lingvokul'turnye kharakteristiki britanskogo regulativnogo kontsepta RESERVE/RESTRAINT [Linguocultural characteristics of the British regulative concept RESERVE/RESTRAINT]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii. Filologicheskiye nauki – The Bulletin of Russian Christian Humanitarian Academy. Philology*, 2020, vol. 1, no. 1, pp. 32–41 (in Russian).
11. Grishanova O. P. Kontsept PORJADOCHNOST': russko-angliyskiye perevodnye ekvivalenty [The concept PORJADOCHNOST': Russian-English translation equivalents]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal – The Baltic humanitarian journal*, 2020, vol. 9, no. 4(33), pp. 237–240 (in Russian).
12. Vashunina I. V., Guslyakova A. V. Lingvokul'turnyy kontsept VLAST' v rossiyskom i zarubezhnom mediadiskurse [Linguocultural concept POWER in the Russian and foreign media discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – The Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2019, no. 1(43) Filologicheskiye nauki, issue 115, pp. 43–49 (in Russian).
13. Suleymanova O. A. Puti verifikatsii lingvisticheskikh gipotez: pro et contra [Testing linguistic hypotheses: pro et contra]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta – MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 2013, no. 2(12), pp. 60–68 (in Russian).
14. Rakhilina E. V. O tendentsiyakh v razvitiy kognitivnoy semantiki [On tendencies in the cognitive semantics development]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka – The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, 2000, vol. 59, no. 1, pp. 3–15 (in Russian).
15. Seliverstova O. N., Suleymanova O. A. Eksperiment v semantike [Experiment in semantics]. *Izvestiya akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 1988, vol. 47, no. 5, pp. 431–443 (in Russian).
16. Suleymanova O. A., Fomina M. A. Triangulyatsionnyy podkhod v eksperimental'noy lingvistike [Triangulation approach in experimental linguistics]. *Rusistika i komparativistika: nauchnye trudy po filologii* [Russian and comparative studies: philological researches]. Moscow, Knigodel Publ., 2018. Pp. 220–235 (in Russian).
17. Suleymanova O. A., Fomina M. A., Tiv'yayeva I. V. Printsipy i metody lingvisticheskikh issledovaniy [Principles and methods of linguistic studies]. Moscow, Yazyki narodov mira Publ., 2020. 352 p. (in Russian). ISBN 978-5-89191-091-1
18. Shabanova T. D. Metod semanticheskogo tolkovaniya versus metod komponentnogo analiza [Method of semantic definition versus component analysis]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – The Bulletin of Pyatigorsk state linguistic university*, 2013, no. 1, pp. 120–123 (in Russian).
19. Lyagushkina N. V. Semantika prostranstvennykh predlogov i narechiy pozadi i szadi [Semantics of spatial prepositions and adverbs pozadi and szadi]. Eds D. Payyar, O. N. Seliverstova. *Issledovaniya po semantike predlogov* [Studies on semantics of prepositions]. Moscow, Russkiye slovari Publ., 2000. Pp. 297–312 (in Russian).
20. Ivanova A. M. K probleme izucheniya semantiki sinonimicheskikh edinits v ramkakh kognitivnogo podkhoda (na primere glagolov so znacheniyem «vydelyat'/podcherkivat'») [On the issue of semantic research of synonyms in the framework of cognitive approach (on example of verbs with the meaning highlight)]. *Kontensivnye aspekty yazyka: konstantnost' i variativnost'. Sbornik statey k yubileyu O. A. Suleymanovoy* [Kontensive language aspects: constants and variations]. Moscow, Flinta Publ., 2017. Pp. 99–42 (in Russian).
21. Suleymanova O. A., Demchenko V. V. Ispol'zovaniye BIGDATA v eksperimental'nykh lingvokognitivnykh issledovaniyakh: analiz semanticheskoy struktury glagola SHUDDER [Using big data in experimental linguo-cognitive studies: analysis of the semantic structure of the verb shudder]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka – Cognitive studies of language*, 2018, no. 33, pp. 466–472 (in Russian).

Информация об авторе

Матюшина Н. В., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры англистики и межкультурной коммуникации, Институт иностранных языков, Московский городской педагогический университет (Малый Казенный пер., 5б, Москва, Россия, 105064).

Information about the author

Matyushina N. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, associate professor of Department of English Studies and Cross-Cultural Communication, Moscow City University (per. Maly Kazenny, 5b, Moscow, Russian Federation, 105064).

Статья поступила в редакцию 31.10.2022; принята к публикации 17.03.2023

The article was submitted 31.10.2022; accepted for publication 17.03.2023

УДК 811.161.1:81.23

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-24-31>

Ассоциативно-вербальное поле ГУМАННЫЙ ЧЕЛОВЕК как средство существования концепта в языковом сознании сибирских студентов

Екатерина Андреевна Бирюлина

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, ekaterinabir2015@gmail.com

Аннотация

Проанализировано ассоциативно-вербальное поле ГУМАННЫЙ ЧЕЛОВЕК в языковом сознании сибирских студентов. Изучение ассоциативно-вербальных полей подобных миромоделирующих и аксиологических концептов относится к актуальным задачам современных лингвистических исследований, поскольку их анализ позволяет выявить важнейшие мировоззренческие и морально-нравственные установки носителей русской лингвокультуры. Полученные реакции рассматриваются с формальной, морфологической и семантической точек зрения. Исследование проводится на материале свободного ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие студенты 1–4-х курсов четырех институтов Сибирского федерального университета. В опросе приняли участие 222 человека от 18 до 22 лет: 142 студента женского пола и 80 – мужского. Время ответа было ограничено одной минутой. В результате проведенных ассоциативных экспериментов было получено 433 реакции. С точки зрения формально-морфологической характеристики структура ассоциативно-вербального поля состоит из однословных реакций (72,3 %), а также словосочетаний и предложений (26,5 %). К наиболее частотным видам однословных реакций относятся прилагательные (41,6 %), а к наиболее частотным видам многословных реакций – адъективные словосочетания (11,1 %). В процессе моделирования ассоциативно-вербального поля ГУМАННЫЙ ЧЕЛОВЕК было показано, что в его структуру входят ядерная, околоядерная и периферийная зоны (последняя делится на ближнюю и дальнюю периферию). Ядерная зона представлена следующими реакциями: добрый (77), отзывчивый (25), человечный (23), уважительный (22), доброта (20). Применение методики семантического гештальта позволило выявить в структуре ассоциативно-вербального поля ГУМАННЫЙ ЧЕЛОВЕК четыре семантические зоны: 1) духовный мир; 2) свойства и склад личности; 3) социальные связи и связанные с ними действия; 4) наименование. Проведенное исследование позволило выявить структуру и содержание ассоциативно-вербального поля ГУМАННЫЙ ЧЕЛОВЕК в языковом сознании сибирских студентов. К дифференцирующим признакам гуманного человека, помимо определенных морально-нравственных качеств (доброта, отзывчивость, человечность, милосердие, сострадание, толерантность, справедливость), также относятся его социально одобряемая деятельность и поступки (помощь, забота, поддержка, благотворительность).

Ключевые слова: ассоциативно-вербальное поле, ассоциативный эксперимент, гуманный человек, психолингвокультурология, языковое сознание

Для цитирования: Бирюлина Е. А. Ассоциативно-вербальное поле ГУМАННЫЙ ЧЕЛОВЕК как средство существования концепта в языковом сознании сибирских студентов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 3 (227). С. 24–31. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-24-31>

Associative and verbal field HUMANE PERSON as a means of existence of the concept in the linguistic consciousness of Siberian students

Ekaterina A. Biryulina

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, ekaterinabir2015@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the study and modeling of the associative and verbal field HUMANE PERSON in the linguistic consciousness of Siberian students. The study of associative and verbal fields of such world-modeling and axiological concepts is one of the urgent tasks of modern linguistic research, since their analysis allows to identify the most important worldview and moral attitudes of the carriers of Russian linguistic culture. The aim of research is modeling and analysis of the associative and verbal field HUMANE PERSON in the linguistic consciousness of Siberian students. In the course of the study, received reactions are considered from the formal, morphological and semantic points of view. The study is based on the material of a free associative experiment, in which students of 1-4 courses of four institutes of the Siberian Federal University took part. The survey involved 222 people aged 18 to

22: 142 female students and 80 male students. The response time was limited to 1 minute. As a result of the associative experiments, 433 reactions were obtained. From the point of view of formal-morphological characteristics, the structure of the associative and verbal field consists of single-word reactions (72.3%), as well as phrases and sentences (26.5%). The most frequent types of one-word reactions are adjectives (41.6%), the most frequent types of multi-word reactions are adjectival phrases (11.1%). In the process of modeling the associative and verbal field HUMANE PERSON, it was shown that its structure includes nuclear, perinuclear and peripheral zones (the latter is divided into near and far periphery). The nuclear zone is represented by the following reactions: kind (77), sympathetic (25), humane (23), respectful (22), kindness (20). The application of the semantic gestalt technique made it possible to identify four semantic zones in the structure of the associative and verbal field HUMANE PERSON: 1) the spiritual world; 2) properties and structure of the personality; 3) social ties and related activities; 4) name. The study made it possible to reveal the structure and content of the associative and verbal field HUMANE PERSON in the linguistic consciousness of Siberian students. The differentiating features of a humane person, in addition to certain moral qualities (kindness, responsiveness, humanity, mercy, compassion, tolerance, justice), also include his socially approved activities and actions (help, care, support, charity).

Keywords: associative and verbal field, association experiment, humane person, psycho-linguo-cultural studies, linguistic consciousness

For citation: Biryulina E. A. Associative and verbal field HUMANE PERSON as a means of existence of the concept in the linguistic consciousness of Siberian students [Assotsiativno-verbal'noye pole GUMANNYY CHELOVEK kak sredstvo sushchestvovaniya kontsepta v yazykovom soznanii sibirskikh studentov]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 3 (227), pp. 24–31 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-24-31>

Введение

Моделирование и исследование ассоциативно-вербальных полей, которые, по справедливому замечанию Ю. Н. Караулова, являются проекцией языкового сознания [1], относятся к актуальным задачам современных лингвистических исследований. Варианты решения этой задачи представлены во многих работах по психолингвистике и психолингвокультурологии, в том числе в докторских и кандидатских диссертациях [2–6].

В перечне таких работ особое место занимают исследования, посвященные ассоциативно-вербальным полям, которые включают ассоциаты на слова и словосочетания, называющие человека. Ассоциативно-вербальное поле ЧЕЛОВЕК рассматривается на базе языковых данных разных этнокультур [7, 8], а также в сопоставительном межкультурном аспекте [9, 10]. В некоторых психолингвокультурологических исследованиях ассоциативно-вербальное поле ЧЕЛОВЕК рассматривается в аксиологическом ключе [11], а также другие ассоциативно-вербальные поля, относящиеся к человеку [12]. В ряде работ моделируются ассоциативно-вербальные поля МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА [13, 14].

В последние годы в связи с активным становлением психолингвокультурологии на первый план выходит задача исследования миромоделирующих и аксиологических концептов, к которым без сомнения относится концепт ГУМАННЫЙ ЧЕЛОВЕК. В рамках настоящей статьи ставится цель моделирования и анализа ассоциативно-вербального поля ГУМАННЫЙ ЧЕЛОВЕК в русском языковом сознании. Данный аксиологический концепт, как

уже было доказано, занимает важное место в концептосфере книжно-письменной национальной лингвокультуры [15]. Анализ ассоциативно-вербального поля ГУМАННЫЙ ЧЕЛОВЕК позволяет раскрыть закодированные в исследуемом концепте важнейшие мировоззренческие и морально-нравственные установки носителей русской лингвокультуры.

Актуальность настоящей работы обусловлена ее включенностью в систему лингвистических исследований, обращенных к изучению вербальной репрезентации когнитивных структур человеческого сознания, а также исследования ценностных доминант национальной культуры. Концепт ГУМАННЫЙ ЧЕЛОВЕК прежде не становился объектом лингвистического исследования, что также подчеркивает актуальность избранной темы. В известных на сегодняшний день отечественных ассоциативных словарях имена таких важнейших концептов, как ГУМАНОСТЬ и ГУМАННЫЙ, не фиксируются [1, 16, 17]. Нет в ассоциативных словарях также словарных статей ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ, ЧЕЛОВЕЧНЫЙ, ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЕ, ЧЕЛОВЕКОЛЮБИВЫЙ. Однако это не свидетельствует о том, что данные концепты находятся на периферии национальной картины мира. Психолингвокультурологический анализ позволяет это доказать.

Объектом данного исследования выступает ассоциативно-вербальное поле ГУМАННЫЙ ЧЕЛОВЕК в языковом сознании сибирских студентов, которые отнесли себя к носителям и трансляторам русской лингвокультуры. В рамках настоящей работы под ассоциативно-вербальным полем понимается совокупность вербальных ассоциатов на

словосочетание-стимул, организованным и визуализированным в виде полевой модели [3, 18, 19].

Материал и методы

В свободном ассоциативном эксперименте приняли участие студенты 1–4-х курсов следующих институтов Сибирского федерального университета: Института филологии и языковой коммуникации, Института космических и информационных технологий, Института управления бизнес-процессами и Юридического института. Эксперимент проводился в феврале 2022 г. на базе платформы онлайн-анкетирования Google, что позволило снизить временные затраты на обработку данных. В опросе приняли участие 222 человека от 18 до 22 лет: 142 студента женского пола и 80 – мужского. Все участники отнесли себя к носителям русского языка как родного. В соответствии с методикой проведения свободного ассоциативного эксперимента реципиентам было предложено записать любое возможное количество реакций (слов, словосочетаний, предложений) на словосочетание-стимул «гуманный человек». В случае если участник эксперимента не мог привести первую возникшую реакцию, ему предлагалось поставить в графе ответа «прочерк». Время ответа было ограничено одной минутой. В результате проведенных ассоциативных экспериментов было получено 433 реакции.

На этапе первичной обработки были исправлены орфографические, грамматические и пунктуационные ошибки, которые носили несистемный характер и предположительно были вызваны особенностями быстрого ввода текста с клавиатуры мобильного телефона.

На исследовательском этапе применялись методики моделирования ассоциативно-вербального поля и построения семантического гештальта.

Методика анализа ассоциативно-вербального поля ГУМАННЫЙ ЧЕЛОВЕК состоит из следующих этапов:

1. Лексикографическая характеристика стимульного словосочетания.
2. Арифметический подсчет полученных реакций.
3. Формальная морфологическая характеристика полученных реакций.
4. Анализ коннотативного значения полученных реакций.
5. Построение модели ассоциативно-вербального поля ГУМАННЫЙ ЧЕЛОВЕК.
6. Описание полученной модели при помощи методики построения семантического гештальта.

В результате проведенного ассоциативного эксперимента на заданное словосочетание-стимул «гуманный человек» было получено 433 реакции, из них повторяющихся реакций – 333, единичных

реакций на стимул – 125, число повторяющихся реакций от общего числа составило приблизительно 72 %.

Результаты и обсуждение

Модель ассоциативно-вербального поля ГУМАННЫЙ ЧЕЛОВЕК в русском языковом сознании

Именем исследуемого ассоциативно-вербального поля является словосочетание «гуманный человек». Анализ лексикографических данных XX–XXI вв. [20–23] позволил выделить у слова «гуманный» следующие понятийные признаки:

- 1) уважительный по отношению к человеческой личности;
- 2) относящийся к другим человеколюбиво;
- 3) образованный и культурный.

С формальной точки зрения структура ассоциативно-вербального поля ГУМАННЫЙ ЧЕЛОВЕК представлена преобладающим количеством однословных реакций, объем которых от общего числа равен 72,3 %. Совокупная доля словосочетаний и предложений составляет 26,5 %, процент отказов и семантически несвязанных реакций – 1,2 % (таблица).

Процентное распределение реакций по формальному и морфологическому признаку

Однословные реакции (72,3 %)		Многословные реакции (26,5 %)	
Прилагательные	41,6	Адъективные словосочетания	11,1
Существительные	27,7	Субстантивные словосочетания	3,7
Причастия	2,3	Глагольные словосочетания	1,7
Местоимения	0,2	Причастия и причастные обороты	7,6
Наречия	0,5	Сложноподчиненные предложения	2,8
Отказы и семантически несвязанные реакции (1,2 %)			

Анализ морфологической принадлежности однословных реакций показал, что среди них наибольшую группу составляют прилагательные (41,6 % от общего числа реакций). Чаще всего реципиенты реагировали на словосочетание-стимул прилагательными, выражающими психологическую оценку: *добрый* (индекс частотности – 77), *отзывчивый* (индекс частотности – 25), *уважительный* (индекс частотности – 22), а также синонимичным прилагательным *человечный* (индекс частотности – 23).

Доля существительных составила 27,7 % от общего числа реакций. Посредством существительных участники эксперимента указывали на морально-этические качества (*доброта* (индекс частотности – 20), *человечность* (индекс частотности – 6),

честность (индекс частности – 3), *любовь* (индекс частности – 3)) и поступки (*помощь* (индекс частности – 7), *понимание* (индекс частности – 4)), с которыми у них ассоциируется гуманный человек.

Многословные реакции преимущественно представлены словосочетаниями (16,1 % от общего числа реакций). Среди **адъективных** словосочетаний наиболее продуктивной моделью является сочетание прилагательного со словом «человек» (9,2 % от общего числа реакций) – чаще всего реципиенты обоих полов реагировали на стимул словосочетанием «*добрый человек*». К **глагольным** реакциям (1,7 % от общего числа реакций) относятся реакции со стержневым словом-глаголом (*протягивает руку помощи, любит животных, хорошо относится к животным, умеет ценить мир, в котором он живет, <...> заботится о нем [о мире] и его живых существах*) и со стержневым словом-причастием (*любящий человек, уважающий окружающих человек*). Стержневыми словами в **субстантивных** словосочетаниях (3,7 % от общего числа реакций) в большинстве случаев являются отглагольные существительные (*уважение к человеческой личности, доброе отношение ко всему живому, культурное возвышение личности*).

Как видно из приведенных выше примеров ассоциативно-вербальное поле ГУМАННЫЙ ЧЕЛОВЕК включает достаточно большое число положительных коннотатов. Как известно, коннотативное значение лексических единиц дискретно и в его содержании выделяются макрокомпоненты (внутриязыковые и внешнеязыковые) [24, 25]. В структуре внешнеязыкового макрокомпонента выделяются психологический, функционально-стилистический и идиомный (социальный) компоненты.

В ходе эксперимента участники преимущественно реагировали на стимул нейтральной и книжной лексикой. Абсолютное большинство ассоциатов являются оценочными лексическими единицами с положительной коннотацией (98,9 % от общего числа реакций). Единичные негативно окрашенные реакции оценочного характера входят в зону дальней периферии и представлены следующими словами и словосочетаниями: *слабый человек, нерациональный человек, терпила*. Социальный компонент среди полученных реакций представлен слабо. Исключением является единичный случай употребления молодежного сленга (*терпила*).

В структуру ассоциативно-вербального поля ГУМАННЫЙ ЧЕЛОВЕК входят ядерная, околоядерная и периферийная зоны (последняя делится на ближнюю и дальнюю периферию), которые выделены на основании индекса частотности полученных реакций. К ядру ассоциативно-вербального поля отнесены реакции, встречающиеся в ответах реципиентов от 20 и более раз; в околоядерную

зону вошли реакции, встречающиеся от 5 до 19 раз включительно; к ближней периферии отнесены реакции с частотностью от 4 до 2 раз; к дальней периферии отнесены единичные реакции.

В **ядро ассоциативно-вербального поля** ГУМАННЫЙ ЧЕЛОВЕК входят следующие реакции: *добрый* (77), *отзывчивый* (25), *человечный* (23), *уважительный* (22), *доброта* (20).

Околоядерную зону ассоциативно-вербального поля составляют такие реакции, как: *помогающий* (16), *понимающий* (16), *милосердный* (12), *любящий* (12), *сострадательный* (11), *толерантный* (10), *человеколюбивый* (9), *справедливый* (9), *внимательный* (9), *заботливый* (7), *хороший* (7), *помощь* (7), *честный* (6), *человечность* (6), *терпимый* (5), *человек, действующий в соответствии с общепринятыми моральными принципами/нормами/правилами/соблюдающий нормы морали* (5), *искренний* (5).

Ближнюю периферию ассоциативно-вербального поля ГУМАННЫЙ ЧЕЛОВЕК составляют следующие реакции: *великодушный* (4), *бескорыстный* (4), *душевный* (4), *снисходительный* (4), *эмпатичный* (4), *умный* (4), *разумный* (4), *понимание* (4), *честность* (3), *любовь* (3), *человеколюбие* (3), *мягкий* (3), *добродушный* (3), *отзывчивость* (3), *сердечный* (2), *доброжелательный* (2), *добросердечный* (2), *человек, который поддержит в любой ситуации* (2), *нежестокый* (2), *рассудительный* (2), *воспитанный* (2), *мудрый* (2), *образованный* (2), *порядочный* (2), *наделенный умением ценить мир, в котором он живет* (2), *человек, который ценит других и желает им лишь хорошего* (2), *я* (2).

К **дальней периферии** были отнесены такие положительные единичные реакции, как: *милостивый* (1), *чистосердечный* (1), *миролюбивый* (1), *сочувствующий* (1), *тактичный* (1), *ищущий компромисс в конфликтах* (1), *дружелюбие* (1), *встает на защиту других* (1), *без злого умысла* (1), *не идущий по головам других ради своих личных целей* (1), *умеющий читать ситуацию* (1), *чувственный* (1), *правильный* (1), *социальность* (1), *открытость* (1), *осознанный человек* (1), *высший человек* (1), *общительный* (1), *нравственно богатый* (1), *лояльный* (1), *это человек, которому не безразличны чувства и эмоции других людей* (1), *считающийся с мнением других* (1), *уважаемый человек* (1), *ответственность и контроль за свои мысли и деяния* (1), *учтивый* (1), *спокойствие* (1), *хорошо соображающий* (1), *эрудированный человек* (1), *культурность* (1).

Участниками эксперимента были даны единичные негативные реакции на заданное словосочетание-стимул, которые относятся к дальней периферии: *терпила* (1), *слабый человек* (1), *нерациональный* (1), *стандартный человек* (1), *честолюбивый* (1).

Применение методики семантического гештальта [26] позволило выявить в структуре ассоциативно-вербального поля ГУМАННЫЙ ЧЕЛОВЕК в языковом сознании сибирских студентов различные семантические зоны. При их выделении учитывались данные «Русского семантического словаря» под редакцией Н. Ю. Шведовой [27]:

1. Духовный мир:

а) разум, интеллект (умный (4), разумный (4), образованный (2), рассудительный (2) мудрый (2), эрудированный человек (1), хорошо соображающий (1));

б) соответствие правилам морали и нравственным нормам (человечный (23), милосердный (12), справедливый (9), человеколюбивый (9), человечность (6), честный (6), человек, действующий в соответствии с общепринятыми моральными принципами/нормами/правилами/соблюдающий нормы морали (5), честность (4), великодушный (4), бескорыстный (4), порядочный (2), человек, не обделенный человечностью (1), нравственно богатый (1), правильный (1), социальность (1)).

2. Свойства и склад личности:

а) чувства и эмоциональные состояния (доброта (20), уважение (5), сострадание (3), любовь (3), толерантность (2), любовь к людям (1), любовь к ближним (1), уважение к человеческой личности (1), уважение к другим (1), отзывчивость (3); добрый человек, который **уважает других**, встает на защиту других (1); человек, который **уважает**, любит и понимает другого (1); человек, который **уважает других людей** (1); человек, который **умеет уважать и сострадать** (1); человек, который проявляет внимание и **уважение к другим людям** (1));

б) черты характера, склада личности, душевные свойства и их проявление в поступках, поведении (добрый (77), отзывчивый (25), любящий (12), сострадательный (11), толерантный (10), терпимый (5), искренний (5), душевный (4), снисходительный (4), эмпатичный (4), мягкий (3), добродушный (3), сердечный (2), воспитанный (2), доброжелательный (2), добросердечный (2), сочувствующий (1), дружелюбие (1); человек, который **ценит других и желает им лишь хорошего** (1); человек, который **может направить свою доброту другому**, независимо от того, как он относится к нему (1)).

3. Социальные связи и связанные с ними действия:

а) внимание: внимательный к мелочам (1); внимательный к чужим проблемам (1); человек, **проявляющий внимание** и заботу к другим людям (1); человек, который **проявляет внимание** и уважение к другим людям (1);

б) забота: забота (1), забота о людях (1); **умеет ценить мир, в котором он живет, заботится о нем и его живых существах** (1); человек, кото-

рый заботится об окружающих его людях (1); человек, **проявляющий** внимание и заботу к другим людям (1); **относящийся отзывчиво, чутко к людям, проникнутый вниманием, уважением к ним и заботой об их благе** (1);

в) помощь: **помощь** (7), **помогающий**, несмотря ни на что; любящий людей, **помогающий** им (1); отзывчивый человек, который **поможет** и поддержит в любой ситуации (1); для меня гуманный человек – это тот тип личности, который бескорыстно, независимо от ситуации **приходит на помощь** (1);

г) понимание: понимание (4), человек, который **умеет понимать другого человека** (1); человек, который уважает, любит и **понимает** другого (1);

д) прочие социально одобряемые действия: добрый человек, который уважает других, **встает на защиту других** (1); не разделяющий людей на «бедных» и «богатых», **считающий всех равными** (1); **относящийся ко всем людям одинаково** (независимо от их социального статуса, расы и т. д.) (1); не идущий по головам других ради своих личных целей (1).

4. Наименование (благотворитель (1), руководители приютов для животных (1), взрослый мужчина за 40 (1), человек для людей (1), люди, занимающиеся благотворительностью (1), монах (1), эмпат (1), пацифист (1), зоозащитник (1), Цицерон (1), миротворец (1), герой (1), добряк (1), судья (1), ангел (1), филантроп (1), меценат (1), я (2)).

Заключение

Анализ эмпирического материала позволил смоделировать ассоциативно-вербальное поле ГУМАННЫЙ ЧЕЛОВЕК в языковом сознании сибирских студентов и выделить в его структуре ядерную, околоядерную и периферийные зоны. В ядре исследуемого поля отражается стереотипирование – представление о гуманном человеке как о добром, отзывчивом, человечном и уважительном человеке. Исследование лексикографических данных показало, что отраженный в словарных статьях семантический признак «образованный и культурный» отошел в зону ближней периферии и не является больше значимым.

В структуре семантического гештальта ассоциативно-вербального поля ГУМАННЫЙ ЧЕЛОВЕК были выделены четыре семантические зоны: «духовный мир», «свойства и склад личности», «социальные связи и связанные с ними действия» и «наименование». В языковом сознании сибирских студентов закреплён важный дифференциальный признак гуманного человека – его социально одобряемая деятельность и поступки. На это указывает наличие в структуре семантической зоны «социальные связи и связанные с ними действия», а также

субзоны «черты характера, склада личности, душевные свойства и их проявление в поступках, поведении». Таким образом, исследование показало, что исследуемое ассоциативно-вербальное поле

концепта ГУМАННЫЙ ЧЕЛОВЕК занимает значимое место в русской национальной картине мира и относится к важнейшим концептам русской лингвокультуры.

Список источников

1. Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка: в 3 ч., 6 кн. / авт.-сост. Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. М., 1994, 1996, 1998. URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/> (дата обращения: 18.11.2022).
2. Алимущкина О. А. Механизмы проявления стереотипизации в ассоциативном поле: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2017. 192 с.
3. Долинский В. А. Моделирование вербальных ассоциативных полей в квантитативной лингвистике: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2011. 1173 с.
4. Доменко Н. В. Лексические единицы со вторично-номинативным значением в ассоциативном поле русской языковой личности: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 183 с.
5. Кузина О. А. Семантические и ассоциативные поля туризма как отражение фрагментов языкового сознания и картин мира русских, немцев и американцев: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2006. 458 с.
6. Шевченко С. Н. Структурная специфика ассоциативного поля лексических единиц, обозначающих полезные ископаемые, как проявление семантических различий лексем: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 272 с.
7. Базовые ценности регионального языкового сознания русских Приенисейской Сибири / отв. ред. С. П. Васильева; авт.-сост. С. П. Васильева, А. Д. Васильев, Т. В. Мамаева, Е. В. Устьянцева. Красноярск, 2017. 180 с.
8. Заморщикова Л. С. «Человек» в ассоциативном поле русских, якутов и юкагиров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 1 (8). С. 84–87.
9. Железковская Н. Л. Этноязыковая специфика эмоционально-оценочных единиц русских, белорусских и американских ассоциативных полей «Человек» // Известия Гомельского гос. ун-та имени Ф. Скорины. 2015. № 1 (88). С. 89–95.
10. Бентя Е. В. Ассоциативное поле «человек» при межкультурном сопоставлении // Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты: сб. материалов IX Международной научно-практ. конф. Новосибирск, 2021. С. 67–71.
11. Береснева В. А. Ассоциативное поле аксиологического концепта ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК // Материалы 54-й Международной научной студенческой конференции МНСК-2016: Языкознание. М., 2016. С. 40–41.
12. Кафтанов Р. А. Специфика вербальных ассоциаций военных на примере ассоциативного поля «враг» // Сибирский филол. журнал. 2017. № 1. С. 228–243.
13. Егорова А. И. Психолингвистический анализ ассоциаций концептов «мужчина» и «женщина» у тюркоязычных народов Сибири // Вестник РУДН. Психология и педагогика. 2020. Т. 17, № 1. С. 143–158.
14. Покоякова К. А. Образ мужчины в языковом сознании русских и американцев // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7. Ч. 2. С. 147–149.
15. Бирюлина Е. А. Аксиологический концепт ГУМАННЫЙ ЧЕЛОВЕК в русской лингвокультуре // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 1. С. 116–125.
16. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / авт.-сост. Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. М., 2004. 800 с.
17. Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А. А. Леонтьева. М., 1977. 192 с.
18. Русский региональный ассоциативный словарь (европейская часть России): в 2 т. / авт.-сост. Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. М., 2018. Т. 1. 544 с.
19. Довголюк М. Н. Ассоциативно-вербальное поле «Армия»: лингвокогнитивный аспект: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 169 с.
20. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935. 828 с.
21. Словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова. М.: ОГИЗ-ГИС, 1949. 968 с.
22. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.
23. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 18.11.2022).
24. Сторожева Е. М. Коннотация и ее структура // Вестник ЧелГУ. 2007. № 13. С. 113–118.
25. Ерофеева Е. В., Сторожева Е. М. Идиомный компонент коннотативного значения слова // Вестник Пермского ун-та. 2009. Вып. 4. С. 5–13.

26. Караулов Ю. Н. Семантический гештальт ассоциативного поля и образы сознания // Языковое сознание: содержание и функционирование: тезисы докладов XIII Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, 1–3 июня 2000 г.). М.: ИЯ РАН, 2000. С. 107–108.
27. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 3: Имена существительные с абстрактным значением. Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество. М.: Азбуковник, 2003. 720 с.

References

1. *Russkiy assotsiativnyy slovar'. Assotsiativnyy tezaurus sovremennogo russkogo yazyka*: v 3 ch., 6 kn. Avtor-sostavitel' Yu. N. Karaulov, Yu. A. Sorokin, Ye. F. Tarasov, N. V. Ufimtseva, G. A. Cherkasova [Russian associative dictionary. Associative thesaurus of the modern Russian language: in 3 parts, 6 books. Author-compiler Yu. N. Karaulov, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov, N. V. Ufimtseva, G. A. Cherkasov]. Moscow, 1994, 1996, 1998 (in Russian). URL: <http://it-claim.ru/Projects/ASIS/> (accessed 18 November 2022).
2. Alimushkina O. A. *Mekhanizmy proyavleniya stereotipizatsii v assotsiativnom pole*. Dis. kand. filol. nauk [Mechanisms of manifestation of stereotyping in the associative field. Diss. cand. philol. sci.]. Barnaul, 2017. 192 p. (in Russian).
3. Dolinsky V. A. *Modelirovaniye verbal'nykh assotsiativnykh poley v kvantitativnoy lingvistike*. Dis. dokt. filol. nauk [Modeling of verbal associative fields in quantitative linguistics. Diss. doct. philol. sci.]. Moscow, 2011. 1173 p. (in Russian).
4. Domenko N. V. *Leksicheskiye yedinitsey so vtorichno-nominativnym znacheniyem v assotsiativnom pole russkoy yazykovoy lichnosti*. Dis. kand. filol. nauk [Lexical units with a secondary nominative meaning in the associative field of the Russian language personality. Diss. cand. philol. sci.]. Moscow, 2005. 183 p. (in Russian).
5. Kuzina O. A. *Semanticheskkiye i assotsiativnyye polya turizma kak otrazheniye fragmentov yazykovogo soznaniya i kartin mira russkikh, nemtsev i amerikantsev*. Dis. kand. filol. nauk [Semantic and associative fields of tourism as a reflection of fragments of linguistic consciousness and worldviews of Russians, Germans and Americans. Diss. cand. philol. sci.]. Barnaul, 2006. 458 p. (in Russian).
6. Shevchenko S. N. *Strukturnaya spetsifika assotsiativnogo polya leksicheskikh yedinitsey, oboznachayushchikh poleznyye iskopayemyye, kak proyavleniye semanticheskikh razlichiy leksem*. Dis. kand. filol. nauk [Structural specificity of the associative field of lexical units denoting minerals as a manifestation of semantic differences of lexemes. Diss. cand. philol. sci.]. Moscow, 2017. 272 p. (in Russian).
7. *Bazovyye tsennosti regional'nogo yazykovogo soznaniya russkikh Priyeniyskoy Sibiri*. Otvetstvennyy redaktor S. P. Vasil'yeva; avtor-sostavitel' S. P. Vasil'yeva, A. D. Vasil'yev, T. V. Mamayeva, Ye. V. Ust'yantseva [Basic values of the regional linguistic consciousness of the Russians in the Yenisei Siberia. Ed. S. P. Vasilieva; author-compiler S. P. Vasilyeva, A. D. Vasiliev, T. V. Mamaeva, E. V. Ustyantseva]. Krasnoyarsk, 2017. 180 p. (in Russian).
8. Zamorshchikova L. S. «Chelovek» v assotsiativnom pole russkikh, yakutov i yukagirov [«Man» in the associative field of Russians, Yakuts and Yukaghirs]. *Filologicheskkiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 2011, no. 1 (8), pp. 84–87 (in Russian).
9. Zhelezovskaya N. L. *Etnoyazykovaya spetsifika emotsional'no-otsennochnykh yedinitsey russkikh, belorusskikh i amerikanskikh assotsiativnykh poley «Chelovek»* [Ethno-linguistic specificity of emotional-evaluative units of Russian, Belarusian and American associative fields «Man»]. *Izvestiya Gomel'skogo gosudarstvennogo universiteta imeni F. Skoriny – Bulletin of the Gomel State University named after F. Skorina*, 2015, no. 1 (88), pp. 89–95 (in Russian).
10. Bentya E. V. *Assotsiativnoye pole «chelovek» pri mezhkul'turnom sopostavlenii* [Associative field «man» in intercultural comparison]. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: lingvisticheskiye i lingvodidakticheskiye aspekty. Sbornik materialov IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Intercultural communication: linguistic and linguodidactic aspects. Collection of materials of the IX international scientific-practical conference]. Novosibirsk, 2021. Pp. 67–71 (in Russian).
11. Beresneva V. A. *Assotsiativnoye pole aksiologicheskogo kontsepta KHOROSHIY CHELOVEK* [The associative field of the axiological concept GOOD PERSON]. *Materialy 54-y Mezhdunarodnoy nauchnoy studencheskoy konferentsii MNSK-2016: Yazykoznaniye* [Proceedings of the 54th International Scientific Student Conference MNSK-2016: Linguistics]. Moscow, 2016. Pp. 40–41 (in Russian).
12. Kaftanov R. A. *Spetsifika verbal'nykh assotsiativnykh voyennykh na primere assotsiativnogo polya «vrag»* [Specificity of military verbal associations on the example of the associative field «enemy»]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2017, no. 1. pp. 228–243 (in Russian).
13. Egorova A. I. *Psikholingvisticheskiy analiz assotsiativnykh kontseptov «muzhchina» i «zhenshchina» u tyurkoyazychnykh narodov Sibiri* [Psycholinguistic analysis of the associations of the concepts «Man» and «Woman» among the Turkic-speaking peoples of Siberia]. *Vestnik RUDN. Psikhologiya i pedagogika – RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2020, vol. 17, no. 1, pp. 143–158 (in Russian).
14. Pokoyakova K. A. *Obraz muzhchiny v yazykovom soznanii russkikh i amerikantsev* [The Image of a Man in the Linguistic Consciousness of Russians and Americans]. *Filologicheskkiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 2013, no. 7 (2), pp. 147–149 (in Russian).

15. Biryulina E. A. Aksiologicheskiy kontsept GUMANNYY CHELOVEK v russkoy lingvokul'ture [The axiological concept HUMANE PERSON in Russian linguistic culture]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 2022, vol. 15, no. 1, pp. 116–125 (in Russian).
16. *Slavyanskiy assotsiativnyy slovar': russkiy, belorusskiy, bolgarskiy, ukrainskiy*. Avtor-sostavitel' N. V. Ufimtseva, G. A. Cherkasova, Yu. N. Karaulov, Ye. F. Tarasov [Slavic associative dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian. Author-compiler N. V. Ufimtseva, G. A. Cherkasova, Yu. N. Karaulov, E. F. Tarasov. Moscow, 2004. 800 p. (in Russian).
17. *Slovar' assotsiativnykh norm russkogo yazyka*. Pod red. A. A. Leont'yeva. [Dictionary of associative norms of the Russian language. Ed. A. A. Leontiev]. Moscow, 1977. 192 p. (in Russian).
18. *Russkiy regional'nyy assotsiativnyy slovar': (yevropeyskaya chast' Rossii): v 2 tomakh. Tom 1*. Avtor-sostavitel' N. V. Ufimtseva, G. A. Cherkasova [Russian regional associative dictionary: (European part of Russia): in 2 volumes. Vol. 1. Author-compiler N. V. Ufimtseva, G. A. Cherkasov]. Moscow, 2018. 544 p. (in Russian).
19. Dovgolyuk M. N. *Assotsiativno-verbal'noye pole «Armiya»: lingvokognitivnyy aspekt*. Dis. kand. filol. nauk [Associative-verbal field «Army»: linguo-cognitive aspect. Diss. cand. philol. sci.]. Saint Petersburg, 2016. 169 p. (in Russian).
20. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Pod red. D. N. Ushakova [Explanatory dictionary of the Russian language. Ed. D. N. Ushakov]. Moscow, 1935. 828 p. (in Russian).
21. *Slovar' russkogo yazyka*. Pod red. S. I. Ozhegova [Dictionary of the Russian language. Ed. S. I. Ozhegov]. Moscow, 1949. 968 p. (in Russian).
22. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Gl. red. S. A. Kuznetsov [Big explanatory dictionary of the Russian language. Ed. S. A. Kuznetsov]. Saint Petersburg, Norint Publ., 1998. 1534 p. (in Russian).
23. Efremova T. F. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New dictionary of the Russian language. Explanatory derivational]. Moscow, 2000 (in Russian). URL: <https://www.efremova.info/> (accessed 18 November 2022).
24. Storozheva E. M. Konnotatsiya i yeye struktura [Connotation and its structure]. *Vestnik ChelGU – Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2007, no. 13, pp. 113–118 (in Russian).
25. Erofeyeva E. V., Storozheva E. M. Idiomnyy komponent konnotativnogo znacheniya slova [The idiom component of the connotative meaning of the word]. *Vestnik Permskogo universiteta – Bulletin of Perm University*, 2009, no. 4, pp. 5–13 (in Russian).
26. Karaulov Yu. N. Semanticheskiy geshtal't assotsiativnogo polya i obrazy soznaniya [Semantic Gestalt of the Associative Field and Images of Consciousness]. *Yazykovoye soznaniye: sodержaniye i funktsionirovaniye: tezisy dokladov XIII Mezhdunarodnogo simpoziuma po psikholingvistike i teorii kommunikatsii (Moskva, 1–3 iyunya 2000 g.)* [Linguistic Consciousness: Content and Functioning: Abstracts of the XIII International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory (Moscow, June 1–3, 2000)]. Moscow, 2000. Pp. 107–108 (in Russian).
27. *Russkiy semanticheskiy slovar'*. *Tolkovyy slovar', sistemizirovannyy po klassam slov i znacheniy*. Pod obshchey red. N. Yu. Shvedovoy. Tom 3: Imena sushchestvitel'nye s abstraktnym znacheniyem. Bytiye. Materiya, prostranstvo, vremya. Svyazi, otnosheniya, zavisimosti. Dukhovnyy mir. Sostoyaniye prirody, cheloveka. Obshchestvo [Russian semantic dictionary. Explanatory Dictionary Systematized by Classes of Words and Meanings. Ed. N. Yu. Shvedova. under the general editorship of N. Yu. Shvedova. T. 3: Nouns with an abstract meaning. Being. Matter, space, time. Connections, relationships, dependencies. Spiritual world. The state of nature, man. Society]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003. 720 p. (in Russian).

Информация об авторе

Бирюлина Е. А., аспирант, Сибирский федеральный университет (пр. Свободный, 82а, Красноярск, Россия, 660041).

Information about the author

Biryulina E. A., postgraduate student, Siberian Federal University (pr. Svobodny, 82a, Krasnoyarsk, Russian Federation, 660041).

Статья поступила в редакцию 22.11.2022; принята к публикации 17.03.2023

The article was submitted 22.11.2022; accepted for publication 17.03.2023

УДК 81-114.2

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-32-39>

Учебный текст как тип текста и объект научного описания: обзор подходов к определению функционально-типологических свойств

Елена Александровна Серебренникова¹, Анна Владимировна Курьянович²

^{1, 2} *Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия*

¹ *mangustelena22472@gmail.com*

² *kurjanovich.anna@rambler.ru*

Аннотация

В организации учебно-образовательного взаимодействия сегодня наблюдаются динамические процессы, связанные с его трансформацией в поликультурную и мультиязыковую интерактивную среду, реализацией задач компетентностного обучения, обновлением банка технологического инструментария и способов учебно-методического обеспечения. Сказанное определяет устойчивый интерес ученых к изучению учебных текстов как самостоятельной разновидности текстов. Систематизированы и обобщены основные положения истории вопроса изучения учебных текстов как типа текста и научного объекта в современной гуманитаристике. Материалом исследования послужили специальные научные источники методической и лингвистической направленности, составляющие базу современной теории учебного текста. Методологию исследования составляет комплексное использование логических (анализа, синтеза, аналогии) и теоретических (обобщения, систематизации, описания) общенаучных методов. На основании специфики, проявляемой в отношении трактовки учебного текста с позиций дидактического и лингвистического подходов, данный тип текста определяется в качестве самостоятельной единицы – речевого произведения, обладающего полифункциональностью и совокупностью текстовых признаков, по-разному актуализирующихся в различных ситуациях учебного взаимодействия между обучающим и обучаемым. В числе реализуемых функций ключевыми выступают коммуникативная и дидактическая, причем последняя имеет статус доминирующей. Текстовые признаки характеризуются набором способов, форм и средств презентации на жанровом, стилистическом и дискурсивном текстовых уровнях. Причина существующего сегодня многоголосия в научном сообществе в отношении определения сущностных содержательных, структурных, прагматических признаков учебного текста состоит в невозможности однозначной трактовки его жанрово-стилистической природы, дискурсивного пространства реализации, а также существовании множественных интерпретаций культурологического и концептологического ресурса текстов анализируемого типа. На современном этапе развития гуманитаристики учебный текст представляет интересный объект научных изысканий, осмысляемый в качестве самостоятельного типа текста, обладающего как общетекстовыми свойствами, так и специфическими. Перспективы исследования связаны с дальнейшим расширением представления об учебном тексте в соответствии с наиболее актуальными направлениями исследований в науке, в частности в рамках проблематики лингвокультурологии, дискурсологии, лингвоконцептологии и концептуальной дидактики.

Ключевые слова: *теория учебного текста, универсальные и дифференциальные признаки учебного текста, учебный дискурс, учебно-научный подстиль научного стиля, жанры учебных текстов*

Для цитирования: Серебренникова Е. А., Курьянович А. В. Учебный текст как тип текста и объект научного описания: обзор подходов к определению функционально-типологических свойств // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 3 (227). С. 32–39. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-2-32-39>

Educational text as a type of text and an object of scientific description: a review of approaches to the determination of functional and typological properties

Elena A. Serebrennikova¹, Anna V. Kuryanovich²

^{1, 2} *Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *mangustelena22472@gmail.com*

² *kurjanovich.anna@rambler.ru*

Abstract

In the organisation educational interaction today there are dynamic processes associated with its transformation into a multicultural and multilingual interactive environment, the implementation of the tasks of competence-based

learning, updating the bank of technological tools and methods of educational and methodological support. The foregoing determines the steady interest of scientists in the study of educational texts as an independent variety of texts. The main provisions of the history of the study of educational texts as a type of text and scientific object in modern humanities are systematized and summarized. The material of the study was special scientific sources of methodological and linguistic orientation, which form the basis of the modern theory of educational text. The research methodology is the complex use of logical (analysis, synthesis, analogy) and theoretical (generalization, systematization, description) general scientific methods. Based on the specifics shown in relation to the interpretation of the educational text from the standpoint of didactic and linguistic approaches, this type of text is defined as an independent unit – a speech work with multifunctionality and a set of textual features that are updated differently in different situations of educational interaction between the teacher and the student. Among the implemented functions, the key functions are communicative and didactic, and the latter has the status of the dominant one. Text features are characterized by a set of ways, forms and means of presentation at the genre, stylistic and discursive text levels. The reason for the polyphony that exists today in the scientific community regarding the definition of the essential content, structural, pragmatic features of an educational text is the impossibility of an unambiguous interpretation of its genre and stylistic nature, discursive implementation space, as well as the existence of multiple interpretations of the cultural and conceptual resources of texts of the analyzed type. At the present stage of development of the humanities, the educational text is an interesting object of scientific research, comprehended as an independent type of text, which has both general text properties and specific ones. The prospects of the research are related to the further expansion of the understanding of the educational text in accordance with the most relevant areas of research in science, in particular, within the framework of the problems of linguoculturology, discourse studies, linguoconceptology and conceptual didactics.

Keywords: *theory of educational text, universal and differential features of educational text, educational discourse, educational and scientific sub-style of scientific style, genres of educational texts*

For citation: Serebrennikova E. A., Kuryanovich A. V. Educational text as a type of text and an object of scientific description: a review of approaches to the determination of functional and typological properties [Uchebnyy tekst kak tip teksta i ob"ekt nauchnogo opisaniya: obzor podkhodov k opredeleniyu funktsional'no-tipologicheskikh svoystv]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 3 (227), pp. 32–39 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-32-39>

Введение

Текстовая деятельность носителей языка анализируется сегодня с учетом специфических проявлений в различных сферах коммуникации, в том числе учебной, в рамках которой посредством организации познавательной деятельности адресатов, направленной на освоение ими нового знания, реализуется комплекс задач обучающего свойства. Несмотря на имеющиеся в достаточном количестве научные источники, сегодня не существует однозначной трактовки понятия *учебный текст* (далее – УТ) как основной формы коммуникации в учебной сфере. История становления теории УТ прошла несколько этапов развития [1]. В своем развитии УТ претерпел эволюцию от понимания как источника исключительно предметного знания до средства, способствующего «интеллектуальному воспитанию» обучающегося в рамках «обогащающей модели обучения». Об этом, например, рассуждают авторы учения о психодидактике УТ (в частности, учебника) Э. Г. Гельфман и М. А. Холдная [2].

Материал и методы

Материалом исследования являются специальные научные источники, проблемное поле которых связано с осмыслением функционально-типологических свойств современного УТ в отечественной

и зарубежной дидактике и лингвистике. Методы исследования – общенаучные, нацеленные на систематизацию и обобщение существующей научной информации, касающейся описания конститутивных признаков УТ в свете различных подходов и концепций отдельных авторов.

Результаты и обсуждение

Опишем некоторые подходы в современном представлении об УТ, выделяемые на основании отдельных критериев.

1. *Трактовка понятия «учебный текст» с точки зрения объема его содержательного наполнения.* В узком смысле УТ определяется как компонент, организующий, наряду с другими структурными составляющими, учебное комплексное коммуникативное событие большего масштаба – учебный гипертекст (макротекст), имеющий либо письменную (например, учебно-методический комплекс), либо устную (например, урок) форму. В этом случае описывается прежде всего функционал отдельного УТ сквозь призму конституирующих макрособытийных характеристик (Л. С. Васюкович, Л. М. Гиниятуллина, Г. Жофкова, Л. Рис, М. М. Шакурова). Так, Л. С. Васюкович пишет об УТ как «лингвометодической единице школьного учебника», «основном компоненте издания» [1, с. 219], «микротексте» [3], как элементе «макротекстов на

бумажных носителях» и «макрогипертекстов на электронных и медийных носителях» [4, с. 158]. А. А. Гречихин и Ю. Г. Дреус также придерживаются узкой трактовки УТ: «Учебный процесс – это гипертекст, а учебное издание – это основная составляющая часть этого гипертекста» [5]. А. З. Халилзадех акцентирует идею относительной самостоятельности УТ, поскольку он является частью определенной лингвометодической системы [6, с. 118]. Сам учебный макротекст здесь трактуется широко – как текст, посредством которого осуществляются любые учебные действия (Е. В. Крылова, Т. А. Ковалева, Е. Л. Пипченко, Л. П. Раскопина, Т. С. Серова, Н. К. Сюльжина). Отметим, что понимаемый в узком смысле УТ, в свою очередь, также «представляет собой сложную систему. Он состоит из множества взаимосвязанных элементов, являясь в то же время элементом ряда метасистем» [6, с. 118].

Следует пояснить соотношение содержания термина «учебный текст» со смежными. *Учебная литература* – специализированные источники в виде открытого/закрытого их перечня, используемые при изучении темы или проблемы в рамках учебной коммуникации в определенной предметной сфере. Отдельный источник, содержащий учебную информацию, может называться *учебной книгой*. В зависимости от места в учебной ситуации и специфики последней термин может осмысливаться узко (если является компонентом отдельно взятого УТ) и широко (в этом случае термин «учебная книга» выступает родовым понятием по отношению ко всем разновидностям УТ) [7]. В основе представления об учебном издании лежит признак формы подачи учебного материала в определенном, всегда систематизированном виде, а также соответствие требованию опубликования в печатном или электронном виде. При таком подходе термины «учебный текст» и «учебное издание» синонимичны, их значение определяется в русле узкой трактовки. Не каждый УТ может быть издан, при этом любое учебное издание – это УТ.

Ряд исследователей (О. А. Баранцева, А. В. Брыгина, И. С. Каминская, Л. И. Максимова, К. П. Семглаз и др.) пишут о *текстах для учебных целей* или *текстах с обучающим потенциалом*. Речь здесь идет об использовании для решения учебных задач текстов разной жанрово-стилевой ориентации посредством их адаптации и актуализации в их функциональной программе дидактического ресурса.

Наконец, в некоторых источниках наблюдается дифференциация понятий *учебный* и *обучающий* текст (Н. Ю. Григорьева, В. И. Иванова, З. Ж. Каразакова, Л. М. Яхиббаева). В случае использования атрибута «обучающий» акцент делается на результатах процесса: обучающий текст «должен

включать средства, благодаря которым деятельность учащегося стимулируется, мотивируется, программируется и реализуется, приводя в конечном счете к достижению целей, стоящих перед учебным процессом» [8, с. 1030]. В этом смысле понятие «обучающий» выступает синонимичным еще одному из употребляемых атрибутивов – *дидактический*.

2. *Осмысление УТ на основании критерия формата представления информации*. Можно выделить следующие варианты существования вербального УТ: 1) печатный, функционирующий на бумажном носителе, в большинстве случаев – изданный в типографии; 2) оцифрованный, в виде электронной версии печатного текста; 3) цифровой, изначально предназначенный для интерактивной мультимедийной среды (цифровой учебник, интерактивная рабочая тетрадь, учебные корпуса). Существенное свойство УТ первого и второго типов – линейное развертывание текстового материала. Работа с УТ третьего типа, имеющим пространственное измерение, требует особой подготовленности от обучающегося [9].

3. *Понимание УТ с учетом фактора аутентичности*. УТ создается специально в целях обучения определенной категории обучающихся, поэтому все его содержание и оформление, в том числе языковое, ориентировано на образовательные потребности данного адресата. В связи с этим считаем справедливым мнение исследователей, называющих УТ содержащим элементы интертекстуальности [10], препарированным, адаптированным [6], вторичным, синтетически и аналитически обработанными [8] с «различной степенью развернутости» [11, с. 3–4]. Вторичные тексты, по мнению Л. М. Яхиббаевой, служат для «хранения, накопления, переработки и совершенствования первичной информации» [8, с. 1029]. Это «продукт письменной речи, который является репродукцией первоисточника с разной степенью компрессии; новое порождение, цель которого – критический анализ исходного текста» [12, с. 122].

Прототипом для создания УТ является *научный текст как оригинальный первоисточник*. УТ и научный текст – не синонимичные понятия, это два самостоятельных типа текста, обладающие чертами сходства и различия. «Внутри» каждого из этих текстовых типов существует «своя» парадигма жанрово-стилистических разновидностей, отличающихся «привязкой» к определенным дискурсивным ситуациям. Учебный и научный тексты различаются принципами отбора материала, формой его подачи. Научный материал в УТ становится учебным отчасти по содержанию и преобладающим образом – по форме. Научная информация представлена в УТ «в необходимом для овладения спе-

циальностью объеме с определенной установкой – донести до обучаемого не науку в целом, а учебный предмет» [13, с. 247]. Присутствует также и концептуальная позиция автора, однако степень и формы этого присутствия различаются.

Большинство исследователей пишет о том, что УТ имеет синкретичную учебно-научную природу (Ю. И. Бутенко, Е. А. Купирова, М. Л. Кусова, С. В. Плотникова, Е. П. Суворова, С. Б. Черемисина, О. Н. Чистякова). Под учебно-научным понимают текст, в котором «систематически изложены основы знаний в определенной предметной области на уровне современных достижений науки и техники» [14]. Учебно-научную разновидность большинство исследователей называют наиболее сущностной для УТ.

4. *Интерпретация специфики УТ с точки зрения его изучения в рамках различных научных подходов.* В гуманитаристике выделяются подходы, основанные на толкованиях УТ, принятых, с одной стороны, в дидактике, с другой стороны – лингвистике. Оба подхода базируются на представлении об УТ как средстве коммуникации между обучающим и обучаемым. Расхождения дидактического и лингвистического подходов обнаруживаются в аспектировании представления об УТ. В дидактике рассматриваются функциональные свойства УТ как основной содержательной единицы обучения. Лингвистическая трактовка УТ основана на актуализации его самостоятельной значимости как речевой единицы и рассмотрении сущностных черт УТ, эксплицирующих его текстовую природу.

Для дидактики УТ имеет ценность в силу присущего ему дидактического ресурса (см. работы Е. П. Александрова, А. Э. Бабайловой, В. Г. Бейлинсона, В. П. Беспалько, И. Л. Бим, П. Г. Буги, А. Р. Габидуллиной, Д. Д. Зуева, В. В. Краевского, Ю. Г. Куровской, И. Я. Лернера, Н. И. Тупальского, А. З. Халилзаде, М. В. Якушева и др.). УТ, реализуя цели обучения в виде решения триединства образовательных, воспитательных и развивающих задач, определяется не просто как «источник готовых знаний, подлежащих запоминанию, а прежде всего источник познавательных задач или проблем, которые надо уметь обнаружить и решить» [15, с. 76]. В нормативных документах общие требования, предъявляемые к УТ, формулируются исходя из определения ключевого понятия: УТ – «издания, содержащие систематизированные сведения научного или прикладного характера, изложенные в форме, удобной для изучения и преподавания, и рассчитанные на учащихся разного возраста и степени обучения» [16].

Дидактическая сущность УТ проявляется в реализации множества функций, когда текст выступает одновременно в качестве продукта, средства и

объекта учебной коммуникации. Данный тип текста предназначен хранить информацию, культурные коды, быть носителем общих и профессиональных знаний, воздействовать на сознание обучаемых, оказывать на них мотивационное воздействие, способствовать развитию их креативных качеств. Для дидактики органичен также широкий подход в духе постструктурализма, когда под текстом могут пониматься любое событие, явление или процесс (Р. Барт, Ж. Деррида, М. Фуко и др.), если они имеют обучающий функционал.

Рассмотрение УТ с позиций лингвистического знания, в том числе в ракурсе ключевых положений современной теории текста, связано с анализом универсальных и дифференциальных свойств текстов данного типа.

УТ – речевое произведение, которое имеет устную или письменную форму, существует на бумаге или в цифровом пространстве, реализует в качестве ключевой коммуникативную функцию. Отметим наличие у УТ ряда системных текстовых признаков: деятельной сущности, антропоцентричности, коммуникативности, диалогичности (Е. В. Сидоров, Ю. А. Сорокин), связности, структурности, членимости (И. Р. Гальперин, В. В. Одинцов), информативности, структурности, интегративности (Е. А. Баженова, Н. С. Валгина, Л. Г. Кайда, М. П. Котюрова, Т. В. Матвеева), регулятивности, концептуальной обусловленности, коммуникативно-смысловой и прагматической сущности (Н. С. Болотнова), поликодовости, интертекстуальности, интердискурсивности (В. Е. Чернявская).

Дифференциальные признаки УТ определяются совокупным действием экстралингвистических и лингвистических факторов, ориентированных на решение ключевой – образовательной – задачи. Как и в случае с любой текстовой разновидностью, своеобразие УТ формируется исходя из представления о соответствующих дискурсивных обстоятельствах – широком социокультурном порождающем контексте, составляющем пространство его существования. Учебный дискурс представляет институциональную разновидность профессионального дискурса. Характеристика учебного дискурса приводится, в частности, в [17].

Одной из задач описания УТ как речевого произведения является рассмотрение его жанрово-стилевых особенностей. Большинство ученых (Н. С. Болотнова, М. Н. Кожина, Д. Э. Розенталь и др.) рассматривает учебно-научный в качестве подстиля научного функционального стиля. Ключевой чертой, характерной для обоих понятий, можно считать коммуникативную цель, состоящую в трансляции научного знания. Стилиевые черты, свойственные всем разновидностям научных текстов, являются сущностными и для УТ. К ним относятся

следующие: объективность, отвлеченная обобщенность, логическая доказательность, некатегоричность изложения, точность, насыщенность терминами [18, с. 242–248].

Сегодня намечается расширение спектра функций УТ за счет изменения представления в сторону активного вовлечения УТ в образовательный процесс (например, в связи с развитием дистанционного обучения, создание линеек интерактивных УТ и пр.). Подробнее обзор существующих подходов к определению функций УТ представлен в [2, с. 20–33]. Современный УТ отличается полифункциональной природой. Однако реализация обучающей функции обуславливает факт доминирования в данном гибридно-стилевом (учебно-научном) симбиозе дидактического начала, что проявляется на всех текстовых уровнях и сказывается на реализации всех системных качеств текста.

Так, общее свойство текстов – *информативность* – приобретает специфику своей реализации в УТ. Научный материал в УТ имеет особую логику развертывания – от простого к сложному, от известного к новому. Синтаксический строй УТ значительно проще, чем в текстах собственно научных. В качестве стилиевой черты УТ учеными называется «минимизированность» (Л. М. Яхиббаева) изложения: адресату предъявляется самая значимая информация. Исследователи называют это свойство УТ «информационной насыщенностью» (Ч. Р. Зиганшина), «информативной емкостью» (Б. Е. Железовский), «оптимизацией информации» (Б. И. Федоров), соотносимой с плотностью передаваемой текстом информации. Свойство информативности УТ приобретает четкую адресатоцентрическую направленность: помимо соответствия требованию истинности, информация, содержащаяся в УТ, должна отвечать критерию меры, соответствовать теме, быть ясной, понятной [19, с. 41].

Структурная организация УТ подчиняется требованию доступности содержания для понимания обучающимися. В связи с этим общетекстовое стиливое свойство *членимости* имеет большое значение для УТ и выражается в них на содержательно-формальном уровне. Так, ряд ученых (В. С. Аванесов, Н. В. Глущенко, О. С. Родионова, А. А. Рыбанов, Б. И. Федоров и др.) разрабатывают теорию квантования УТ, в рамках которой в качестве исходного выдвигают тезис о том, что обязательным требованием к УТ является его сегментация/рубрикация на части: «Усвоение смыслов каждой части легче усвоения смыслов целого текста. В свою очередь, усвоение содержания каждой отдельной части помогает усвоению целого текста» [20, с. 21]. С обозначенных позиций членимость УТ коррелирует со свойством *доступности*.

Наряду с универсальными текстовыми, учеными отмечаются дифференциальные стиливые свой-

ства УТ. Целый ряд исследователей (А. В. Гидлевский, Н. К. Криони, Р. В. Майер, М. С. Мацковский, И. Ю. Мизернов, М. И. Солнышкина и др.) размышляет над таким свойством УТ, как *сложность*, уровень которой должен соответствовать образовательным потребностям, психолого-педагогическим особенностям и степени подготовленности (предметной и метапредметной) целевого адресата. Иначе может возникнуть риск потери мотивации со стороны обучающегося. Сложность как стилистическое свойство УТ выражается в таких текстовых показателях, как уровень абстрактности/конкретности, нарративности, связности, синтаксической сложности [21]. Другое свойство УТ – *читабельность* (*удобочитаемость*) – имеет количественное измерение с учетом таких показателей, как средняя длина слова, предложения, минимальная протяженность текста, число слов одной части речи и пр. [21]. Особенности восприятия УТ со стороны обучающихся обуславливают наличие таких его свойств, как *трудность* и *понятность*. Эти свойства оцениваются на основании способности адресата воспринимать и понимать содержащуюся в УТ информацию (М. А. Зильберглейт, М. М. Невдах, Ю. Ф. Шпаковский и др.). Н. В. Глущенко выделяет языковые и психолого-педагогические причины возникновения трудностей [22]. Подробнее о соотношении категорий сложность – трудность – понятность – читабельность УТ см. [23].

В. С. Аванесов пишет о таких системных качествах УТ, как *способность вызывать интерес, запоминаться и служить средством развития*, что достигается посредством отбора информации, адекватного соотношения вербальной и иконической информации, обдуманного языкового, в том числе стилистического, оформления [20, с. 20].

Вопрос жанровой дифференциации УТ сегодня является уже достаточно проработанным. В качестве оснований для выделения разновидностей УТ учеными выдвигаются разнообразные критерии. Так, Э. У. Гросс с учетом реализуемой ведущей функции говорит о *нормативных* (учебник, учебное пособие, словарная статья), *указательных* (учебный стандарт, методические рекомендации, методические указания), *презентативных* (таблица, схема) и синкретичных *нормативно-указательных* (учебно-методическое пособие) типах УТ. Х. Шенберг все перечисленные виды УТ относит к *познавательным*. Р. Эккард делит УТ на *ассертивные*, способствующие большему проявлению личностного начала в обучающемся (учебник, учебное пособие) и *директивные* (учебный стандарт, программа, методические указания). С учетом целесообразности учебник, учебное пособие – это *информирующие* тексты, с точки зрения В. Шмидта, а методические пособия, рекомендации, указания –

это тексты *активирующего* типа. По тематической структуре все эти жанровые разновидности УТ являются *политемными*. Подробнее об этих классификациях УТ [10, с. 278].

Для каждой жанровой разновидности УТ с учетом совокупного действия всех жанровых показателей имеет особый вес какой-либо определенный фактор. Например, одним из таких факторов для учебно-научных жанров выступает критерий наличие/отсутствие изданного в типографии текстового варианта. Примерами *типографских* текстов учебно-научного подстиля являются учебник, учебное пособие, специальные карточки и таблицы для обучающихся. К жанрам данного типа ученые относят также электронные ресурсы. В этом случае УТ создается автором – специалистом в конкретной научно-профессиональной области. К *нетипографским* текстам учебно-научного подстиля относятся в том числе конспекты, рефераты, доклады, курсовые работы и пр. Адресантами этих текстов выступают сами обучающиеся. Как правило, подобные тексты предполагают непосредственное или опосредованное экспертное оценивание со стороны специалиста.

Отметим, что на решение исключительно дидактических целей ориентированы только учебно-научные тексты. О таком функциональном подходе в описании жанров УТ см. подробнее [24].

В рамках современного лингвистического подхода в изучении УТ как типа текстов необходимо

отметить растущее внимание ученых к лингвокультурологическому и лингвоконцептологическому направлениям исследований в теории УТ (С. А. Данилова, А. Р. Габидуллина, В. Д. Калинина, О. А. Климанова, Ю. Г. Куровская, И. В. Митрофанова, С. Я. Никитина, Е. В. Столярова, М. В. Черкунова, Л. М. Яхиббаева). В этом случае УТ анализируются в качестве эмпирического материала, представляющего разнообразную информацию для последующей систематизации и обобщения с целью формирования национального фрагмента мира и фрагмента национальной лингвокультуры.

Заключение

УТ сегодня являются типом текста и объектом изучения, имеющим самостоятельную методическую и научную ценность. В дидактике активно изучается их обучающий потенциал, позволяющий УТ справедливо считаться необходимым компонентом образовательного процесса. В различных областях лингвистической науки УТ рассматриваются как речевые произведения, обладающие рядом универсальных, общетекстовых, и дифференциальных свойств, изучение которых расширяет границы представлений о тексте, сложившихся на сегодня в рамках теории текста, функциональной стилистики, жанрологии, лингвокультурологии, лингвоконцептологии, лингвистической дискурсологии.

Список источников

1. Васюкович Л. С. Эволюция учебного текста как лингвометодической единицы школьного учебника // Образование как фактор развития интеллектуально-нравственного потенциала личности современного общества: материалы международной научной конференции / под общ. ред. В. Н. Скворцова; отв. ред. М. И. Морозова. СПб.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина, 2015. С. 219–222.
2. Гельфман Э. Г., Холодная М. А. Психодидактика школьного учебника. Интеллектуальное воспитание учащихся. СПб.: Питер, 2006. 384 с.
3. Львова А. А. Микротекст как современное педагогическое средство // Молодой ученый. 2020. № 2 (292). С. 398–401. URL: <https://moluch.ru/archive/292/66076/> (дата обращения: 20.02.2023).
4. Серова Т. С., Пипченко Е. Л., Червенко Ю. Ю. Макротекст и гипертексты как объект гибкого иноязычного чтения и источник информации учебно-исследовательской деятельности студентов // Язык и культура. 2016. № 2 (34). С. 157–176.
5. Гречихин А. А., Древис Ю. Г. Вузовская учебная книга: Типология, стандартизация, компьютеризация. М.: Логос; МГУП, 2000. 254 с.
6. Халилзаде А. З. Учебный текст как неотъемлемая часть лингводидактической системы // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2012. № 3. С. 118–125.
7. Учебная книга в системе филологического образования: сб. ст. / ред. А. М. Мезенко и др.; отв. ред. С. В. Николаенко. Витебск: Витебский гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2018. 126 с.
8. Яхиббаева Л. М. Учебный текст как особый вид вторичного текста и составляющая учебного дискурса // Вестник Башкирского ун-та. 2008. Т. 13, № 4. С. 1029–1031.
9. Лебедева М. Ю., Веселовская Т. С., Купрещенко О. Ф. Особенности восприятия и понимания цифровых текстов: междисциплинарный взгляд // Перспективы науки и образования. 2020. № 4 (46). С. 74–98. doi: 10.32744/pse.2020.4.5
10. Оксенчук А. Е. Специфика учебного научного текста: основные подходы к понятию «учебный текст» // Наука – образованию, производству, экономике: материалы XVIII Региональной научно-практ. конф. преподавателей, научных сотрудников и аспирантов. Т. 2. Витебск: Витебский гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2013. С. 277–279.
11. Сунцова Н. Л. Лингвистическая модель порождения вторичного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 21 с.

12. Бабайлова А. Э. Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении неродному языку: социопсихолингвистический аспект. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 151 с.
13. Подолина О. В. Учебный текст как объект лингвистического исследования // Семантика и прагматика языковых единиц в синхронии и диахронии: норма и вариант: сб. науч. ст. Симферополь: Ариал, 2017. С. 243–248.
14. Егоров В. В., Скибицкий Э. Г., Храпченков В. Г. Педагогика высшей школы. Новосибирск: САФБД, 2008. 260 с.
15. Доблаев Л. П. Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. М.: Педагогика, 1982. 171 с.
16. ГОСТ 7.60–2003. Издания. Основные виды. Термины и определения. URL: <https://ifap.ru/library/gost/7602003.pdf> (дата обращения: 20.02.2023).
17. Серебренникова Е. А. Учебный дискурс в зеркале описания категориальных и дифференциальных характеристик // Наука и образование: материалы XXIV Всероссийской с международным участием научно-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых (г. Томск, 14–22 апреля 2022 г.): в 3 т. Т. 1: Филология и филологическое образование. Актуальные вопросы теории и практики преподавания истории и права / науч. ред.: Н. С. Болотнова, Т. В. Галкина и др. Томск: ТГПУ, 2022. С. 226–231.
18. Кожина М. Н. Научный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожин. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 242–248.
19. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. Ч. II: Основные признаки текста. Текстовые категории. Типологии текстов: учебное пособие для филологов. Томск: Изд-во ТГПУ, 2004. 170 с.
20. Аванесов В. С. Теория квантования учебных текстов // Педагогические измерения. 2014. № 1. С. 62–77.
21. Crossley S. A., Allen D. B., McNamara D. S. Text Readability and Intuitive Simplification: A Comparison of Readability Formulas // *Reading in A Foreign Language*. 2011. Vol. 23, № 1. P. 84–101.
22. Глушенко Н. В. Учебный текст как объект исследования. URL: <https://pedsovet.su/publ/70-1-0-1621> (дата обращения: 20.02.2023).
23. Солнышкина С. И., Кисельников А. С. Сложность текста: Этапы изучения в отечественном и прикладном языкознании // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Филология. 2015. № 6 (38). С. 86–99.
24. Редькина О. Ю. Функциональный подход к типологии жанров дидактического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2019. 202 с.

References

1. Vasyukovich L. S. Evolyutsiya uchebnogo teksta kak lingvometodicheskoy yedynitsy shkol'nogo uchebnika [Evolution of the educational text as a linguo-methodological unit of a school textbook]. *Obrazovaniye kak faktor razvitiya intellektual'no-nravstvennogo potentsiala lichnosti sovremennogo obshchestva: materialy mezhdunarodnoy konferentsii*. Pod obshchey redaktsiyey V. N. Skvortsova. Otvetstvennye redaktor I. M. Morozova [Education as a factor in the development of the intellectual and moral potential of the personality of modern society: Proceedings of the international scientific conference. Ed. V. N. Skvortsova, responsible ed. M. I. Morozova]. Saint Petersburg, Leningrad state university named after A. S. Pushkin Publ., 2015. Pp. 219–222 (in Russian).
2. Gel'finan E. G., Kholodnaya M. A. *Psikhodidaktika shkol'nogo uchebnika. Intellektual'noye vospitaniye uchashchikhsya* [Psychodidactics of a school textbook. Intellectual education of students]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2006. 384 p. (in Russian).
3. L'vova A. A. Mikrotekst kak sovremennoye pedagogicheskoye sredstvo [Microtext as a modern pedagogical tool]. *Molodoy uchenyy*, 2020, no. 2 (292), pp. 28–34 (in Russian). URL: <https://moluch.ru/archive/292/66076/> (accessed 20 February 2023).
4. Serova T. S., Pipchenko Ye. L., Chervenkov Yu. Yu. Makrotekst i giperteksty kak ob'yekt gibkogo inoyazychnogo chteniya i istochnik informatsii uchebno-issledovatel'skoy deyatel'nosti studentov [Macrotext and hypertexts as an object of flexible foreign language reading and a source of information for students' educational and research activities]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2016, no. 2 (34), pp. 157–176 (in Russian).
5. Grechikhin A. A., Dreys Yu. G. *Vuzovskaya uchebnaya kniga: Tipologiya, standartizatsiya, komp'yuterizatsiya* [Higher education book: Typology, standardization, computerization]. Moscow, Logos, MGUP Publ., 2000. 254 p. (in Russian).
6. Khalilzadekh A. Z. Uchebnyy tekst kak neot'yemlemaya chast' lingvodidakticheskoy sistemy [Educational text as an integral part of the linguodidactic system]. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2012, no. 3, pp. 118–125 (in Russian).
7. *Uchebnaya kniga v sisteme filologicheskogo obrazovaniya: sbornik statey*. Red. A. M. Mezenko i dr.; Otv. red. S. V. Nikolayenko [Educational book in the system of philological education: collection of articles. Eds Mezenko A. M. et al. Editor in chief S. V. Nikolayenko]. Vitebsk, Vitebskiy gos. un-t im. P. M. Masherova Publ., 2018. 126 p. (in Russian).
8. Yakhlibayeva L. M. Uchebnyy tekst kak osobyy vid vtorichnogo teksta i sostavlyayushchaya uchebnogo diskursa [Educational text as a special type of secondary text and a component of educational discourse]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of the Bashkir University*, 2008, vol. 13, no. 4, pp. 1029–1031 (in Russian).
9. Lebedeva M. Yu., Veselovskaya T. S., Kupreshchenko O. F. Osobennosti vospriyatiya i ponimaniya tsifrovyykh tekstov: mezhdistsiplinarnyy vzglyad [Features of perception and understanding of digital texts: an interdisciplinary view]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya – Perspectives of science and education*, 2020, no. 4 (46), pp. 74–98 (in Russian). doi: 10.32744/pse.2020.4.5

10. Oksenchuk A. Ye. Spetsifika uchebnogo nauchnogo teksta: osnovnyye podkhody k ponyatiyu «uchebnyy tekst» [The specificity of the educational scientific text: the main approaches to the concept of “educational text”]. *Nauka – obrazovaniyu, proizvodstvu, ekonomike: materialy XVIII Regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii prepodavateley, nauchnykh sotrudnikov i aspirantov*. Tom 2 [Science – education, production, economics: materials of the XVIII Regional scientific and practical conference of teachers, researchers and graduate students. Vol. 2]. Vitebsk. Vitebsk gos. un-t im. P. M. Masherova Publ., 2013. Pp. 277–279 (in Russian).
11. Suntsova N. L. *Lingvisticheskaya model' porozhdeniya vtorichnogo teksta*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Linguistic model of secondary text generation. Abstract of diss. ... cand. philol. sci.]. Moscow, 1999. 21 p. (in Russian).
12. Babaylova A. E. *Tekst kak produkt, sredstvo i ob'yekt kommunikatsii pri obuchenii nerodnomu yazyku: sotsiopsikholingvisticheskiy aspekt* [Text as a product, means and object of communication in teaching a non-native language: a sociopsycholinguistic aspect]. Saratov, Saratov University Publ., 1987. 151 p. (in Russian).
13. Podolina O. V. *Uchebnyy tekst kak ob'yekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Educational text as an object of linguistic research]. *Semantika i pragmatika yazykovykh yedinit v sinkhronii i diakhronii: norma i variant: sbornik nauchnykh statey* [Semantics and pragmatics of language units in synchrony and diachrony: norm and variant: collection of scientific articles]. Simferopol, Arial Publ., 2017. Pp. 243–248 (in Russian).
14. Yegorov V. V., Skibitskiy E. G., Khrapchenkov V. G. *Pedagogika vysshey shkoly* [Pedagogy of higher education]. Novosibirsk, SAFBD Publ., 2008. 260 p. (in Russian).
15. Doblayev L. P. *Smyslovaya struktura uchebnogo teksta i problemy yego ponimaniya* [The semantic structure of the educational text and the problems of its understanding]. Moscow, Pedagogika Publ., 1982. 171 p. (in Russian).
16. GOST 7.60–2003. *Izdaniya. Osnovnyye vidy. Terminy i opredeleniya* [GOST 7.60–2003. Editions. Main types. Terms and Definitions] (in Russian). URL: <https://ifap.ru/library/gost/7602003.pdf> (accessed 20 February 2023).
17. Serebrennikova E. A. *Uchebnyy diskurs v zerkale opisaniya kategorial'nykh i differentsial'nykh kharakteristik* [Educational discourse in the mirror of description of categorical and differential characteristics]. *Nauka i obrazovaniye: materialy XXIV Vserossiyskoy s mezhdunarodnym uchastiyem nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, aspirantov i mologiykh uchenykh (g. Tomsk, 14–22 aprelya 2022 g.): v 3 tomakh. Tom 1: Filologiya i filologicheskoye obrazovaniye. Aktual'nye voprosy teorii i praktiki prepodavaniya istorii i prava*. Nauch. red. N. S. Bolotnova, T. V. Galkina i dr. [Science and education: materials of the XXIV All-Russian scientific and practical conference of students, graduate students and young scientists with international participation (Tomsk, April 14–22, 2022): in 3 vol. Vol. 1: Philology and Philological Education. Topical issues of theory and practice of teaching history and law. Eds. N. S. Bolotnova, T. V. Galkina, et al.]. Tomsk, TSPU Publ., 2022. Pp. 226–231 (in Russian).
18. Kozhina M. N. *Nauchnyy stil'. Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka*. Pod redaktsiyey M. N. Kozhinoy [Scientific style. Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language. Ed. M. N. Kozhina]. Moscow, Flinta, Nauka. Publ., 2003. Pp. 242–248 (in Russian).
19. Bolotnova N. S. *Filologicheskii analiz teksta. Ch. II: Osnovnyye priznaki teksta. Tekstovyye kategorii. Tipologii tekstov: uchebnoye posobiye dlya filologov* [Philological analysis of the text. Part II: The main features of the text. Text categories. Typologies of texts: a textbook for philologists]. Tomsk, TSPU Publ., 2004. 170 p. (in Russian).
20. Avanesov V. S. *Teoriya kvantovaniya uchebnykh tekstov* [The theory of quantization of educational texts]. *Pedagogicheskiye izmereniya – Pedagogical measurements*, 2014, no. 1, pp. 62–77 (in Russian).
21. Crossley S. A., Allen D. B., McNamara D. S. Text Readability and Intuitive Simplification: A Comparison of Readability Formulas. *Reading in a Foreign Language*, 2011, vol. 23, no. 1, pp. 84–101.
22. Glushchenko N. V. *Uchebnyy tekst kak ob'yekt issledovaniya* [Educational text as an object of research] (in Russian). URL: <https://pedsovet.su/publ/70-1-0-1621> (accessed 20 February 2023).
23. Solnyshkina C. I., Kisel'nikov A. S. Slozhnost' teksta: Etapy izucheniya v otechestvennom i prikladnom yazykoznanii [Complexity of the text: Stages of study in domestic and applied linguistics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2015, no. 6 (38), pp. 86–99 (in Russian).
24. Red'kina O. Yu. *Funktsional'nyy podkhod k tipologii zhanrov didakticheskogo diskursa*. Dis. ... kand. filol. nauk [Functional approach to the typology of didactic discourse genres. Dis. ... cand. philol. sci.]. Chelyabinsk, 2019. 202 p. (in Russian).

Информация об авторах

Серебренникова Е. А., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Курьянович А. В., доктор филологических наук, зав. кафедрой, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the authors

Serebrennikova E. A., graduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Kuryanovich A. V., Doctor of Philological Sciences, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 02.02.2023; принята к публикации 17.03.2023

The article was submitted 02.02.2023; accepted for publication 17.03.2023

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.521'33:316.647.8:37.018.556
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-40-47>

Лингвистическая репрезентация гетеростереотипов в японском педагогическом дискурсе (на материале учебников по японскому языку для иностранцев)

Анна Владимировна Козачина¹, Юлия Александровна Базаева²

^{1,2} *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

¹ *avkozachina@gmail.com*

² *bazaevayua@gmail.com*

Аннотация

Феномен стереотипа привлек внимание широкого спектра гуманитарных наук в XX в. вследствие осознания влияния социокультурного контекста на индивида. В современной науке отмечается растущий интерес к изучению явления стереотипизации в педагогическом дискурсе, поскольку он при своей кажущейся объективности подвержен идеологическому влиянию и предполагает усвоение реципиентами информации, неизбежно транслирующей этнические и культурные стереотипы и предрассудки. В связи с этим возникает необходимость выявления и изучения идеологического наполнения в письменных образовательных материалах по иностранному языку. Описываются средства вербализации гетеростереотипов в учебных пособиях по японскому языку для иностранцев. Материалом исследования служат учебники по японскому языку для иностранцев начального и среднего уровня языковой подготовки. В качестве основных инструментов исследования использованы методы качественно-количественного, контекстуального и дискурсивного анализа, а также элементы лингвокультурологического анализа. На страницах учебников можно проследить репрезентацию элементов стереотипического образа иностранца при помощи различных языковых средств. На уровне лексики постулируется положительная характеристика внешнего облика, внутренних качеств и владения японским языком персонажей-иностранцев, находящихся в Японии. Наряду с этим употребляемые грамматические средства, пресуппозиция в предложениях и тематический подбор нарративов зачастую подчеркивают неполную интегрированность иностранцев в японское общество благодаря презумпции временного статуса персонажей-иностранцев в Японии. При этом иностранцы, особенно принадлежащие к западной культуре, нередко показаны совершающими коммуникативные ошибки, нарушающими нормы японского речевого этикета и доставляющими неудобство персонажам-японцам. Проведенный анализ позволяет выявить основные стереотипические черты образа иностранца в учебниках японского языка и языковые средства их репрезентации. Прослеживаемые закономерности выявляют противоречие между целенаправленной трансляцией открытости Японии по отношению к иностранцам и глубоко укорененным в японской культуре восприятием иностранца как «чужого».

Ключевые слова: *стереотип, гетеростереотип, лингвокультурология, японский язык, педагогический дискурс, учебники японского языка*

Для цитирования: Козачина А. В., Базаева Ю. А. Лингвистическая репрезентация гетеростереотипов в японском педагогическом дискурсе (на материале учебников по японскому языку для иностранцев) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 3 (227). С. 40–47. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-40-47>

COMPARATIVE AND APPLIED LINGUISTICS

Linguistic representation of heterostereotypes in Japanese pedagogical discourse (based on the Japanese language textbooks for foreigners)

Anna V. Kozachina¹, Yuliya A. Bazayeva²

^{1,2} Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

¹ avkozachina@gmail.com

² bazaevayua@gmail.com

Abstract

In the 20th century, the phenomenon of stereotype started to attract wide scientific attention in the field of humanities, due to the occurred awareness of the influence of socio-cultural context on an individual. Nowadays we can see a growing interest in the research of stereotyping in pedagogical discourse, because while being seemingly unbiased, pedagogical discourse is subject to ideological influence and involves perception of information that inevitably transmits ethnic and cultural stereotypes and prejudices. That fact forms the necessity of detecting and researching the ideological content in written foreign language learning materials. The aim is to describe various ways in which heterostereotypes are verbalized in Japanese language textbooks for foreigners. The research is based on Japanese language textbooks for foreigners of elementary and intermediate level of proficiency. The major methods used are qualitative-quantitative, contextual and discourse analysis as well as some elements of linguocultural analysis. In the content of the analyzed textbooks we see the elements of stereotypical image of a foreigner represented by various linguistic means. On the vocabulary level, there are multiple positive characteristics of appearance, personality traits and Japanese language skills of the foreign characters residing in Japan. At the same time, grammatical structures, the existence of presupposition in some sentences, and the thematic selection of narratives often emphasize the insufficient level of integration of the foreign characters into Japanese society through the presumption of their temporary status in Japan. In addition, foreigners, especially Western culture bearers, are often shown making communicative mistakes, violating Japanese etiquette rules and causing trouble for Japanese characters. The analysis demonstrates main stereotypical features of the image of a foreigner in Japanese textbooks and the ways of their linguistic representation. Established patterns reveal the contradiction between the intentional transmission of the message of Japan's openness towards foreigners and the perception of a foreigner as a member of the "out-group" that is deeply rooted in Japanese culture.

Keywords: stereotype, heterostereotype, linguoculturology, Japanese language, pedagogical discourse, Japanese language textbooks

For citation: Kozachina A. V., Bazayeva Y. A. Linguistic representation of heterostereotypes in Japanese pedagogical discourse (based on the Japanese language textbooks for foreigners) [Lingvisticheskaya reprezentatsiya geterostereotipov v yaponskom pedagogicheskom diskurse (na materiale uchebnikov po yaponskomu yazyku dlya inostrancev)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 3 (227), pp. 40–47 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-40-47>

Введение

Стереотипные представления о своих и чужих культурных феноменах наблюдаются на протяжении всей истории человечества. В современном мире они остаются немаловажным фактором, конституирующим межкультурное взаимодействие различных языковых сообществ.

Особое место в современной науке отведено изучению стереотипов и процессу стереотипизации в дискурсе, поскольку тот базируется на комплексе культурных и ценностных доминант того или иного лингвокультурного сообщества. Многочисленные социолингвистические и дискурсивные исследования, направленные на выявление способов и средств установления контроля и воспроизводства власти [1–3], демонстрируют идеологическую ан-

гажированность различных дискурсов, ввиду чего те становятся трансляторами в том числе и стереотипных предубеждений представителей той или иной лингвокультуры относительно других этносов (рас). К таким мы относим и *педагогический дискурс* [4–6], который, являясь «средством хранения, передачи и регуляции знания» и ««эталон» для построения локальных дискурсивных практик» [7, с. 28], предполагает усвоение реципиентом «определенных текстов, предписываемых властными институтами» [8, с. 32], а потому отражает результаты влияния идеологии «на языковую политику в системе образования» [9, с. 12].

Термин «стереотип» был введен в научный оборот американским публицистом У. Липпманом в 1922 г. Ученый пришел к выводу, что в сознании

человека складываются представления в том числе и о тех явлениях действительности, которые не основаны на его личном опыте, но возникают у него опосредованно из культурного контекста. Такие представления он и называл *стереотипами* [10, с. 97]. На сегодняшний день феномен стереотипа стал предметом обширных исследований в языкознании: в контексте лингвокультурологии [11, 12], когнитивной лингвистики [13, 14] и др.

Настоящее исследование базируется на изучении стереотипа с позиции лингвокультурологии, в рамках которой В. В. Красных под стереотипом понимает «структуру ментально-лингвального комплекса, формируемую инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих образ, представление феномена, стоящего за данной единицей в его национально-культурной маркированности» [15, с. 178].

Стереотипы принято делить на *автостереотипы* и *гетеростереотипы* [16, с. 14; 17, с. 108; 18, с. 136]. В отличие от *автостереотипа*, который отражает представление национально-культурной общности о себе самой, *гетеростереотип* – это «обобщенное представление о типичных чертах, характеризующих другой народ» [17, с. 108]. Усвоение гетеростереотипов происходит не только в результате контакта с представителями различных народов, но и из СМИ, художественной литературы и т. п. [14, с. 79].

Е. Л. Вилинбахова, анализируя существующие модели репрезентации стереотипов в русском языке, приходит к выводу, что вербально стереотипы могут актуализироваться средствами всех компонентов языка [19, с. 60]. В качестве классификации выявленных стереотипических признаков образа иностранца исследователь предлагает следующие категории: внешний облик; внутренние качества; социальное положение; знание языка страны пребывания; поведение [19, с. 150].

Опираясь на данную модель, в рамках настоящей статьи предпринимается попытка анализа средств вербализации гетеростереотипов в педагогическом дискурсе.

Материал и методы

Важную роль в процессе контроля над дискурсом, в особенности – педагогическим, играет письменный модус, поскольку, как отмечает Т. А. ван Дейк, «в большинстве случаев он лучше контролируется» [3, с. 76]: занятия в школах не могут проходить без учебников, образовательных и рабочих программ и других письменных материалов. Как справедливо отмечает С. В. Первухина, написание доступных для восприятия и понимания текстов является в том числе лингвистической проблемой, требующей тщательного анализа, теоретического осмысления и разработки методов решения [20, с. 43].

Нередко в фокусе внимания современных ученых оказывается содержание учебников для изучения иностранного языка [21–23]. Так, по мнению С. Л. Курдт-Кристиансен и К. Венингер, тексты языковых учебников не являются «нейтральными источниками информации», но их кажущаяся «безобидность» и объективность могут приводить к некритичному восприятию их идеологического наполнения [22, с. 2–4]. Как следствие, учебники не избавлены от трансляции гендерных, этнических и культурных предрассудков и стереотипов, субъективных представлений авторов-составителей о том, что является нормальным и правильным [21, с. 43–44]. На определенном этапе учебник может являться для учеников основным источником информации о языке и культуре страны, что ввиду субъективности подбора материала может лингвистическими средствами имплицитно или эксплицитно вызвать у учеников чувство «отчужденности», противопоставления «мы–они» [22, с. 4]. Данные факторы обуславливают причины потребности в анализе содержания учебников иностранного языка и выявлении заключенных в нем скрытых смыслов.

В фокусе настоящего исследования находится корпус текстов учебников по японскому языку для иностранцев. Материал был отобран по следующим критериям:

- аутентичность (авторами являются японцы, учебное пособие издано в Японии);
- актуальность (учебное пособие издано в период с 1989 по 2022 г.);
- лингвистическая содержательность (в тексте учебников присутствуют такие жанры, как нарративы с участием персонажей-иностранцев, высказывания в форме личного мнения персонажей-японцев об иностранцах).

В соответствии с этими критериями было отобрано 10 учебников, рассчитанных на начальный и средний уровень владения языком, общим объемом более 2 400 страниц, в том числе такие популярные учебники, так *みんなの日本語* («Японский язык для всех»), *つなぐにほんご* («Объединяющий японский язык»), *まるごと* («Все вместе») и др.

В качестве основных инструментов исследования в настоящей статье использованы методы качественно-количественного, контекстуального и дискурсивного анализа, помогающие выявить стереотипические черты образа. Также применяются элементы лингвокультурологического анализа, помогающие установить связь между текстом учебников и характерными особенностями японской культуры и менталитета.

Результаты и обсуждение

Прежде всего мы проанализировали номинации понятия «иностранец». При помощи толковых словарей и корпуса японского языка было установле-

Национальная принадлежность персонажей-иностранцев

Регион происхождения	Национальность	Количество
Восточная Азия	中国人 китаец	15
	韓国人 кореец	9
Юго-Восточная и Центральная Азия	タイ人 таец	7
	インド人 индиец	4
	インドネシア人 индонезиец	4
	フィリピン人 филиппинец	2
	マレーシア人 малазиец	1
	ネーパール人 непалец	1
	ベトナム人 вьетнамец	1
	シンガポール人 сингапурец	1
Европа, Америка и Австралия	ブラジル人 бразилец	6
	アメリカ人 американец	5
	ドイツ人 немец	3
	イギリス人 англичанин	2
	フランス人 француз	2
	ロシア人 русский	2
	カナダ人 канадец	2
	オーストラリア人 австралиец	1
Африка	メキシコ人 мексиканец	1
	ケニア人 кениец	1

но, что доминантной лексемой является 外国人/гайкокудзин/, как наиболее частотное (4 366 единиц в корпусе японского языка BCCWJ) и стилистически нейтральное (основу зоны интенционала этой лексемы составляют следующие признаки: отсутствие гражданства или подданства на территории определенного государства; нахождение на территории этого государства) слово.

Анализ употребления лексем в корпусе текстов учебников показал, что 外国人 – единственное существительное со значением «иностранец», фигурирующее в рассматриваемых учебниках. Настоящий факт обуславливается потребностью в наиболее общей номинации совокупности персонажей различной национальной принадлежности, не являющихся японцами. Употребления стилистически окрашенных синонимов (外人 /гайдзин/, 異人 /идзин/ и т. д.) отмечено не было, что объясняется принадлежностью к письменному педагогическому дискурсу.

Данные по национальной принадлежности персонажей-иностранцев по материалам учебных пособий, в которых она была эксплицитно обозначена, были сведены в следующую таблицу.

Из полученных данных следует, что национальный состав персонажей, фигурирующих в учебных пособиях, довольно широк. При этом наблюдается преобладание отдельных национальных групп: так, наиболее часто на страницах учебника фигурируют представители Восточной и Юго-Восточной Азии (преобладают персонажи-китайцы и корейцы). Большинство европейцев являются гражданами крупных западноевропейских стран, таких как Великобритания, Франция и Германия.

Однако типичные представители европеоидной расы для составителей учебников – это в первую очередь не европейцы, а граждане США и Бразилии. Представители народов Африки, за единственным исключением, не представлены.

Что касается **внешности персонажей-иностранцев**, в исследованном материале постулируется утверждение об их красоте, что проявляется при помощи: *оценочных прилагательных с положительной коннотацией* (美しい /уцукусии/ «красивый», かわいい /каваи/ «прелестный»); *описательных прилагательных* (背が高い /сэ га такаи/ «высокий», 目が大きい /мэ га оокии/ «большеглазый»); *прилагательных-англицизмов* (ハンサム /хансаму/ – «привлекательный»); *псевдоанглицизмов* (イケメン /икэмэн/ – «красавчик», от яп. жарг.: イケてる /икэтэру/ – «привлекательный» и англ. «man» – мужчина).

Внутренние качества персонажей-иностранцев репрезентируются на уровне *лексики* при помощи качественных прилагательных преимущественно положительной коннотации (優しい /ясасии/ «добрый», 楽しい /таносии/ «веселый», 元気な /гэнкина/ «энергичный»).

В редких случаях по отношению к персонажам-иностранцам мужского пола употребляются прилагательные с отрицательной коннотацией (怖そうな /ковасо:на/ «пугающий с виду», 厳しそうな /кибисисо:на/ «строгий с виду»), что свидетельствует о том, что иностранцы могут оставлять у японцев пугающее впечатление. Однако в рассматриваемых учебниках за подобным утверждением следует постулирование положительных качеств, которые преподносятся как более значимые:

シュミットさんは写真で見ると、怖そうですが、話してみると、とてもやさしい人だそうです。

Если судить по фотографии, Шмидт выглядит пугающе, но я слышал, что, если с ним поговорить, окажется, что он **очень добрый человек**.

Социальный статус персонажей-иностранцев на уровне грамматики выражен в виде стереотипа о финансовом неблагополучии персонажей-иностранцев, необходимости экономить и брать деньги в долг:

ノーイ：ねえ、1000円貸して。

マリア：ごめん。1500円しか持っていないから、ちょっと無理。

Ной: Слушай, одолжи 1000 йен.

Мария: Извини. У самой **кроме 1500 йен ничего нет**, поэтому не получится.

В данной ситуации стесненные финансовые обстоятельства подчеркиваются ограничительным оборотом *しか～ない* («нет... кроме»), особенностью которого является то, что, кроме ограничительных свойств, он также несет в себе оттенок несоответствия ожиданию, указывая на то, что количество чего-то меньше, чем говорящий ожидал и хотел бы [24, с. 450].

На синтаксическом уровне подчеркивается временное пребывание персонажа-иностранца в Японии, его гостевой статус, что проявляется имплицитно в пресуппозиции вариаций вопросительных предложений со значением «Когда вы возвращаетесь на родину?» (*いつ国へお帰りしますか*). На наличие пресуппозиции в данном случае указывают вопросительное слово *いつ* /ицу/ («когда?») и глагол *帰る* /каэру/ («возвращаться домой»).

Знание японского языка и успехи иностранцев в его изучении чаще всего вербализуются в учебниках с помощью глаголов в потенциальном залоге (*できる* /дэкиру/ «мочь»): *日本語の本を読むことができる* («**может читать книги на японском языке**»); лексем семантического поля «умелый» (*上手* /дзэ:дзу/, *得意* /токуи/): *ミラーさんは日本語が上手になりました* («**Г-н Миллер хорошо овладел японским языком**»). При этом заслуживает внимания тот факт, что высказывания, содержащие в себе лексему *上手*, в японском языке относятся к категории речевых актов *ほめ言葉* /хомэкотоба/ («похвала/комплимент»), которые выполняют функцию инициирования коммуникации или укрепления взаимоотношений [25, с. 45] и, соответственно, используются японцами чаще в качестве продуманной «стратегии успешного делового общения», чем искреннее восхищение умениями собеседника [26, с. 59]. Персонажи-иностранцы в учебниках не всегда проявляют в подобных ситуациях ожидаемый уровень скромности:

— 日本語が上手ですね。どのぐらい勉強しましたか。

— 4年勉強しました。

— *Вы так хорошо говорите по-японски. Как долго вы его учили?*

— Я учил его 4 года.

В этом примере иностранец сразу переходит к ответу на вопрос, что выглядит как принятие комплимента за должное. Более приемлемой была бы, например, следующая фраза: «Я изучал его 4 года, но мне все еще есть чему поучиться».

В поведении иностранцев в Японии прослеживается тенденция к совершению ошибок, что актуализируется имплицитно – посредством подбора ситуаций. На страницах учебников персонажи-иностранцы: опаздывают (11 ситуаций), ломают, теряют и забывают вещи (5), нарушают нормы поведения в японском обществе (12), правила пользования предметами (4). Здесь важно подчеркнуть, что в учебных пособиях попадают в подобные ситуации только персонажи-иностранцы, персонажи-японцы ошибок не совершают. Таким образом имплицитно постулируется: иностранцы относятся к категории *外* /сото/, то есть находятся вне контекста японской действительности.

В связи с этим наиболее ярко выражены ошибки коммуникативного поведения иностранцев с точки зрения японской лингвокультуры: «самовозвышение», «самооправдание», прямой отказ, не-умение «чувствовать атмосферу». Примечательно, что данный стереотип в большей мере характерен для персонажей – представителей западной лингвокультуры.

Так, умение принести извинения является важной частью японского делового дискурса. От сотрудника фирмы как основного актора ожидается, что за совершенной ошибкой последует эксплицитно выраженное извинение без оправданий. Как пишет А. Вежицкая, в японской лингвокультуре сам факт причинения неудобства считается достаточным поводом для извинения, а оправдываясь, человек имплицитно передает смысл «я не сделал ничего плохого, а, следовательно, не несу ответственность», что негативно воспринимается в деловой среде [27, с. 659].

В качестве примера «самооправдания» рассмотрим диалог между сотрудником-американцем и начальником-японцем, где американец опаздывает на работу:

中村課長：ミラーさん、どうしたんですか。

ミラー：実は来る途中で、事故があって、バスが遅れてしまったんです。

Начальник отдела Накамура: Что случилось, Миллер?

Миллер: Дело в том, что на дороге произошла авария, и автобус пришел поздно.

Здесь американец оправдывает свое опоздание внешними причинами. При этом он пользуется такими синтаксическими конструкциями, как экспрессивная частица *ん* /н/ в сочетании со служебным глаголом *です* /дэсу/, подчеркивающим эмоци-

ональное состояние говорящего [24, с. 470], вспомогательный глагол *しまう* /симау/, имеющий коннотацию нежелательности произошедшего для говорящего [24, с. 329].

Выслушав оправдания, начальник произносит фразу *みんな心配してたんです* («мы же все волновались»), которая в данном случае является имплицитным обвинением и косвенно передает, что оправдания опоздавшего неуместны, потому что суть проступка заключается в том, что он доставил всем неудобство, заставил волноваться и должен нести за это ответственность. Опоздавший же, вероятно, не распознает заложенного в ответе начальника намек и поэтому продолжает оправдываться:

電話しなかったんですが、ケータイを打ちに忘れてしまって...

Я хотел позвонить, но забыл телефон дома...

К числу нередко встречающихся нарушений японского этикета можно также отнести столкновение западного принципа «самовозвышения» и японского принципа «самоуничтожения». В лингвострановедческой литературе отмечается негласное правило, в соответствии с которым в японском обществе считается неуместным и нескромным соглашаться с комплиментом в свою сторону и принимать его [27, с. 667].

Продемонстрируем проявление «самовозвышения» у персонажа – представителя западной культуры в диалоге между японкой и британцем, работающими в университете:

大学職員：本もきちんと並べてあるし…。整理するのが上手なんですね。

ワット：昔「上手な整理の方法」と言う本を書いたことがあるんです。

Сотрудница университета: У вас и книги аккуратно расставлены... Похоже, вы **очень хорошо умеете убираться**.

Ватт: Когда-то я даже написал книгу, которая называлась «Руководство по **искусной** уборке».

Здесь персонаж-британец не только не опровергает комплименты насчет своего умения хорошо убираться, но и сам его хвалит. Так, переводя название своей книги, он употребляет полупредикативное прилагательное *上手な* /дзё:дзуна/ («мастерский, искусный»), которое по нормам японского языкового этикета не употребляется по отношению к собственным достижениям именно по причине содержащегося в нем оттенка похвалы, о котором было сказано ранее.

Таким образом, мы установили, что репрезентация гетеростереотипов в учебниках японского языка проявляется на *лексическом, грамматическом,*

синтаксическом и текстовом уровнях. Были выявлены следующие способы репрезентации стереотипов: употребление оценочных и описательных признаков; противопоставления; сравнительные обороты; подача стереотипа в пресуппозиции; подбор ситуаций, косвенно фиксирующих стереотип.

Стереотип иностранца, конституируемый посредством рассмотренных учебных материалов, можно охарактеризовать как дружественный, лишенный острых углов и непривлекательных черт, однако воспринимаемый в рамках японской лингвокультуры как отличный от ее типичных представителей, «другой», доставляющий неудобства. Наиболее полно это проявляется за счет ситуаций, в которых имплицитно демонстрируется, что персонажи-иностранцы плохо разбираются в японском речевом этикете, они прямолинейны, склонны возвеличивать себя и оправдываться, часто совершают ошибки, не пунктуальны. Примечательно, что вышеперечисленное характерно как для персонажей-представителей западной культуры, так и для представителей восточной культуры, однако представители западной культуры демонстрируют незнание речевого этикета в японском педагогическом дискурсе чаще.

Заключение

Проведенный анализ позволил выделить основные характеристики стереотипа иностранца в японском педагогическом дискурсе, а также описать языковые средства их вербализации в тексте учебников по японскому языку для иностранцев. Установление факта идеологической ангажированности педагогического дискурса приводит к тому, что с конца XX в. учебные пособия по иностранному языку нередко оказываются в центре внимания лингвистов, социологов и культурологов, исследующих идеологическое наполнение и стереотипизацию в отношении других культур, этносов, рас и т. п.

Настоящее исследование показало, что для авторов рассмотренных учебников типичный иностранец – это в первую очередь носитель азиатской и западноевропейской культур. На уровне лексических средств формируется положительный образ, однако несмотря на общую позитивную окраску, на грамматическом, синтаксическом и текстовом уровнях прослеживается влияние оппозиции «свой–чужой». Это проявляется, в частности, в репрезентации иностранцев как интересных, но доставляющих неудобства и зачастую неуместно себя ведущих гостей в Японии.

Список литературы

1. Fairclough N. Critical discourse analysis: The critical study of language. Essex: Longman Group Limited, 1995. 265 p.
2. Gilbert W., Wodak R. Critical discourse analysis: theory and interdisciplinarity. Hampshire; N.Y.: PALGRAVE MACMILLAN, 2003. 321 p.
3. Дейк Т. А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 342 с.

4. Bernstein B. *Class, Codes and Control: The Structuring of Pedagogic Discourse*. N.Y.: Routledge, 2003. 204 p.
5. Kubota R., Lin A. *Race, Culture, and Identities in Second Language Education: Exploring Critically Engaged Practice*. N.Y.: Routledge, 2009. 322 p.
6. Leeuwen T. *Discourse and Practice: New tools for critical discourse analysis*. Oxford: Oxford University Press, 2008. 184 p.
7. Кожемякин Е. А. Образовательно-педагогический дискурс // Современный дискурс-анализ: типы дискурсов: теоретические описания. 2010. № 2. С. 27–46.
8. Карасик В. И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сб. науч. тр. Саратов, 2000. С. 25–33.
9. Кобылкина Е. В., Кобенко Ю. В. Проблемы и противоречия языковой политики в российском образовании в контексте мировых глобальных процессов // Языковое образование в современном цифровом пространстве: материалы Международной научно-практ. конф., Хабаровск, 11–12 ноября 2021 г. Хабаровск: Дальневосточный гос. ун-т путей сообщения, 2021. С. 10–14.
10. Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
11. Стаурская Н. В. Языковая репрезентация лингвокультурного стереотипа как средства портретизации персонажа (на материале произведений У. С. Моэма, О. Хаксли и И. Во): дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2017. 238 с.
12. Некрасова А. Е. Дискурсивный анализ высказываний, отражающих стереотипы взаимовосприятия англичан и французов (на материале качественной британской и французской прессы): дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 115 с.
13. Косяков В. А. Стереотип как когнитивно-языковой феномен (на материалах СМИ, посвященных войне в Ираке): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2009. 23 с.
14. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 224 с.
15. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
16. Орлова О. Г. Дискурсивная теория стереотипа: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2013. 34 с.
17. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие. М.: Академия, 2001. 208 с.
18. Сорокина Н. В. Методологическая типология стереотипов как компонент содержания обучения иностранным языкам в вузе // Язык и культура. 2013. Т. 23, № 3. С. 120–139.
19. Вилинбахова Е. Л. Модели репрезентации стереотипов в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 209 с.
20. Первухина С. В. Механизмы адаптации текста в учебно-педагогическом дискурсе // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2019. № 6 (139). С. 43–46.
21. Bori P. *Language textbooks in the era of neoliberalism*. London; N.Y.: Rutledge, 2018. 205 p.
22. Kurdt-Cristiansen X. L., Weninger C. *The politics of textbooks in language education*. London; N.Y.: Rutledge, 2015. 241 p.
23. Risager K. *Representations of the world in language textbooks*. Bristol: Multilingual Matters, 2018. 516 p.
24. Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлесская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. Кн. 1. М.: Наталис, 2008. 60 с.
25. 平田真美. ほめ言葉への返答. 横浜: 横浜国立大学留学生センター紀要, 1999. № 6. Р. 38–47 (Хирата Мами. Ответы на комплименты // Известия Международного студенческого центра Государственного университета Йогогама, 1999. № 6. С. 38–47.)
26. Гончар М. С. Пожелание и комплимент как национально ориентированные речевые тактики в речи русских и представителей Восточной Азии на русском языке: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2018. 166 с.
27. Вежибicka А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.

References

1. Fairclough N. *Critical discourse analysis: The critical study of language*. Essex: Longman Group Limited. 1995. 265 p.
2. Gilbert W., Wodak R. *Critical discourse analysis: theory and interdisciplinarity*. Hampshire; N.Y.: PALGRAVE MACMILLAN, 2003. 321 p.
3. Dijk T. A. *Discourse and power*. London: Palgrave, 2008. 320 p. (Russ ed.: Deyk T. A. Diskurs i vlast'. Rerezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii. Moscow, LIBROKOM Publ., 2013. 342 p.).
4. Bernstein B. *Class, Codes and Control: The Structuring of Pedagogic Discourse*. N.Y.: Routledge, 2003. 204 p.
5. Kubota R., Lin A. *Race, Culture, and Identities in Second Language Education: Exploring Critically Engaged Practice*. N.Y.: Routledge, 2009. 322 p.
6. Leeuwen T. *Discourse and Practice: New tools for critical discourse analysis*. Oxford: Oxford University Press, 2008. 184 p.
7. Kozhemyakin E. A. Obrazovatel'no-pedagogicheskiy diskurs [Educational and pedagogical discourse]. *Sovremennyy diskurs-analiz: tipy diskursov: teoreticheskiye opisaniya – Modern discourse analysis: types of discourses: theoretical descriptions*, 2010, no. 2, pp. 27–46 (in Russian).
8. Karasik V. I. Struktura institutsional'nogo diskursa [Structure of institutional discourse]. *Problemy rechevoy kommunikatsii. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Problems of speech communication. Interuniversity collection of scientific papers]. Saratov, 2000. Pp. 25–33 (in Russian).

9. Kobylkina E. V., Kobenko Y. V. Problemy i protivorechiya yazykovoy politiki v rossiyskom obrazovanii v kontekste mirovykh global'nykh protsessov [Problems and contradictions of language policy in Russian education in the context of global processes]. *Yazykovoye obrazovaniye v sovremennoy tsifrovom prostranstve: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Khabarovsk, 11–12 noyabrya 2021 g.* [Language education in the modern digital space: the international scientific and practical conference proceedings, Khabarovsk, November 11–12, 2021]. Khabarovsk: Far Eastern State Transport University Publ., 2021. Pp. 10–14 (in Russian).
10. Lippmann W. *Public opinion*. New York: Free Press, 1997. 288 p. (Russ. ed.: Lippman U. Obshchestvennoe mnenie: per. s ang. T. V. Barchunovoy. Moscow, Institut Fonda «Obshchestvennoye mneniye» Publ., 2004. 384 p.).
11. Sturskaya N. V. *Yazykovaya reprezentatsiya lingvokul'turnogo stereotipa kak sredstva portretizatsii personazha (na materiale proizvedeniy U. S. Moema, O. Khakli i I. Vo)*. Dis. kand. filol. nauk [Linguistic representation of a linguocultural stereotype as a means of portraying a character (based on the works of W. S. Maugham, A. Huxley and E. Waugh). Diss. cand. of philol. sci.]. Omsk, 2017. 238 p. (in Russian).
12. Nekrasova A. E. *Diskursivnyy analiz vyskazyvaniy, otrazhayushchikh stereotipy vzaimovospriyatiya anglichan i frantsuzov (na materiale kachestvennoy britanskoy i frantsuzskoy pressy)*. Dis. kand. filol. nauk [Discursive analysis of statements reflecting stereotypes of mutual perception of the British and the French (on the material of British and French quality press). Diss. cand. of philol. sci.]. Moscow, 2009. 115 p. (in Russian).
13. Kosyakov V. A. *Stereotip kak kognitivno-yazykovoy fenomen (na materialakh SMI, posvyashchennykh voyne v Irake)*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Stereotype as a cognitive and linguistic phenomenon (on the materials of mass media about the Iraq War). Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Irkutsk, 2009. 23 p. (in Russian).
14. Prokhorov Yu. E. *Natsional'nyye sotsiokul'turnyye stereotipy rechevogo obshcheniya i ikh rol' v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev* [National socio-cultural stereotypes of speech communication and their role in teaching Russian to foreigners]. Moscow, LKI Publ., 2008. 224 p. (in Russian).
15. Krasnykh V. V. *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: kurs lektiy* [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: a course of lectures]. Moscow, ITDGK Gnozis Publ., 2002. 284 p. (in Russian).
16. Orlova O. G. *Diskursivnaya teoriya stereotipa*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [Discursive Theory of Stereotype. Abstract of thesis doct. of philol. sci.]. Kemerovo, 2013. 34 p. (in Russian).
17. Maslova V. A. *Lingvokul'turologiya: uchebnoye posobiye* [Linguoculturology: a textbook]. Moscow, Akademiya Publ., 2001. 208 p. (in Russian).
18. Sorokina N. V. Metodologicheskaya tipologiya stereotipov kak komponent soderzhaniya obucheniya inostrannym yazykam v vuze [Methodological typology of stereotypes as a component of educational content in teaching foreign languages at universities]. *Yazyk i kul'tura – Language and culture*, 2013, vol. 23, no. 3, pp. 120–139 (in Russian).
19. Vilinbakhova E. L. *Modeli reprezentatsii stereotipov v russkom yazyke*. Dis. kand. filol. nauk [Models of stereotype representation in Russian language. Diss. cand. of philol. sci.]. Saint Petersburg, 2011. 209 p. (in Russian).
20. Pervukhina S. V. Mekhanizmy adaptatsii teksta v uchebno-pedagogicheskom diskurse [Mechanisms of text adaptation in educational discourse]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Volgograd State Pedagogical University Bulletin*, 2019, no. 6 (139), pp. 43–46 (in Russian).
21. Bori P. *Language textbooks in the era of neoliberalism*. London and N.Y.: Rutledge, 2018. 205 p.
22. Kurdt-Cristiansen X. L., Weninger C. *The politics of textbooks in language education*. London and NY: Routledge, 2015. 241 p.
23. Risager K. *Representations of the world in language textbooks*. Bristol, Multilingual Matters, 2018. 516 p.
24. Alpatov V. M., Arkad'yev P. M., Podlesskaya V. I. *Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka. Kniga 1* [Theoretical grammar of the Japanese language. Book 1]. Moscow, Natalis Publ., 2008. 60 p. (in Russian).
25. Hirata M. Otvet na komplimenty [Compliment responses]. *Izvestiya Mezhdunarodnogo studencheskogo tsentra Gosudarstvennogo universiteta Yokogama – Yokohama National University International Student Center Bulletin*, 1999, no. 6, pp. 38–47 (in Japanese).
26. Gonchar M. S. *Pozhelaniye i kompliment kak natsional'no oriyentirovannyye rechevyie taktiki v rechi russkikh i predstaviteley Vostochnoy Azii na russkom yazyke*. Dis. kand. filol. nauk [Wishing and complimenting as ethnically oriented speech tactics in the speech of Russians and East Asians in Russian language. Diss. cand. of philol. sci.]. Saint Petersburg, 2018. 166 p. (in Russian).
27. Wierzbicka A. *Semantics: Primes and Universals*. Oxford University Press, 1996. 512 p. (Russ. ed.: Vezhbitskaya A. Semanticheskiye universalii i opisaniye yazykov. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 780 p.).

Информация об авторах

Козачина А. В., кандидат филологических наук, доцент, Сибирский федеральный университет (пр. Свободный, 79, Красноярск, Россия, 660041).

Базеева Ю. А., студент, Сибирский федеральный университет (пр. Свободный, 79, Красноярск, Россия, 660041).

Information about the authors

Kozachina A. V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Siberian Federal University (pr. Svobodnyy, 79, Krasnoyarsk, Russian Federation, 660041).

Bazayeva Y. A., undergraduate student, Siberian Federal University (pr. Svobodny, 79, Krasnoyarsk, Russian Federation, 660041).

Статья поступила в редакцию 14.11.2022; принята к публикации 17.03.2023

The article was submitted 14.11.2022; accepted for publication 17.03.2023

УДК 811.161.1'255.2'373.237:821.161.1(111)(133.1)(512.145)
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-48-57>

Особенности перевода военно-административных и военно-исторических реалионимов в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» (на материале английского, французского и татарского языков)

Лилия Маратовна Сафина¹, Юрий Викторович Кобенко²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия*

¹ *safinal.8585@gmail.com*

² *serpentis@list.ru*

Аннотация

Рассматриваются особенности перевода общественно-политической лексики в контексте анализа стратегий, использованных переводчиками Дж. Курносом, Л. Виардо, А. Файзи при переводе повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба», особое значение которой в настоящее время побуждает к поиску критериев оценки степени соответствия предметного содержания оригинала и транслятов на английском, французском и татарском языках. Экспонентом реализации данных стратегий признаны военно-административные и военно-исторические реалионимы предметно-тематической области «Общественно-политические отношения» группы «Военно-административное устройство общества». Указанные реалионимы и их трехязычные эквиваленты сопоставляются с точки зрения использования стратегий доместикации и форенизации. Определяются конвергентные и дивергентные стратегии в переводах военно-административных и военно-исторических реалионимов текста-оригинала для оценки качества переводов. Эмпирической базой исследования послужил корпус из 28 военно-административных реалионимов повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» (1842), отобранных с точки зрения принадлежности к предметно-тематической области «Общественно-политические отношения» с учетом симптоматической статистики, то есть частотности появления в тексте оригинала. Объект исследования образуют 84 эквивалента указанных реалионимов, зафиксированных в текстах переводов, которые выполнены на английском языке Дж. Курносом (1952), французском языке Л. Виардо (1853) и татарском языке А. Файзи (1953). Предметом изучения являются стратегии конвергенции и дивергенции предметного содержания повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». Используются обще- и частнонаучные методы. К общенаучным принадлежат методы логики (анализ, индукция, сравнение, группировка) и статистики (метод выборки, анализ соответствий), к частнонаучным – сопоставительный метод. Форенизация возрастает от английского перевода Дж. Курноса с 43 % общественно-политической лексики к 93 % в татарском переводе А. Файзи. Л. Виардо форенизировал 53 % реалионимов во французском тексте перевода. Только 12 из 84 переводческих решений являются дивергентными тексту оригинала, из них 6 содержится в английском переводе. А 54 из 84 единиц переводчики заимствовали, используя приемы транслитерации и транскрипции, а также необоснованной капитализации реалионимов. Можно констатировать, что на качество перевода повлияли следующие переводческие ошибки: опущение реалионима, его замена, неуместная модернизация (использование анахронизма), неверная капитализация, наличие «ложных друзей переводчика», фактологические ошибки. Анализ стратегий перевода реалионимов с точки зрения реализации стратегий конвергенции и дивергенции может выступать одним из критериев качества работы переводчика. Выбор конвергентной стратегии является базовым условием для осуществления более качественного перевода и тем самым репродукции замысла автора оригинала средствами языка перевода, а выбор противоположной, дивергентной, стратегии с высокой вероятностью будет искажать реалии исходного текста, вводя реципиента в заблуждение относительно предметного содержания оригинала. Выражением стратегий конвергенции и дивергенции на элементарном (микростилистическом) уровне при переводе реалионимной лексики выступают доместикация и форенизация.

Ключевые слова: конвергенция, дивергенция, доместикация, форенизация, реалионимы, стратегии перевода, повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба», английский, французский и татарский языки

Для цитирования: Сафина Л. М., Кобенко Ю. В. Особенности перевода военно-административных и военно-исторических реалионимов в повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» (на материале английского, французского и татарского языков) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 3 (227). С. 48–57. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-48-57>

Features of the translation of military-administrative and military-historical realionyms in «Taras Bulba» by N. V. Gogol into English, French and Tatar languages

L. M. Safina¹, Yu. V. Kobenko²

^{1,2} National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

¹ safinal.8585@gmail.com

² serpentis@list.ru

Abstract

The article is devoted to the peculiarities of the translation of socio-political vocabulary in the context of the analysis of the strategies used by translators J. Cournos, L. Viardot, A. Faizi in the translation of «Taras Bulba» by N. V. Gogol, the special significance of which currently prompts the search for criteria for assessing the degree of compliance with the subject content of the original and translations in English, French and Tatar, respectively. The military-administrative and military-historical realionyms of the subject-thematic area «socio-political relations», the group «military-administrative structure of society» are recognized as the exponent of the implementation of these strategies. These realionyms and their trilingual equivalents are compared in terms of the use of domestication and foreignization strategies. The aim of the article is to identify convergent and divergent strategies in translations of military-administrative and military-historical realionyms of the original text in order to assess the quality of translations. The corpus of 28 military-administrative realionyms of «Taras Bulba» (1842) by N. V. Gogol selected from the point of view of belonging to the subject area «Social and political relations», taking into account symptomatic statistics, that is, the frequency of occurrence in the original text. The object of the article is formed by 84 equivalents of the indicated realionyms recorded in the texts of translations, which were made in English by J. Cournos (1952), French by L. Viardot (1853) and Tatar by A. Fayzi (1953). The subject of the article is the strategies of convergence and divergence of the subject content of N.V. Gogol «Taras Bulba». The work used general and particular scientific methods. The methods of logic (analysis, induction, comparison, grouping) and statistics (sampling method, analysis of correspondences) belong to general scientific ones, and the comparative method belongs to private scientific ones. Foreignization increases from the English translation of J. Cournos from 43% of socio-political vocabulary to 93% in the Tatar translation of A. Faizi. L. Viardot foreignized 53% of realionyms in the French text of the translation. 12 out of 84 translation solutions are divergent to the original text, six of them are contained in the English translation. 54 out of 84 units were borrowed by translators using the methods of transliteration and transcription, as well as unreasonable capitalization of realionyms. It can be stated that the quality of the translation was affected by the following translation errors: the omission of the realionym, its replacement, inappropriate modernization (use of anachronism), incorrect capitalization, the presence of «false friends of the translator»; factual errors. The analysis of translation strategies for realionyms from the point of view of the implementation of convergence and divergence strategies can be one of the criteria for the quality of a translator's work. The choice of a convergent strategy is a basic condition for the implementation of a better translation and, thereby, the reproduction of the original author's intention by means of the target language, while the choice of the opposite, divergent, strategy is highly likely to distort the realities of the source text, misleading the recipient about the subject content of the original. The expression of the strategies of convergence and divergence at the elementary (microstylistic) level in the translation of realionymic vocabulary is domestication and foreignization.

Keywords: convergence, divergence, domestication, foreignization, realionyms, translation strategies, story by N. V. Gogol «Taras Bulba», English, French and Tatar

For citation: Safina L. M., Kobenko Yu. V. Features of the translation of military-administrative and military-historical realionyms in «Taras Bulba» by N. V. Gogol into English, French and Tatar languages [Osobennosti perevoda voyenno-administrativnykh i voyenno-istoricheskikh realionimov v povesti N. V. Gogolya «Taras Bulba» (na materiale angliyskogo, francuzskogo i tatarskogo yazykov)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 3 (227), pp. 48–57 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-48-57>

Введение

Будучи исторической повестью и одновременно национально-героическим эпосом, текст Н. Гоголя «Тарас Бульба» изобилует множеством общественно-политических реалионимов, под которыми в лингвистике понимают обозначения предметов, объектов или явлений, передающих определенную (национальную, историческую, отраслевую и пр.)

специфику [1, с. 3]. В ономастике термином «реалионимы» обозначают названия существующих или существовавших когда-либо объектов в противовес «фикционимам», т. е. именам вымышленным. Терминологически необходимо строго разграничивать понятия «реалии» и «реалионимы»: первые являются объектами окружающего мира (референтами), а вторые – их обозначениями (зна-

ками). Переводы реалионимов тесно связаны со стратегиями доместикации и форенизации, введенными в аппарат переводоведения во второй половине 1990-х годов американским теоретиком перевода Л. Венути. Доместикация реалионимов особенно характерна для художественной литературы, поскольку обеспечивает легкость и доступность восприятия текста ввиду адаптации транслята под целевую культуру. Форенизация, напротив, намеренно нарушает привычные для культуры-реципиента каноны, преследуя максимально точное воспроизведение информации путем сохранения специфики оригинала преимущественно через заимствование [2, с. 82].

Предметное содержание повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» приобретает особое значение на фоне фиксируемого в современной России подъема патриотических настроений, в связи с чем к переводу применяются повышенные требования, выходящие за привычный словесный (элементарный) или репертуарный (макростилистический) уровни. Так, в центре внимания оказываются стратегии сближения (конвергенции) и отдаления (дивергенции) предметного содержания текста перевода от такового исходного текста. Фактически конвергенция означает лояльность мотиву и нарративной перспективе повести и в сложившейся геополитической ситуации покидает собственно лингвистическую плоскость, становясь инструментом информационной борьбы. Одним из средств выражения и подспудно центральным выразительным средством повести, реализующим ее исторический колорит, следует признать реалионимы как единицы функционально-стилистически дифференцированного репертуара, обладающие средовыми (территориальными), временными, социальными и профессиональными ограничениями. В фокусе исследования находятся реалионимы предметно-тематической области «Общественно-политические отношения» группы «Военно-административное устройство общества», так как данный сегмент репертуара повести Н. В. Гоголя ранее не был освещен в аспекте выбора переводческих стратегий конвергенции и дивергенции предметного содержания.

Материал и методы

Материалом исследования послужили 84 лексемы, отобранные из переводов повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» Дж. Курноса (английский язык), Л. Виардо (французский язык), А. Файзи (татарский язык) и соответствующие 28 реалионимам в тексте оригинала.

Предметом анализа стали как военно-исторические, так и военно-административные реалионимы, отнесенные согласно классификации М. А. Люксембурга к разрядам «Административные единицы

и государственные институты» и «Основные воинские подразделения, чины, обращения» [3, с. 25]. Данные реалионимы, их соответствия на трех указанных языках переводов и симптоматическая статистика, то есть частотность упоминания их в тексте оригинала, приведены в таблице.

Для анализа материала привлекался корпус обще- и частнонаучных методов. К *общенаучным* относятся методы логики (анализ, индукция, сравнение, группировка) и статистики (метод выборки, анализ соответствий). Ведущим *частнонаучным* методом является сопоставительный, предполагающий соотнесение фактур различных (неродственных) языков путем их системного сравнения независимо от особенностей исторического развития.

Результаты и обсуждение

Самым распространенным реалионимом повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» выступает «козак» (по-русски – «казак») в разряде военно-административной лексики. Данная единица со всеми ее производными – «козаки», «козачий», «козачество», в том числе «казаки», – употребляется в тексте повести более 300 раз.

«Добрый будет **козак**! [4, с. 155]; Не ослабела еще козачья сила; еще не гнутся казаки!» [4, с. 205]. Толковый словарь С. Ожегова приводит следующее определение данного реалионима: «В старину на Украине и в России: член военно-земледельческой общины вольных поселенцев на окраинах государства» [5, с. 259]. Онлайн-словарь В. Даля предлагает более развернутую дефиницию: «Казак или козак (вероятно, от среднеазиатского казмак, скитаться, бродить, как гайдук, гайдамак, от гайда; ускок от ускочить, бежать), войсковой обыватель, поселенный воин, принадлежащий к особому сословию казаков, легкого конного войска, обязанного служить по вызову на своих конях, в своей одежде и вооружении» [6].

Переводчики Дж. Курнос, Л. Виардо, А. Файзи заимствовали реалионим «козак» из исходного текста с помощью приемов транскрибирования и/или транслитерации, причем английский и французские переводчики следовали правилам написания этнонимов с заглавных букв в соответствующих языках, ср.: «*Cossack*» [7], «*Cosaque*» [8, с. 2]. Следует отметить, что все переводы данного реалионима форенизированы, конвергентны друг другу и оригиналу.

Помимо этого, стратегия форенизации применена и к другим 8 военно-административным реалионимам, образующим зону конвергентности с оригиналом: 1) *бунчужный*; 2) *воевода*; 3) *гайдук*; 4) *гетман*; 5) *есаул*; 6) *кошевой*; 7) *курень*; 8) *Сечь*. Расхождения замечены лишь в особенностях переводческой транслитерации или транскрибирования.

Корпус военно-административных реалионимов повести

№	Реалионим	Английский перевод	Французский перевод	Татарский перевод	Статистика, ед.
1	козак	Cossack	Cosaque	казак	324
2	курень	kuren	kourén	курень	88
3	полк	colony	polk	полк	75
4	пан, панове, паничи	lord, noble gentlemen	seigneur(s), jeunes seigneurs	пан, пан туганнар, <i>хужа егетләр</i>	66
5	кошевой	Koschevoi	kochévoi	кошевой	62
6	атаман	hetman of the kuren	ataman	атаман	50
7	полковник	leader, band leader	polkovnik	полковник	48
8	Сечь (Запорожская)	Zaporozhian Setch	le Setch	Сечь	39
9	старшины	the chief, superior officers	chef, les anciens	старшиналар	20
10	табор	camp	tabor	табор	18
11	гетман	hetman	hetman	гетман	19
12	воевода	Waiwode	vaïvode	воевода	14
13	воин	army	Soldat	сугышчы	14
14	гайдук	heyduke	heiduque	гайдук	13
15	хорунжий	cornet	officier	хорунжий	11
16	есаул	Osaul	ïésaoul	есаул	8
17	бунчужный	bunchuzhniy	bountchoug	бунчужный	4
18	писарь	secretary	greffier	писарь	4
19	довбиш	drummer	timbalier	барабанчы	3
20	охочеконный козак	army of volunteers	troupes de volontaires	атлы казаклар	3
21	витязь	hero	chevalier	батыр	2
22	рада	council	conceil	рада	3
23	рейстровый козак	registered Cossack	Cosaques inscrits	гаскәри исемлекә кергән казаклар	3
24	левентарь	gaoler	leventar	левентарь	2
25	Гетманщина	the hetman's dominions	Ukraine	Гетманщина	1
26	комиссар	commisioner	intendant	комиссар	1
27	сотник	sotnik	centenier	сотник	1
28	генеральный хорунжий	cornet-general	porte-etendard general	генераль хорунжий	1
Итого:					831

В отношении остальных 19 реалионимов, обозначающих военные чины, должности и звания, избраны как стратегия доместикации, так и форенизации, а также использованы различные способы передачи реалионимов: *атаман, гетьманщина, воин, витязь, довбиш, комиссар, левентарь, пан, писарь, рейстровые козаки, охочеконные козаки, рада, полковник, полк, старшины, табор, сотник, хорунжий, генеральный хорунжий*.

1. «...Терпи, козак, – **атаман** будешь!» [4, с. 178]. В определении казачьих чинов в данной статье мы будем обращаться по большей части к казачьему словарю-справочнику (электронная версия под ред. С. Курапова). Атаман – высший начальник в казачьих войсках, а также военно-административный начальник в казачьих областях [9, с. 31].

А. Файзи [10, с. 36] и Л. Виардо [8, с. 2] перевели данный реалионим транслитеративно (см. таблицу), а Дж. Курнос обозначил атамана как *hetman of the kuren* [7], то есть «гетманом куреня». Гетман – традиционный титул руководителей Войска За-

порожского, принятый в старину у поляков. Не вдаваясь в исторические нюансы, отметим, что в конце XVI – начале XVII в. гетман был главой рейстровых казаков и подчинялся королю Речи Посполитой. С середины XVII в. – это титул верховного правителя автономной части Украины (Гетманщины) [9, с. 118]. Среди литературоведов известны споры о времени событий в повести, упоминания о которых охватывают временной промежуток с XV по XVII вв. [11, с. 84]. В любом случае статус гетмана не позволял командовать такой относительно малой административной единицей, как курень. В связи с этим также форенизированный вариант английского перевода можно считать дивергентным оригиналу и другим переводам.

2. «А вы разве ничего не слышали о том, что делается на **гетьманщине**?» [4, с. 173]. Гетманщина (по-украински – «гетьманщина») – южная и юго-восточная окраина Великого княжества Литовского, присоединенная к Речи Посполитой в середине XVI в. согласно акту Люблинской унии. До этого

периода Гетманщина была населена в большинстве своем запорожскими казаками, которые подчинялись своему выборному атаману, а через него – польско-литовскому королю [9, с. 119]; полуофициальное название Левобережной Украины с Киевом в составе России в 1667–1764 гг.; управлялась гетманом, пользовалась автономией [12, с. 273].

Дж. Курнос и Л. Виардо использовали в отношении Гетманщины перефразистический перевод: *the hetman's dominions* («владения, доминионы гетмана») [7] и топоним *Ukraine* (Украина) [8, с. 34]. Оба перевода вполне соответствуют действительности, а значит, конвергенты оригиналу. А. Файзи применил стратегию форенизации [10, с. 36].

3. «Кончился поход – **воин** уходил в луга и пашни...» [4, с. 158].

4. «Впереди других понесся **витязь** всех бойчее, всех красивее...» [4, с. 207]. Воин (высок.) – человек, который служит в армии, воюет, тот, кто сражается с врагом [5, с. 93]. «Воин» и «витязь» могут быть отнесены также к ассоциативным реалионимам, так как относятся к устаревшим лексемам, звучащим возвышенно-поэтически. Эквиваленты «воина» *army, soldat, сугышчы* звучат более модернизированно и используются в значении «военный, солдат».

Витязь – отважный, доблестный воин в Древней Руси [5, с. 84]. Английский переводчик приблизил реалионим «витязь» к значению «героя» (*hero*) [7], французский переводчик также произвел замену реалионима доместицированным эквивалентом «шевалье» (фр. *chevalier* – «едущий на коне», то есть рыцарь, кавалер) – младший дворянский титул в феодальной Франции [12, с. 1367]. Татарский переводчик использовал чрезвычайно популярный у татарского народа реалионим «**батыр**» – богатырь, смельчак, герой [13]. Ко всем переводам применена стратегия доместикации, соответствия конвергентны друг другу и оригиналу.

5. «На бой прежде всего прибежал **довбыш**, высокий человек с одним только глазом, несмотря, однако ж, на то, страшно зашпанным» [4, с. 169]. Довбыш (барабанщик, литаврщик) занимал в войсковой организации Запорожской Сечи сравнительно важное место. Он присутствовал при исполнении судебных приговоров; ему поручали привоз в Сечь более важных преступников, поверку сборов, побуждение к скорейшей уплате податей [14]. Данный реалионим все переводчики эксплицировали как «барабанщик»: *drummer, timbalier, барабанчы*. Последняя татарская реалия изначально заимствована из русского языка и модифицирована с помощью суффикса -чы, применяемого зачастую к профессиям, видам деятельности. Данные переводы являются доместицированными и конвергентными.

6. «...в трех случаях всегда следует взяться за саблю, именно: когда **комиссары** не уважили в чем старшин и стояли пред ними в шапках, когда поглумились над православием и не почтили предковско-го закона...» [4, с. 158]. Реалионим «комиссар» в общем словарном значении подразумевает «руководящее лицо с общественно-политическими или административными обязанностями» [5, с. 287]. В повести автор называет комиссарами польских сборщиков податей, отмечая это в сносках текста произведения [4, с. 160].

Дж. Курнос переводит реалионим калькой *commissioner* («комиссар, специально уполномоченный»), Л. Виардо использует доместицированный эквивалент «*intendant*». Интендантами (фр. *intendant* – «управляющий, смотритель») во Франции первоначально называли лицо, которому поручалась какая-либо отрасль управления. В современном военном значении это военный служащий, ведающий делами хозяйственного снабжения и войскового хозяйства [12, с. 452]. А. Файзи переводит реалионим при помощи транслитерации: «*комиссар*». Таким образом, английский и татарский переводы можно отнести к форенизированным, а все транслаты можно признать дивергентными исходному тексту.

7. «Часовые соглашаются, и один **левентарь** обещался» [4, с. 210]. Левентарь, или региментарь, – начальник охраны у поляков [4, с. 210]. Стратегия форенизации путем транслитерации использована во французском и татарском переводах, ср.: «*левентарь*». В английском транслате происходит замена реалионима на доместицированный *gaoler* («тюремный надзиратель, смотритель») [7]. Несмотря на определенное расхождение в плане содержания с реалионимом оригинала (надзиратель может не занимать руководящую позицию), данная лексема вполне соответствует контексту исходного текста, а поэтому является конвергентной.

8. «Пан», «паны» (мн. ч.), «паничи» [4, с. 157]. Гоноративное обращение к мужчине «пан» встречается в тексте всей повести «Тарас Бульба» и восходит к историческим особенностям делового обихода Западной Украины и Галиции. В настоящее время лексема также употребляется как форма вежливого обращения в ряде славянских языков и дословно обозначает «господин» [5, с. 491]. Панич (паныч) – «барчонок, холостой барин» [6].

Зачастую переводчик Дж. Курнос в англоязычном переводе либо совсем устраняет этот реалионим, обходясь без него, либо заменяет его на характерное для англоязычной культуры *lord, noble/gentleman* – в значении «дворянин, вельможа, господин, барин». Во французском переводе Л. Виардо использует доместицированный эквивалент *seigneur(s), jeunes seigneurs* – «сеньор/господин, молодые лорды»

[15, с. 222]. В эпоху Средневековья в Западной Европе сеньорами называли знатных землевладельцев.

А. Файзи в татарском переводе практически повсеместно применяет заимствование «пан», за исключением описательного перифразы «паничи», который он обозначил «*хужа егетлар*» – букв. «хозяйские молодцы, сыновья». Таким образом, кроме форенизации на татарском, в остальных переводах допущена доместикация; все три конвергентны друг другу и оригиналу [15, с. 223].

9. «...с ним было еще два есаула, **писарь** и другие полковые чины» [4, с. 210]. Писарь (воен.) – нестроевой нижний чин, занимающийся в канцелярии перепиской бумаг [6]. Английский переводчик транслировал данный реалионим как *secretary* («секретарь»), Л. Виардо передал схожее значение транслятом *greffier* («секретарь, клерк») [16], в татарском переводе использовано заимствование. Несмотря на модернизированное звучание двух переводов, все они конвергентны друг другу и оригиналу.

10–11. «Кроме **рейстровых козаков**, считавших обязанностью являться во время войны, можно было во всякое время, в случае большой потребности, набрать целые толпы **охочекомонных**» [4, с. 157]. Рейстровые козаки – казаки, занесенные поляками в списки (реестры) регулярных войск. Охочекомонные – конные добровольцы [4, с. 157].

Содержание обоих реалионимов передано описательным переводом в примечаниях оригинала повести «Тарас Бульба» редакции 1842 г. Представленные пояснения реалионима «рейстровые (реестровые) козаки» посредством калькирования переданы всеми переводчиками: *registered Cossack*; *Cosaques inscrits*; *gaskari usemlekka kergan kazaklar* (дословно «внесенные в [военные] списки козаки»). Переводы на всех трех языках выполнены при использовании стратегии доместикации и конвергентны друг другу.

В отношении второго реалионима «охочекомонные» во всех трех переводах допущены небрежности. Английский и французский переводчики, применив экспликацию, позволили себе опущение основной семы реалионима. Вместо «конных добровольцев» в их переводах возникли обычные: *army of volunteers*; *troupes de volontaires* («войска добровольцев») [16]. В татарском варианте реалионим передан гораздо точнее: «*атлы казаклар*» («конные казаки»), однако опущена сема «доброволец». Таким образом, во всех единицах произошла частичная подмена понятий и переводы можно назвать конвергентными друг другу, но дивергентными в отношении оригинала.

12–13. «Тарас был один из числа коренных, старых **полковников**: весь был он создан для бранной тревоги и отличался грубой прямоотой своего нрава» [4, с. 159]. «Нужно бы пана посадить на же-

ребца, такого скорого, как муха, да и пусть муштрует **полки!**» [4, с. 212]. Полковник – высший штаб-офицерский чин в казачьих войсках, который присваивали командирам полков [9, с. 484]. Полк – основная тактическая единица казачьего войска под командованием полковника, состоявшая в Запорожской Сечи из нескольких куреней [9, с. 482].

В отношении обоих реалионимов всеми переводчиками, кроме английского, применена форенизация с использованием транслитерации. Несмотря на заимствование реалионимов *polk* и *polkovnik*, Л. Виардо в сносках текста французского перевода указывает, что обозначенные способы перевода имеют современные эквиваленты как *regiment* («полк») и *colonel* («полковник»), однако предпочитает сохранить их в форенизированной форме в силу того, что они передают особые явления [8, с. 7].

Дж. Курнос на протяжении всего перевода повести применяет замену реалионима «полковник», настойчиво называя Тараса Бульбу *leader*, *leader of the band* [7]. Помимо ближайшего значения «лидер» в семантическое поле анализируемой лексемы входят такие семы, как «руководитель», «вождь», «староста». А значение *band* – известно как «банда», «группировка», «отряд» [16]. При этом реалия «полк» передана как «колония» (*colony*). Представленные переводческие замены неточны прежде всего с художественной точки зрения, будучи дивергентными тексту оригинала.

14. «Или хотите, может быть, собрать **раду?**» [с. 173]. Рада – совет, народное собрание в историческом западнославянском словоупотреблении. Этимологически лексема связана с родственными германизмами *rat* и *rad* (ср. *rat* – «совет» в немецком языке) [9, с. 754].

Значение «совет» передано в английском и французском переводах: *council* и *conseil*, татарский транслят был форенизирован и транслитерирован, тем не менее все переводы конвергентны друг другу и оригиналу.

15. «Кошевой и **старшины** сняли шапки и раскланялись на все стороны козакам, которые гордо стояли, подпершись руками в бока» [4, с. 169]. Старшина (казачья) – привилегированное сословие среди казаков, выделившееся из народной среды благодаря боевому опыту, заслугам и отличным административным качествам. Будучи «знатными людьми», старшины сохраняли авторитетное влияние на общественное мнение и вне служебного положения [9, с. 599]. Фактически казачий старшина – это первый воинский чин у казаков, представлявших военно-административный аппарат Запорожской Сечи.

Все переводчики оттолкнулись от корневой морфемы приведенной лексемы «стар» и, соответственно, воспользовались эквивалентами данного значения: *the chief*, *chef*, *les anciens*. Под «старыми

(то есть главными), старшими» подразумеваются почтенные лица, имеющие право на главенство, первенство. Английский переводчик использовал также перифраз *superior officers* («старшие офицеры»), что является фактологической ошибкой: офицерские чины среди казаков появились гораздо позднее, в конце XVIII в. [9, с. 455]. Татарский переводчик решил передать реалионим без изменения (за исключением прибавления суффикса множественного числа -лар), хотя в татарской культуре существует близкое данному значению понятие «аксакалы» (букв. «седобородые»). Конвергентность исходному тексту во всех переводах сохранена.

16. «Со всех сторон раздавались топот коней, пробная стрельба из ружей, бряканье саблей, бычачье мычанье, скрип поворачиваемся возов, говор и яркий крик и понуканье — и скоро далеко-далеко вытянулся козачий **табор** по всему полю» [4, с. 175]. Табор — в России в старину: войсковой лагерь с обозом [5, с. 786]. Французский и татарский переводчики заимствовали реалионим с помощью транскрипции, а английский переводчик использовал лексему *camp* («лагерь»), то есть словарное значение реалионима. Все переводы конвергентны друг другу и тексту оригинала.

17. «Бульба по случаю приезда сыновей велел созвать всех **сотников** и весь полковой чин, кто только был налицо» [4, с. 156]. Сотник — командир административно-территориальной и военной сотни на Украине в XVI–XVIII вв. [12, с. 1130]; согласно Табели о рангах в XVIII в. второй казачий обер-офицерский чин [9, с. 586].

Дж. Курнос и А. Файзи заимствовали реалионим (*sotnik, сотник*), а Л. Виардо попытался применить кальку *centenier*, что в переводе возможно передать как «столетник» [16]. Все переводы, за исключением французского, конвергентны друг другу и оригиналу повести.

18. «Недалеко от него стоял **хорунжий**, длинный-длинный, с густыми усами, и, казалось, не было у него недостатка в краске на лице: любил пан крепкие меды и добрую пирушку» [4, с. 191]. Хорунжий — войсковой чин в Запорожской Сечи, а с XVIII в. — первый младший офицерский чин в казачьем войске, соответствующий подпоручику в пехоте или корнету в кавалерии. Также хорунжиями называли знаменщиков, носивших хоругви, в воинских частях армий многих славянских государств [12, с. 1321].

Английский переводчик использовал соответствующий данному чину эквивалент *cornet* (фр. *cornette* «штандарт; штандартный офицер») [16]. Во французском переводе содержится гипероним *officier* («офицер») с нейтральным оттенком экспрессивно-семантической окраски. Оба транслята фактологически не точны, поскольку, как упоминалось

ранее, офицерские звания у казаков, в частности запорожских, появились в Табели о рангах лишь в XVIII в. Татарский перевод форенизирован и лишен какой-либо экспликации. Исходя из обозначенных неточностей, переводы можно назвать конвергентными друг, но дивергентными оригиналу.

19. Отметим, что в тексте оригинала фигурирует чин генерального хорунжего: «**Генеральный хорунжий** предводил главное знамя; много других хоругвей и знамен развевалось вдали...» [4, с. 210]. Переводчики передали данную единицу как *cornet-general; porte-etendard general; генераль хорунжий*. В данном случае именно французский перевод является самым удачным эквивалентом указанного реалионима, так как точно передает его значение воина-знаменосца. Французский и татарские эквиваленты можно назвать конвергентными, в отличие от фактологически неточного английского.

Итак, в ходе сопоставительного анализа 28 военно-административных реалионимов и их 84 ответов в трех языках перевода выявлено следующее: 12 из 84 переводов оказались дивергентными тексту оригинала, общее соотношение которых представлено на рис. 1; шесть, т. е. половина дивергентных оригиналу реалионимов, содержится в английских переводах (*colony, cornet, hetman of the kuren, leader of the band, army of volunteers, commisioners*). Примечательно, что при первом упоминании ряда реалионимов, обозначающих чины и звания, переводчик передает лексемы с заглавной буквы (*Koschevoi, Osaul*). Следовательно, перевод Дж. Курноса в количественно-качественном сравнении можно оценить как менее удачный и соответствующий тексту повести «Тарас Бульба». Во французском переводе Л. Виардо дивергентными оригиналу оказались лексемы *centenier, intendant, officier, troupes de volontaires*. В татарском переводе А. Файзи, несмотря на заимствование слова «комиссар», ввиду отсутствия какого-либо пояснения эквивалент «*комиссарлар*» («комиссары») не передает контекстуального значения реалионима и, соответственно, может остаться непонятным для реципиента. Перевод «охочеокомонных казаков» как «*атлы казаклар*» оказался также недостаточно точным для полноценной передачи данного реалионима.

Таким образом, на оценку качества и успешности в реализации стратегий перевода повлияло допущение следующих переводческих ошибок: опущение реалионима, его замена, неуместная модернизация (использование анахронизма), неверная капитализация, наличие «ложных друзей переводчика», фактологические ошибки.

Были заимствованы переводчиками 54 из 84 проанализированных единиц перевода, как показано на рис. 2.

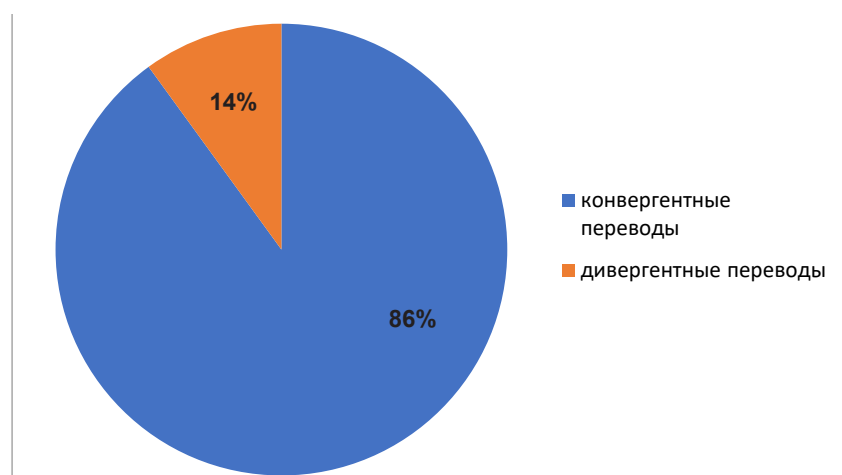

Рис. 1. Соотношение конвергентных и дивергентных переводов реалионимов

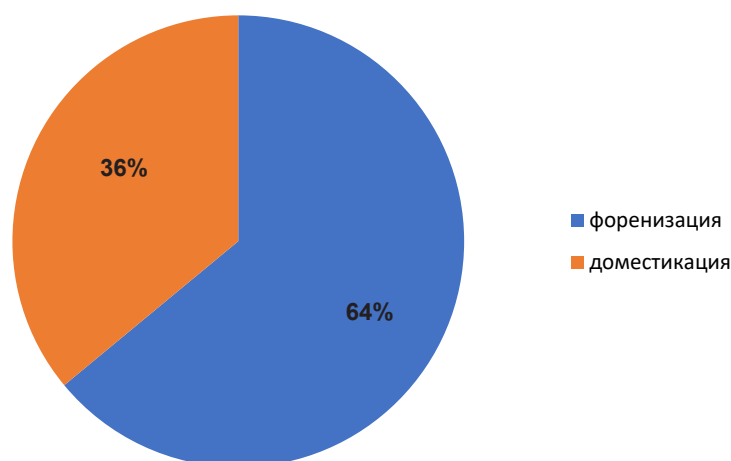

Рис. 2. Соотношение форенизации и доместикации реалионимов

Дж. Курнос использовал стратегию форенизации в отношении 12 из 28 реалионимов. То есть соотношение заимствованных и адаптированных английских переводов составляет 43 %. Л. Виардо форенизировал чуть более половины общественно-политических реалионимов – 15 единиц (53 %), в остальных случаях он применил стратегию доместикации. А. Файзи в подавляющем большинстве случаев форенизировал реалионимы с помощью приемов транскрибирования (транслитерации) и калькирования – 93 %. Фактически переводчиком были доместицированы только два реалионима (7 %).

Заключение

Несмотря на то, что до сих пор не определено само понятие качества перевода и отсутствует единая классификация переводческих ошибок, существуют различные подходы к оценке качества перевода [17, с. 54]. По мнению авторов данной статьи, анализ перевода реалионимов с точки зрения реализации стратегий конвергенции и дивер-

генции может также послужить одним из критериев качества работы переводчика. Суть избираемой стратегии перевода – в планировании будущей деятельности, подготовка к определенным условиям в соответствии с поставленными переводчиком целями и задачами [18, с. 6]. В этой связи выход за рамки сугубо лингвистической оценки транслята в плоскость идеологии доказывает значимость такого критерия как для достижения синхронной когерентности с оригиналом, так и для осуществления отбора необходимых средств передачи предметного содержания.

Исходя из результатов исследования, можно резюмировать, что реализация стратегии конвергентности является базовым условием для осуществления более качественного перевода и тем самым репродукции замысла автора оригинала средствами языка перевода. Выбор дивергентной стратегии с высокой вероятностью будет искажать реалии исходного текста, вводя реципиента в заблуждение относительно предметного содержания оригинала.

В свою очередь, успешность применения первой стратегии может в значительной степени зависеть от корректного применения стратегии форенизации или доместикации. Исследование показало, что далеко не во всех случаях прямое заимствование (форенизация) реалионима без какого-либо пояснения или примечания является удачным решением со стороны переводчика. Отсутствие экспликации может привести к недопониманию реципиентом значения слова, что свидетельствует о нарушениях в кодировании текста перевода. Помехи в рецепции могут оказать отрицательное влияние на целостное восприятие смыслового универсума авторского художественного произведения.

Таким образом, выражением стратегий конвергенции и дивергенции на элементарном (микро-стилистическом) уровне при переводе реалионим-

ной лексики выступают доместикация и форенизация. В свою очередь, конвергенция и дивергенция созвучны тенденциям к интеграции и, соответственно, дезинтеграции предметного содержания оригинала в культурный паноптикум языка перевода, при этом, как следует из приведенных данных, близость татарской культуры никоим образом не является определяющей для выбора стратегии форенизации (92 %) в сравнении с более чуждой англоязычной культурой, где процент форенизированных прецедентов перевода реалионимов более чем в два раза ниже (43 %). В конечном счете, как представляется, выбор той или иной стратегии перевода зависит всецело лишь от самого переводчика, его персональной лояльности тексту оригинала, а также от синхронного характера историко-литературных процессов.

Список источников

1. Kobenko Yu. Y., Tarasova E. S. Peculiarities of Translating Realonyms into German // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 206. P. 3–7.
2. Тайдонова С. С. Структурные классы томских реалионимов в транслатологической перспективе (на материале русского, английского, немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2021. 220 с.
3. Люксембург М. А. Реалии в немецком медиатексте. Проблемы лингвокультурологического осмысления и перевода. Ростов н/Д: Логос, 2008. 203 с.
4. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2009. 1231 с.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Азбуковник, 1997. 944 с.
6. Толковый словарь Даля онлайн. URL: <https://slovardalja.net/> (дата обращения: 01.11.2022).
7. Cournos J. Project Gutenberg's Taras Bulba and Other Tales, by N. V. Gogol. URL: https://www.gutenberg.org/files/1197/1197-h/1197-h.htm#link2H_4_0003/ (дата обращения: 12.11.2022).
8. Viardot L. Tarass Boulba / N. V. Gogol. 4-e série. Paris: Hachette [4], IV, Bibliothèque des chemins de fer, Littératures anciennes et étrangères, 1853. 215 p.
9. Казачий словарь-справочник / под ред. С. В. Курапова. URL: <http://library.khpg.org/files/docs/1383168396.pdf/> (дата обращения: 12.11.2022).
10. Файзи А. Тарас Бульба. Повесть. Казань: Татарстан китап нәшрияты, 1973. 128 с.
11. Денисов В. Д. К вопросу об исторической основе повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» (1835) // *Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена*. 2010. С. 84–93.
12. Прохоров А. М. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 1998. 1456 с.
13. Татарско-русский онлайн-словарь. URL: <https://tatar-republic.ru/> (дата обращения: 10.11.2022).
14. Толковый словарь украинского языка. URL: <https://classes.ru/all-ukrainian/dictionary-ukrainian-explanatory.htm/> (дата обращения: 11.11.2022).
15. Сафина Л. М. Трансляция реалий повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» на английский, французский, татарский языки // *Язык. Культура. Коммуникация*. Ч. 1: материалы XV Международной научно-практ. конф. имени профессора С. А. Борисовой, посвященной 30-летию факультета лингвистики, межкультурных связей профессиональной коммуникации Института международных отношений Ульяновского гос. ун-та: в 2 ч. / отв. ред. И. Н. Соколова. Ульяновск: УлГУ, 2022. С. 221–227.
16. Словари и энциклопедии на Академике URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 01.03.2022).
17. Полякова Н. В. Оценка качества письменного перевода: проблема поиска эффективных стандартов, критериев и параметров // *Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin)*. 2022. Вып. 1 (219). С. 54–64. <https://doi.org/10.23951/1609-623X-2022-1-54-64> (дата обращения: 12.11.2022).
18. Кафискина О. В. Стратегия перевода как термин переводоведения // *Вестник Московского ун-та. Сер. 22. Теория перевода*. 2017. № 1. С. 4–19.

References

1. Kobenko Yu. Y., Tarasova E. S. Peculiarities of Translating Realonyms into German. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 206, pp. 3–7.

2. Taydonova S. S. *Strukturnye klassy tomskikh realionimov v translatologicheskoy perspektive (na materiale russkogo, angliyskogo, nemetskogo yazykov)*. Dis. ... kand. filol. nauk [Structural classes of Tomsk realionyms in a translatological perspective (on the material of Russian, English, German languages. Dis. ... cand. philol. sci.]. Tomsk, 2021. 220 p. (in Russian).
3. Lyuksemburg M. A. *Realii v nemetskom mediatekste. Problemy lingvokul'turologicheskogo osmysleniya i perevoda* [Realities in the German media text. Problems of linguoculturological understanding and translation]. Rostov-on-Don, Logos Publ., 2008. 203 p. (in Russian).
4. Gogol' N. V. *Polnoye sobraniye sochineniy v odnom tome* [Complete works in one volume]. Moscow, AL'FA-KNIGA Publ., 2009. 1231 p. (in Russian).
5. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Rossiyskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova, Azbukovnik Publ., 1997. 944 p. (in Russian).
6. *Tolkovyy slovar' Dalya onlayn* [Explanatory dictionary online by Dahl] (in Russian). URL: <https://slovardalja.net/> (accessed 1 November 2022).
7. Cournos J. *Project Gutenberg's Taras Bulba and Other Tales, by N. V. Gogol*. URL: https://www.gutenberg.org/files/1197/1197-h/1197-h.htm#link2H_4_0003/ (accessed 12 November 2022).
8. Viardot L. *Tarass Boulba / N. V. Gogol*. Paris: Hachette [4], IV, Bibliothèque des chemins de fer, 4-e série. Littératures anciennes et étrangères, 1853. 215 p.
9. *Kazachiy slovar'-spravochnik*. Pod redaktsiyey S. V. Kurapova [Cossack dictionary-reference book. Edited by S. V. Kurapov] (in Russian). URL: <http://library.khpg.org/files/docs/1383168396.pdf> (accessed 12 November 2022).
10. Fayzi A. *Taras Bul'ba. Povest'* [Taras Bulba. Tale]. Kazan, Tatarstan kitap nashriyaty Publ., 1973. 128 p. (in Tatar).
11. Denisov V. D. K voprosu ob istoricheskoy osnove povesti N. V. Gogolya «Taras Bul'ba» (1835) [On the question of the historical basis of the story of N. V. Gogol «Taras Bul'ba» (1835)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*. Saint Petersburg, 2010. P. 84–93 (in Russian).
12. Prokhorov A. M. *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Big encyclopedic dictionary]. Moscow, Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya Publ.; Saint Petersburg, Norint Publ., 1998. 1456 p. (in Russian).
13. *Tatarsko-russkiy onlayn-slovar'* [Tatar-Russian online dictionary] (in Russian). URL: <https://tatar-republic.ru/> (accessed 10 November 2022).
14. *Tolkovyy slovar' ukrainskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Ukrainian language] (in Ukrainian). URL: <https://classes.ru/all-ukrainian/dictionary-ukrainian-explanatory.htm/> (accessed 11 November 2022).
15. Safina L. M. Translyatsiya realiy povesti N. V. Gogolya «Taras Bul'ba» na angliyskiy, frantsuzskiy, tatarskiy yazyki [Translation of the realities of N. V. Gogol's story «Taras Bulba» into English, French, Tatar languages]. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya. Chast' 1: materialy XV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: v 2 chastyakh*. Otvetstvennyy red. I. N. Sokolova [Language. Culture. Communication. Part 1: materials of the XV International scientific and practical. conf. named after Professor S. A. Borisova, dedicated to the 30th anniversary of the Faculty of Linguistics, Intercultural Relations of Professional Communication of the Institute of International Relations of the Ulyanovsk State University: in 2 parts. Ed. I. N. Sokolova]. Ulyanovsk, UIGU Publ., 2022. Pp. 221–227 (in Russian).
16. *Slovari i entsiklopedii na Akademike* [Dictionaries and encyclopedias at Academician: Internet service for searching information] (in Russian). URL: <https://dic.academic.ru/> (accessed 1 March 2022).
17. Polyakova N. V. Otsenka kachestva pis'mennogo perevoda: problema poiska effektivnykh standartov, kriteriyev i parametrov [Evaluation of the quality of written translation: the problem of finding effective standards, criteria and parameters]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2022, vol. 1 (219), pp. 54–64. URL: <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-1-54-64> (accessed 12 November 2022).
18. Kafiskina O. V. Strategiya perevoda kak termin perevodovedeniya [Translation strategy as a term of translation studies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teoriya perevoda – Moscow University Translation Studies Bulletin*, 2017, no. 1, pp. 4–19 (in Russian).

Информация об авторах

Сафина Л. М., аспирант, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050).

Кобенко Ю. В., доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Томский политехнический университет (пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050).

Information about the authors

Safina L. M., postgraduate student, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050), Tomsk, Russian Federation, 634050).

Kobenko Yu. V., Doctor of of Philological Sciences, Professor, National Research Tomsk Polytechnic University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 14.11.2022; принята к публикации 17.03.2023

The article was submitted 14.11.2022; accepted for publication 17.03.2023

УДК 81.373.21

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-58-66>

Топонимы бассейна реки Арбаты (Республика Хакасия)

Роман Александрович Лежнин

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия, lezhnin_roman@mail.ru

Аннотация

Топонимический материал Арбатского микроареала Республики Хакасия дает представление об истории, географии, этнографии южной части региона, культуре и религии хакасов, особенностях уклада жизни и хозяйственной деятельности народа в таежной местности, отражает лингвистические и диалектные особенности хакасского языка, а также показывает процессы формализации мира человеком. Фактическим материалом исследования послужили собранные в полевых условиях географические названия, дополненные сведениями из словарных, научных и краеведческих трудов. Топонимы здесь отражают бельтирский говор сагайского диалекта. Поиск этимологии крупных гидронимов Арбаты и Мадьрас вывел исследование на тунгусский след, не отмеченный ни в одном труде предыдущими лингвистами и историками именно для данной территории. Гипотеза ждет дальнейшего подтверждения (или опровержения). Хронологическую картину заселения местности продолжают кетские названия, затем многочисленные тюркские (хакасские) и единичные русские. Территория Арбатов – место таежное, зажатое высокими хребтами и горными реками. Рельеф характеризуется многочисленными логами, впадинами и их ручейками и родниками, невысокими сопками, буграми. Население живет охотой, скотоводством, заготовкой и собирательством. В советское время здесь были культурные посевы, совхозы, лесозаготовительные хозяйства, пилорамы. Работали речные мельницы. Основное население – хакасы и русские. Хакасы имеют родовые и священные горы, на которых шаманы производят ритуалы, также они верят в существование природных духов. Природа богата ягодами, орехами, диким луком, птицами, животными. Все эти особенности местности получили отражение в названиях географических объектов: логов, впадин, рек, гор, ручьев и родников, селений и поселений, таежных и степных местечек и угодий. Многие топонимы состоят из двух-пяти слов, отражающих качественные, относительные, типичные и посессивные отношения и связи. Топонимы характеризуются признаками многозначности, асимметричности, вариативности, а в семантическом отношении – апелляционными признаками ландшафта, производства, хозяйствования, гидронимов, имен, событий, растений и животных.

Ключевые слова: хакасский язык, топонимы, Хакасия, Таитынский район, Арбаты

Для цитирования: Лежнин Р. А. Топонимы бассейна реки Арбаты (Республика Хакасия) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 3 (227). С. 58–66. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-58-66>

Toponyms of Arbaty area (Republic of Khakassya)

Roman A. Lezhnin

Khakassian State University named after N. F. Katanov, Abakan, Russian Federation, lezhnin_roman@mail.ru

Abstract

The toponymic material of the Arbaty micro-area of the Republic of Khakassia gives an idea of the history, geography, ethnography of the southern part of the region, the culture and religion of the Khakasses, the peculiarities of the way of life and economic activity of the people in the taiga area, reflects the linguistic and dialectal features of the Khakass language, and also shows the processes of formalization of the world man. The factual material of the study was the geographical names collected in the field, supplemented by information from dictionary, scientific and local history works. Toponyms here reflect the Beltir dialect of the Sagai dialect. The search for the etymology of the large hydronyms Arbaty and Madyras led the study to the Tungus trace, which was not noted in any work by previous linguists and historians specifically for this territory. The hypothesis awaits further confirmation (or refutation). The chronological picture of the settlement of the area is continued by the Ket names, then numerous Turkic and single Russian ones. The territory of the Arbaty is a taiga place, squeezed by high ridges and mountain rivers. The relief is characterized by numerous logs, depressions and their streams and springs, low hills, mounds. The population lives by hunting, cattle breeding, harvesting and gathering. In Soviet times, there were cultural crops, state farms, logging facilities, and sawmills. River mills worked. The main population is Khakasses and Russians. The Khakass have

ancestral and sacred mountains on which shamans perform rituals; believe in the existence of natural spirits. Nature is rich in berries, nuts, wild onions, birds and animals. All these features of the area are reflected in the names of geographical objects: depressions, rivers, mountains, streams and springs, villages and settlements, taiga and steppe towns and lands. Many toponyms consist of two to five words, reflecting qualitative, relative, typical and possessive relationships and connections. Toponyms are characterized by signs of ambiguity, asymmetry, and variability. In the semantic sense - appellative signs of landscape, production, management, hydronyms, names, events, plants and animals.

Keywords: *Khakass language, toponyms, Republic of Khakassia, Tashtyp District, Arbaty*

For citation: Lezhnin R. A. Toponyms of Arbaty area (Republic of Khakassya) [Toponymy basseyna reki Arbaty (Respublika Hakasiya)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 3 (227), pp. 58–66 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-58-66>

Введение

Топонимы – важный архаичный пласт лексической системы любого языка. Они несут ценную информацию об истории заселения конкретной территории, миграционных процессах, здесь происходивших, истории языка с точки зрения лингвогенеза и диалектообразования, отражают особенности мироощущения и миропонимания конкретного народа. В этом плане несомненную научную ценность приобретает любое исследование, направленное на сбор, картографирование, классификацию и лингвистический анализ топонимического материала каждого географического куста.

Цель исследования – дать комплексное описание топонимической системы бассейна реки Арбаты в лингвистическом аспекте на основе краеведческих материалов, научных трудов, словарей и полевого материала. Арбаты – правый приток реки Абакан в Таштыпском районе Республики Хакасия. Длина – 43 км. Река горная, слабоизвилистая. Бассейн залесён.

Объект исследования: топонимическая система бассейна реки Арбаты в диахронии и синхронии. Предмет исследования: лингвистические и экстралингвистические свойства топонимической системы бассейна реки Арбаты (в данной статье не представлены названия крупных гор, о них см. [1]).

Новизна исследования состоит в том, что оно представляет собой первый опыт комплексного описания топонимии бассейна р. Арбаты в синхронии и диахронии. Проведена инвентаризация и семантическая, структурная классификация топонимов. На основе типологического анализа географических названий определена специфика топонимии региона, выявлены закономерности ее формирования как системы. Выделены стратиграфические пласты в топонимии региона, описаны основные принципы номинации.

Материал и методы

Информация о топонимах бассейна реки Арбаты получена от информантов и некоторые сведения из топонимического словаря В. Я. Бутанаева [2] и диссертации М. А. Жевлова [3].

Для изучения использовали исторический, семантический, структурно-лингвистический и описательный методы.

Результаты и обсуждение

Существуют различные точки зрения относительно происхождения названия реки **Арбаты** (хак. – *Арбийит/Арныйит*). Открытые источники в интернете, ссылаясь на хакасско-русский словарь, возводят ее название к устаревшему фольклорному слову *арбаты* «степь» [4, с. 72], однако описываемая территория является, наоборот, таежной и подтаежной. Некоторые информанты пытаются объяснить происхождение этого названия через арабское слово *арба* «повозка» и ищут параллели с московским Арбатом, однако данная гипотеза антиисторична, так как арабов в Сибири никогда не было и прямых контактов с ними тоже не существовало. В. Я. Бутанаев из-за наличия элемента *ба* в составе топонима предполагает его самодийское происхождение [2, с. 26]. М. А. Жевлов также усмотрел в основе гидронима южносамодийский субстрат Арбат/Арbeit «горный хребет» [3, с. 67], однако ни один из существующих словарей самодийских языков не подтверждает адекватность данного перевода. Краевед М. П. Захаров считает, что в основе топонима лежит хакасское слово *аар* «тяжелый» и переводит его как «тяжелая земля» [5, с. 14]. Е. В. Субракова предлагает следующую формулу для объяснения его этимологии: «Взяв за основу слово хакасского языка аар (тяжелый, увесистый) и присоединив часть слова самодийского языка бу, би (вода, река), “строим (составляем)” этимологию рассматриваемого топонима: тяжелая река» [6, с. 259]. Однако и эта версия является необъективной и несостоятельной, так как по логике топонимических номинаций более поздние по происхождению части топонимов находятся обычно в позиции к топооснове, поэтому хакасский *аар* «тяжелый» не может определять самодийский *баты* «земля» или *ба* «вода, река». О. Т. Молчанова для хакасского названия Арбат предлагает калмыцкий вариант *арвант/арвантъ* «зажим» [7, с. 212].

Ни одна из предложенных версий не представляется объективной, так как не подтверждается языковыми и историческими материалами. На наш взгляд, топоним *Арбаты* является тунгусским по происхождению. К этой мысли подтолкнул тот факт, что в этих местах наблюдается большое скопление речных названий с окончанием -хан: *Чехан*, *Сабыххан*, *Одатхан*, *Отаххан*. В эвенкийском языке это окончание имеет уменьшительное значение и часто используется в названиях небольших рек, притоков и водоемов. Кроме того, памятуя о том, что эвенки до прихода русских расселялись почти на всей территории Сибири, мы в поисках ответа обратились к эвенкийскому языку, который указал, что *арба* – это «мель, мелководье»; *арбакта* – «мелководье, брод», *Арбакта* – название реки [8, с. 34]. В эвенском языке мы нашли слово *арбаты* «отмель; мелкий перекал, широкое мелкое место (диал.); мель (диал.)» [9, с. 17]. Действительно, Арбаты – река горная, слабоизвилистая, с отмелями и перекатами, поэтому Арбаты с помощью тунгусо-маньчжурских языков можно перевести как «отмель, неглубокая река». Производные топонимы: **Улуг Арбийт** «Большие Арбаты, правый приток Абакана» и село «Большие Арбаты», **Кичиг Арбийт** «Малые Арбаты, правый приток Абакана» и село «Малые Арбаты», **Оён Арбийт** – река «Основной Арбат», **Хууган Арбийт** (диал. бельт.) / **Хуулган Арбийт** (лит.) – правый приток реки Б. Арбаты с сухостойными берегами после пожара; топоним состоит из топоосновы Арбийт «Арбат» и существительного хуулган/хоолган «сухостой», **Арбийт тура** «село Арбаты на правом берегу р. Абакан», «казачий форпост, поставленный для охраны российской границы в 1768 г.» [2, с. 26].

Названия «Арбат» также находим в местах проживания эвенков – в Хабаровском крае и Читинской области: 1. АРБАТ, г., в сев.-вост. части Сихотэ-Алиня; Хабаровский кр.; 2. АРБАТ, пер., в юж. части Мензинского хр.; Читинская обл.» [10, с. 23].

Через тунгусские языки объясняется название правого притока Больших Арбатов – **Матрас/Матрос** (в хакасском звучании **Мадырас суг**, **Матрыс**). В слове *Мадырас* выделяем корень *мадыр* от эвенкийского *модар* «речная извилина, меандра» или эвенского *мотур* «диал. лесистый», к которому кеты, прибывшие в эту таежную местность после тунгусов, добавили свое слово *ас* «река». Общее значение топонима «Лесистая река (?)» или «Речная извилина (?)». Производные топонимы: **Мадырас аал** «село Матрас (исчезнувшее)», **Мадырас хол** «лог Матрас», **Мадырас тискерт хол** «восточный (букв. изнаночный, обратный) лог Матрас», **Мадырас сын** «хребет Матрас».

Территория Больших Арбатов характеризуется большим количеством горных массивов с неширо-

кими логами с ручьями. Даже само село Большие Арбаты расположено в широкой равнинной долине, которую местные жители называют **Хол** – «лог, долина, сухое русло реки» [11, с. 58–59]. При таких природных условиях местности важными объектами в жизни людей становятся лога, которые используются для ведения хозяйственной деятельности, поэтому здесь имеется большое количество топонимов с прикладной характеристикой (прагматопонимы). В них содержатся указания на особенности традиционных видов деятельности: охота, животноводство, заготовка и собирательство.

Топонимы, связанные с охотничьим промыслом, содержат в себе описание мест, наиболее удачных для ловли и выслеживания добычи. Например: **Киик сүрцең ойых** – узкая долина, впадина для загона косуль. Топоним состоит из топоосновы *ойых* «впадина» и причастного оборота итеративности *киик сүрцең* «для загона косуль». **Чити күрүп** – место охоты на мелких зверей и птиц. Топоним состоит из слов *чити* «семь» и *күрүп* «ловушка, яма в земле для ловли мелких зверей и птиц». **Тистиг хол** – место охоты за кабаргой, обозначает «лог с загородкой (ловушкой для зверей)»; состоит из топоосновы *хол* «лог» и прилагательного *тистиг* «с городьбой, с загородкой». От названия лога произошло имя ручья **Тистиг хол**.

Топонимы, указывающие на места, пригодные для заготовки и транспортировки: **Тамах азыра тартчаң хол** или **Тамах тартчаң хол** – «лог, через который перевозят пшеницу» / «лог для перевозки пшеницы». Топоним состоит из: *хол* «лог» и причастного оборота итеративности *тамах азыра тартчаң* / *тамах тартчаң* «для перевозки пшеницы». **Сыра тартчаң хол** – «лог, откуда обычно вывозят жерди». Топоним состоит из топоосновы *хол* «лог» и причастного оборота итеративности *сыра тартчаң* «для вывоза жердей». **Чарты хаглаан хол** – лог, где тесали доски. Топоним состоит из топоосновы *хол* «лог» и причастного оборота *чарты хаглаан* «в которой тесали доски». **Ат нандырчаң тайга** «Арбатская тайга (Таш. р-н). В старые времена охотники здесь оставляли лошадей, а сами отправлялись дальше на лыжах» [2, с. 28]. Название состоит из: *тайга* «тайга, горные лесные массивы» и причастного оборота итеративности *ат нандырчаң* «для возвращения лошадей».

Достаточно многочисленны топонимы, отражающие такие особенности ландшафта и рельефа географического объекта (ландшафтные топонимы), как приметные объекты, размер, форма, особенности почвы, расположения относительно чего-либо и т. п.: **Сүүктер холы** (диал. бельт.) / **Сёдоктер холы** (лит.) – лог с могильником. Топоним с изафетным видом связи; состоит из топоосновы *холы* «лог чего-то» и существительного *сёдоктер* (лит.) /

сүүктөр (саг.) «могильник; родовое кладбище». **Күзееліг хол** (диал. бельт.) / **Кёзееліг хол** (лит.) – лог со множеством каменных изваяний. Название состоит из топоосновы *хол* «лог» и относительного прилагательного *кёзееліг* «с каменным изваянием». **Хапчаллыг хол** – лог с ущельем. Название состоит из топоосновы *хол* «лог» и относительного прилагательного *хапчаллыг* «с ущельем, тесниной». **Түгістіг хол** (диал. бельт.) / **Тёңістіг хол** (лит.) – лог с большим двухметровым бугром. Название состоит из топоосновы *хол* «лог» и относительного прилагательного *түгістіг* / *тёңістіг* «с холмом, с кочкой». Слово *tүгіс* / *tёңіс* в хакасско-русском словаре не зафиксировано. В словаре народных географических терминов Э. М. Мурзаева находим: ЧУГАС – одинокий холм в низине (бас. Тобола); түгес (из хант.) – то же [12, с. 444]. **Теербенніг хара суғ** – ручей с речной мельницей. Название состоит из топоосновы *хара суғ* «родниковая речка» и относительного прилагательного *теербенніг* «с мельницей». **Хууған хол** (диал. бельт.) / **Хуулған хол** (лит.) – лог с сухостоем, образовавшимся после пожара. Топоним состоит из топоосновы *хол* «лог» и существительного *хуулған* «сухостой», общее значение топонима – «сухостойный лог». Гора **Оогас тигей** – сопка с мелкой порослью. Топоним состоит из топоосновы *тигей* «сопка» и качественного прилагательного *оогас* «мелкий». **Нир Сіген** – брусничник (*нир* «брусника» и *сіген* «сухой стебель»), **Ўл нир сіген хол** «мокрый (непересыхаемый) лог Нир сіген», **Хуруғ нир сіген хол** «сухой (пересыхаемый) лог Нир сіген». Разделение на мокрый и сухой и использование слова *сіген* «сухой стебель» наталкивает на мысль о сенокосных местах. Так, в Хакасии встречаются ручьи Хуруғ Тырбаан «Сухой сенокос» и Суғлыг Тырбаан «Мокрый сенокос». **Пулух хол** – лог с ключом у подножия. Название мотивировано наличием ключа. *Пулук* – «родник, ключ, уходящий в землю». Общее значение топонима – «лог Ключ». **Хара суғ хол** – лог с ручьем, длина которого 3,5 км. Название мотивировано наличием родниковой речки. *Хара суғ* : «1) родник, ключ; 2) речка, берущая свое начало из родника, ручья» [13, с. 46]. Общее значение топонима – «лог Ручей». Гора **Харғынның тасхыл** – голец с торосами (торосы – нагромождение обломков льда) (*харғынның* «с торосами», *тасхыл* «голец, высокая гора»). Существует другая версия, озвученная в статье «О происхождении названий гор окрестности Арбатов (РХ)»: «Ороним состоит из прилагательного *харғанның* „ракетный; с ракетой“ и существительного *тасхыл* „высокая безлесая гора, голец“. Гора в истоках реки Малые Арбаты. Почитаемая шаманистами вершина» [2, с. 168]. Гора **Ыстаан тасхыл** – гора в истоках ручья Станджас. Топоним состоит из топоосновы *тасхыл* «го-

лец, высокая гора» и причастия прошедшего времени *ыстаан* «задымленный». Общее значение топонима «туманный голец». Ручей Станджас (*хак.* – **Ыстаан чазы**) – левый приток р. Кириңчул, протекающий по степи. Гидроним унаследовал основу опорного топонима, к которому добавилось *чазы* «степь» с общим значением «степь Ыстаан».

Характеризующими признаками местности также могут стать ее функциональные свойства или какое-то приметное событие: **Одағлыг хол** состоит из топоосновы *хол* «лог» и относительного прилагательного *одағлыг* «с шалашами». Общее значение топонима – «лог с шалашами». **Чалаң ат чолы хол** – лог с тропой для всадников. Топоним состоит из топоосновы *хол* «лог» и изафетного сочетания *чалаң ат чолы* «дорога верховой лошади». **Мухрис асчаң ойых** – впадина, через которую обычно переходил Мухрис. Топоним состоит из топоосновы *ойых* «впадина» и причастного оборота итеративности *Мухрис асчаң* «где обычно переходил Мухрис». **Казактар ағас кичең хол** – лог, где обычно казаки заготавливали дрова. Топоним состоит из топоосновы *хол* «лог» и причастного оборота итеративности *Казактар ағас кичең* «где обычно пилили дрова казаки». Сегодня топоним сократился до **Казак ағас** «казацье дерево». **Локай хомызы хол** – лог, выходящий на вершину священной горы Ызых, на которой производил шаманские ритуалы Локай с помощью народного музыкального инструмента *хомыс* «комус». Топоним состоит из топоосновы *хол* «лог» и изафетного сочетания *Локай хомызы* «комус Локая», общее значение топонима – «лог Комус Локая». **Тохпах холы** – лог, в котором сожгли безрукого младенца из рода Индыгашевых вместе с матерью. Топоним состоит из топоосновы *холы* «лог кого-то» и слова *тохпах* «кулья, обрубок», общее значение топонима – «лог обрубка». **Хос чазы** – степь, где видятся горные духи. Топоним состоит из топоосновы *чазы* «степь» и слова *хос* «парный, параллельный». Общее значение топонима – «параллельная степь». **Суғ харацаң** – хребтовая гора. «Охотники талкан разводили водой и пили, пока отдыхали перед тем, как подняться, а другого пути не было», – цитирует информантов М. А. Жевлов [3, с. 127]. Топоним состоит из причастного оборота итеративности *суғ харацаң* «для поиска воды». Ручей **Мооспалыг** переводится как «с оспой, оспенный»; *мооспа* (диал. бельт.) «оспа» [4, с. 253]. «По этому ручью погибли люди, спасавшиеся от оспы» [2, с. 63].

Рельефными особенностями являются размер, форма и особенности расположения объекта: **Тірің хол** (диал. бельт.) / **Тирең хол** (лит.) – глубокий лог. Ороним состоит из топоосновы *хол* «лог» и качественного прилагательного *тірің/тирең* «глубокий». **Кічіг хол**, или **Ойых** – небольшой лог

(или впадина), поднимающийся в Табатский хребет. Топоним состоит из топоосновы *хол* «лог» (*ойых* «впадина») и качественного прилагательного *кічіг* «маленький», общее значение топонима – «маленький лог». **Улуғ хара суг** – большой ручей (*улуғ* «большой», *хара суг* «родниковая речка»).

Названия логов могут определяться особенностями расположения относительно к более крупным объектам: **Сынзәғый хол** – лог у верховья реки Матрас, упирающийся в горный хребет. Топоним состоит из топоосновы *хол* «лог» и слова *сын* «горный хребет, перевал, горная цепь» в форме направительного падежа *-за* и с окончанием прилагательного со значением направления *-ғый*; общее значение топонима – «лог в сторону хребта». **Пилдең хол** – лог с перевалом, прямой короткий путь из Больших в Малые Арбаты. Топоним представляет комитативное сочетание; состоит из топоосновы *хол* «лог» и существительного в творительном падеже *пилдең* «с перевалом». **Хыйығ алты хол** – лог у подножия горы Хыйығ. Топоним состоит из топоосновы *хол* «лог» и изафетного сочетания *Хыйығ алты* «низ Хыйыга». **Хыйығ үстү хол** – лог по верхней части горы Хыйығ. Топоним состоит из топоосновы *хол* «лог» и изафетного сочетания *Хыйығ үстү* «верх Хыйыга». Второе название – **Ады чох хол** «Безымянный лог» (букв. «лог без имени»).

Лога с описанием формы: **Алты азыр хол** – лог, разветвляющийся на несколько мелких логов. Топоним состоит из топоосновы *хол* «лог» и сочетания *алты азыр* «шесть развилок». **Көпеең тасхыл** – гонец, напоминающий копну сена. Топоним состоит из топоосновы *тасхыл* «гонец, высокая гора» и слова *көпеең* «копна сена». **Хыйған хол** – скошенный по форме лог. Топоним состоит из топоосновы *хол* «лог» и причастия *хыйған* «срезанный».

Приметными свойствами местности является наличие определенного вида флоры (фитотопонимы) или фауны (зоотопонимы). От названий растений произошли здесь такие топонимы, как: **Хазың ойых** – березовая впадина (*хазың* «береза», *ойых* «впадина»); **Халбалығ хол** – лог, богатый черемшой (*халбалығ* «с черемшой», *хол* «лог»); **Тыттығ хамах хол** – лог с лиственницами, произрастающими по верхней части (*тыттығ* «с лиственницами», *хамах* «лоб, пригорок» и *хол* «лог», общее значение топонима – «логовой пригорок с лиственницей»). Место обитания или размножения животных нашло отражение в таких названиях, как **Харға холы** – вороний лог. Топоним с изафетным видом связи; состоит из топоосновы *холы* «лог» и существительного *харға* «ворона». **Саасхан салынған ойых** – впадина с большим количеством сорочьих гнезд. Топоним состоит из топоосновы *ойых* «впадина» и причастного оборота *саасхан салынған* «в котором загнездились сороки». **Үгү**

туғчаң ойых – впадина с наличием совиных гнезд. Топоним состоит из топоосновы *ойых* «впадина» и причастного оборота итеративности *үгү туғчаң* «для размножения сов». Лог **Хозан холы** примыкает к горе Хозанах. Топоним с изафетным видом связи; состоит из топоосновы *холы* «лог» и существительного *хозан* «заяц», общее значение топонима – «заячий лог».

Следующая крупная группа топонимов образована от личных имен и фамилий (антропотопонимы). Обозначают первопоселенца или собственника местечка: **Картон аал** – исчезнувшее поселение лесников, было названо «по имени охотника на маралов Картон Шельдильдеева» [3, с. 116]. Топоним состоит из топоосновы *аал* «село» и личного имени *Картон*, общее значение топонима – «Картоновское село». **Сағай одырған чазы** – местечко, в котором в 1900-х годах поселился человек по имени Сағай со своей семьей (Сагаяковы). Топоним состоит из топоосновы *чазы* «степь» и причастного оборота *Сағай одырған* «в которой осел Сағай», общее значение топонима – «Степь, в которой осел Сағай». **Омелька холы** – сенокос Омельки. Топоним с изафетным видом связи; состоит из топоосновы *холы* «лог кого-л.» и личного имени *Омелька*, общее значение топонима – «Лог Омельки». По посессивной модели образованы такие топонимы, как **Оска холы** «лог Оски», **Иван холы** «лог Ивана», **Сушта холы** (диал. белът.) / **Сурта холы** (лит.) «лог Сурты».

Малчынай хол – лог шамана по имени Малчынай (Молчынай, Молчанай – произношение разное). Топоним образован путем примыкания существительного *хол* «лог» и личного имени *Малчынай*, общее значение топонима – «Малчынайский лог». По модели примыкания образованы такие топонимы, как **Мухрис хол** «Мухрисский лог», **Тохчинах ойых** «Тохчинахская впадина», **Тадах ойых** «Тадахская впадина, место его сенокоса».

Күмүс тай тайгазы – небольшая площадка на таежной возвышенности, на которой производил камлания шаман по имени Күмүс тай. Находится на водоразделе Джоя, Больших Арбатов и Сарыг Сыбы. Топоним с изафетным видом связи; состоит из топоосновы *тайгазы* «тайга кого-л.» и личного имени *Күмүс тай*, общее значение топонима – «Тайга Кюмюс тая».

Абан ойых – лог с глубокой пещерой. Информанты затруднились в объяснении происхождения названия. У В. Я. Бутанаева зафиксировано как **Аба ойых** (Медвежье углубление) «мест. Аба-ойых по р. Б. Арбаты, где, согласно легендам, находится отверстие в подземный мир (чир түндүгі)» [2, с. 15]. Однако информанты озвучивают его именно как «Абан ойых». Предполагаем, что это антропо-

топоним – «Абанская впадина» (требует уточнения).

«В пределах одного региона транstopонимизация как перенос топонима от одного географического объекта на другой чаще всего реализована дистрибуцией топонимов с общей основой в отдельных микроареалах, на микротерриториях» [14, с. 19]. В нашем микроареале активна модель транstopонимизации – потамоним > ороним: **Узун хара суғ хол** – лог с длинным ручьем. Название лога восходит к одноименному ручью *Узун хара суғ* «Длинный ручей». **Күрлек хол** – лог с журчащим ручьем. Лог у подножия, узкий и скалистый, есть каньон. Название лога восходит к одноименному ручью *Күрлек* «Клокочущий, журчащий». **Айа хара суғ хол** – место у родника для установки самострельного лука; название лога восходит к одноименному роднику *Айа хара суғ* «родник Самострел». **Пулан айазы хара суғ** – ручей для установки самострельного лука на сохатого. Топоним зафиксирован в словаре В. Я. Бутанаева: «руч. Буланаязы-карасук п. пр. р. Б. Арбаты (Таш. р-н)» [2, с. 91] и в диссертации М. А. Жевлова «р. Пуланаязы-Харасуғ «родник с самострелом на лося» [3, с. 127]. Название состоит из топоосновы *хара суғ* «родник» и изафетного сочетания *пулан айазы* «лосиный самострел». **Чайлаг хара суғ хол** – лог, используемый в качестве летнего пастбища. Название лога восходит к одноименному ручью *Чайлаг хара суғ* «родниковая речка Летник»; состоит из топоосновы *хара суғ* «родниковая речка» и существительного *чайлаг* «летнее пастбище», связанных способом примыкания. **Хыстаг хара суғ хол** – лог, используемый в качестве зимнего пастбища. Название лога восходит к одноименному ручью *Хыстаг хара суғ* «родниковая речка Зимник». **Тастыг хара суғ хол** – лог с каменистым ручьем. Название лога восходит к одноименному ручью *Тастыг хара суғ* «Каменистая родниковая речка»; состоит из топоосновы *хара суғ* «родниковая речка» и относительного прилагательного *тастыг* «каменистый». Верхняя часть лога называется **Ўўшкі тастыг хара суғ холы** (диал. белът.) / **Ўўркі тастыг хара суғ холы** (лит.) с добавлением элемента *ўўшкі* / *ўўркі* «верхний». **Сабайлыг хара суғ хол** (диал. белът.) / **Сабаллыг хара суғ хол** (лит.) – лог, в котором протекает ручей Сабаллыг. Название восходит к одноименному ручью *Сабаллыг хара суғ* «родниковая речка Хвойная»; состоит из топоосновы *хара суғ* «родниковая речка» и относительного прилагательного *сабаллыг* «с хвоей; хвойный». Гидроним мотивирован произрастающими хвойными деревьями по берегам ручья. **Хам айазы хара суғ хол** – место проведения шаманских обрядов по изгнанию злых духов с помощью самострела. Название восходит к одноименному ручью *Хам айазы хара суғ* «родни-

ковая речка Самострел шамана»; состоит из топоосновы *хара суғ* «родник» и изафетного сочетания *хам айазы* «самострел шамана». **Тидір чул хол / Кирен чул хол** – лог с ручьем. Здесь ранее находилась деревня **Тидір чул / Кирен чул** (в народе используются оба варианта). Восходит к одноименному ручью *Тидір чул* «Говорливый ручей»; состоит из топоосновы *чул* «ручей, речка, горная река» и итеративного причастия *тидир* «говорящий непрерывно, говорливый». Другое название лога – **Кирен чул хол**, образованное от названия ручья Кирен чул «ручей Полынь или Лебеда». **Түңерчік хол** – лог по реке *Түңерчік*. Данное слово в хакасско-русском словаре не зафиксировано. В словаре В. В. Радлова и диссертации М. А. Жевлова определяется как «круглый войлочный мешок» [15, с. 1543; 3, с. 239]. Информанты объясняют его через глагол *түңерерге* «опрокидываться», то есть «то, что является опрокинутым = с холмикой, с сопкой». Топоним требует уточнения. **Чыстыг азыр хол** – лог по реке *Чыстыг азыр*. *Чыстыг азыр* – река длиной 8,5 км, развилка которой заросла густым хвойным лесом. Топоним состоит из топоосновы *азыр* «разветвление, раздвоение» и относительного прилагательного *чыстыг* «с густым хвойным лесом; с чернью». Второе название реки у местных **Чыстыг хазыр**. Слово *хазыр* «быстрый, бурный» «может выступать в качестве гидронимического термина» [13, с. 45]. **Інек сүрцең хара суғ хол** – лог, пригодный для выпаса коров. Название восходит к одноименному ручью *Інек сүрцең хара суғ* «родниковая речка для выгона коров»; состоит из топоосновы *хара суғ* «родник» и причастного оборота итеративности *інек сүрцең* «для выгона коров». Сегодня встречается сокращенный вариант лога **Інек сүрцең хол** «лог для выгона коров».

По модели транstopонимизации – ороним > потамоним образованы: **Хузух итчең хол** – лог, где обычно заготавливают кедровый орех. От названия лога произошло имя реки **Хузух итчең хол**. Топоним состоит из топоосновы *хол* «лог» и причастного оборота итеративности *хузух итчең* «для заготовки ореха». У М. А. Жевлова эта река звучит в варианте **Хузух исчең холы** «р. Хузухисчең Холы «лог, где орехи собирали» (л. пр. р. Улуғ-Арбат)» [3, с. 130], вернее сказать, «лог, где лущили орехи». **Ызых чул** – ручьи Б. и М. Ызых чул левый приток р. Б. Арбаты (Таш. р-н) [2, с. 212]. Гидронимы произошли от названия культовой горы Ызых, с которой берут исток, имеют семантику «ручей Ызых».

Сложный процесс транstopонимизации наблюдаем в двух топонимах: **Ізерлеен хара суғ хол** (в местном звучании **Ізірлеен**) – лог, похожий на седло. В данном случае мотивом номинации выступает внешняя схожесть лога с седлом (снизу узкий,

вверху расширяется). Ручей, протекающий в логу, получил имя **Изерлеен хара суғ**, затем название ручья транспорировалось на лог **Изерлеен хара суғ хол**. Топоним состоит из топоосновы *хара суғ* «ручей» и причастия *изерлеен* «оседланный». **Хам хамначаң хара суғ хол** – лог с родником у горы Хам хамначаң тағ. В данном случае опорным топонимом является гора **Хам хамначаң тағ** «гора для камлания шамана», от которого название транспорировалось на примыкающий родник, затем от родника – на лог. Второе современное название лога **Пилендег хара суғ хол** – лог заготовки леса, в советское время здесь располагался леспромхоз. Топоним состоит из топоосновы *хара суғ* «ручей» и существительного *пилендег* «заготовка».

В окрестностях р. Арбаты есть два русскоязычных гидронима: Ручей **Гремучий** – левый приток р. Киринчул; Ручей **Семьянинов** – правый приток р. Абакан.

Этимология топонимов **Узуған / Узыған хол**, **Күчүрдан**, **Одатхан** осталась невыясненной и требует дальнейшего исследования.

Заключение

Таким образом, проанализировано 99 топонимов Арбатского микроареала, из которых 63 названия – названия логов, 25 названий ручьев (из них 18 имеют общее название с логами), 8 названий впадин, 7 названий гор, 6 названий рек и крупных притоков, 6 названий сёл, 4 названия таежных и степных местечек. Для их обозначения употребляются следующие топоосновы: *хол* «лог», *ойых* «впадина», *суғ* «река», *хара суғ* «родниковая речка», *чул* «ручей, горная река», *тасхыл* «высокая гора, голец», *сын* «хребет», *тигей* «сопка», *аал* «село», *тура* «устар. город, крепость, форпост», *тайга* «тайга», *казы* «степь».

Структура исследуемых топонимических единиц в большинстве случаев многокомпонентна: состоит из двух, трех, четырех и пяти слов. Основной способ их образования – синтаксический: по типу изафета или примыкания. В качестве определяющего компонента участвуют существительные, качественные и относительные прилагательные, причастия/причастные обороты прошедшего времени (аб-

солютного или итеративного). Актуален для данного микроареала транstopонимизационный способ образования топонимов – перенос топонима от одного географического объекта на другой. Так образуются многозначные топонимы: *Матрас* – это и река, и село, и лог, и хребет; *Улуғ Арбыйт* – река и село; *Кічіг Арбыйт* – река и село; *Тидір чул* – ручей, село, лог; *Хузух итчең хол* – ручей и лог, *Күрлек* – ручей и лог и др.

Наблюдается асимметрия и в номинации одного географического объекта. Оппозиционными признаками их являются: диалектный и литературный вариант; полный и сокращенный вариант; старое и позднее название и др. Например: *Хууған Арбыйт* (диал. белът.) / *Хуулған Арбыйт* (лит.), *Казактар агас кичең хол* / *Казак агас*, *Кічіг хол* / *Ойых*, *Тидір чул хол* / *Кирен чул хол*, *Хам хамначаң хара суғ хол* / *Пилендег хара суғ хол* и др.

В историческом отношении в составе топонимов бассейна р. Арбаты выделяется четыре языковых пласта: тунгусо-маньчжурский – самый древний субстрактный языковой пласт; кетский пласт, широко распространенный в горно-таежных районах Хакасии и Кузбасса; более молодой тюркский (хакасский) пласт, который наслоился на хронологически более ранние пласты [16, с. 213]; самый поздний русский пласт.

Основными признаками номинации географических объектов являются особенности ландшафта и рельефа (22 объекта), наличие и признаки водных объектов (18 объектов), апелляция к имени человека (12 объектов), связь с событиями, происшествиями (9 объектов), прикладное использование (7 объектов), вид растений и животных (7 объектов). Таким образом, выделяются следующие семантические типы топонимов бассейна Арбатов: топонимы с прикладной характеристикой (прагматопонимы), топонимы, отражающие особенности географического объекта (ландшафтные топонимы), функциональные свойства или какое-то приметное событие (событийные топонимы), особенности расположения объекта (пространственные топонимы), фитотопонимы, зоотопонимы, антропотопонимы, а также топонимы, связанные с культовыми и обрядовыми местами, верованиями народа [17].

Информанты

Сазанакowa Ирина Алексеевна, 1972 г.р., житель д. Большие Арбаты, краевед. **Майнагашева Нина Семеновна**, 1971 г.р., урожденная д. Большие Арбаты, к.ф.н. **Сазанакow Николай Николаевич**, 1966 г.р., житель с. Малые Арбаты, охотник.

Список источников

1. Лежнин Р. А. О происхождении названий гор окрестности Арбатов (Республика Хакасия) // Вестник Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. 2021. № 1 (35). С. 97–101.
2. Бутанаев В. Я. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. Абакан, 1995. 267 с.
3. Жевлов М. А. Топонимия Хакасско-Минусинской котловины (лингвистический анализ): дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1984. 256 с.
4. Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

5. Захаров М. П. Страницы истории земли таштыпской. Абакан, 2006. 72 с.
6. Субракова Е. В. Из топонимики Таштыпского района Республики Хакасия (о мотивации некоторых названий) // Молодой ученый. 2011. № 12. С. 258–259.
7. Молчанова О. Т. Энциклопедия названий мест Горного Алтая. Т. I: А–К. Щecin, 2018. 598 с.
8. Эвенкийско-русский словарь / сост. Г. М. Василевич. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. 803 с.
9. Инструкция по русской передаче эвенских географических названий / сост. Ф. К. Комаров. М.: ЦНИИГАиК ГУГК СССР, 1988. 39 с.
10. Словарь названий орографических объектов СССР / сост. К. Т. Глива и др. М.: Недра, 1976. 302 с.
11. Сунчугашев Р. Д. Топонимия Хакасии. Абакан: Хакаское книжное изд-во, 2009. 196 с.
12. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. 444 с.
13. Бушуева Е. Н., Волостнова М. Б. Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Хакаской автономной области. М., 1968. 79 с.
14. Васильев В. Л., Вихрова Н. Н. Формирование топонимических микросистем (на материале гидронимии исторических новгородско-псковских земель) // Ономастика Поволжья: материалы XVII Междунар. науч. конф. 2019. С. 19–24.
15. Радлов В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1905. Т. 3, ч. 2. 2203 с.
16. Каксин А. Д. Топонимическая система как ресурс изучения древней истории региона (на примере Хакасии) // Вопросы ономастики. 2019. № 1. С. 213–221.
17. Лежнин Р. А. Основные семантические типы топонимов юга Хакасии: материалы V научной конф., посвященной 160-летию со дня рождения выдающегося востоковеда, тюрколога Н. Ф. Катанова. Абакан, 2022. С. 120–121.

References

1. Lezhnin R. A. O proiskhozhdenii nazvaniy gor okrestnosti Arbatov (Respublika Khakasiya) [On the origin of the names of the mountains in the vicinity of Arbaty (Republic of Khakasia)]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*, 2021, no. 1 (35), pp. 97–101 (in Russian).
2. Butanayev V. Y. *Toponimicheskiy slovar' Khakassko-Minusinskogo kraya* [Toponymic dictionary of Khakass-Minusinsk area]. Abakan, 1995. 267 p. (in Russian).
3. Zhevlov M. A. *Toponimiya Khakassko-Minusinskoy kotloviny (lingvisticheskiy analiz). Dis. ... kand. filol. nauk* [Toponymy of Khakass-Minusinsk region (linguistic analysis). Diss. cand. philol. sci.]. Alma-Ata, 1984. 256 p. (in Russian).
4. *Khakassko-russkiy slovar'* [Khakass-russian dictionary]. Novosibirsk, 2006. 1114 p. (in Russian).
5. Zakharov M. P. *Stranitsy istorii zemli tashtypskoy* [The pages of Tashtyp area history]. Abakan, 2006. 72 p. (in Russian).
6. Sybrakova E. V. Iz toponimiki Tashtypskogo rayona Respubliki Khakasiya (o motivatsii nekotorykh nazvaniy) [From the toponymy of Tashtyp district, Republic of Khakasia (about some names of places)]. *Molodoy uchenyy*, 2011, no. 12, pp. 258–259 (in Russian).
7. Molchanova O. T. *Entsiklopediya nazvaniy mest Gornogo Altaya* [Encyclopedia of names of places in Gorny Altai]. Vol. I. Shchecin, 2018. 598 p. (in Russian).
8. *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenk-Russian dictionary]. Ed G. M. Vasilevich. Moscow, 1958. 803 p. (in Russian).
9. *Instruktsiya po russkoy peredache evenskikh geograficheskikh nazvaniy* [Instructions for the Russian transfer of Even geographical names]. Ed F. K. Komarov. Moscow, 1988. 39 p. (in Russian).
10. *Slovar' nazvaniy orograficheskikh ob'yektov SSSR* [Dictionary of names of orographic objects of the USSR]. Moscow, Nedra Publ., 1976. Comp. Gliva K. T. et al. 302 p. (in Russian).
11. Sunchugashev R. D. *Toponimiya Khakasii* [Khakass toponymy]. Abakan, Khakasskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 2009. 196 p. (in Russian).
12. Murzayev E. M. *Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov* [People's geographic terms dictionary]. Moscow, 1984. 444 p. (in Russian).
13. Bushuyeva H. N., Volostnova M. B. *Slovar' geograficheskikh terminov i drugikh slov, vstrechayushchikhsya v toponimii Khakasskoy avtonomnoy oblasti* [Dictionary of geographical terms and other words found in the toponymy of the Khakass Autonomous Region]. Moscow, 1968. 79 p. (in Russian).
14. Vasil'yev V. L., Vikhrova N. N. Formirovaniye toponimicheskikh mikrosistem (na materiale gidronimii istoricheskikh novgorodsko-pskovskikh zemel') [Formation of toponymic microsystems (based on the hydronymy of historical Novgorod-Pskov lands)]. *Onomastika Povolzhya: materialy XVII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Onomastics of the Volga region. Pceeding of the XVII International Scientific Conference]. Veliky Novgorod, 2019. Pp. 19–24 (in Russian).
15. Radlov V. *Opyt slovary tyurkskikh narechiy* [Experience of the dictionary of Turkic dialects]. 1905. Vol. 3, part 2. 2203 p. (in Russian).
16. Kaksin A. D. Toponimicheskaya sistema kak resurs izucheniya drevney istorii regiona (na primere Khakasii) [Toponymic system as a resource of region history research (On examples of Khakassia)]. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*, 2019, no. 1, pp. 213–221 (in Russian).

17. Lezhnin R. A. Osnovnyye semanticheskiye tipy toponimov yuga Khakasii [The main semantic types of toponyms in the south of Khakasia]. *Materialy V nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 160-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya vostokoveda, tyurkologa N. F. Katanova* [Materials of the V scientific conference dedicated to the 160th anniversary of the birth of the outstanding orientalist, turkologist N. F. Katanov]. Abakan, 2022. Pp. 120–121 (in Russian).

Информация об авторе

Лежнин Р. А., аспирант, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (пр. Ленина, 90, Абакан, Россия, 655017).

Information about the author

Lezhnin R. A., graduate student, Khakassian State University named after N. F. Katanov (pr. Lenina, 90, Abakan, Russian Federation, 655017).

Статья поступила в редакцию 25.01.2023; принята к публикации 17.03.2023

The article was submitted 25.01.2023; accepted for publication 17.03.2023

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81'3

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-67-75>

Поликодовость экспрессивных средств в дискурсе англоязычной рекламы

Алиса Александровна Запольская¹, Марина Юрьевна Рябова²

^{1, 2} Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹ zapolskaya.alya@mail.ru

² mriabova@inbox.ru

Аннотация

Описывается дискурс англоязычной рекламы для женской аудитории, тексты которой были распространены в 1930-е и 1940-е гг. Проанализирован арсенал экспрессивных языковых средств как вербальных, так и паралингвистических для оказания воздействия на женскую читательскую аудиторию с тем, чтобы усилить прагматический эффект текста о рекламируемом товаре. Материалом исследования послужили тексты британских и американских журналов для женщин на английском языке, представленные на сайтах архивных изданий (vintageadbrowser.com и др.), с использованием методов лингвистического описания, классификации, лингвостилистического и контекстуального анализа и перевода. Проведенный анализ экспрессивных средств в дискурсе англоязычной женской рекламы позволил установить, что рекламные тексты данного хронологического периода представляют собой поликодовые сообщения, содержащие различные средства вербальной и невербальной, параграфемной экспрессии, такие как различные риторические приемы (эпитеты, эвфемизмы, каламбур), визуальные образы – рисунок, фотография, шрифтовое варьирование, пунктуационное варьирование, импликации и др. Очевидно, что для женской читательской аудитории наибольшая убедительность рекламного текста заключается в эффекте наглядности, поэтому центральная роль в наборе экспрессивных средств рекламного дискурса отводится визуализации, т. е. рисункам и фотографиям, которые через набор соответствующих импликаций вызывают прогнозируемый психологический эффект – убеждение в необходимости приобрести товар. Значение собственно вербального компонента текста не является ведущим, так как гендерные особенности данной читательской аудитории обусловлены мотивом подражать более высоким образцам и более успешным и красивым людям, которые представлены в рекламе. Поликодовый характер рекламного текста является необходимым условием для достижения прагматической функции рекламы, направленной на убеждение целевой аудитории, и состоит в обязательном сочетании средств различных языковых кодов: вербальных (собственно графемных) и параграфемных (пунктуация, графика, рисунок) средств дискурса.

Ключевые слова: *поликодовость, дискурс, реклама, экспрессивные средства*

Для цитирования: Запольская А. А., Рябова М. Ю. Поликодовость экспрессивных средств в дискурсе англоязычной рекламы // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 3 (227). С. 67–75. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-67-75>

GERMANIC LANGUAGES

Polycode expressive means in English advertising discourse

Alisa A. Zapolskaya¹, Marina Yu. Ryabova²

^{1, 2} Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

¹ zapolskaya.alya@mail.ru

² mriabova@inbox.ru

Abstract

The article describes the English advertising discourse for women, the texts of which were present in the 30-s and 40-s of the twentieth century. The purpose of the study is to analyze the arsenal of expressive linguistic means, both verbal and paralinguistic, to influence the female readership in order to enhance the pragmatic effect of the texts about the advertised product. The material of the study are texts of British and American magazines for women, presented on the websites of archival publications (vintageadbrowser.com, etc.), using the methods of linguistic description, classification, linguistic-stylistic and contextual analysis and translation. The analysis of expressive means in the English discourse of advertising texts for women made it possible to assume that advertising texts of this chronological period are polycode messages containing various means of verbal and non-verbal, paragraphemic expressions, such as various rhetorical devices (epithets, euphemisms, puns), visual images – drawings, photography, font variation, punctuation variation, implications, etc. Obviously, for the female readership, the greatest persuasiveness of the advertising text lies in the visual effect, therefore, visualization plays a central role in the set of expressive means of advertising discourse, i.e. drawings and photographs that, through a set of appropriate implications, cause a predictable psychological effect - the conviction of the need to purchase a product. The meaning of the actual verbal component of the text is not the leading one, since the gender characteristics of this readership are due to the motive – to imitate higher standards and more successful and beautiful people, whose images are present in advertising. The polycode nature of the advertising text is a necessary condition for achieving the pragmatic function of advertising aimed at persuading the target audience, and it consists in the mandatory combination of means of various language codes: verbal (graphemic proper) and paragraphemic (punctuation, graphics, drawings) means of discourse.

Keywords: polycode, discourse, advertising, expressive means

For citation: Zapolskaya A. A., Ryabova M. Yu. Polycode expressive means in English advertising discourse [Polikodovost' ekspressivnykh sredstv v diskurse angloyazychnoy reklamy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 3 (227), pp. 67–75 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-67-75>

Введение

Женщины, как известно, всегда составляли большинство потребителей рынка товаров для красоты и ухода за собой. Для рекламодателей главная проблема заключалась в следующем: как при помощи рекламы убедить женщину в том, что ей нужен именно этот товар? Как создать в нем потребность и повысить продажи? Для достижения этой цели американские маркетологи 1930-х и 1940-х гг. не скупились на средства: реклама, в особенности женская, имела активный компонент оказания психологического влияния, так как она была нацелена на то, чтобы в той или иной мере задеть глубинные чувства страха, стыда, неуверенности и пробудить желание в женщине приобрести тот или иной товар. Из вышесказанного следует, что актуальность данной работы состоит в том, что англоязычная женская реклама будет рассматриваться как слож-

ный поликодовый текст, оперирующий комплексом вербальных и невербальных, параграфемных средств [1, 2], призванных аккумулировать прагматический эффект убеждения, воздействия, манипулирования с целью оказания влияния на целевую аудиторию.

Е. С. Солнцева дает следующее определение понятию «поликодовый»: «Поликодовость – свойство текста, его способность сочетать в себе элементы разных форматов, а именно аудиальные, визуальные, текстовые» [3, с. 77–84]. В некоторых исследованиях поликодовость может обозначаться такими терминами, как интегративность [4, с. 13–15], гетерогенность [5, с. 159–166], мультикодовость [6, с. 289–293], мультимодальность [7, с. 99–101], креолизованность [8, с. 148; 9] и др.

Понятие «поликодовый текст» впервые было описано в работе Г. В. Ейгера и В. Л. Юхта «К по-

строению типологии текстов» [10, с. 103–109]. Впоследствии данный термин был принят многими лингвистами [11, с. 104–110; 12, с. 19–24; 13, с. 50–56; 14, с. 115–123]. Г. В. Ейгер и В. Л. Юхт отмечают, что «к поликодовым текстам в широком семиотическом смысле должны быть отнесены и случаи сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т. п.)» [10, с. 103–109]. Так как рекламный текст чаще всего представляет собой сложное семиотическое единство некоторого визуального образа и собственно вербального высказывания, объектом настоящего анализа будет являться семиотика рекламного текста в целом, которая включает, помимо лингвистических средств, и такие паралингвистические, или параграфемные средства, как шрифт, расположение, размер, а также визуальная составляющая, в которую «погружен» текст: иллюстрации, рекламные персонажи, их мимика и жесты [2]. Все это и составляет так называемый поликодовый дискурс рекламы, благодаря которому она представляет собой некое единство вербального и невербального компонентов, которые соотносятся друг с другом с целью оказания комплексного воздействия на читателя.

Целью данного исследования является комплексный анализ всей совокупности поликодовых средств экспрессивности, позволяющих реализовать основную функцию рекламного дискурса – суггестивного воздействия на реципиента путем единовременной манипуляции на разных уровнях семиотических кодов.

Материал и методы

Источниками исследования послужили электронные сайты архивных коллекций британских и американских англоязычных женских журналов (advertisingarchives, smithsonianmag.com, thesocietypages.org, vintageadbrowser.com) 30–40-х гг. XX в.

Эмпирическая база исследования образована с помощью приема целенаправленной выборки. В исследовании используются методы лингвистического описания, лингвостилистического и контекстуального анализа, интерпретации и перевода с целью выявления имплицитных смыслов.

Результаты и обсуждение

Как было отмечено ранее, конституирующим признаком культуры повседневности, разнообразием которой является в том числе и рекламный дискурс, служат знаковые системы иконического типа означивания, что проявляется в эффекте телесности, вещности, образности, использовании

наглядности в виде рисунков, фото, схем [15]. Таким образом, в дискурсе реализуется наряду с собственно вербальными средствами означивания вся система супraseгментной знаковости, в которой значительную роль выполняют так называемые параграфемные средства языка. Параграфемика позволяет значительно усилить выразительную функцию знаковых структур медиадискурса рекламы для женщин.

Традиционно к параграфемным средствам относятся как минимум три группы знаков: пунктуационное варьирование (синграфемика), шрифтовое варьирование (супраграфемика) и варьирование плоскостной синтагматикой текста (топографемика) [16]. Параграфемные средства, очевидно, играют существенную роль в обеспечении коннотативной функции дискурса, так как способствуют непосредственной визуализации смысла сообщения, обеспечивая, таким образом, доступность информации, ее доминирование и значимость [2]. Наряду с указанными признаками параграфемика является следствием реализации таких коммуникативных модусов, как гипертекстуальность, полимодальность и полифоничность креативного мироощущения современной коммуникации.

Рассмотрим несколько примеров. На рис. 1 и 2 представлена реклама мыла «Палмолив», которая была распространена в 40-е годы. Данные рекламные сообщения отражают те ожидания, которые были характерны для женщин того времени. Так, на рис. 1 приводится текст: «*Notice how many men pick wives with lovely schoolgirl complexions! To help your skin alluring, use this soap made with olive and palm oils!*» (пер.¹ Обратите внимание, как много мужчин выбирают себе жен с очаровательными юными лицами! Чтобы сделать вашу кожу привлекательной, используйте это мыло из оливкового и пальмового масел!).² В качестве визуальной составляющей мы видим на рисунке красивую улыбающуюся девушку, которая как бы обращается к потенциальной покупательнице. Как можно заметить, здесь активно употребляется риторическое восклицание, которое усиливает эмоциональный эффект от прочитанного. Мыло рекламируется как средство для достижения заветной мечты – «*schoolgirl complexion*» (кожа, как у школьницы). В тексте есть эпитет «*alluring*» (притягательный), использование которого говорит о том, что кожа может быть средством для привлечения мужского внимания. Соответственно, реципиенты рекламы на подсознательном уровне получают сообщение о том, что они должны быть замужем и иметь семью, то есть быть взрослыми женщинами, но при этом иметь кожу

¹ Здесь и далее перевод наш. – А. З.

² URL: https://www.advertisingarchives.co.uk/en/page/show_home_page.html (дата обращения: 22.11.2022).

Рис. 1

Рис. 2

такую же гладкую и красивую, как у девочки-подростка. Данные ожидания вызывают когнитивный диссонанс, так как эти вещи физиологически несовместимы, что приводит к выводу о том, что реклама воздействовала на женское самолюбие, задавая стандарты красоты, которым изначально невозможно было соответствовать, стремясь на чувстве неуверенности в себе повысить продажи своего товара. В данном тексте осуществляется тактика манипуляции чувством одиночества у женщин. Такая фраза, как *«notice, how many men pick wives with lovely schoolgirl complexions»*, говорит своей целевой аудитории о том, что нужно купить это мыло для того, чтобы быть «избранной» мужчиной. Вероятно, согласно авторам данного сообщения, женщина, которая не ухаживает за кожей и не умывается мылом «Палмолив», останется одинокой, непривлекательной и незамужней, что, очевидно, было очень плохой перспективой для женщин тех времен.

На рис. 2 к потенциальной покупательнице мыла обращается миловидная девушка, которая говорит следующее: *«I love my husband far too much to risk getting dry, lifeless «middle-age» skin!»* (пер.: Я слишком сильно люблю своего мужа и не хочу иметь сухую, безжизненную кожу, как у женщин «среднего возраста»!)³. Здесь при помощи эпитетов

«dry» (сухой), «lifeless» (безжизненный), «middle-age» (средний возраст) описывается то состояние кожи лица, которое, согласно создателям данного обращения, неизбежно наступает при отсутствии должного ухода. Особенно интересно то, что такие эпитеты, как «dry» и «lifeless», ставятся в один ряд с «middle-age» при том, что первые два имеют негативную коннотацию, а третий эпитет нейтрален, так как он характеризует возраст женщины. Но здесь эпитет «middle-age» приобретает отрицательную оценочность, так как в этом возрасте кожа проходит через определенные изменения, становится более сухой. При этом все понимают, что у людей среднего возраста не может быть молодой кожи по объективным причинам. Соответственно, в данной рекламе на женскую психику воздействуют через импликацию страха постареть и потерять свою привлекательность для мужа. Женщина неосознанно воспринимает для себя следующее: нужно ухаживать за собой и приобрести это мыло, чтобы сделать свой вклад в предотвращение неизбежных возрастных изменений лица, иначе муж может уйти из семьи. Импликация данного сообщения состоит в том, что уход за кожей делается ради мужа, соответственно, для того, чтобы его удержать, необходимо использовать последние достижения в области средств по уходу за кожей, а

³ URL: https://www.advertisingarchives.co.uk/en/page/show_home_page.html (дата обращения: 22.11.2022).

именно увлажняющее мыло вместо обычного, иначе можно потерять своего партнера. При этом параграфемные средства, такие как восклицание, работают на усиление эмоциональной экспрессивности данного сообщения.

Следующие тексты (рис. 3, 4, 5) рекламируют средство женской интимной гигиены «Лисол».

Обратимся к рис. 3. На нем реклама представлена как тест из шести вопросов: «*Are you a good housekeeper?*» (Вы хорошая хозяйка?); «*Do you take care of your looks?*» (Вы заботитесь о своей внешности?); «*Are your meals appetizing?*» (Вы вкусно готовите?); «*Do you avoid nagging?*» (Вы стараетесь не жаловаться мужу?); «*Are you economical?*» (Вы экономная?); «*Are you always careful about feminine hygiene?*» (Вы всегда следите за своей интимной гигиеной?)⁴. При этом к последнему вопросу под звездочкой дано пояснение «*Carelessness (or ignorance) on this question means that you "flunk" the test*» (пер.: Безответственность

(или незнание ответа на вопрос) означает, что вы провалили тест). Итак, очевидно, в данном случае риторические вопросы использовались для того, чтобы «оценить», насколько женщина является идеальной женой. Но даже если она ответила утвердительно на первые пять вопросов, последний из них, согласно рекламодателям, является решающим, так как несоблюдение правил женской гигиены может стоить ей брака. Для того чтобы исправить ситуацию и стать идеальной женой (*model wife*), как сказано в заголовке рекламы, женщина должна регулярно пользоваться «Лисолом». Первый абзац данного сообщения дополняет тестовую часть рекламы, выражая сомнение в способности женщин «удержать мужа»: «*Girl can take courses that teach you how to keep a house. But how to keep a husband seems to left mostly to guesswork*» (пер.: Девушка может научиться «держат» дом, но гораздо сложнее научиться, как удержать мужа)⁵.

A Test for "Model Wives"
Beware of the ONE NEGLECT* that sometimes kills Romance!

Are you a good housekeeper?
Do you take care of your looks?
Are your meals appetizing?
Do you avoid nagging?
Are you economical?
Are you always careful about Feminine Hygiene?

* Carelessness (or ignorance) on this question means that you "flunk" the test.

"Lysol" can help you make a perfect score

1—Non-Corrosive... "Lysol" in the proper dilution, is gentle and efficient, contains no harmful free caustic alkali.

2—Effectiveness... "Lysol" is a powerful germicide, active under practical conditions, effective in the presence of organic matter (such as dirt, mucus, serum, etc.).

3—Spreading... "Lysol" solutions spread because of low surface tension, and thus virtually reach out germs.

4—Economy... "Lysol" is concentrated, costs only about one cent an application in the proper dilution for feminine hygiene.

5—Odor... The cleanly odor of "Lysol" disappears after use.

6—Stability... "Lysol" keeps its full strength no matter how long it is kept, how often it is uncorked.

Many thousands of women have solved the problem of feminine hygiene... with the help of "Lysol" disinfectant. Probably no other preparation is so widely used for this purpose. Here are some of the important reasons why—

1889—50th ANNIVERSARY—1939

Lysol
Disinfectant
FOR FEMININE HYGIENE

What Every Woman Should Know
SEND COUPON FOR "LYSOL" BOOKLET
Lowe & Fox, Publishers Corp.
Dep. M. P. 909, Bloomfield, N. J., U. S. A.
Send me free booklet "Lysol vs. Germs" which tells the many uses of "Lysol".

Name _____
Street _____
City _____ State _____

Copyright 1939 by Lowe & Fox Products Corp.

Рис. 3

⁴ URL: <https://thesocietypages.org> (дата обращения: 20.11.2022).

⁵ Там же.

Another Love-match Shipwrecked...

... on the dangerous reef of half-truths
about feminine hygiene. "Lysol"
has prevented many such tragedies.

Рис. 4

«Лисол» активно рекламировался не просто как дезинфицирующее гигиеническое средство, а именно как «средство спасения» брака и семейной жизни. Так, на рис. 4 мы видим опечаленную женщину с маленькой девочкой на руках, от которых уходит «глава семейства». Надпись в тексте гласит: «Another love-match shipwrecked... on the dangerous reef of half-truths about feminine hygiene. Lysol has prevented many such tragedies» (пер.: Еще один корабль любви потонул из-за незнания основ женской гигиены. Лисол предотвратил множество подобных трагедий)⁶. Имплицированный смысл данного текста – что ждет женщину, которая пренебрегала гигиеной и не использовала Lysol, она осталась одна с ребенком на руках.

Рис. 5 демонстрирует нам «Love-quiz» (викторину для семейных пар), где задается вопрос «Could this marriage have been saved?» (Можно ли было спасти этот брак?)⁷. В центре рекламы располагается иллюстрация, которая практически идентична сообщению на рис. 4, за исключением того, что на рис. 5 нет ребенка. Муж уходит в открытую дверь, а женщина остается одна с обеспокоенным видом. Ответ на вопрос, заданный в данном тексте, содержится в диалоге с доктором, который напечатан ниже. По словам маркетологов и доктора, реклами-

Love-quiz ... For Married Folks Only

COULD THIS MARRIAGE HAVE BEEN SAVED?

A. Yes ... had the wife taken heed of her husband's increasing coyness, known the secret of thorough feminine hygiene, kept herself lavely in love.

Q. What does feminine hygiene have to do with keeping married happiness?

A. Far more than some women realize ... but the wife has the assurance of complete distinctness when she uses "Lysol" brand disinfectant regularly in the douche.

Q. Many women use a douche only now and then. Is regularity in douching so important?

A. Yes, indeed ... it should be a routine procedure with every married woman, and always with "Lysol". Because it has marvelous deodorant properties due to its proven ability to kill germs instantly on contact.

Q. How about homemade solutions, such as salt and soda?

A. They are old-fashioned and ineffectual, not to be compared with "Lysol's" scientific formula. "Lysol" has tested efficiency in contact with organic matter. It is both effective and safe for delicate tissues when used as directed.

ALWAYS USE "LYSOL" in the douche for its efficiency in combating both germs and odors. It will help you feel you have perfect grooming. "Feminine appeal."

Check these facts with your doctor

WHY 4 OUT OF 5 PREFER "LYSOL"

It's safe. For over 25 years "Lysol" has had the reputation of the most powerful ... and of mothers and housewives, too. It's the standard safeguard in the hospital, the laboratory, the home, the office, the restaurant, the public place. It's the only germicide that is so widely recommended.

FREE BOOKLET! Learn the truth about intimate hygiene and its important role in married happiness. Send this coupon to Dept. 40, Lysol & Rub (Caution) Limited, 27 Avenue Avenue, Toronto 1, Canada. We'll promptly inform you FREE booklet in plain language.

NAME: _____

STREET: _____

CITY: _____

PROV: _____

Copyright 1955 by Lysol & Rub (Caution) Ltd.

Рис. 5

рующих данное средство, брак можно было бы спасти, если бы женщина соблюдала гигиену и пользовалась дезинфицирующими средствами, в частности «Лисолом».

В своей книге «Devices and Desires: A History of Contraceptives in America» писательница, профессор и историк из Технологического института Джорджии Андреа Тон пишет, что выражение «feminine hygiene», использовавшееся в каждом рекламном обращении «Лисола», употреблялось не в прямом значении, а являлось эвфемизмом [17, р. 161]. Соответственно, все эти тексты рекламируют не столько средство для поддержания женской гигиены, сколько контрацептив. Дело в том, что до 1965 г. в Америке противозачаточные средства не были в свободном доступе, более того, они были нелегальны. Пребывая в таком положении, женщины шли на любые доступные меры по предотвращению нежелательной беременности. Многие компании пользовались этим и стремились на этом заработать, понимая, что у женщин не было выбора, кроме как поверить настойчивой рекламе. Напрямую об этом в рекламе не сообщалось, но имплицитно предполагалось. Так, использовались такие эвфемизмы, как «feminine hygiene» (женская гигиена) (рис. 3, 4, 5), «powerful germicide» (мощное бак-

⁶ URL: <https://thesocietypages.org> (дата обращения: 22.11.2022).

⁷ Там же.

терицидное средство) (рис. 3), «*proven ability to kill germs*» (доказанная способность убивать бактерии) (рис. 5). Все это способствовало большому успеху «Лисола» на рынке товаров для женщин во время «Великой Депрессии» в 1930-е гг. в Америке.

Обратимся к примеру на рис. 6. Здесь похожий визуальный образ – красивая девушка сидит с грустным и задумчивым видом. Над ней надпись: «*A flowering beauty – yet she's a wallflower*» (пер.: Цветущая красавица – и все же она ни с кем не танцует)⁸. Здесь используется каламбур, который основан на разных значениях слова «*flower*». Значение эпитета *flowering (beauty)* – цветущий, а значение существительного «*wallflower*» (тихоня, скромница) – девушка, которая сидит в углу и ее никто не приглашает танцевать. Причина такого неуспеха у противоположного пола, согласно рекламе, заключается в том, что девушка не использовала «дезодорант длительного действия» и, соответственно, это оттолкнуло от нее потенциальных кавалеров. В данном сообщении используется такой механизм воздействия, как тактика манипуляции чувством стыда и неловкости, имплицитно

перспективу одиночества и отсутствия внимания со стороны мужчин. Женщина под влиянием всех этих чувств гораздо легче поддается убеждению рекламодателей и покупает товар, чтобы быть более привлекательной.

Таким образом, из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что англоязычная женская реклама в 30-е и 40-е гг. XX в. использовала разнообразные экспрессивные средства для оказания влияния на свою целевую аудиторию. Из вербальных средств применялись следующие стилистические приемы: эпитеты (рис. 1–4), риторические вопросы (рис. 3, 5), эвфемизмы (рис. 3–5), каламбур (рис. 6). Из невербальных параграфемных средств использовались средства пунктуационного варьирования – синграфемика: восклицательные знаки (рис. 1–3), многоточие в начале предложения и в конце синтагмы (рис. 4, 5), вопросительный знак (рис. 3, 5), риторические обращения, то есть имитация диалога девушки с картинкой с покупательницей (рис. 1, 2), а также «говорящая» мимика рекламных персонажей (рис. 1–6). Все эти поликодовые средства в совокупности были направлены

89

**A Flowering Beauty –
Yet she's a Wallflower**

**Why doesn't she use a
Long-Lasting Deodorant**

"You need a true perspiration check that neither
bath nor exercise can render ineffective."

THE figure of a young goddess—a face perfect as a flower! Yet she's left alone after the first few dances. If she only realized that long-lasting charm is impossible without a long-lasting perspiration check!

One that can't wash off in a bath... that keeps you sweet through hours of dancing, shopping, golf, walking.

No exceptions! If you're gay, nervous, hurried, you'll perspire. Everyone does! And the minute your underarm becomes damp, your charm and appeal are threatened.

Make this simple test. Smell the armpit of the dress you are wearing when you take it off. It may tell you why you sit on the fringe, em-

Dorothy King
Dressmaker
Advises to millions of women on affairs of the heart and dress.

barrassed, while men cut in on other girls.

With Liquid Odorono... your underarm is not only sweet but dry! Perspiration can't collect on your dress and hover around you every time you wear it.

Liquid Odorono is a doctor's prescription—a true perspiration check that scientifically controls dampness, odor, staining. It keeps your underarm and your dress dry from 1 to 3 days!

Makes dressmakers envious! The average woman needs to use Liquid Odorono only twice a week. You can put the thought of underarm odor and dampness from your mind for as much as three days.

Liquid Odorono comes in two strengths—Regular and Instant. Also in Ice form. Approved by Good Housekeeping Bureau. Get a bottle or jar today! The Odorono Co., Inc., New York, N. Y.

Рис. 6

⁸ URL: <https://www.vintageadbrower.com> (дата обращения: 20.11.2022).

на то, чтобы вызвать негативные чувства у женщины по поводу себя (страх, стыд, неловкость), которые подталкивали ее к приобретению тех товаров, которые, по обещанию производителей, сделали бы женщину лучше, красивее и привлекательнее, что помогло бы избавиться от вышеупомянутых негативных чувств о себе. Таким образом, реклама успешно способствовала увеличению продажи товаров для женщин.

Заключение

На основе проведенного исследования можно заключить, что поликодовый механизм дискурса является важной отличительной чертой англоязычного рекламного текста 30–40-х гг. XX в. Основная функция параграфемных средств, включающих пунктуационное, шрифтовое варьирование и дополненное образной визуализацией текста, – усиление экспрессивности и эмоциональной емкости дискурсивного содержания. Установлено, что ос-

новным когнитивным механизмом функционирования данных средств является кодирование информации через зрительные образы, фотографии, формат и размер. В рекламных текстах ведущая роль отводится визуальным изображениям, так как они напрямую воспринимаются читателем, без какой-либо рационализации при восприятии вербального текста. Значение вербального знака в данных текстах носит уточняющий характер по отношению к значению визуальных знаков. Таким образом, можно заключить, что эмоционально-воздействующий смысл рекламных текстов формируется (помимо вербальной информации) и с помощью невербальных компонентов, являющихся элементами параграфемии. Перспективы дальнейшего исследования мы видим в детальном изучении функционала параграфемных средств в различных типах коммуникации на материале различных языков.

Список источников

1. Рябова М. Ю. Параграфемные средства экспрессивности в англоязычном дискурсе моды. Филологические науки // Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 2. С. 453–457.
2. Рябова М. Ю., Сергейчик Т. С. Параграфемия в современном медиадискурсе // Инновационное образовательное пространство: теория и практика обучения иностранным языкам и русскому языку как иностранному в высшей школе / под ред. Е. И. Чирковой. Киров : Изд-во МЦИТО, 2018. С. 154–171.
3. Солнцева Е. С. Релевантность элементов поликодового текста // Litera. 2018. № 1. С. 77–84. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25194 (дата обращения: 18.11.2022).
4. Кузьмина Н. А. Современный медиатекст: учеб. пособие. Омск: ОГУ, 2011. 414 с.
5. Чичерина Н. В. Типология медиатекстов как основа формирования медиаграмотности // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. Серия: Общественные и гуманитарные науки. 2007. № 9 (47). С. 159–166.
6. Шипова И. А. Функциональная сущность мультикодовости как многоуровневого лингвистического знака (на материале немецкоязычного художественного текста) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5 (21). С. 1–5.
7. Чернявская В. Е. Визуальность в социокультурной проекции // Проблемы визуальной семиотики – ПРАЭНМА. 2021. Вып. 2 (28). С. 106–109.
8. Мощева С. В. Креолизованный рекламный текст. URL: <https://www.isuct.ru/e-publ/vgf/sites/ru.e-publ.vgf/files/2007/vgf-2007-02-148.pdf> (дата обращения: 18.11.2022).
9. Чигаев Д. П. Способы креолизации рекламного текста. М., 2010. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/197419174.pdf> (дата обращения: 18.11.2022).
10. Эйгер Г. В., Юхт В. Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текста: материалы научной конференции при Московском гос. пед. ин-те иностранных языков им. М. Тореза: в 2 ч. Ч. 1. М., 1974. С. 103–109.
11. Бернацкая А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: Специализированный вестник. 2000. Вып. № 3 (11). С. 104–110.
12. Большакова Л. С. О содержании понятия «поликодовый текст» // Вестник Самарского гос. ун-та. 2008. № 4 (68). С. 19–24.
13. Большакова Л. М. Внешняя организация газетного текста поликодового характера // Типы коммуникации и содержательный аспект языка. М.: Ин-т языкознания, 1987. С. 50–56.
14. Сонин А. Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // Вопросы языкознания. 2005. № 6. С. 115–123.
15. Рябова М. Ю. Гламур как культурный концепт и философия повседневности // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2014. № 2 (58), т. 1. С. 215–220.
16. Баранов А. Н., Паршин П. Б. Воздействующий потенциал варьирования в сфере метаграфемии // Проблемы эффективности речевой коммуникации: сб. науч.-аналит. обзоров. М.: ИНИОН, 1989. С. 41–115.
17. Tone A. Devices and Desires: A History of Contraceptives in America. N.Y.: Hill and Wang, 2002. 384 p.

References

1. Ryabova M. Yu. Paragrafemnyye sredstva ekspressivnosti v angloyazychnom diskurse mody [Paragraphemic means of expressiveness in the English discourse of fashion]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2021, vol. 14, no. 2, pp. 453–457 (in Russian).
2. Ryabova M. Yu., Sergeychik T. S. Paragrafemika v sovremennom mediadiskurse [Paragraphemics in modern media discourse]. *Innovatsionnoye obrazovatel'noye prostranstvo: teoriya i praktika obucheniya inostrannym yazykam i russkomu yazyku kak inostrannomu v vysshey shkole*. Pod redaktsiyey Ye. I. Chirkovoy [Innovative educational space: theory and practice of teaching foreign languages and Russian as a foreign language in higher education. Ed. E. I. Chirkova]. Kirov, MTSITO Publ., 2018. Pp. 154–171 (in Russian).
3. Solntseva E. S. Relevantnost' elementov polikodovogo teksta [Relevance of elements of polycode text]. *Litera*, 2018, no. 1, pp. 77–84 (in Russian). URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25194 (accessed 18 November 2022).
4. Kuzmina N. A. *Sovremennyy mediatekst: uchebnoye posobiye* [Modern media text: Textbook]. Omsk, OGU Publ., 2011. 414 p. (in Russian).
5. Chicherina N. V. Tipologiya mediatekstov kak osnova formirovaniya mediagramotnosti [Typology of media texts as a basis for the formation of media literacy]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena. Seriya: Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki*, 2007, no. 9 (47), pp. 159–166 (in Russian).
6. Shipova I. A. Funktsional'naya sushchnost' mul'tikodovosti kak mnogourovnevnogo lingvisticheskogo znaka (na materiale nemetskoyazychnogo khudozhestvennogo teksta) [The functional essence of multi-code as a multi-level linguistic sign (on the material of a German literary text)]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' – Historical and Socio-Educational Idea*, 2013, no. 5 (21), pp. 1–5 (in Russian).
7. Chernyavskaya V. E. Vizual'nost' v sotsiokul'turnoy proyeksii [Visuality in socio-cultural projection]. *Problemy vizual'noy semiotiki – ПРАΞΗΜΑ. Problems visual semiotics*, 2021, vol. 2 (28), pp. 96–109 (in Russian).
8. Moshcheva S. V. *Kreolizovannyi reklamnyy tekst* [Creolized advertising text] (accessed 18 November 2022). URL: <https://www.isuct.ru/e-publ/vgf/sites/ru.e-publ.vgf/files/2007/vgf-2007-02-148.pdf> (in Russian).
9. Chigayev D. P. *Sposoby kreolizatsii reklamnogo teksta* [Methods of creolization of advertising text]. Moscow, 2010 (in Russian). URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/197419174.pdf> (accessed 18 November 2022).
10. Eyger G. V., Yukht V. L. K postroyeniyu tipologii tekstov [On the construction of a typology of texts]. *Lingvistika teksta: materialy nauchnoy konferentsii pri Moskovskom gosudarstvennom pedagogicheskom institute inostrannykh yazykov im. M. Toreza: v 2 chastyakh. Chast' I* [Linguistics of the text: materials of a scientific conference at the Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages named after M. Torez: in 2 parts. Part I]. Moscow, 1974. Pp. 103–109 (in Russian).
11. Bernatskaya A. A. K probleme «kreolizatsii» teksta: istoriya i sovremennoye sostoyaniye [On the problem of “creolization” of the text: history and current state]. *Rechevoye obshcheniye: Spetsializirovannyi vestnik*, 2000, no. 3 (11), pp. 104–110 (in Russian).
12. Bol'shakova L. S. O sodержanii ponyatiya «polikodovyy tekst» [On the content of the concept of “polycode text”]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik SamGU*, 2008, no. 4 (68), pp. 19–24 (in Russian).
13. Bol'shiyanova L. M. Vneshnyaya organizatsiya gazetnogo teksta polikodovogo kharaktera [External organization of a newspaper text of a polycode character]. *Tipy kommunikatsii i sodержatel'nyy aspekt yazyka* [Types of communication and the content aspect of the language]. Moscow, Institut yazykoznavaniya Publ., 1987. Pp. 50–56 (in Russian).
14. Sonin A. G. Eksperimental'noye issledovaniye polikodovykh tekstov: osnovnyye napravleniya [Experimental study of polycode texts: main directions]. *Voprosy yazykoznavaniya – Voprosy Jazykoznavaniya*, 2005, no. 6, pp. 115–123 (in Russian).
15. Ryabova M. Yu. Glamur kak kul'turnyy kontsept i filosofiya povsednevnosti [Glamor as a cultural concept and philosophy of everyday life]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, 2014, no. 2 (58), vol. 1, pp. 215–220 (in Russian).
16. Baranov A. N., Parshin P. B. Vozdeystviyushchiy potentsial var'irovaniya v sfere metagrafemiki [Influencing potential of variation in the field of metagraphemics]. *Problemy effektivnosti rechevoy kommunikatsii: sbornik nauchno-analiticheskikh obzorov* [Problems of Effectiveness of Speech Communication: Collection of Scientific and Analytical Reviews]. Moscow, INION Publ., 1989. P. 41–115 (in Russian).
17. Tone A. *Devices and Desires: A History of Contraceptives in America*. N.Y.: Hill and Wang, 2002. 384 p.

Информация об авторах

Запольская А. А., магистрант, Кемеровский государственный университет (ул. Красная, 6, Кемерово, Россия, 650000).

Рябова М. Ю., доктор филологических наук, профессор, Кемеровский государственный университет (ул. Красная, 6, Кемерово, Россия, 650000).

Information about the authors

Zapolskaya A. A., master student, Kemerovo State University (ul. Krasnaya, 6, Kemerovo, Russian Federation, 650000).

Ryabova M. Yu., Doctor of Philological Sciences, Professor, Kemerovo State University (ul. Krasnaya, 6, Kemerovo, Russian Federation, 650000).

Статья поступила в редакцию 10.12.2022; принята к публикации 17.03.2023

The article was submitted 10.12.2022; accepted for publication 17.03.2023

УДК 81'42

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-76-85>

Функции милитарных коллокаций в военно-политическом дискурсе

Ульяна Александровна Ульянова

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия, uua_07@mail.ru

Аннотация

Проводится анализ функциональных особенностей милитарных коллокаций в разножанровых текстах англоязычного военно-политического дискурса. Обосновывается мысль о том, что функции милитарных коллокаций детерминируются функциями военно-политического дискурса, а также интенциональной установкой текста. Новизна исследования заключается в выявлении функций, которые выполняют милитарные коллокации в военно-политическом дискурсе. Дается определение семантики и функций милитарных коллокаций в англоязычном военно-политическом дискурсе. Основными методами исследования являются функционально-семантический анализ, контекстуальная интерпретация и метод сплошной выборки. Материалом исследования послужили милитарные коллокации, извлеченные из текстов пресс-конференции, вступительного слова и короткого заявления генерального секретаря НАТО Й. Столтенберга, опубликованные на официальном сайте НАТО; словари коллокаций и англоязычные дескриптивные словари. Милитарные коллокации в текстах выступлений генерального секретаря НАТО выполняют манипулятивную и информативную функцию и являются одним из средств репрезентации оппозиции «свой» – «чужие» в военно-политическом дискурсе. Также они способны реализовывать манипулятивную функцию в рамках определенного микро- и макроконтраста ситуации, а также при условии того, что один или оба компонента коллокации обладают негативно-оценочной семантикой. Манипулятивный эффект милитарных коллокаций заключается в искажении информации и ложном информировании адресата, а также направлен на создание кругов «чужих». Милитарные коллокации, выполняющие информативную функцию, используются для обозначения видов военной техники и вооружения, объемов финансирования в развитие оборонной промышленности стран – участников НАТО, о масштабах военной мощи, которой обладают европейские страны и позиционируются НАТО как «свои». Информативная функция коллокаций устанавливается исходя из номинативного значения единиц, формирующих коллокацию. В работе впервые был проведен анализ функций милитарных коллокаций синтагматическим путем. Результаты проведенного исследования могут иметь практическую ценность при составлении словарей милитарных коллокаций, а также систематизации коллокаций по функциональному и тематическому признакам.

Ключевые слова: милитарная коллокация, военно-политический дискурс, информативная функция, манипулятивная функция, интенция адресанта

Для цитирования: Ульянова У. А. Функции милитарных коллокаций в военно-политическом дискурсе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 3 (227). С. 76–85. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-76-85>

Combinatorial semantic analysis of military collocations in military political discourse

Ulyana A. Ulyanova

Novosibirsk military order of Zhukov institute named after the general of the army I. K. Yakovlev of national guard troops of Russian Federation, Novosibirsk, Russian Federation, uua_07@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the functional features of military collocations in English multi-genre texts of military political discourse. The author substantiates the idea that the functions of military collocations are determined by the functions of military political discourse and the intension of the text. The research novelty of the paper is in defining the functions performed by military collocations in military political discourse. The aim is to define the semantics and functions of military collocations in english military political discourse. The main methods of the research are functional-semantic analysis, contextual interpretation and continuous sampling method. The material of the research was the military collocations extracted from the texts of the press conference, the opening speech and the short statement of the NATO Secretary General J. Stoltenberg published on the NATO website; collocation dictionaries and English descriptive dictionaries. The military collocations in the statements of NATO Secretary General perform manipulative and informative function. Military collocations are considered to be one of

the means of representing the opposition «ours» – «others» in the military political discourse. Military collocations perform manipulative function within a particular micro- and macrocontext of the situation, and on the condition that one or both components of the collocation have a negative evaluation semantics. The manipulative effect of military collocations is in distortion of information and false informing of the addressee. Such an effect is aimed at creating circles of «theirs». Military collocations performing informative function are used to denote types of military equipment and weapons, the amount of financing in the development of defense industry of NATO member countries, the scale of military power possessed by European countries that are regarded by NATO as «ours». The informative function of collocations is based on the nominative value of the units forming the collocation. The analysis of the functions of military collocations by the syntagmatic way has been carried out for the first time. The results of the research can be of practical value in compiling dictionaries of military collocations, as well as systematization of collocations according to functional and thematic features.

Keywords: *military collocation, military political discourse, informative function, manipulative function, addresser's intention*

For citation: Ulyanova U. A. Combinatorial semantic analysis of military collocations in military political discourse [Funktsii militarnykh kollokatsiy v voyenno-politicheskom diskurse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 3 (227), pp. 76–85 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-76-85>

Введение

Обращение в данной работе к англоязычному военно-политическому дискурсу связано с резко возрастающей поляризацией современного мира, под которой подразумевается антагонистическое деление мира на «своих» и «чужих».

Ученые отмечают, что дискурсивная поляризация или так называемая оппозиция «свой vs. чужие» является типичной чертой политического или иного идеологизированного дискурса; оппозиция «свой» – «чужие» реализуется как эксплицитно, так и имплицитно [1, с. 217; 2, с. 153; 3, с. 30]. Подобное деление мира характерно и для военного дискурса, в котором бытие поделено на «свое/чужое», а коммуниканты внутри всеобщего бытия – на «своих» и «чужих» [4, с. 119–120; 5, с. 13].

Оппозиция «свой – чужие» может эксплицироваться в текстах на военно-политическую тематику при помощи эвфемизмов, дисфемизмов, семантически пустых слов, инвективных ярлыков и других приемов, а также при помощи военных коллокаций.

Исследование военных коллокаций позволяет, с одной стороны, определить их комбинаторный потенциал, а с другой стороны – проследить то, каким образом сочетательные возможности языковых единиц подчинены реализуемым данными единицами функциям, и установить, что выбор военных коллокаций детерминирован интенцией адресанта.

Военно-политический дискурс неоднократно становился предметом лингвистических изысканий. Анализ языковых средств реализации стратегии «свой» – «чужие» в англоязычном военно-политическом дискурсе проводится в работах Ю. В. Мошкиной, Е. Н. Молодыхенко, В. Е. Чернявской, В. Д. Бачурина. К. А. Наумова описывает сценарий военно-политического дискурса на материале текс-

тов выступлений американских президентов и анализирует общий экстралингвистический контекст выступлений. Н. Г. Скларова рассматривает разные типы вербальных знаков, используемых для репрезентации вооруженных конфликтов в англоязычном военно-политическом дискурсе. Однако специального исследования, в котором бы поднимался вопрос о функциях, выполняемых военными коллокациями в военно-политическом дискурсе, не проводилось.

Военные коллокации как разновидность терминологических коллокаций – это сочетания двух и более слов, представляющих собой неслучайную лексическую встречаемость единиц, которые обозначают какое-либо понятие из военной или военно-политической сферы [6, с. 48].

Сложность в определении функций военных коллокаций прежде всего объясняется отсутствием унифицированного подхода к пониманию природы военно-политического дискурса.

К. А. Наумова, Р. Р. Мавлеев, Э. Н. Мишкоров указывают на гибридную природу военно-политического дискурса и отмечают, что военно-политический дискурс – это государственно-институциональный, гибридно-поливекторный коммуникативный феномен, который включает в себе два основополагающих концепта: политика и война; это дискурс политических элит, сопровождающий различные этапы военных кампаний [7, с. 88; 8, с. 42–43; 9, с. 38]. О. А. Солопова, М. С. Салтыкова рассматривают военно-публицистический дискурс сквозь призму военно-политического дискурса, указывая на то, что военно-публицистический дискурс является гибридным форматом институционального дискурса, сложившимся в среде массовой коммуникации, соотношенным с военной реальностью и репрезентирующим ее, находящимся под влиянием экстралингвистического контекста [10, с. 766].

Гибридная природа военно-политического дискурса накладывает отпечаток на его функциональную направленность. Большинство ученых к основным функциям военно-политического дискурса относят информативную (В. Д. Бачурин, Н. Е. Назарова), информативно-мировоззренческую (Б. А. Серебрянников), манипулятивную (В. Д. Бачурин, М. В. Дрига, Л. Г. Исмаилова), манипулятивно-пропагандистскую (Б. А. Серебрянников), воздействующую (Н. Е. Назарова), убеждающую (Н. Э. Мишуров) [11, с. 101; 12, с. 44; 13, с. 128; 7, с. 97; 14, с. 114; 15, с. 274]. Р. Р. Мавлеев выделяет креативную и идентификационную функцию, а также функцию «проекции в прошлое и будущее» [8, с. 14]. В. Д. Бачурин говорит о существовании мировоззренческой функции, означающей формирование у читателя отношения к участникам происходящего и ситуации в целом [11, с. 101].

К. А. Наумова детализирует суть манипулятивной функции, указывая, что военно-политический дискурс выполняет перформативную, нормативную, презентационную и парольную функции, синтез которых обеспечивает выполнение дискурсом его манипулятивной функции [9, с. 9].

Таким образом, функциональная природа военно-политического дискурса базируется, с одной стороны, на функциях собственно политического дискурса, а с другой стороны – предопределяется военной конфликтностью и пребыванием в постоянной борьбе, противопоставленной кратковременному мирному (невоенному, неконфликтному) состоянию [5, с. 14; 4, с. 119].

Учитывая все вышесказанное, можно прийти к заключению о том, что доминантными функциями военно-политического дискурса являются информативная и манипулятивная, а функции военных коллокаций, в свою очередь, подчинены функциям военно-политического дискурса.

Целью работы является определение семантики и функций военных коллокаций в разножанровых текстах военно-политического дискурса. Новизна исследования заключается в выявлении и анализе функций военных коллокаций в жанрах англоязычного военно-политического дискурса. Теоретическая значимость работы состоит в углублении знаний о функциональной природе военных коллокаций и обосновании зависимости манипулятивной функции коллокаций от микро- и макроконтракста дискурса и интенции адресанта.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения полученных данных при составлении словарей коллокаций на военно-политическую тематику, а также систематизации коллокаций по функциональному признаку.

Материал и методы

Фактическим материалом исследования послужили военные коллокации, извлеченные методом сплошной выборки из текстов пресс-конференции, вступительного слова и короткого заявления генерального секретаря НАТО Й. Столтенберга, опубликованные на официальном сайте НАТО. Методами исследования послужили функционально-семантический анализ и контекстуальная интерпретация.

Результаты и обсуждение

Коллокации проливают свет на значение высказывания в рамках микроконтекста и в конечном счете способствуют пониманию основной идеи текста [16, р. 144; 17, р. 85]. Значение высказывания можно установить на основе функций единиц, участвующих в оформлении данного высказывания.

Пресс-конференция, вступительное слово и короткое заявление генерального секретаря НАТО относятся к жанрам военно-политического дискурса. Вероятность появления военных коллокаций в данных жанрах гораздо выше, чем в ориентационных жанрах политического дискурса. В рамках политического дискурса эти жанры представляют собой статусно-индексальное общение на уровне «политик – граждане» через массмедиа в качестве медиатора [2, с. 315]. Экстралингвистический контекст, заключающийся в том, что НАТО – это военно-политический альянс европейских и североамериканских стран, целью которого является гарантия свобод и безопасность своих членов с помощью политических и военных средств, влияет на военно-политическую, а не политическую природу данных жанров [18]. Адресантом жанра пресс-конференции, вступительного слова и короткого заявления является непосредственно генеральный секретарь НАТО, потенциальными адресатами выступают как страны – участники НАТО, страны – кандидаты в члены НАТО, формирующие круг «своих», так и все остальные страны, формирующие круг «чужих».

При определении функции, которую выполняют военные коллокации, мы руководствовались результатами семного анализа, микро- и макроконтракстом ситуации. Военные коллокации в жанре пресс-конференции, коротком заявлении и вступительном слове выполняют информативную и манипулятивную функцию.

Информативная функция детерминруется не только целью военно-политического дискурса, которая, по мнению Н. Е. Назаровой, состоит в необходимости проинформировать население о военных событиях и оказать воздействие на его мнение, но также и обязательном наличии содержательно-фактуальной информации, заключенной в анализируемых текстах [14, с. 114].

Под содержательно-фактуальной информацией в рассматриваемых жанрах подразумевается сообщение адресату о текущем состоянии дел в сфере международной безопасности стран – участников НАТО в рамках конфликта на Украине.

В ходе выступлений генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг неоднократно использует в своей речи милитарные коллокации: *military forces*, *military capabilities*, *military equipment*, *long-range missiles*, *long-range systems*, *long range weapon*, *nuclear weapon*, *heavy weapon*, *air defence capabilities*, *threat to our security*, *collective security*, *to strengthen security*, *to surge forces*, *combat team*, которые выполняют информативную функцию.

Все коллокации, извлеченные из текстов выступлений генерального секретаря НАТО, зафиксированы в словарях коллокаций The BBI Combinatory Dictionary of English, Oxford Collocations Dictionary for Students of English, Online Oxford Collocation Dictionary of English; имеют словарные статьи в дескриптивных словарях или зафиксированы в виде иллюстративных примеров к базе или коллокату исследуемой коллокации. Коллокации, в том числе милитарные, звучат «естественно» для носителей английского языка и, следовательно, оцениваются как «правильные» (например, *a fast car*, *a quick look*, *a quick bite* и др.). В то время как другие сочетания звучат «неестественно» и, следовательно, оцениваются как «неправильные» (например, *a quick car*) [19, p. 22].

Анализ семантической структуры милитарных коллокаций осуществлялся синтагматическим путем с учетом контекста и ситуации и предполагал выделение общего семантического компонента (синтагмемы) [20, с. 297]. В реальной речи в роли связующего семантического компонента может выступать любая архисема, всякий компонент, общий по меньшей мере двум семантемам [21, с. 376].

Обратимся к анализу милитарных коллокаций в выступлениях генерального секретаря. В представленном фрагменте Й. Столтенберг использует две милитарные коллокации: *military forces*, *military capabilities*: *Not least as we prepare to welcome Finland and Sweden to our Alliance. Two new NATO Allies with formidable military forces and capabilities. So on behalf of all NATO Allies, congratulations on your new role as Supreme Allied* [22].

Семный анализ, проводившийся на основе дескриптивного онлайн-словаря Macmillan, позволил установить наличие следующих сем у лексемы *military*: «относящийся к вооруженным силам», «поддерживаемый вооруженными силами», «выполнение чего-либо посредством вооруженных сил» и «достижение чего-либо». У лексемы *capabilities*, которая является многозначной, были выделены такие семы, как «количество вооружения,

солдат» и «ведение военных действий». Таким образом, компоненты коллокации *military capabilities* связаны общей синтагмой «ведение военных действий посредством вооруженных сил».

Коллокация *military forces* образована на основе общности сем «выполнение чего-либо посредством вооруженных сил» и «совокупность людей и техники для достижения цели».

По характеру выполняемых функций лексические значения компонентов коллокаций *military capabilities* и *military forces* являются номинативными, так как указывают на количество военной техники, которой обладают Финляндия и Швеция, следовательно, указанные коллокации реализуют информативную функцию. По характеру лексической сочетаемости коллокации *military capabilities* и *military forces* являются свободными. База *military* сочетается не только с коллокатами *capabilities* и *forces*, но и с другими коллокатами: *aid*, *alliance*, *action*, *cooperation*, *conflict*, *exercise*, *equipment*, *mission*, *occupation*, *operation*, *power*, *regime*, *strike* и др.

В следующем примере лексические значения компонентов коллокаций *long range missile* и *nuclear weapon* являются также номинативными, так как данные коллокации обозначают виды военного оружия, а именно: разновидность ракет по дальности полета и один из видов оружия массового поражения: *China is not an adversary but, of course, we need to take into account the consequences to our security when we see China investing heavily in new modern military capabilities, long range missiles, nuclear weapons, and also trying to control critical infrastructure, for instance, 5G networks in our own countries* [23].

Коллокация *nuclear weapon* образована на основе общей синтагмемы «оружие». Синтагма выделена из общих сем «вид оружия» у лексем *nuclear* и *weapon*.

Значение компонента коллокации *long range* складывается из сем «продолжительность», «вид оружия дальнего действия», «расстояние», «эффективность на дальние расстояния». Значение лексемы *missile* складывается из сем «оружие на большие расстояния» и «объект для метания». Таким образом, коллокация *long range missile* образована на основе общего семантического признака «вид оружия дальнего действия».

Генеральный секретарь, используя коллокации *military capabilities*, *long range missiles*, *nuclear weapon*, стремится конкретизировать последствия, которые могут наступить для Североатлантического альянса из-за возросшей активности Китая. В семантике идиомы *to take into account* заложены семы «рассматривать» и «принимать во внимание». Таким образом, милитарные коллокации *military capabilities*, *long range missiles*, *nuclear weapon*

ons в сочетании с идиомой *to take into account* выполняют информативную функцию.

В следующем контексте генеральный секретарь НАТО использует две военные коллокации *military equipment*, *heavy weapons* и одну контекстуально обусловленную военную коллокацию *long range systems*: *Allies are committed to continue providing the military equipment that Ukraine needs to prevail, including heavy weapons and long range systems* [24].

В значение лексемы *equipment* заложены сема «инструмент» и «средство достижения чего-либо». Коллокация *military equipment* образована на основе семантемы «средство достижения чего-либо». Компоненты коллокации реализуют номинативное значение, так как лексема *equipment* называет объект, используемый в военных целях. По типу лексической сочетаемости коллокация является свободной.

Лексические значения компонентов коллокации *heavy weapon* являются номинативными. У лексемы *weapon* выделяется потенциальная сема «вес», которая извлекается из номинативной семы «вид оружия». Сема «вес» не входит в набор обязательных сем для лексемы *weapon*, но входит в число приписываемых этому предмету свойств, а потому потенциально возможных при вторичной номинации или образовании производных [25, с. 55]. Таким образом, коллокация *heavy weapon* образована на основе семантемы «тяжелый объект».

Коллокация *long range system* является контекстуально обусловленной военной коллокацией и выступает эквивалентом военной коллокации *long range missiles*. В данном случае микроконтекст ситуации (признаки, лежащие в границах одного предложения) является решающим при определении того, относится ли данное словосочетание к коллокации или нет [26, с. 47]. В анализируемом фрагменте речь идет о перечислении видов вооружения, следовательно, чтобы определить значение, функцию и статус словосочетания *long range systems* как военной коллокации, необходимо обратиться к микроконтексту ситуации.

Таким образом, все проанализированные коллокации выполняют информативную функцию и объединены общей семантикой «средство достижения чего-либо». Коллокации используются адресантом для информирования адресата о видах военной техники, которую европейские страны планируют отправить Украине (*military equipment*, *long-range missiles*, *long-range systems*, *long-range weapon*, *nuclear weapon*), инвестировании финансовых средств в развитие оборонной промышленности стран – участников НАТО (*to strengthen security*, *air defence capabilities*, *to strengthen bond*), масштабах военной мощи, которой обладают европейские

страны и позиционируются НАТО как «свои» (*military forces*, *military gain*, *military capabilities*, *collective security*, *threat to our security*, *combat team*, *to surge forces*). Генеральный секретарь в анализируемых контекстах не прибегает к оценке, лексические значения в компонентах коллокаций являются номинативными и реализуют информативную функцию.

Манипулятивная функция военно-политического дискурса заключается в оказании речевого воздействия на адресата с помощью специальным образом конструируемых мнений, суждений, оценок, стереотипов и предрассудков [11, с. 103; 27, с. 181]. Манипулирование в военно-политическом дискурсе осуществляется не только с помощью определенной подачи необходимой информации, но и с помощью качества предоставленных данных и сведений, где часто прослеживается искажение подлинного смысла, употребление двусмысленных понятий и намеренное смещение смысловых оттенков [14, с. 114].

В проанализированном массиве текстов были выделены военные коллокации с негативно оценочной семантикой, которые в рамках определенного микро- и макроконтекста используются для искажения ситуации, ложного информирования адресата, что в конечном счете ведет к манипулированию массовым сознанием.

К коллокациям, выполняющим манипулятивную функцию, были отнесены такие единицы, как *war against*, *to pose threat*, *to shatter peace*, *aggressive action*, *hot war*, *war of aggression*, *war of attrition*, *to meet threats*.

В ходе выступления на пресс-конференции с премьер-министром Швеции генеральный секретарь НАТО использует всего одну военную коллокацию *to shatter peace*, которая обладает мощным манипулятивным потенциалом.

В онлайн-словаре Macmillan приводится следующее значение для коллокации *to shatter peace*: *suddenly make a lot of noise in a place that was very quiet (внезапно производить много шума в месте, где было очень тихо)* [28]. Прямое значение коллокации, зафиксированное в словаре, отличается от значения в анализируемом микроконтексте: *Together with Finland, Sweden is our closest partner. We share the same neighbourhood, challenges, and values, and the same interest to protect our people and the international rules-based order. Russia's brutal invasion of Ukraine has shattered peace in Europe. There is much at stake, so it is even more important that we stand together* [29].

В семантике лексемы *to shatter* заложена сема разрушения, которая характеризуется негативной коннотацией. Коллокация в данном контексте означает «пошатнуть мир / подорвать мир». Как отме-

чает Н. Д. Арутюнова, метафора – это приговор суда без разбирательства, вывод без мотивировки. Она семантически насыщена, но не эксплицитна [30, с. 28]. Коллокация является результатом метафорического переноса значения на основе ассоциации по сходству и используется для обозначения ситуации нарушения равновесия в мире. В этом же выступлении номинативную функцию выполняют такие коллокации, как *terrorist group*, *counter-terrorist efforts*.

В следующем фрагменте лексические единицы, формирующие коллокацию *to pose threat*, используются в прямом значении. Лексема *threat* обладает отрицательной коннотацией, так как значение исследуемой лексемы складывается из сем с деструктивной семантикой: «ломать на мелкие кусочки», «причинять вред», «разрушать». Поисковый запрос на официальном сайте НАТО с коллокацией *to pose threat* показал, что количество упоминаний данной коллокации в текстах выступлений генерального секретаря НАТО за период с декабря 2021 г. по июль 2022 г. составляет 67 раз.

Общий макроконтекст ситуации играет решающую роль при определении функции, которую выполняет милитарная коллокация. Генеральный секретарь НАТО в начале всех своих выступлений в проанализированной выборке текстов (в период с декабря 2021 г. по июль 2022 г.) пытается внушить и закрепить в сознании общественности идею о том, что Россия представляет собой угрозу. Многократное утверждение и повторение идеи о том, что Россия является угрозой для европейских стран, подается как факт без каких-либо доказательств: *This is the new Strategic Concept. The current one was agreed in 2010 and this is very different from what we agreed back then. It makes clear that Russia poses «the most significant and direct threat” to our security. In the current concept, we state that Russia is a “strategic partner». In the current concept, we do not mention China with a single word* [31].

Анализ микроконтекста ситуации показывает, что информация передается посредством безличного предложения *It makes clear*. Использование безличных предложений, с одной стороны, позволяет адресанту снять с себя ответственность за сказанное, а с другой стороны – создать видимость того, что информация является абсолютно достоверной. Таким образом, милитарная коллокация *to pose threat* в рамках микро-, а также общего макроконтекста ситуации выполняет манипулятивную функцию.

В следующем фрагменте определить функцию, которую выполняет милитарная коллокация *hot war*, помогает также контекст ситуации: *NATO Secretary General: We live in a more dangerous world. And we live in a more unpredictable world. And*

we live in a world where we have actually a hot war going on in Europe, with large scale military operations we haven't seen in Europe since the Second World War [31].

В семантике коллокации *hot war* заключен оценочный компонент. Используя данную коллокацию, генеральный секретарь пытается гиперболизировать масштабы военной операции. Информация подается таким образом, что конфликт, обозначаемый как *hot war*, затрагивает всю Европу, а не только территорию Украины. Адресант пытается также преувеличить степень конфликта, указывая на то, что это самый масштабный конфликт со времен Второй мировой войны. Магнификация осуществляется через прием расширенного обобщения (или генерализации во времени), реализуемый во фразе *since the Second World War*. Прием расширенного обобщения способствует интенсификации манипулятивной функции коллокации *hot war*. Таким образом, происходит искажение информации и ее подача адресату в выгодном для манипулятора свете.

Для определения функции милитарной коллокации *aggressive action* требуется обратиться к макроконтексту ситуации. Коллокация дважды используется генеральным секретарем в ходе короткого выступления для описания действий, совершаемых «чужими» в лице России: *And there are more US troops in Europe, 100,000 in total, and other Allies have also increased their presence. So, this demonstrates that for years we have been actually adapting to the aggressive actions of Russia* [32].

Расширение сил НАТО на восток генеральный секретарь пытается объяснить агрессивными действиями со стороны России. О каких конкретно действиях идет речь, Й. Столтенбергом не сообщается.

В следующем фрагменте из этого же выступления генеральный секретарь еще раз использует коллокацию *aggressive actions* для того, чтобы сфокусировать внимание адресата на возможных последствиях, которые приведут к дисбалансу сил в мире из-за агрессивных действий России: *In the Strategic Concept we need to address the security consequences of Russia's aggressive actions, of the shifting global balance of power, the security consequences of a much stronger China, and the challenges Russia and China are posing together to our rules based international order and our democratic values* [32].

Коллокация *aggressive action* образована на основе общей семантемы «борьба с помощью силы», которая складывается из сем «изменение состояния с помощью силы» и «готовность к борьбе» и характеризуется разрушительной негативной семантикой. Манипулятивный эффект данной коллокации состоит в том, что генеральный секретарь

обвиняет Россию бездоказательно в использовании силовых методов, не указывая ни по отношению к кому эти методы применяются, ни в чем конкретно проявляются агрессивные действия со стороны России. Таким образом, проанализированные военные коллокации, выполняющие манипулятивную функцию, используются для создания круга «чужих».

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать ряд выводов. Военные коллокации выполняют информативную и манипулятивную функцию в текстах военно-политического дискурса. Использование военных коллокаций в разных функциях определяется целью военно-политического дискурса в целом и интенцией адресанта текста в частности.

Военные коллокации, выполняющие информативную функцию, являются одним из средств реализации эксплицитной интенции в военно-политическом дискурсе. Эксплицитная интенция генерального секретаря НАТО заключается

в информировании мировой общественности о количестве военной техники, которую НАТО поставляет другим странам, и о масштабах военного потенциала, которым обладает Североатлантический альянс. Скрытая интенция в текстах выступлений состоит в бездоказательном убеждении мировой общественности в том, что Россия представляет угрозу для европейских стран. Данная интенция реализуется посредством военных коллокаций, выполняющих манипулятивную функцию.

Для установления информативной функции, реализуемой военной коллокацией, исследователю достаточно ограничиться результатами функционально-семантического анализа. Для того чтобы определить манипулятивную функцию у военной коллокации, требуется обязательно учитывать микро- и макроконтекст ситуации. Наличие коннотативной окраски у компонентов коллокации также является одним из условий, при котором коллокации будут выполнять манипулятивную функцию. К перспективам исследования относится анализ функций военных коллокаций в разножанровых текстах военно-медийного дискурса.

Список источников

1. Дейк Т. А. ван Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
2. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 431 с.
3. Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. История в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и «чужих». М.: ЛЕНАНД, 2018. 200 с.
4. Олянич А. В. Презентационные стратегии в военно-политическом дискурсе // Вестник ВолГУ. Серия 2. 2003–2004. Вып. 3. С. 121–128.
5. Уланов А. В. История русского военного дискурса XIX – начала XX века. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2014. 200 с.
6. Ульянова У. А. Комбинаторно-семантический анализ коллокаций в военно-политическом дискурсе // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2022. Вып. 3 (221). С. 67–74.
7. Мишкоров Э. Н. Современный военно-политический дискурс: номинация, функции, девиация языка, транслят // Вестник Московского ун-та. Серия: Теория перевода. 2020. № 2. С. 88–105.
8. Мавлеев Р. Р. Военно-политический дискурс: социально-коммуникативные, лингвокогнитивные и переводческие аспекты (на материале китайского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 246 с.
9. Наумова К. А. Специфика гибридных видов дискурса (на примере военно-политического и военно-публицистического дискурсов): дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2021. 223 с.
10. Солопова О. А., Салтыкова М. С. Архитектоника светлого будущего в зарубежных военно-публицистических дискурсах периода Второй мировой войны // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23, № 3. С. 762–783.
11. Бачурин В. Д. Манипулятивные технологии, применяемые СМИ в современном военно-политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 99–104.
12. Дрига М. В. Конститутивные признаки военно-политического дискурса // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2022. № 1. С. 41–49.
13. Исмаилова Л. Г., Дрига М. В., Владимов Н. В. Понятие персуазивной коммуникации в военно-политическом дискурсе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 3-2. С. 127–131.
14. Назарова Н. Е. К определению понятия военно-политического дискурса // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 7 (849). С. 107–116.
15. Серебрянников Б. А. Общее языкознание: общие методы лингвистических исследований. М.: Наука, 1973. 319 с.
16. Hamed D. Keywords and collocations in US presidential discourse since 1993: a corpus-assisted analysis // Journal of Humanities and Applied Social Sciences. Vol. 3, № 2. 2021. P. 137–158.
17. Orna-Montesinos C. Constructing Professional Discourse: A Multiperspective Approach to Domain-Specific Discourses. Cambridge Scholars Publishing, 2012. 250 p.

18. Что такое НАТО. URL: https://www.nato.int/nato-welcome/index_ru.html (дата обращения: 27.08.2022).
19. Zaaabalawi A. R. S., Gould A. M. English collocations: A novel approach to teaching the language's last bastion // *Ampersand*. 2017. Vol. 4. P. 21–29.
20. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. О компонентном анализе значимых единиц языка // *Принципы и методы семантических исследований*. М.: Наука, 1976. С. 291–314.
21. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // *Проблемы структурной лингвистики*. М.: Наука, 1972. С. 367–395.
22. Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the Allied Command Operations change of command ceremony. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_197724.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 27.08.2022).
23. Doorstep statement by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the start of the 2022 NATO Summit. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_197294.htm (дата обращения: 27.08.2022).
24. Pre-ministerial press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg ahead of the meetings of NATO Defence Ministers. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_196620.htm (дата обращения: 21.08.2022).
25. Арнольд И. В. Потенциальные и скрытые семы и их актуализация в английском художественном тексте // *Семантика. Стилистика. Интертекстуальность*. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1999. С. 54–66.
26. Колшанский Г. В. О природе контекста // *Вопросы языкознания*. 1959. № 4. С. 43–57.
27. Соловьева А. В., Базылев Э. Э. Средства речевого воздействия военно-политического дискурса // *Актуальные вопросы изучения иностранного языка в вузе: материалы Всерос. науч.-метод. конф.* Рязань, 2019. С. 176–178.
28. Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com> (дата обращения: 21.08.2022).
29. Statements by the NATO Secretary General Jens Stoltenberg and the Prime Minister of Sweden, Magdalena Andersson. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_197088.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 27.08.2022).
30. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // *Теория метафоры*. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
31. Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg following the meeting of the North Atlantic Council at the level of Heads of State and Government (2022 NATO Summit). URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_197301.htm (дата обращения: 27.08.2022).
32. Doorstep statement by NATO Secretary General Jens Stoltenberg ahead of the meeting of NATO Ministers of Foreign Affairs on 6 and 7 April 2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_194326.htm (дата обращения: 27.08.2022).

References

1. Dejk T. A. van *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii*. Perevod s angliyskogo [Discourse and power: representation of dominating in language and communication]. Translation from English. Moscow, Knizhnyy dom «LI-BROKOM» Publ., 2013. 344 p. (in Russian).
2. Sheygal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa. Dis. ... dokt. filol. nauk* [Semiotics of political discourse. Diss. doct. philol. sci.]. Volgograd, 2000. 431 p. (in Russian).
3. Chernyavskaya V. E., Molodychenko E. N. *Istoriya v diskurse politiki: lingvisticheskiy obraz «svoikh» i «chuzhikh»* [History in discourse of politics: the linguistics image of their own and others]. Moscow, LENAND Publ., 2018. 200 p. (in Russian).
4. Olyanich A. V. *Prezentatsionnye strategii v voyenno-politicheskom diskurse* [Presentation strategies in military political discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2 – Science Journal of Volgograd State University. Series 2*, vol. 3, 2003–2004, pp. 121–128 (in Russian).
5. Ulanov A. V. *Istoriya russkogo voyennogo diskursa XIX – nachala XX veka* [History of Russian military discourse of XIX the beginning of XX century]. Omsk, OmGTU Publ., 2014. 200 p. (in Russian).
6. Ul'yanova U. A. *Kombinatorno-semanticheskiy analiz kollokatsiy v voyenno-politicheskom diskurse* [Combinatorial Semantic analysis of collocations in military political discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2022, vol. 3 (221), pp. 67–74 (in Russian).
7. Mishkurov E. N. *Sovremennyy voyenno-politicheskiy diskurs: nominatsiya, funktsii, deviatsiya yazyka, translyat* [Modern military political discourse: naming, functions, deviation of the language, translation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: Teoriya perevoda – Moscow State University Bulletin. Series: Translation Theory*, 2020, vol. 2, pp. 88–105 (in Russian).
8. Mavleyev R. R. *Voyenno-politicheskiy diskurs: sotsial'no-kommunikativnye, lingvokognitivnye i perevodcheskiye aspekty (na materiale kitayskogo i russkogo yazykov)*. Dis. ... kand. filol. nauk [Military political discourse: social communicative, linguo-cognitive and translation aspects (based on the material of Chinese and Russian languages). Diss. ... cand. of philol. sci.]. Moscow, 2019. 246 p. (in Russian).
9. Naumova K. A. *Spetsifika gibridnykh vidov diskursa (na primere voenno-politicheskogo i voenno-publitsisticheskogo diskursov)*. Dis. ... kand. filol. nauk [Peculiarities of hybrid types of discourse (by the example of military political and military publicistic discourse). Diss. ... cand. filol. sci.]. Chelyabinsk, 2021. 223 p. (in Russian).
10. Solopova O. A., Saltykova M. S. *Arkhitektonika svetlogo budushchego v zarubezhnykh voyenno-publitsisticheskikh diskursakh perioda Vtoroy mirovoy voyny* [Architectonics of promising future in foreign military political discourse of the Second world war]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika – Russian Journal of Linguistics*, 2019, vol. 23, no. 3, pp. 762–783 (in Russian).

11. Bachurin V. D. Manipulyativnye tekhnologii, primenyayemye SMI v sovremennom voyenno-politicheskom diskurse [Manipulative technologies used in mass media in modern military political discourse]. *Politicheskaya lingvistika – Political linguistics*, 2014, no. 4, pp. 99–104 (in Russian).
12. Driga M. V. Konstitutivnye priznaki voyenno-politicheskogo diskursa [Basic features of military political discourse]. *Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek v sovremennom mire – Bulletin of the Russian New University*, 2022, no. 1, pp. 41–49 (in Russian).
13. Ismaylova L. G., Driga M. V., Vladimov N. V. Ponyatiye persuazivnoy kommunikatsii v voyenno-politicheskom diskurse [The notion of persuasive communication in military political discourse]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki – Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 2021, no. 3-2, pp. 127–131 (in Russian).
14. Nazarova N. E. K opredeleniyu ponyatiya voyenno-politicheskogo diskursa [To the definition of the notion of military political discourse]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki – Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2021, vol. 7 (849), pp. 107–116 (in Russian).
15. Serebryannikov B. A. *Obshcheye yazykoznaniye: obshchiye metody lingvisticheskikh issledovaniy* [General linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 319 p. (in Russian).
16. Hamed D. Keywords and collocations in US presidential discourse since 1993. *A corpus-assisted analysis Journal of Humanities and Applied Social Sciences*, 2021, vol. 3, no. 2, pp. 137–158.
17. Orna-Montesinos C. *Constructing Professional Discourse: A Multiperspective Approach to Domain-Specific Discourses*. Cambridge Scholars Publishing, 2012. 250 p.
18. *Chto takoye NATO* [What is NATO] (in Russian). URL: https://www.nato.int/nato-welcome/index_ru.html (accessed 27 August 2022).
19. Zaabalawi A. R. S., Gould A. M. English collocations: A novel approach to teaching the language's last bastion. *Ampersand*, 2017, vol. 4, pp. 21–29.
20. Gulyga E. V., Shendel's E. I. O komponentnom analize znachimyykh edinits yazyka [About component analysis of important language units]. *Printsipy i metody semanticheskikh issledovaniy* [Principles and methods of semantic studies]. Moscow, Nauka Publ., 1976. Pp. 291–314 (in Russian).
21. Gak V. G. K probleme semanticheskoy sintagmatiki [To the problem of semantic syntagmatics]. *Problemy strukturnoy lingvistiki* [Problems of structural linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1972. Pp. 367–395 (in Russian).
22. *Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the Allied Command Operations change of command ceremony*. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_197724.htm?selectedLocale=en (accessed 27 August 2022).
23. *Doorstep statement by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the start of the 2022 NATO Summit*. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_197294.htm (accessed 27 August 2022).
24. *Pre-ministerial press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg ahead of the meetings of NATO Defence Ministers*. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_196620.htm (accessed 27 August 2022).
25. Arnol'd I. V. Potentsial'nye i skrytye semy i ikh aktualizatsiya v angliyskom khudozhestvennom tekste [Potential and latent semes and their actualization in English fiction]. *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality]. Saint Petersburg, Saint Petersburg University Publ., 1999. Pp. 54–66 (in Russian).
26. Kolshanskiy G. V. O prirode konteksta [About the nature of the context]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1959, no. 4, pp. 43–57 (in Russian).
27. Solov'eva A. V., Bazylev E. E. Sredstva rechevogo vozdeystviya voyenno-politicheskogo diskursa [The means of speech persuasion of military political discourse]. *Aktual'nye voprosy izucheniya inostrannogo yazyka v vuze: materialy Vserossiyskoy nauchno-metodicheskoy konferentsii* [Current Issues of Foreign Language Studies at Higher Education Institutions: materials of the All-Russian Scientific and Methodological Conference]. Ryazan, RVVDKU Publ., 2019. Pp. 176–178 (in Russian).
28. *Macmillan Dictionary*. URL: <https://www.macmillandictionary.com> (accessed 21 August 2022).
29. *Statements by the NATO Secretary General Jens Stoltenberg and the Prime Minister of Sweden, Magdalena Andersson*. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_197088.htm?selectedLocale=en (accessed 27 August 2022).
30. Arutyunova N. D. Metafora i diskurs [Metaphor and discourse]. *Teoriya metafor* [Theory of metaphor]. Moscow, Progress Publ., 1990. Pp. 5–32 (in Russian).
31. *Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg following the meeting of the North Atlantic Council at the level of Heads of State and Government (2022 NATO Summit)*. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_197301.htm (accessed 27 August 2022).
32. *Doorstep statement by NATO Secretary General Jens Stoltenberg ahead of the meeting of NATO Ministers of Foreign Affairs on 6 and 7 April 2022*. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_194326.htm (accessed 27 August 2022)

Информация об авторе

Ульянова У. А., кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2, Новосибирск, Россия, 630028).

Information about the author

Ulyanova U. A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after the general of the army I. K. Yakovlev of national guard troops of Russian Federation (ul. Klyuch-Kamysenskoye plato, 6/2, Novosibirsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 07.12.2022; принята к публикации 17.03.2023

The article was submitted 07.12.2022; accepted for publication 17.03.2023

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 811.161.1'271'42:316.772.5:37

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-86-94>

Особенности медиапроекта как лингвокоммуникативного феномена и его использование в образовательной деятельности

Алексей Владимирович Болотнов

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, nsb@tspu.edu.ru

Аннотация

В условиях интенсивного развития информационно-коммуникационных технологий и усиления роли интернета в жизни современного человека возрастает роль медиаобразования и необходимость формирования медиакультуры пользователей. Одним из ярких проявлений медиакультуры языковой личности является способность создавать и адекватно воспринимать медиапроекты как отражение творческих возможностей человека в разных областях: культурологической, коммуникативной, текстовой, технологической. Недостаточная изученность данной проблематики определяет необходимость ее разработки. Цель – разработка проблемы организации медиапроектной деятельности, уточнение информации об особенностях медиапроекта как лингвокоммуникативного феномена с точки зрения его формы, содержания, функции, определение методики его создания и анализа. В исследовании использованы экспертное описание имеющихся источников по истории и теории вопроса, наблюдение, анализ и обобщение. В организации медиапроектной деятельности необходимо опираться на комплекс методов, включая социологические, методы аналитического и критического мышления, дискурсивный анализ, методы эффективной командной деятельности; необходимо владеть навыками текстообразования и стилистического редактирования медиатекстов, навыками использования компьютерных технологий. Медиапроект как форма коммуникации между создателем и адресатом определяется в аспекте формы, содержания и функций как текстовый продукт, основанный на сочетании различных аудиовизуальных технологий, умений автора создавать новое актуальное и оригинальное содержание, объединяя людей в результате совместной коммуникативной деятельности ради общего дела. Коммуникативная деятельность предполагает создание медиатекстов и их восприятие, интерпретацию и понимание. Медиапроект как лингвокоммуникативный феномен решает задачи, связанные с критическим мышлением, анализом и синтезом многоаспектной информации и презентацией адресату авторских идей. В передаче информации значимы различные средства, включая языковые и неязыковые (индексы, символы, иконы). Их умелое использование определяет эффективность медиапроектной деятельности и характеризует ее лингводидактический потенциал в сфере образования. Описаны выделенные автором виды медиапроектов: по структуре, жанровым особенностям и связанным с ними видам деятельности, а также по количеству участников образовательной деятельности. Отмечается, что подготовка медиапроекта включает определение его темы, цели и задач, фактор адресата. Для этого, опираясь на комплекс методов и имеющиеся компетенции, нужно выявить нишу, учесть фактор интеграции в общий медийный контекст, составить сценарий, подготовить презентацию, видеоролик, определить площадку для размещения, осуществить кооперацию в рамках командной и экспертной деятельности, провести адаптацию и корректировку продукта, продумать распространение медиапроекта. К параметрам комплексного анализа медиапроекта как лингвокоммуникативного феномена отнесены критерии оценки: 1) издателя; учредителя; собственника; редактора; 2) целей и задач проекта; 3) учета читательской/зрительской аудитории (целевая/адресная, общая, случайная); 4) авторского состава, коллектива, режиссуры; 5) внутренней структуры (темы, проблемы, сценария, сюжета, композиции, деталей); 6) жанрово-стилистических особенностей (жанра, типа речевой культуры автора, стиля, лексики, синтаксических конструкций); 7) оформления (имидж, вербалика/невербалика, реклама, инфографика, эффекты); 8) периодичности выхода (день/неделя/месяц/год); 9) объема, хронометража, плана; тиража, количества подписчиков, лайков/дизлайков, комментариев, просмотров (день/неделя/месяц/год); 10) оценки размещения на том или ином ресурсе/сайте/хостинге (опросы и данные). Медиапроектная деятельность опирается на знания, умения и навыки личности в области теории и практики медиакоммуникации, риторики, стилистики, медиалингвистики, а также в сфере информационно-компьютерных технологий. Подготовка медиапроектов имеет комплексный характер и способствует развитию творческого мышления, общей культуры и медиакультуры личности.

Ключевые слова: медиакommunikация, медиакультура, медиаобразование, текстовая деятельность, медиапроект, методика создания и критерии анализа медиапроектов

Для цитирования: Болотнов А. В. Особенности медиапроекта как лингвокоммуникативного феномена и его использование в образовательной деятельности // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 3 (227). С. 86–94. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-86-94>

RUSSIAN LANGUAGE

Peculiarities of a media project as a linguo-communication phenomenon and its use in educational activities

Aleksey V. Bolotnov

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, nsb@tspu.edu.ru

Abstract

The role of media education and the need of forming media culture of users are increasing in the presence of intensive development of informational and communication technologies and growing of the Internet influence in the life of a modern person. One of the brightest demonstrations of the media culture of a language personality is the ability to create and adequately perceive media projects as a reflection of a person's creative facilities in various fields: cultural, communicative, textual, technological. Insufficient knowledge of this issue determines the need for its development. The aim of the article – working out of the problem of organizing media project activities, elaboration of information about the features of a media project as a linguo-communicative phenomenon with relation to its form, content, function, determination of the methods for its creation and analysis. The article uses an expert description of the available sources on the history and theory of the issue, examination, analysis and generalization. In organizing media project activities, it is necessary to rely on a set of methods, including sociological methods, methods of analytical and critical thinking, discursive analysis, methods of effective teamwork; it is necessary to have the skills of text formation and stylistic editing of media texts, the skills of using computer technology. The media project as a form of communication between the creator and the addressee is defined in the article in terms of form, content and functions as a text product based on a combination of various audiovisual technologies, the author's skills to create new relevant and original content, uniting people as a result of joint communicative activity for the sake of a common cause. Communicative activity involves the creation of media texts and their perception, interpretation and understanding. Media project as a linguo-communicative phenomenon solves problems connected with critical thinking, analysis and synthesis of multifold information and presentation of author's ideas to the addressee. In the transmission of information, various means are important, including linguistic and non-linguistic ones (indices, symbols, icons). Their competent use determines the effectiveness of media project activities and characterizes its linguo-didactic potential in the field of education. The article describes the types of media projects identified by the author: by structure, genre features and related activities, as well as by the number of participants in educational activities. It is significant that the preparation of a media project includes the definition of its topic, goals and tasks, the factor of the addressee. To do this, according to a set of methods and existing competencies, it is necessary to identify a void; take into account the factor of integration into the general media context; write a script; prepare a presentation, video; determine the site for placement; to carry out cooperation within the framework of team and expert activities; to adapt and adjust the product; consider the distribution of the media project. The parameters of a comprehensive analysis of a media project as a linguo-communicative phenomenon include evaluation criteria 1) publisher; founder; owner; editor 2) goals and tasks of the project; 3) accounting for the reader / viewer audience (target / targeted, general, random); 4) staff of authors, team, directing; 5) internal structure (themes, problems, script, plot, composition, details); 6) genre and stylistic features (genre, type of speech culture of the author, style, vocabulary, syntactic constructions); 7) design (image, verbal/non-verbal, advertising, infographics, effects); 8) frequency of release (day/week/month/year); 9) volume, timing, plan; circulation, number of subscribers, likes/dislikes, comments, views (day/week/month/year); 10) assessment of placement on a particular resource / site / hosting (surveys and data). Media project activity is formed on the knowledge, skills and abilities of the person in the field of theory and practice of media communication, rhetoric, stylistics, media linguistics, as well as in the field of information and computer technologies. The preparation of media projects is complex and contributes to the development of creative thinking, general culture and media culture of the person.

Keywords: media communication, media culture, media education, text activity, media project, methods for creating and analysis criteria for media projects

For citation: Bolotnov A. V. Peculiarities of a media project as a linguo-communication phenomenon and its use in educational activities [Osobennosti mediaproekta kak lingvo-kommunikativnogo fenomena i ego ispolzovaniye v obrazovatelnoy deyatel'nost']. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 3 (227), pp. 86–94 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-86-94>

Введение

Медиаобразование принадлежит к актуальным направлениям современной методики в свете требований ФГОС, а формирование медиакультуры личности является насущной проблемой современного общества, учитывая возрастающую роль интернета и развитие современных информационно-коммуникационных технологий, владение которыми важно для каждого пользователя интернета. Медиаобразование рассматривают как «все целенаправленные и систематические действия, предназначенные для удовлетворения образовательных потребностей, порождаемых фактом существования массмедиа» [1, с. 13–14]. Медиаобразование предполагает формирование медиакультуры языковой личности, которая определяется в широком смысле как «культура работы с информацией: в газете, на телевидении, радио, в Интернете» [2, с. 265]. Одним из проявлений медиакультуры является способность создавать и адекватно оценивать медиапроекты как отражение творческих возможностей человека в разных областях: культурологической, коммуникативной, текстовой, технологической.

В имеющейся научной литературе о медиапроектах реализуются разные подходы к медиапроектной деятельности, включая определение природы и сущности данного феномена, его признаков. В ряде работ доминирует, во-первых, финансово-экономический подход к подготовке медиапроектов с точки зрения анализа медиаменеджмента в регионах России [3], в аспекте взаимодействия с потенциальными потребителями [4], определения рыночных возможностей при подготовке бизнес-плана медиапроекта [5], изучения факторов, определяющих продвижение медиапроектов в обществе [6], рассмотрения требований медиарынка [7].

Во-вторых, имеются работы, отражающие культурно-просветительский подход к медиапроектной деятельности, связанный с популяризацией научного знания, и рассчитанные на широкий круг потребителей [8, 9, 10]. В-третьих, есть работы, посвященные медиапроектной деятельности в образовательных целях. При этом одни публикации посвящены общим проблемам в сфере образования [11, 12] и формированию у обучающихся потребности в саморазвитии [13], другие – новым технологическим форматам образования [14] и продвижению образовательных услуг вуза [15], третьи – активизации межкультурного диалога в обучении конкретной категории – иностранных студентов [16, 17].

Лингводидактический потенциал медиапроектной деятельности в сфере медиаобразования и определение медиапроекта как лингвокоммуникативного феномена остаются недостаточно освещенными.

Цель – разработка проблемы организации медиапроектной деятельности, уточнение информации об особенностях медиапроекта как лингвокоммуникативного феномена с точки зрения его формы, содержания, функции, определение методики его создания и анализа.

В задачи статьи входят:

- определение понятия «медиапроект», уточнение его основных признаков (описание его формы, содержания, структуры);
- выделение видов медиапроектов;
- представление методики создания медиапроекта;
- разработка авторского алгоритма анализа медиапроекта.

Материал и методы

Использованы экспертное описание имеющихся источников по истории и теории вопроса, наблюдение, анализ и обобщение.

Результаты и обсуждение

Что понимается под медиапроектом? В основном исследователи дают определение медиапроекту как особому виду деятельности без акцента на его лингвистических и коммуникативных особенностях. М. В. Соколов определяет медиапроект «как деятельность, организованную на основе средств электронных медиа, имеющую общую проблему, цель, согласованные методы, способы деятельности, направленную на достижение совместного результата деятельности» [13, с. 70]. И. А. Павличенко выделяет в медиапроекте такие черты, как «направленность на достижение конкретных целей и определенных результатов; неповторимость, уникальность; координированное выполнение множества взаимосвязанных действий; ограниченная протяженность во времени; результативность и эффективность» [8, с. 107].

Охарактеризуем данное понятие на основе концептуального подхода к нему как к медиатексту и форме коммуникации между автором и адресатом. Под медиапроектом понимается текстовый продукт, основанный на сочетании различных аудиовизуальных технологий, умений создавать новое актуальное и оригинальное содержание, объединяя людей в результате совместной коммуникативной дея-

тельности в целях просвещения, образования, продвижения, коммерции. Коммуникативная деятельность в медиасреде предполагает создание медиатекстов и их восприятие, интерпретацию и понимание. Медиапроект как лингвокоммуникативный феномен решает задачи, ориентированные на критическое мышление, анализ и синтез многоаспектной информации с презентацией адресату авторских идей. В передаче информации значимы различные средства, включая языковые и неязыковые (индексы, символы, иконы). Их умелое использование определяет эффективность медиапроектной деятельности обучающихся и отражает ее лингводидактический потенциал в сфере образования.

Кратко медиапроект можно определить как *мультимедиаконструктор*. Остановимся подробнее на данном определении и характеристике его составляющих:

1. *Мультимедиа...* [*< фр. multi... много... < лат. multum многое*]. Первая составная часть сложных слов, указывающая на множественность или многократность, например: *мультипликация, мультимедиа* [18, с. 508].

2. *Медиа* С. Г. Корконосенко в расширительной трактовке определяет как «совокупность всех технологических средств коммуникации, служащих для передачи информационного сообщения в виде текста, музыки, изображения и др. Медиа происходит от лат. *medium* – средний, середина, посредник» [19, с. 53]. Исследователь отмечает две тенденции использования термина: в узком значении (как средства массовой коммуникации) и в широком истолковании, причинами которых «служат прогресс информационно-коммуникационных технологий и порождаемое им умножение каналов и средств передачи и получения информации, прежде всего цифровых» [19, с. 54].

3. Конструктор в словаре определяется следующим образом: «КОНСТРУКТОР, -а, м. 1. Специалист, который создает конструкцию какого-либо сооружения, механизма 2. Детская игра – набор деталей для конструирования» [20, с. 291].

Применительно к определению медиапроекта как медиаконструктора в качестве актуального смысла термина важно, что это продукт целенаправленной деятельности субъекта, структура которого включает отдельные компоненты (детали). Они могут иметь как языковую, так и неязыковую природу, учитывая мультимедийность и многоканальность медиапроектной деятельности.

Охарактеризуем медиапроекты с точки зрения формы, содержания, функций.

1. Что характерно для медиапроектов с точки зрения формы репрезентации и каналов связи? Медиапроект может быть представлен в следующих жанровых формах и форматах, отличающихся це-

лями, масштабом сообщаемого, каналами связи, характером деятельности автора (авторов), используемыми средствами:

- как медиатекст (среди его особенностей ученые называют «медийность (детерминация текста форматными и техническими возможностями канала), семиотическую интегративность текста (объединение в единое коммуникативное целое различных семиотических кодов), массовость (как в сфере создания, так и в сфере потребления медиапродукта), открытость текста на содержательно-смысловом, композиционном и знаковом уровнях (массмедийная интертекстуальность в широком понимании термина)» [21, с. 68]);

- видеоролик различной тематики и содержания;

- копирайт на нескольких площадках (сайты, мессенджеры, видеохостинги, СМИ);

- как постоянная передача или рубрика на базе СМИ;

- постоянный медиаресурс личности (персональный сайт проекта или страница с возможностью лонгрида);

- в качестве комплексно представленного в СМИ публичного мероприятия с представлением итогов различной деятельности.

Общим в разных видах медиапроектов является мультимедийность, многоканальность, интертекстуальность, полидискурсивность, креативность, многофункциональность, многожанровость.

2. Остановимся на общей характеристике содержания медиапроектов (признаках, свойствах, функциях).

На уровне обобщения под содержанием медиапроектов понимается следующее:

- то, что размещено на сайте или в сети;

- у чего есть ссылки в различных социальных сетях и мессенджерах;

- что публично и служит для привлечения аудитории;

- к чему есть доступ долгое время;

- что содержит в себе информацию для обучения, результаты какой-либо деятельности или исследования чего-либо;

- что способствует просвещению, продвижению или коммерции.

Содержание и функции медиапроектов, таким образом, включают передачу общественно значимой информации, которая потенциально может быть интересна коллективному адресату, интерпретирована и воспроизведена им, полезна для различных видов деятельности: обучения, просвещения, продвижения, коммерции и т. д.

И форма, и содержание медиапроектов отражают итог текстовой деятельности автора (наличие у него необходимых культурно-языковых навыков и

знаний о факторах текстообразования и текстовых нормах), имеют коммуникативную сущность (предполагают ориентацию на адресата и воздействие на него), требуют владения автором необходимыми технологическими и техническими навыками.

Виды медиапроектов. В имеющихся научных публикациях медиапроекты дифференцируются по разным основаниям: И. А. Фатеева, например, выделяет медиапроекты по видам массмедиа: печатные издания (брошюры, бюллетени, журналы и газеты) и по каналам связи (визуальные, аудиальные, аудиовизуальные, интернет-проекты) [14, с. 43]. М. В. Соколов предлагает разные критерии для дифференциации медиапроектов: по доминирующей деятельности в проекте (исследовательский, игровой, творческий, учебно-познавательный); предметно-содержательной области (монопроект, межпредметный); характеру координации проекта (медиапроекты с открытой и со скрытой координацией); количеству участников (микросоциальный и макросоциальный); продолжительности (краткосрочный и долгосрочный); технологической платформе проекта (несетевые и сетевые), характеру привлечения участников (с открытым и закрытым участием) и др. [13, с.70].

В дополнение к этому нами выделены типы медиапроектов по структуре, жанрам и видам деятельности, а также по масштабу и количеству участников.

1. По структуре, жанровым особенностям и связанным с ними видам деятельности можно дифференцировать следующие виды медиапроектов:

- *простые* (они могут включать: медиатекст; гиперссылку; фото; возможность для комментирования; одну тему; один сюжет; один жанр; несколько ссылок на размещенный материал из разных источников);

- *сложные* (они могут содержать: объемный медиатекст; гиперссылки; несколько фото, копирайт (цитаты из разных источников); возможность для комментирования и обратной связи; одну тему, 2–3 сюжета, сочетание нескольких жанров; несколько ссылок на размещенный материал из разных источников);

- *составные* (в их структуру могут входить: компиляция медиатекстов и видеороликов, сюжетные гиперссылки, полные фотоистории, совмещение текстов разных жанров, копирайт (цитаты из разных источников); возможность для комментирования и обратной связи; несколько сюжетных тем; сложный анализ; несколько ссылок на размещенный материал из разных источников);

- *многосоставные* (в данном случае для проекта создается профессиональная команда; имеется своя инфраструктура; оригинальная цель, предмет,

задачи и миссия; сложный сценарий; фильм; представленность в СМИ; компиляция медиатекстов и видеороликов, сюжетные гиперссылки, полные фотоистории, сочетание текстов разных жанров, копирайт (цитаты из разных источников); возможность для комментирования и обратной связи; несколько сюжетных тем; сложный анализ; несколько ссылок на размещенный материал из разных источников);

- *гипермедиапроекты, рассчитанные на долгое время* (проект создает профессиональное СМИ, оформляется юридически по законодательству РФ; в проекте участвуют приглашенные эксперты и специалисты, он становится публичным и общедоступным источником информации; внутри проекта на постоянной основе работает команда профессионалов; имеется своя инфраструктура; есть оригинальная цель, предмет, задачи и миссия; сложный сценарий; фильм; представленность в СМИ; используются компиляция медиатекстов и видеороликов, сюжетные гиперссылки, полные фотоистории, характерна полижанровость, копирайт (цитаты из разных источников); имеется возможность для комментирования и обратной связи; включают несколько сюжетных тем; сложный анализ; несколько ссылок на размещенный материал из разных источников; характерна коммерческая окупаемость, бюджетное планирование средств). О проблеме конвергенции в подобных медиапроектах писала С. М.-Ш. Агабаева [22].

2. Виды медиапроектов по количеству участников. С этой точки зрения в проекции на образовательную деятельность можно выделить следующие виды медиапроектов:

- *индивидуальные*;
- *групповые* (в их создании участвуют 3–5 человек);

- *коллективные* (в рамках класса);
- *общешкольные* (в рамках школы);
- *общемунципальные* (создаваемые на основе кооперации нескольких учебных заведений);
- *областные* (кооперация нескольких объединений школ);

- *сетевые* (принимает участие неограниченное количество авторов из разных регионов, городов, стран).

Опыт представления индивидуальных, групповых, коллективных и общешкольных медиапроектов в рамках открытых сетевых конференций медиапроектов школьников и студентов имеется в Томском государственном педагогическом университете. В период 2019–2021 гг. было проведено четыре открытых сетевых конференций медиапроектов школьников и студентов «Медиасреда. Личность. Творчество» (см., например, информацию об одной из них [23]).

Методика создания медиапроектов. Какова процедура подготовки медиапроекта? Какие методы целесообразно использовать? Что нужно знать авторам? В деятельности по подготовке медиапроектов необходимо опираться на комплекс методов, включая социологические методы, методы аналитического и критического мышления, дискурсивный анализ, методы эффективной командной деятельности, а также необходимо владеть навыками текстообразования и стилистического редактирования медиатекстов, использования компьютерных технологий.

Начиная подготовку медиапроекта, нужно определить его тему, цели и задачи, фактор адресата. Для этого, опираясь на комплекс методов и имеющиеся компетенции, нужно:

- используя социологические методы, выявить *нишу* (на кого ориентирован, какие имеет цели и задачи, что предполагает и зачем нужен);
- учесть фактор *интеграции* проекта в общий контекст на основе использования методов аналитического и критического мышления (в каких социальных медиа может быть представлен, что продолжает и с чем соотносится, кого включает и на кого рассчитан);
- применяя компьютерные технологии и опираясь на информационно-технологические, коммуникативные и текстовые компетенции, *составить сценарий, подготовить презентацию, видеоролик, определить площадку для размещения*;
- осуществить *кооперацию* (провести командную и коллективную работу, привлечь экспертов для оценивания результатов, установить, какие ресурсы требуются, какие технологии и методы можно использовать, с какими еще проектами данный медиапроект может быть объединен);
- провести *адаптацию и корректировку* полученного продукта (усложнение и упрощение формы и содержания, наращивание материала проекта или его сокращение, развитие);
- продумать *распространение* медиапроекта (сроки подготовки и действия проекта, количество ссылок и подписчиков, публичные мероприятия как часть поддержки медиапроекта).

В медиапроектной деятельности важно уметь оценить готовый продукт. Остановимся далее на *критериях анализа* готового продукта – медиапроекта. Методологическую основу анализа составляют ранее рассмотренные типологические признаки медиапроекта, комплексно учитывающие не только

форму, содержание, структуру медиапроекта, его функции, но и другие коммуникативно-дискурсивные и языковые факторы в общем медиаконтексте.

Критерии анализа медиапроекта. Комплексная оценка медиапроекта предполагает учет различных факторов, перечисленных ниже:

1. Кто является издателем, учредителем, собственником, редактором.
2. Цели и задачи проекта.
3. Читательская, зрительская аудитория (целевая – адресная, общая, случайная).
4. Авторский состав, коллектив, режиссура.
5. Внутренняя структура (тема, проблема, сценарий, сюжет, композиция, детали).
6. Жанрово-стилистические особенности (жанр, тип речевой культуры автора, стиль, лексика, синтаксические конструкции).
7. Оформление (имидж, вербалика/невербалика, реклама, инфографика, эффекты).
8. Периодичность выхода (день/неделя/месяц/год).
9. Объем, хронометраж, план.
10. Тираж, количество подписчиков, лайков/дизлайков, комментариев, просмотров (день/неделя/месяц/год).
11. Оценка размещения на том или ином ресурсе/сайте/хостинге (опросы и данные).

Данные критерии оценки медиапроекта включают его разные аспекты и помогают представить комплексно специфику проведенной авторами медиапроектной деятельности.

Заключение

Подготовка медиапроектов, как было показано выше, предполагает наличие необходимых знаний, умений, навыков, включая знание основ медиакультуры, медийной грамотности, умение составлять медиатекст и корректировать его, работать в команде, анализировать потребности коллективного адресата и обобщать, владение информационно-компьютерными технологиями, навыками медиакommunikации, текстовой деятельности и др.

Медиапроектная деятельность значима в свете современных требований к медиаобразованию и необходимости развития у обучающихся творческих способностей в условиях интенсивного развития новых компьютерных технологий и требований ФГОС. Подготовка медиапроектов предполагает наличие целевой программы, этапность, работу в команде, креативность и ответственность за произведенный продукт.

Список источников

1. Фатеева И. А. Медиаобразование: теоретические основы и практика реализации. Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2007. 270 с.
2. Болотнов А. В. Текстовая деятельность как отражение коммуникативного и когнитивного стилей информационно-медийной языковой личности. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2015. 274 с.

3. Сыченков В. В. Управление командой медиапроекта в регионе // Ученые записки Казанского ун-та. 2009. Серия: Гуманитарные науки. Т. 151, кн. 5, ч. 2. С. 282–288. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-komandoy-mediaproekta-v-regione> (дата обращения: 01.11.2022).
4. Багдасарова Р. А., Силенко В. А. Комьюнити-блогерство: архетипы и бренды // Гуманитарные науки. Вестник Финансового ун-та. 2022. № 12 (1). С. 161–166. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komyuniti-bloggerstvo-arhetipy-i-brendy> (дата обращения: 01.11.2022).
5. Попова М. И., Сорвина Т. А., Фатова С. А. Концептуальная основа бизнес-планирования как комплексного обоснования медиапроектов // Петербургский экономический журнал. 2021. № 4. С. 35–42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-biznes-planirovaniya-kak-kompleksnogo-obosnovaniya-mediaproektov> (дата обращения: 20.10.2022).
6. Каминская Т. Л. Краудфандинг для медиапроектов: коммуникативные практики адресации // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10, № 3. С. 487–499. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kraudfanding-dlya-mediaproektov-kommunikativnye-praktiki-adresatsii> (дата обращения: 20.10.2022).
7. Каминская Т. Л. Цифровое комьюнити как фактор успешности медиапроекта // Гуманитарные науки. Вестник Финансового ун-та. 2022. № 12 (2). С. 91–96. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoe-komyuniti-kak-faktor-uspeshnosti-mediaproekta> (дата обращения: 01.11.2022).
8. Павличенко И. А. Медиапроекты библиотек как средство трансляции научно-популярных знаний // Вестник Санкт-Петербургского гос. ин-та культуры. 2018. № 1 (34) март. С. 105–108. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediaproekty-bibliotek-kak-sredstvo-translyatsii-nauchno-populyarnyh-znaniy> (дата обращения: 01.11.2022).
9. Рязанова В. А. Медиапроект «Arzamas» как виртуальный образовательный музей // Манускрипт. 2018. № 11 (97), ч. 1. С. 165–168. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediaproekt-arzamas-kak-virtualnyy-obrazovatelnyy-muзей> (дата обращения: 01.11.2022).
10. Назарова М. С., Шестеркина Л. П. Особенности применения трансмедийного сторителлинга в процессе создания научно-популярного медиапроекта // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2021. Т. 21, № 3. С. 103–110. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-primeneniya-transmediynogo-storitellinga-v-protseesse-sozdaniya-nauchno-populyarnogo-mediaproekta> (дата обращения: 01.11.2022).
11. Овчинникова М. М. Модернизация медиаобразовательного проекта в соответствии с практической концепцией медиаобразования // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2009. № 4. С. 55–59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-mediaobrazovatel'nogo-proekta-v-sootvetstvii-s-prakticheskoy-kontseptsiei-mediaobrazovaniya> (дата обращения: 01.11.2022).
12. Каминская Т. Л., Томмингас Т. Яндекс Дзен: новый медийный и обучающий формат // Ученые записки Новгородского гос. ун-та. 2020. № 4 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yandeks-dzen-novyy-mediynyy-i-obuchayushiy-format> (дата обращения: 01.11.2022).
13. Соколов М. В. Сетевой медиапроект как средство формирования готовности к профессиональному саморазвитию будущего педагога // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2013. № 10 (83). С. 68–73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevoy-mediaproekt-kak-sredstvo-formirovaniya-gotovnosti-k-professionalnomu-samorazvitiyu-budushchego-pedagoga> (дата обращения: 01.11.2022).
14. Фатеева И. А. Новые технологические форматы медиаобразовательных проектов // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2015. № 5 (360). С. 40–46.
15. Подобина Д. В. Молодежный медиапроект в сфере продвижения образовательных услуг: особенности визуального контента // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 3 (25). С. 41–47. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-mediaproekt-v-sfere-prodvizheniya-obrazovatelnyh-uslug-osobennosti-vizual'nogo-kontenta> (дата обращения: 01.11.2022).
16. Сидоркина И. С. Медиапроекты в медиасреде: способы сохранения и популяризации этножурналистики // Огарёв-Online. 2018. № 3 (108). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediaproekty-v-mediasrede-sposoby-sohraneniya-i-populyarizatsii-etnozhurnalistiki> (дата обращения: 01.11.2022).
17. Коданина А. Л. Медиапроекты в социальных сетях в аспекте межкультурного диалога (на примере Нижегородского медиапроекта «Rise_Info») // Челябинский гуманитарий. 2021. № 1 (54). С. 25–30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediaproekty-v-sotsialnyh-setyah-v-aspekte-mezhkulturnogo-dialoga-na-primere-nizhegorodskogo-mediaproekta-rise-info> (дата обращения: 01.11.2022).
18. Крысин Л. М. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2006. 944 с.
19. Корконосенко С. Г. Медиа // Медиалингвистика в терминах и понятия: словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой. М.: ФЛИНТА, 2018. С. 53–55.
20. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
21. Казак М. Ю. Современные медиатексты: проблемы идентификации, делимитации, типологии // Медиалингвистика: международный научный журнал. 2014. Вып. 1. С. 51–76.
22. Агабаева С. М.-Ш. Медиаконвергенция: стратегия и тактика объединенной дирекции информационных программ телеканала «Россия-1» медиахолдинга ВГТРК // Челябинский гуманитарий. 2021. № 1 (54). С. 39–49. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediakonvergentsiya-strategiya-i-taktika-obedinennoy-direktsii-informatsionnyh-programm-telekanala-rossiya-1-mediaholdinga-vgtrk> (дата обращения: 01.11.2022).

23. Итоги III Региональной открытой сетевой конференции медиапроектов школьников и студентов «Медиасреда. Личность. Творчество». URL: <https://www.tspu.edu.ru/iff/news.html?start=40> (дата обращения: 11.11.2022).

References

1. Fateyeva I. A. *Mediaobrazovaniye: teoreticheskiye osnovy i praktika realizatsii* [Media education: theoretical foundations and implementation practice]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University Publ., 2007. 270 p. (in Russian).
2. Bolotnov A. V. *Tekstovaya deyatel'nost' kak otrazheniye kommunikativnogo i kognitivnogo stiley informatsionno-mediynoy yazykovoy lichnosti* [Text activity as a reflection of the communicative and cognitive styles of an information media linguistic personality]. Tomsk, TsNTI Publ., 2015. 274 p. (in Russian).
3. Sychenkov V. V. *Upravleniye komandoy mediaproekta v regione* [Management of the media project team in the region]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Proceedings of Kazan University. Humanities Series*, 2009, vol. 151, issue 5, part 2, pp. 282–288 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-komandoy-mediaproekta-v-regione> (accessed 01 November 2022).
4. Bagdasarova R. A., Silenko V. A. *Kom'yuniti-bloggerstvo: arkhetypy i brendy* [Community blogging: archetypes and brands]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta – Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2022, no. 12 (1), pp. 161–166 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komyuniti-bloggerstvo-arhetypy-i-brendy> (accessed 01 November 2022).
5. Popova M. I., Sorvina T. A., Fatova S. A. *Kontseptual'naya osnova biznes-planirovaniya kak kompleksnogo obosnovaniya mediaproektov* [Conceptual basis of business planning as a comprehensive justification for media projects]. *Peterburgskiy ekonomicheskyy zhurnal – Petersburg Economic Journal*, 2021, no. 4, pp. 35–42 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-biznes-planirovaniya-kak-kompleksnogo-obosnovaniya-mediaproektov> (accessed 20 October 2022).
6. Kaminskaya T. L. *Kraufding dlya mediaproektov: kommunikativnye praktiki adresatsii* [Crowdfunding for media projects: communicative practices of addressing]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki – Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2021, vol. 10, no. 3, pp. 487–499 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kraufding-dlya-mediaproektov-kommunikativnye-praktiki-adresatsii> (accessed 20 October 2022).
7. Kaminskaya T. L. *Tsifrovoye kom'yuniti kak faktor uspekhov mediaproekta* [Digital community as a factor in the success of a media project]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta – Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2022, no. 12(2), pp. 91–96 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoye-komyuniti-kak-faktor-uspekhov-mediaproekta> (accessed 01 November 2022).
8. Pavlichenko I. A. *Mediaproekty bibliotek kak sredstvo translyatsii nauchno-populyarnykh znaniy* [Media projects of libraries as a means of broadcasting popular science knowledge]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury – Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture*, 2018, no. 1 (34), pp. 105–108 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediaproekty-bibliotek-kak-sredstvo-translyatsii-nauchno-populyarnykh-znaniy> (accessed 01 November 2022).
9. Ryazanova V. A. *Mediaproekt «Arzamas» kak virtual'nyy obrazovatel'nyy muzey* [Media project “Arzamas” as a virtual educational museum]. *Manuscript*, 2018, no. 11 (97), part 1, pp. 165–168 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediaproekt-arzamas-kak-virtualnyy-obrazovatelnyy-muzey> (accessed 01 November 2022).
10. Nazarova M. S., Shesterkina L. P. *Osobennosti primeneniya transmediynogo storitellinga v protsesse sozdaniya nauchno-populyarnogo mediaproekta* [Features of the use of transmedia storytelling in the process of creating a popular science media project]. *Vestnik Uzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of South Ural State University. Series: Social and Humanities Sciences*, 2021, vol. 21, no. 3, pp. 103–110 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-primeneniya-transmediynogo-storitellinga-v-protsesse-sozdaniya-nauchno-populyarnogo-mediaproekta> (accessed 01 November 2022).
11. Ovchinnikova M. M. *Modernizatsiya mediaobrazovatel'nogo proyekta v sootvetstvii s prakticheskoy kontseptsiey mediaobrazovaniya* [Modernization of the media education project in accordance with the practical concept of media education]. *Sovremennaya vysshaya shkola: innovatsionnyy aspekt – Contemporary Higher School: Innovative Aspects*, 2009, no. 4, pp. 55–59 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-mediaobrazovatel'nogo-proyekta-v-sootvetstvii-s-prakticheskoy-kontseptsiey-mediaobrazovaniya> (accessed 01 November 2022).
12. Kaminskaya T. L., Tommingas T. *Yandeks Dzen: novyy mediynyy i obuchayushchiy format* [Yandex Zen: a new media and educational format]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Memoirs of NovSU*, 2020, no. 4 (29) (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yandeks-dzen-novyy-mediynyy-i-obuchayushchiy-format> (accessed 01 November 2022).
13. Sokolov M. V. *Setevoy mediaproekt kak sredstvo formirovaniya gotovnosti k professional'nomu samorazvitiyu budushchego pedagoga* [Network media project as a means of formation of readiness for professional self-development of a future teacher]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*, 2013, no. 10 (83), pp. 68–73 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevoy-mediaproekt-kak-sredstvo-formirovaniya-gotovnosti-k-professionalnomu-samorazvitiyu-budushchego-pedagoga> (accessed 01 November 2022).
14. Fateyeva I. A. *Novyye tekhnologicheskiye formaty mediaobrazovatel'nykh proyektov* [New technological formats of media education projects]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2015, no. 5 (360), pp. 40–46 (in Russian).

15. Podobina D. V. Molodezhnyy mediaproekt v sfere prodvizheniya obrazovatel'nykh uslug: osobennosti vizual'nogo kontenta [Youth media project in the field of promotion of educational services: features of visual content]. *Znak: problemnoye pole media-obrazovaniya – Sign: the problem field of media education*, 2017, no. 3 (25), pp. 41–47 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodezhnyy-mediaproekt-v-sfere-prodvizheniya-obrazovatelnykh-uslug-osobennosti-vizualnogo-kontenta> (accessed 01 November 2022).
16. Sidorkina I. S. Mediaproekty v mediasrede: sposoby sokhraneniya i populyarizatsii etnozhurnalistiki [Media projects in the media environment: ways to preserve and popularize ethnojournalism]. *Ogaryov-Online*, 2018, no. 3 (108) (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediaproekty-v-mediasrede-sposoby-sohraneniya-i-populyarizatsii-etnozhurnalistiki> (Accessed 01 November 2022).
17. Kodanina A. L. Mediaproekty v sotsial'nykh setyakh v aspekte mezhkul'turnogo dialoga (na primere Nizhegorodskogo media-proyekta «Rise_Info») [Media projects in social networks in the aspect of intercultural dialogue (on the example of the Nizhny Novgorod media project “Rise_Info”). *Chelyabinskiy gumanitarniy*, 2021, no. 1 (54), pp. 25–30 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediaproekty-v-sotsialnykh-setyah-v-aspekte-mezhkulturnogo-dialoga-na-primere-nizhegorodskogo-mediaproekta-rise-info> (accessed 01 November 2022).
18. Krysin L. M. *Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory dictionary of foreign words]. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 944 p. (in Russian).
19. Korkonosenko S. G. Media [Media]. *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar'-spravochnik*. Pod redaktsiyey L. R. Duskayevoy [Medialinguistics in terms and concepts: a dictionary-reference book. Ed. L. R. Duskaeva]. Moscow, FLINTA Publ., 2018. Pp. 53–55 (in Russian).
20. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1999. 944 p. (in Russian).
21. Kazak M. Yu. Sovremennyye mediateksty: problemy identifikatsii, delimitatsii, tipologii [Modern media texts: problems of identification, delimitation, typology]. *Medialingvistika: mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal – Medialinguistics: international scientific journal*, 2014, no. 1, pp. 51–76 (in Russian).
22. Agabayeva S. M.-Sh. Mediakonvergeniya: strategiya i taktika ob'yedinennoy direksii informatsionnykh programm telekanala «Rossiya-1» mediakholdinga VGTRK [Media Convergence: Strategy and Tactics of the United Directorate of Information Programs of the Rossiya-1 TV Channel of the All-Russian State Television and Radio Broadcasting Company]. *Chelyabinskiy gumanitarniy*, 2021, no. 1 (54), pp. 39–49 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediakonvergeniya-strategiya-i-taktika-obedinennoy-direksii-informatsionnykh-programm-telekanala-rossiya-1-mediaholdinga-vgtrk> (accessed 01 November 2022).
23. *Itogi III Regional'noy otkrytoy setevoy konferentsii mediaproektov shkol'nikov i studentov «Mediasreda. Lichnost'. Tvorchestvo»* [Results of the III Regional open network conference of media projects of schoolchildren and students “Media environment. Personality. Creation”] (in Russian). URL: <https://www.tspu.edu.ru/iff/news.html?start=40> (accessed 01 November 2022).

Информация об авторах

Болотнов А. В., доктор филологических наук, профессор, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the authors

Bolotnov A. V., Doctor of Philological Sciences, Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 14.11.2022; принята к публикации 17.03.2023

The article was submitted 14.11.2022; accepted for publication 17.03.2023

УДК 3811.161.1'38(075.8)
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-95-102>

Диагностика креативности текста при обучении русскому языку

Елена Александровна Баженова¹, Татьяна Борисовна Карпова²

^{1,2} *Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия*

¹ *bazhenova_e2000@mail.ru*

² *tatyana_2000@mail.ru*

Аннотация

Рассматриваются подходы к интерпретации понятия креативности в лингвистике и смежных науках, ставится задача определения критериев оценивания креативного текста. Креативность понимается как метапредметная компетенция, которая наряду с критическим мышлением, способностью к кооперации и коммуникации входит в систему «мягких навыков». Цель – с опорой на функциональную стилистику, креативную стилистику и теорию языковой личности разработать шкалу оценки креативности текстов, создаваемых школьниками и студентами в рамках изучения русского языка. Вопрос о критериях оценивания креативного текста изучается в междисциплинарном аспекте, т. е. с учетом достижений смежных наук (речеведения, психологии, педагогики, лингводидактики). Эмпирический материал представлен текстами, созданными учащимися средней школы в рамках выполнения творческих заданий по русскому языку. В соответствии с принципами функциональной стилистики текст интерпретируется в единстве содержательной и поверхностно-речевой сторон. Понятие креативной компетенции определяется исходя из трехуровневой структуры языковой личности, включающей вербально-семантический, прагматилистический и когнитивный уровни. При разработке многокритериального подхода к измерению креативности текста особое внимание уделяется развитию креативного речевого поведения обучаемого и мотивации его творческой деятельности. Установлены универсальные критерии диагностики креативности текста. В качестве параметров оценки предлагается учитывать: 1) функциональную грамотность автора текста; 2) наличие общей креативной идеи, подкрепленной фактами и собственной позицией автора; 3) композиционно-смысловую корректность текста (связность и цельность); 4) нетривиальную выразительность речи (наличие и уместность креатива); 5) речевую грамотность. Формирование креативных компетенций в процессе изучения русского языка должно носить системный характер и проводиться в единстве с развитием языковых, лингвистических, коммуникативных и культурологических компетенций. К основным принципам оценивания творческих работ обучаемых отнесены многокритериальный подход к измерению качества креативности, запрет на критику, способную спровоцировать творческую блокаду, использование разных форм оценивания речевых продуктов.

Ключевые слова: креативность, речевая креативность, креативная лингвистика, креативная стилистика, креативный текст, оценка креативного текста

Для цитирования: Баженова Е. А., Карпова Т. Б. Диагностика креативности текста при обучении русскому языку // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 3 (227). С. 95–102. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-95-102>

Diagnostics of text creativity in teaching the Russian language

Elena A. Bazhenova¹, Tatyana B. Karpova²

^{1,2} *Perm State University, Perm, Russian Federation*

¹ *bazhenova_e2000@mail.ru*

² *tatyana_2000@mail.ru*

Abstract

The approaches to the interpretation of the concept of creativity in linguistics and related sciences are considered and the task of defining the criteria for evaluating a creative text is set. Creativity is understood as a meta-subject competence, which along with critical thinking, cooperation and communication abilities is part of the system of “soft skills”. Aim and objectives – to develop the evaluation scale for creativity of texts created by students in Russian language on the basis of functional stylistics, creative stylistics and linguistic personality theory. The question of creative writing evaluation criteria has been studied in an interdisciplinary context, i.e., in the light of related sciences (speech science, psychology, pedagogy, linguistic didactics, and Russian language teaching methods). The empirical material is represented by texts

created by secondary school students as part of creative assignments in Russian language. In accordance with the postulates of functional stylistics the text is interpreted in the unity of the content and surface-speech sides. The notion of creative competence is defined based on the three-level structure of linguistic personality including verbal-semantic, pragmatic-stylistic and cognitive levels. In the development of the multicriteria approach to the measurement of text creativity special attention is paid to the development of the creative speech behavior of a learner and motivation of his creative activity. Universal criteria for diagnosing text creativity have been established. As evaluation parameters it is proposed to take into account: 1) functional literacy of the author of the text; 2) presence of a general creative idea supported by facts and the author's own position; 3) compositional and semantic correctness of the text (coherence and integrity); 4) non-trivial expressiveness of speech; 5) speech literacy. Formation of creative competences in the process of Russian language learning should be systematic and be conducted in unity with the formation of linguistic, linguistic, communicative and cultural competences. The main principles of assessing students' creative works include multi-criteria approach to measuring the quality of creativity; prohibition of criticism that can provoke creative blockage; different forms of text assessment.

Keywords: *creativity, speech creativity, creative linguistics, creative stylistics, creative text, creative text evaluation*

For citation: Bazhenova E. A., Karpova T. B. Diagnostics of text creativity in teaching the Russian language [Diagnostics of text creativity in teaching the Russian language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 3 (227), pp. 95–102 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-95-102>

Введение

Анализ глобальных трансформаций содержания школьного образования привел международное образовательное сообщество к необходимости взять курс на универсальные, метапредметные компетентности [1, 2]. Это значит, что общее образование должно формировать, помимо предметных, так называемых «жестких навыков» (hard skills), «мягкие навыки» (soft skills) – компетенции 4К: критическое мышление, креативность, способность к кооперации и коммуникации. Работодатели в XXI в. все больше заинтересованы в сотрудниках, умеющих критически мыслить и креативно решать задачи. В условиях многомерности, многозадачности развития современной цивилизации общество заинтересовано в так называемом творческом классе (creative class). В связи с этим очевидно, что приоритетной задачей в системе общего и высшего образования становится разработка новых парадигмальных оснований организации педагогического процесса, в частности обучение способам творческого мышления и творческой деятельности, иными словами, развитие креативных способностей обучающихся.

В разработку проблемы креативности внесли значительный вклад как отечественные, так и зарубежные исследователи в области психологии (см. труды Дж. Гилфорда, С. Медника, К. Тейлора, П. Торранса, В. И. Андреева, В. И. Загвязинского, Е. П. Ильина, Д. Б. Богоявленской и др. [3–6]) и педагогики (см. работы А. Г. Алейникова, В. Г. Рындак, М. М. Зиновкиной и др. [7–10]). К настоящему моменту понятие креативности рассмотрено как многофакторное явление (способность к интеллектуальному творчеству, необычное кодирование информации, нетрадиционное мышление, дивергентное мышление, связанное с готовностью индивида

выдвигать множество правильных идей относительно одного и того же объекта и др.), определены параметры креативного мышления (беглость и гибкость мысли, способность порождать оригинальные идеи, любознательность, способность разрабатывать гипотезы, формировать новые навыки и др.).

Нас интересует креативность с лингвистической точки зрения – ее проявление на уровне текста как продукта креативной деятельности языковой личности. Идея креативности речевого творчества, речевой творческой индивидуальности раскрыта в трудах М. Н. Кожиной, Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой, Т. А. Гридиной и других ученых [11–15], положивших начало формированию нового лингвистического направления – креативной стилистики. Разделяя подходы к теоретическому обоснованию этой науки, считаем необходимым обратиться к ее дидактическому аспекту, а именно обсуждению критериев оценивания креативности текста при обучении русскому языку в школе и вузе.

Материал и методы

Поскольку вопрос о критериях оценивания креативного текста рассматривается с опорой на достижения смежных наук, теоретическим материалом данного исследования послужили научные работы по психологии, педагогике, лингводидактике, методике преподавания русского языка, а также основополагающие труды по функциональной стилистике М. Н. Кожиной и ее последователей – Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой и др. Эмпирический материал представлен текстами, созданными учащимися средней школы в рамках выполнения творческих и олимпиадных заданий по русскому языку.

В соответствии с важнейшим принципом функциональной стилистики креативность письменно-

го текста интерпретируется в единстве содержательной и поверхностно-речевой сторон. Понятие креативной компетенции определяется с учетом теории языковой личности, в рамках которой речевая креативность соотносится с вербально-семантическим, прагматическим и когнитивным уровнями языковой личности.

При разработке многокритериального подхода к измерению креативности текста отдельное внимание уделяется задаче развития креативного речевого поведения обучаемого и учету возможных негативных последствий низкой оценки для мотивации его творческой деятельности.

Результаты и обсуждение

Очевидно, что сферы коммуникации характеризуются разной степенью проявления творческого начала. О речевой креативности в применении к

современным текстам разных функциональных стилей мы писали ранее [16]. Естественно предположить, что и оценивание определенных типов креативных текстов характеризуется своей спецификой, однако мы все же попытаемся обосновать некие универсальные критерии, которые бы подошли для оценивания любого креативного текста. Предлагаемые критерии креативности текста установлены на основе изучения научной литературы, а также на основе личного профессионального опыта, полученного в ходе многолетней преподавательской работы со школьниками и студентами.

Степень креативности предлагается дифференцировать посредством условной шкалы баллов 0–1–2, где 0 баллов означает отсутствие креативности, 1 балл – частичную креативность, 2 балла – высокую креативность (таблица).

Критерии оценивания креативности текста

Критерии	Баллы		
	2 балла	1 балл	0 баллов
1. Функциональная грамотность	Стиль и жанр текста адекватно отражают коммуникативную ситуацию; стилистические средства использованы корректно	Стиль и жанр текста лишь частично соответствуют коммуникативной ситуации; не все стилистические средства использованы корректно	Текст не соответствует предложенной ситуации; стилистические средства использованы некорректно
2. Наличие общей креативной идеи, подкрепленной фактами и собственной позицией автора текста	В тексте содержится оригинальная идея, подкрепленная достаточным количеством фактов; позиция автора выражена отчетливо	Основная идея прослеживается, но не является оригинальной; для раскрытия идеи недостаточно фактов; авторская позиция выражена нечетливо	Основная идея не прослеживается; текст не отображает авторскую позицию
3. Композиционно-смысловая корректность текста (связность и цельность)	Текст характеризуется логичным абзачным членением и гармоничной композицией	Есть нарушения в композиционно-смысловом развертывании текста	В тексте отсутствуют связность и цельность
4. Нетривиальная выразительность речи (наличие и уместность креатива)	Уместно использованы оригинальные и разнообразные ресурсы языка	Преобладают стандартные ресурсы языка	Неудачный выбор ресурсов языка; отсутствие выразительности
5. Речевая грамотность	Орфографические, пунктуационные и речевые ошибки отсутствуют	Имеются отдельные орфографические, пунктуационные и речевые ошибки	Большое количество ошибок разного рода

Как следует из состава критериев, диагностика креативности на первый взгляд в равной степени основывается на оценке содержания и формы текста. Однако все же подчеркнем приоритетность первого – содержательного – критерия. Приоритет содержательной стороны речевого произведения всегда должен осознаваться его создателем, в противном случае креативность может оказаться формальной, а значит, не будет свидетельствовать об истинной изобретательности ума и способности автора к воображению и фантазии.

Добавим к вышесказанному, что первостепенность критерия «Функциональная грамотность» определяется функционально-стилистической парадигмой, из которой мы исходим при оценке речевого продукта. Очевидно, что в условиях учебного процесса задание по продуцированию текста носит условный, в определенной мере игровой характер. Но при этом обучаемый должен показать, что ему ясна коммуникативная ситуация, заявленная в задании, понятны ее цели, роли участников, учтены и другие экстралингвистические факторы, оказы-

вающие влияние на текстообразование и определяющие основную стилистическую тональность будущего текста.

Последний критерий («Речевая грамотность»), пожалуй, меньше всех предыдущих связан с проявлением креативности, однако вряд ли можно от него отказаться. Вероятно, речевой продукт с большим количеством различных ошибок и может быть в каком-нибудь отношении креативным (например, намеренный аграмматизм в рекламном тексте может интерпретироваться как креатема), но все же его трудно признать полноценным, качественным (тем более в учебной ситуации), поскольку грубое, ничем не оправданное нарушение норм литературной речи в любом случае снижает эстетические качества текста.

Далее продемонстрируем, как «работают» предложенные критерии оценивания креативности текста. Сначала покажем это на примере эксперимента екатеринбургских коллег, направленного на изучение вербальной креативности учащихся 8-го класса.

Школьникам было предложено образовать от стимульного слова «смех» название места «обитания/нахождения» (локализации) смеха (страна, город, село, деревня, улица, материк, планета, остров, гора, река и тому подобные топонимические ориентиры); название жителей соответствующего места «обитания» смеха; названия единиц «измерения» смеха; названия средства избавления от смеха и средств для вызывания смеха (лекарство); название приборов для производства смеха; другие произвольные номинации, связанные с различными признаками смеха [14, с. 47]. Используя придуманные номинации, учащиеся составляли небольшие тексты. Для примера сравним и прокомментируем два из них:

1. *В городе Смехляндии живут жители смеховцы. Они живут в домах из винограда. В городе Смехляндии есть улица Смешунька, на этой улице ходят человечки, у которых на головах растут ананасы, и когда человечки шевелят бровями, то ананасы танцуют.*

2. *В городе Верхняя Смехня на 12-м смехометре была школа «смехНАпять». Все ученики в ней знали смех на «пять». Они очень любили ходить в свою школу. На уроке ХАХАБЖ – учились оказывать первую щекотку. На смехфизике – определять силу смеходжоуля. Целый день они веселились и смеялись. На уроке литературы – рассказывали анекдоты. Так и проходил день в Верхней Смехне.*

Как можно заметить, тексты различаются по степени выраженности в них креативного начала. Для объективации оценки применим предложенные критерии.

В первой работе остается неразвернутой (практически отсутствует) сама идея: как связана «фрук-

товая» тема (дома из винограда, ананасы на головах жителей города) с желанием жителей смеяться; неясно, зачем смеяться, зачем ананасам танцевать. Иными словами, конкретные детали описания вымышленного города и его жителей не проясняют концепцию автора и его замысел (например, это могла быть идея города со счастливыми, а потому смеющимися людьми). То есть по второму критерию мы бы поставили 0 баллов. По первому – 1 балл, поскольку в тексте пусть частично, но все же реализована общая установка описать вымышленную локацию, связанную со стимульным словом смех. Что касается формы текста, то она весьма неяркая, тривиальная. Состав индивидуально-авторских образований незначителен (город Смехляндия, улица Смешунька, жители смеховцы), описание разворачивается на основе типичной пропозиции: дома – улицы – люди; жители – особенности их внешности и занятий (зачем-то ходят по улице). Текст характеризуется незавершенностью, его объем невелик. В тексте имеются многочисленные лексические повторы, тавтология. Поэтому по третьему, четвертому и пятому критериям он заслуживает оценки в один балл. В целом первый текст мы бы оценили в 4 балла из 10 возможных.

Второй текст насыщен интересными окказиональными наименованиями, которые концентрируются вокруг концепта «школа». Содержание номинаций, обозначающих школьные дисциплины, обыгрывается с помощью единиц ассоциативного поля «смех»: ХАХАБЖ, смехфизика; занятия литературой связываются с рассказыванием анекдотов – типичным смеховым жанром. Работа отмечается нестандартным подходом к решению поставленной задачи, автор проявляет высокую степень креативности на уровне как содержания, так и формы текста. Создатель текста, творчески вовлеченный в ситуацию языковой игры, воплотил идею радостного процесса обучения в любимой школе, все фактологические детали направил на раскрытие общего замысла, придумал выразительные, оригинальные креатемы. С нашей точки зрения, эту работу можно оценить высшим баллом.

Приведем другой пример текста с высокой степенью креативности: *Утро. Чашка. Телефон. Зум. Уроки. Снова сон. Завтрак. Кофе. Телефон. Зум. Домашка. Снова сон.* В данной небольшой, но, безусловно, творческой работе ученица 9-го класса, используя номинативные предложения и задавая им определенный ритм, описывает, согласно полученному заданию, свой распорядок дня во время дистанционного обучения. Креативность текста обусловлена использованием существительных в назывных предложениях, характеризующих цикличность, однотипность и скучную повторяемость со-

бытий жизни и школьных реалий (домашка, зум) «ковидного» времени.

Ниже приведем два текста, автор которых (ученик 8-го класса) проявляет очевидные креативные способности, выполняя задание по стилистической трансформации текста русской народной сказки (передает финал сказки «Колобок» средствами разных стилей и жанров):

Трагедия. Глава последняя

Колобок (жалобно): *Неужто ты меня убьешь?*

Лиса (свирепо): *Ага, сейчас достану нож!!!*

Колобок (умоляюще): *Но я так молод, полон сил!*

Лиса (ехидно): *А кто идти тебя просил через опушку эту, а раз пошел по ней, тогда – прощайся с белым светом.*

Лиса поднимает нож. Колобок падает на колени.

Колобок (трагически): *Все кончено, я умираю. О, Боже мой, как я страдаю. Зачем я убежал от них, от них – родителей моих? Меня бы съели с молоком, я был бы пищей за чайком. Ну а сейчас – лисе на зуб! О, горе мне! Как я был глуп. Умру, как жалкая блоха...*

Лиса (злорадно): *Каков поэт! Ха-ха-ха-ха!!!*

Занавес.

Информационная заметка в газете

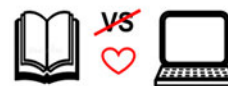
Убийства:

Сегодня, около двух часов пополудни, на опушке леса был убит Б.Д. Колобок 2015 года рождения. Убийца скрылся. Его приметы: рыжая шерсть, уши торчком, длинный и пушистый хвост. Всем, что-либо знающим о местонахождении убийцы, просьба сообщить в лесную полицию по адресу: ул. Сосновая, 26.

Как видим, автору этих текстов удалось отлично справиться с поставленной задачей. Жанр трагедии в первом тексте выбран не случайно: подобные произведения, как правило, заканчиваются трагическим для персонажей исходом (смертью), аналогичная ситуация наблюдается, как известно, и в сказке «Колобок». Интерпретировав исходный текст, автор наполнил его новым содержанием: лиса стремится убить героя ножом, колобок падает на колени (ассоциация с человеческим телом), произносит предсмертный монолог. В стихотворной форме представлены реплики героев, при этом поэтизмы намеренно (нестандартно, с юмором!) употреблены в сочетании с разговорной лексикой и фразеологическими оборотами. Предпринята удачная попытка создать свой текст в соответствии с традициями произведений драматического жанра (в тексте содержатся многочисленные ремарки). Во втором тексте выдержана стилистика жанра новостной заметки, а потому получившийся речевой продукт обладает краткостью, фактологической точностью, содержит детальный анализ события.

Текст интересен тем, что в нем сказочные явления осмысливаются сквозь призму реальной жизни: номинация Колобок соотносится с фамилией пострадавшего, указывается дата его рождения, лесная полиция имеет конкретный адрес. Данные тексты, безусловно, креативны, они демонстрируют нестандартное, творческое мышление школьника.

Формировать креативность мышления и способность создавать креативные тексты может не всякий учитель, а лишь тот, кто сам обладает этой способностью [17]. Даже понимая, что процент креативных текстов, которые могут продуцировать его ученики, невелик (по нашим наблюдениям, весьма невелик!), педагог изобретает все новые и новые нестандартные, по-настоящему творческие, поэтому непростые задания. Например, придумать и прокомментировать пиктограмму, в которой невербальными средствами была бы выражена важная для современного мира идея. Приведем удачный, на наш взгляд, результат выполнения этого задания ученицей 9-го класса:

Долгие столетия основным источником информации была книга. В XX веке появился новый информационный канал – компьютер. Сейчас мир переживает уже четвертую информационную революцию (появление компьютера после появления письменности, книгопечатания, радио и телевидения). Многие стали противопоставлять книгу и компьютер, но будущее за их объединением. Человечество должно найти способ гармоничного соединения того и другого.

Пиктограмму можно использовать в учебных учреждениях, библиотеках и компьютерных классах.

Еще один пример креативного речевого продукта – лингвистическая тавтограмма, составленная победителем олимпиады Пермского края по русскому языку (задание – составить 15 предложений, в каждом из которых слова начинались бы с одной буквы):

1. *Всё воскресенье выпускников волновал вопрос:*
2. *«Какая коммуникация квалифицируется как креативная?»*
3. *Например, наверное, НЕ нейтральная.*
4. *Адресант адресату адаптирует анекдот.*
5. *Такая трансформация трактуется третьим.*
6. *Эпатажность этого эксперимента эпатирует.*
7. *Вокруг «воркующих» все веселятся.*
8. *Каждому когда-то казаться креативным!*

9. Перечислим **правила подобной прагматики**:
10. Соотноси **ситуацию с содержанием сообщения**.
11. **Безжалостно блокируй бесспорную бредятину**.
12. **Функционально формируй фокус фраз**.
13. **Исключи использование инвектив и иностилевого**.
14. **Предложи партнеру полный паритет**.
15. **Объективная оценка опыта обеспечена!**

Ценно то, что автор тавтограммы проявил высокий уровень креативности не только на уровне формы (для выполнения задания было достаточно придумать 15 разрозненных, а не объединенных общей темой предложений), но и сумел облечь в эту форму концептуальное содержание: описал правила креативной коммуникации, демонстрируя отличное владение языком, включая лингвистическую терминологию.

Заключение

Представленные в данной статье материалы позволяют говорить о необходимости формирования у обучаемых креативных компетенций. Применительно к русскому языку это значит формировать их вместе с языковыми, лингвистическими, коммуникативными и культурологическими компетенциями. Для создания оригинальных продуктов речевой деятельности креативная языковая личность должна обладать лингвостилистической культурой, овладеть ресурсами языка, базовыми концептами языковой картины мира, навыками создания текста и приемами эффективной коммуникации.

Опираясь на модель анализа языковой личности [18], мы считаем целесообразным выделить низкую, среднюю и высокую степень развития кре-

тивной компетентности языковой личности школьника на следующих уровнях:

– *вербально-семантическом* – владение нормами литературного языка, лингвистической терминологией, арсеналом выразительных средств языка, стилистическими и др. трансформациями текста, создание оригинальных инноваций (словотворческих, образных, связанных с языковой игрой и др.);

– *прагматилистическом* – написание текстов разных жанров с использованием различных функционально-смысловых типов речи, отбор языковых средств в соответствии с целью, темой и коммуникативным замыслом, создание оригинальных, нетривиальных (по содержанию и форме) речевых продуктов;

– *когнитивном* – широкий спектр культурологических знаний, трансляция духовно-нравственных ценностей, владение культурой общения, использование прецедентных единиц.

Целью оценивания креативности текста должна стать не оценка сама по себе, а задача корректировки текста как в содержательном плане, так и в «плане выражения». Подчеркнем, что к основным принципам оценивания творческой составляющей письменной работы относятся следующие: многокритериальный подход к измерению качества креативности; запрет на критику, способную спровоцировать творческую блокаду; использование разных форм оценивания (самооценивание, взаимооценивание и др.) [19]. В заключение отметим, что справедливая, продуманная, обоснованная и доброжелательная оценка способна стать стимулом к развитию креативной речевой деятельности, а постоянные тренировки в креативном письме делают его привычным занятием.

Список источников

1. Фрумин И. Д., Добрякова М. С., Баранников К. А. и др. Универсальные компетентности и новая грамотность: чему учить сегодня для успеха завтра. Предварительные выводы международного доклада о тенденциях трансформации школьного образования. М.: НИУ ВШЭ, 2018. URL: <https://publications.hse.ru/books/228988538> (дата обращения: 25.06.2022).
2. Авдеев Н. А., Демидова М. Ю., Ковалева Г. С. и др. Основные подходы к оценке креативного мышления в рамках проекта «Мониторинг формирования функциональной грамотности» // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 1, № 4 (61). С. 124–145.
3. Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб.: Питер, 2009. 444 с.
4. Богоявленская Д. Б. Психология творческих способностей. М.: Академия, 2002. 320 с.
5. Богачева Н. В., Войскунский А. Е. Компьютерные игры и креативность: позитивные аспекты и негативные тенденции // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6, № 4. С. 29–40.
6. Корнилова Т. В., Шестова М. А., Павлова Е. М. Эмоциональная креативность в системе связей с эмоционально-личностной сферой и имплицитными теориями креативности // Психологический журнал. 2020. Т. 41, № 4. С. 19–31.
7. Алейников А. Г. О креативной педагогике // Вестник высшей школы. 1989. № 12. С. 29–34.
8. Зиновкина М. М. Креативное образование XXI века (теория и практика). М.: МГИУ, 2007. 306 с.
9. Рындак В. Г. Педагогика креативности. М.: Университетская книга, 2012. 284 с.
10. Утемов В. В. и др. Креативная педагогика. М.: Юрайт, 2022. 237 с.
11. Кожина М. Н. О языковой и речевой экспрессии и ее экстралингвистическом обосновании // Речеведение. Теория функциональной стилистики: избранные труды. М.: Флинта: Наука, 2014. С. 247–260.

12. Купина Н. А. Креативная стилистика и практическая филология // Стилистика сегодня и завтра: материалы конференции. Ч. I. М.: Факультет журналистики МГУ, 2014. С. 140–144.
13. Купина Н. А. Креативная стилистика. М: Флинта: Наука, 2014. 181 с.
14. Гридина Т. А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива – 1. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. С. 5–58.
15. Иванова М. В., Клушина Н. И. Когнитивные возможности языка в интернет-коммуникации // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 1 (103). С. 52–62.
16. Баженова Е. А., Карпова Т. Б. Креативная стилистика: онтология и дидактика // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2022. Вып. 2 (220). С. 135–143.
17. Брякова И. Е. Методическая система формирования креативной компетентности студентов-филологов педагогического вуза: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2010. 51 с.
18. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
19. Макарова Ю. А. Оценивание иноязычных креативных текстов студентов как методическая проблема // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2016. № 4 (24). С. 196–203.

References

1. Frumin I. D., Dobryakova M. S., Barannikov K. A. et al. *Universal'nye kompetentnosti i novaya gramotnost': chemu učit'segodnya dlya uspekha zavtra. Predvaritel'nye vyvody mezhdunarodnogo doklada o tendentsiyakh transformatsii shkol'nogo obrazovaniya* [Universal Competencies and New Literacies: What to Teach Today for Success Tomorrow. Preliminary Conclusions of an International Report on Trends in School Transformation]. Moscow, HSE Publ., 2018 (in Russian). URL: <https://publications.hse.ru/books/228988538> (accessed 25 June 2022).
2. Avdeyenko N. A., Demidova M. Yu., Kovaleva G. S. et al. Osnovnye podkhody k otsenke kreativnogo myshleniya v ramkakh proekta «Monitoring formirovaniya funktsional'noy gramotnosti» [Key Approaches to Assessing Creative Thinking in the Functional Literacy Monitoring Project]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*, 2019, vol. 1, no 4 (61), pp. 124–145 (in Russian).
3. Il'in E. P. *Psikhologiya tvorchestva, kreativnosti, odarennosti* [Psychology of Creativity and Giftedness]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2009. 444 p. (in Russian).
4. Bogoyavlenskaya D. B. *Psikhologiya tvorcheskikh sposobnostey* [The Psychology of Creativity]. Moscow, Akademiya Publ., 2002. 320 p. (in Russian).
5. Bogacheva N. V., Voyskunskiy A. E. Komp'yuternye igry i kreativnost': pozitivnye aspekty i negativnye tendentsii [Computer games and creativity: positive aspects and negative trends]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya – Journal of Modern Foreign Psychology*, 2017, vol. 6, no 4, pp. 29–40 (in Russian).
6. Kornilova T. V., Shestova M. A., Pavlova E. M. Emotsional'naya kreativnost' v sisteme svyazey s emotsional'no-lichnostnoy sferoy i implitsitnymi teoriyami kreativnosti [Emotional creativity in a system of links to the emotional-personal sphere and implicit theories of creativity]. *Psikhologicheskii zhurnal – Journal of Psychology*, 2020, vol. 41, no. 4, pp. 19–31 (in Russian).
7. Aleynikov A. G. O kreativnoy pedagogike [On Creative Pedagogy]. *Vestnik vysshey shkoly*, 1989, no. 12, pp. 29–34 (in Russian).
8. Zinovkina M. M. *Kreativnoye obrazovaniye XXI veka (Teoriya i praktika)* [Creative Education for the 21st Century (Theory and Practice)]. Moscow, MSIU Publ., 2007. 306 p. (in Russian).
9. Ryndak V. G. *Pedagogika kreativnosti* [The Pedagogy of Creativity]. Moscow, Universitetskaya kniga Publ., 2012. 284 p. (in Russian).
10. Utemov V. V. et al. *Kreativnaya pedagogika* [Creative Pedagogy]. Moscow, Yurayt Publ., 2022. 237 p. (in Russian).
11. Kozhina M. N. O yazykovoy i rechevoy ekspressii i eye ekstralingvisticheskom obosnovanii [On Language and Speech Expression and Its Extra-linguistic Justification]. *Rechevedenie. Teoriya funktsional'noy stilistiki: izbrannye trudy* [Speech studies. Theory of Functional Stylistics: Selected Works]. Moscow, FLINTA: Nauka Publ., 2014. P. 247–260 (in Russian).
12. Kupina N. A. Kreativnaya stilistika i prakticheskaya filologiya [Creative Stylistics and Practical Philology]. *Stilistika segodnya i zavtra: materialy konferentsii* [Stylistics Today and Tomorrow: Conference Proceedings]. Moscow, MSU, Faculty of Journalism Publ., Issue 1. 2014. P. 140–144 (in Russian).
13. Kupina N. A. *Kreativnaya stilistika* [Creative Stylistics]. Moscow, Flinta Publ., 2014. 182 p. (in Russian).
14. Gridina T. A. K istokam verbal'noy kreativnosti: tvorcheskkiye evristiki detskoy rechi [To the Origins of Verbal Creativity: Creative Heuristics of Children's Speech]. *Lingvistika kreativa* [The Linguistics of Creativity]. Ekaterinburg, USPU Publ., 2013. Issue 1. P. 5–58 (in Russian).
15. Ivanova M. V., Klushina N. I. Kreativnye vozmozhnosti yazyka v internet-kommunikatsii [Creative Possibilities of Language in Internet Communication]. *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki – Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences*, 2021, no 1 (103), pp. 52–62 (in Russian).
16. Bazhenova E. A., Karpova T. B. Kreativnaya stilistika: ontologiya i didaktika [Creative Stylistics: Ontology and Didactics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2022, vol. 2 (220), pp. 135–143 (in Russian).

17. Bryakova I. E. *Metodicheskaya sistema formirovaniya kreativnoy kompetentnosti studentov-filologov pedagogicheskogo vuza. Avtoref. dis. ... dokt. ped. nauk* [The Methodological System of Forming Creative Competence of Students of Philology in Pedagogical Higher Education Institution. Abstract of thesis ... doct. ped. sci.]. Saint Petersburg, 2010. 51 p. (in Russian).
18. Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [The Russian Language and Linguistic Personality], Moscow, Nauka Publ., 1987. 263 p. (in Russian).
19. Makarova Yu. A. Otsenivaniye inoyazychnykh kreativnykh tekstov studentov kak metodicheskaya problema [Assessment of Students' Foreign-language Creative Texts as a Methodological Problem]. *Professional'noye obrazovaniye v Rossii i za rubezhom – Professional Education in Russia and Abroad*, 2016, no. 4 (24), pp. 196–203 (in Russian).

Информация об авторе

Баженова Е. А., профессор кафедры русского языка и стилистики, Пермский государственный национальный исследовательский университет (ул. Букирева, 15, Пермь, Россия, 614068).

Карпова Т. Б., доцент кафедры русского языка и стилистики, Пермский государственный национальный исследовательский университет (ул. Букирева, 15, Пермь, Россия, 614068).

Information about the author

Bazhenova E. A., Professor in the Department of Russian Language and Stylistics, Perm State University (ul. Bukireva, 15, Perm, Russian Federation, 614068).

Karpova T. B., Associate Professor in the Department of Russian Language and Stylistics, Perm State University (ul. Bukireva, 15, Perm, Russian Federation, 614068).

Статья поступила в редакцию 28.01.2023; принята к публикации 17.03.2023

The article was submitted 28.01.2023; accepted for publication 17.03.2023

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-103-111>

Коммуникативно-деятельностный подход к негомогенным текстам институциональной направленности

Лариса Олеговна Бутакова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия, larisabut@rambler.ru

Аннотация

Порталы городского и регионального руководства отражают требование обязательности общения официальных властей с населением в виртуальной среде, институциональны по дискурсивной направленности, содержат негомогенные средства передачи информации и оформления коммуникации. Официальный портал администрации г. Омска (<https://www.admomsk.ru/web/guest/main>) рассматривается в аспекте коммуникативно-деятельностного подхода с целью установления способов передачи информации, организации общения с разными группами адресата, функций вербальных и иных регулятивов. Теоретическая значимость исследования состоит в применении двухэтапной методологии, включающей оценку регулятивов разной природы, установление их взаимосвязи с когнитивными и коммуникативными моделями виртуальной среды, выявление текстов, сориентированных на социально ограниченного адресата, установление их разноуровневого состава. Практическая значимость связана с характером полученных результатов, касающихся наличия в структуре портала типового навигационного каркаса с простой системой линейных вертикальных и горизонтальных связей, представленности на содержательном уровне взаимосвязанных вербальных и визуальных компонентов, обусловленности их соотношения целями раздела, актуальностью информации для адресанта и адресата, значимостью поликодовых моделей, передающих региональную информацию, воздействующих на эмоциональную сферу адресата – жителя города. В результате исследования были сделаны выводы о ведущей роли в реализации стратегии информирования тематического, логического, сюжетно-композиционного уровней контента и его частей, функционировании многоплановой системы регулятивов, наличии эксплицитных визуальных (горизонтальных) регулятивов, локализирующих внимание адресата с помощью цвета, размера, пространственного расположения, репрезентирующих определенную тему, проблему, информацию, визуальных вертикальных регулятивов, связанных с призывами к конкретным действиям, визуальных скрытых регулятивов (фотографий, инфографики, воздействующих на эмоциональную и эстетическую сферы адресата, диаграмм, графиков, таблиц, служащих для концентрации большого объема информации, упрощения ее восприятия), существование которых обнаруживается только после открытия гиперссылок, эксплицитных вербальных горизонтальных и вертикальных регулятивов, номинирующих разделы контента, гиперссылок, передающих информацию и через нее лексическими, стилистическими, цифровыми, графическими средствами осуществляющих «якорение» внимания адресата, полимодальных регулятивов.

Ключевые слова: негомогенные тексты, поликодовый текст, мультимодальный текст, коммуникативная, структурная, смысловая, когнитивная организация текста, коммуникативно-деятельностный подход, регулятив, институциональный дискурс

Для цитирования: Бутакова Л. О. Коммуникативно-деятельностный подход к негомогенным текстам институциональной направленности // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 2 (226). С. 103–111. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-2-103-111>

Communicative and activity approach to non-homogeneous institutional texts

Larisa O. Butakova

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, larisabut@rambler.ru

Abstract

Non-homogeneous (polycode, polymodal, multimodal) texts have long become part of modern communication (both media and official business). The requirement for mandatory communication of official authorities, public and party organizations with the population in a virtual environment has given rise to official portals of regional governments, ministries at various levels, and city administrations. These virtual objects are institutional because they have a discursive orientation, specific means of information transfer and communication design. The communicative-activity approach is applicable to the texts contained on the official portals of the city administration (in this article we are talking about the vir-

tual portal of the Administration of Omsk Omsk. rf, located at: <https://www.admomsk.ru/web/guest/main>). The purpose of the article is to evaluate the ways of transmitting information, organizing communication with different age and social groups of the addressee in terms of the manifestation in them of visual, verbal, multimodal regulators that implement communicative and cognitive models of the virtual institutional environment. Material for this study: texts posted on the virtual portal of the administration of the city of Omsk (Omsk. rf.). The research methodology includes two stages: 1. Evaluation of visual, verbal, multimodal regulators, their communicative orientation in terms of expressing communicative and cognitive models of the virtual institutional discursive environment; 2. Identification of texts aimed at certain social and age groups of addressees, establishing their informational, semantic, communicative, cognitive composition as an environment for forming the image of the addressee and addressee. The main results of the analysis of the form and content of the portal showed the following. The portal structure includes a typical navigation frame with a fairly simple system of linear vertical and horizontal links. The content level is represented by interconnected verbal and visual components. Their different ratio in different parts of the content, the quality and quantity of inhomogeneous units is due to the goals of the section (transmission of information / impact on the emotive, aesthetic sphere of the addressee), the relevance of the information contained for the addresser and addressee. The communicative and cognitive levels form verbal and visual communicative and cognitive models that convey a predominantly regional formation, affecting the emotional sphere of an addressee that is indefinite in social, gender, age terms - a city resident, establishing an interactive connection with the latter. The communicative-activity approach to a non-homogeneous text of an institutional type - the official portal of the Administration of the city of Omsk, showed a variety of means of communication (visual and verbal), one-sidedness of communication, typical for virtual objects of this level. The method of designating a collective addresser is indicated in the name of the portal through an indication of ownership (portal of the Administration of Omsk), corresponds to the legal norms of institutional discourse. The category of the addresser is specified at the factual level in the part of the portal "Administration" with the help of the Mayor's personal page, description of the Mayor's office, legal grounds for activity, etc. The addresser's communication is focused on a regionally limited collective addressee - residents of Omsk (Omsk). Less often, the addressee is limited by territory, age, social group. The category of the addressee in the texts of the portal is expressed by indirect means - the names of age social, gender and other groups and their representatives in the headings of the content and within the texts that fill it. Special appeals to an indefinite addressee are single, associated with current events in the city, weather, etc. The structure of the horizontal-vertical links of the portal's navigation frame, the "duplication" of the content components in the header and footer parts direct the addressee's attention to the hyperlinks he needs, ensuring comfort and utility of perception. But the titles of these hyperlinks do not reveal the impactful (emotive, expressive, aesthetic) strategies that are found in a number of pieces of content. They are implemented using a variety of static and dynamic infographics, they are found only after opening a hyperlink. The leading means of polycode, polymodal, multimodal implementation of the informing strategy are the thematic, logical, plot-compositional levels of the content of the portal as a whole, texts in its parts. The nominations of hyperlinks and the leads of the texts contained in them, together with the photographs accompanying the links, perform the functions of attracting the reader's attention and informing. The portal contains a multifaceted system of regulators due to the multimodal nature of this virtual object. The system includes: explicit visual (horizontal) regulators that attract and localize the attention of the addressee with the help of color, size, location in the space of the portal interface, creating contrast, meaning a certain topic, problem, information or supplementing it; visual vertical regulators associated with calls for specific actions; visual hidden regulators (photos, infographics - photo report, photo report, photo story, photo tour, performing the functions of influencing the emotional and aesthetic spheres of the recipient's perception; diagrams, graphs, drawings, tables, performing the functions of concentrating a large amount of information, illustrating, simplifying perception), the existence of which is found only after opening hyperlinks; explicit verbal horizontal and vertical regulators that nominate sections of content, hyperlinks, etc., conveying mainly information and through it by lexical, stylistic (a combination of neutral, special and colloquial vocabulary), digital, graphic (font, underlining, color highlighting) means that implement "anchoring" the attention of the addressee; polymodal regulations (video about the professional activities of employees of the City Administration, the mayor, city utilities).

Keywords: *non-homogeneous texts, polycode text, multimodal text, communicative, structural, semantic, cognitive organization of the text, communicative-activity approach, regulative, institutional discourse*

For citation: Butakova L. O. Communicative and activity approach to non-homogeneous institutional texts [Komunikativno-deyatelnostnyy podkhod k negomogennym tekstam institutsional'noy napravlenosti]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 3 (227), pp. 103–111 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-103-111>

Введение

Коммуникативно-деятельностный подход, разрабатываемый Томской школой коммуникативной стилистики, эффективен для анализа текстов разного типа, как собственно вербальных (художественных и нехудожественных), так и совмещающих семиотические единицы разной природы, функционирующих в виртуальном пространстве современной цифровой коммуникации [1–6]. Анализируя особенности кон-

цепции, Н. С. Болотнова отмечает, что «при коммуникативно-деятельностном подходе к тексту в его структуре в коммуникативной стилистике выделены два основных уровня, которые рассмотрены в лингвистическом и экстралингвистическом аспектах:

1) информативно-смысловой, включающий такие подуровни, как предметно-логический (денотативный), тематический, сюжетно-композиционный;

2) прагматический, в котором выделяются следующие подуровни: эмоциональный, образный, идейный» [6, с. 198]. Не менее важны в аспекте опоры на коммуникативно-деятельностный подход к тексту три взаимосвязанных направления коммуникативной стилистики – теории регулятивности, текстовых ассоциаций и смыслового развертывания текста, «отражающих первичную и вторичную текстовую деятельность автора и адресата при порождении текста, его восприятии, смысловой интерпретации и понимании» [6, с. 199].

Учитывая особенности интроспективного анализа негомогенных текстовых объектов виртуальной институциональной дискурсивной среды, акцентируем сущностные составляющие теории регулятивности. Представители Томской школы коммуникативной стилистики подчеркивают возможности указанной теории в области декодирования текста, связывают теорию с текстовой системностью, «организованной замыслом автора», подчеркивают актуальность выделения:

- регулятивных средств на уровне отдельных элементов текста;
- регулятивных структур (стилистических приемов, текстовых парадигм разных типов, ассоциативно-смысловых полей концептов, типов выдвижения);
- способов регулятивности (принципов организации текста);
- регулятивных стратегий, по-разному отражающих организацию автором познавательной деятельности читателя;
- выявления регулятивного эффекта на основе опроса и экспериментальной методики» [6, с. 199].

Последний тип экспериментально-аналитической деятельности не актуален для анализа, предлагаемого в данной статье, но он дает надежные результаты и подтверждает интроспективные процедуры, используется как для текстов анализируемого типа, так и для других негомогенных семиотических объектов [7–10].

Полагаем, что коммуникативно-деятельностный подход вообще и прикладной аспект теории регулятивности в виде выявления регулятивных средств на уровне элементов негомогенного в семиотическом отношении текста институционального типа, существующего в виртуальной среде, может оказаться эффективным при условии установления регулятивных структур, способов регулятивности, регулятивных стратегий, по-разному отражающих организацию адресантом познавательной деятельности адресата. Для описываемой коммуникации фигуры адресанта и адресата специфичны: официальные общероссийские или региональные правительства, мэрии и т. п. представляют себя в формате виртуального портала, часто

не персонализируя и не акцентируя личностную составляющую; адресат такого общения (жители страны, региона) тоже далеко не всегда персонализирован, хотя определенные указания на социальные, возрастные и иные группы могут составлять «выделенного адресата», для которого предназначена та или иная информация, оформленная с помощью набора тех или иных регулятивных стратегий и средств.

Особенности общения официальной власти и ее институтов с народом в виртуальном формате описывались лингвистами в разных аспектах – как часть дискурса массовых коммуникаций [11], совокупность технологий и стратегий [12–14], социально ориентированная виртуальная коммуникация [15], разновидность региональной политической коммуникации [16–19]. Не меньше внимания уделялось специалистами разного профиля структурной и содержательной характеристике веб-порталов и веб-сайтов разного уровня [20–23].

Цель – оценить способы передачи информации, организации коммуникации с разными возрастными и социальными группами адресата в аспекте проявления в них визуальных, вербальных, мультимодальных регулятивов, реализующих коммуникативные и когнитивные модели виртуальной институциональной среды и направляющих познавательную деятельность адресата.

Материал и методы

Материалом для данного исследования являются вербальные и негомогенные (поликодовые, полимодальные, мультимодальные) тексты, размещенные на виртуальном портале администрации г. Омска (Омск. рф.), а также пространство портала как целостный мультимодальный дискурсивный объект.

Методология исследования охватывала два этапа: 1. Оценка визуальных, вербальных, мультимодальных регулятивов, их коммуникативной направленности в аспекте выражения коммуникативных и когнитивных моделей виртуальной институциональной дискурсивной среды. 2. Выявление в контенте виртуального портала текстов, направленных на определенные социальные и возрастные группы адресатов, установление их информационного, семантического, коммуникативного, когнитивного состава как среды формирования образа адресата и адресанта.

Результаты и обсуждение

Портал администрации г. Омска (Омск. рф.) представляет собой объемный по содержащейся информации, стабильно-динамический по характеру изменчивости контента, конвергентный по уровню сближения разнородных электронных тех-

нологий и способов их взаимодействия коммуникативный ресурс с достаточно простой навигацией и выбором оформления на четырех языках: по-русски, English, Deutsch, 中文. Здесь же представлены опции поиска и перехода на вариант портала для слабовидящих (такие опции традиционны, имеют, кроме вербальной, знаковые формы указания). Данный контент заголовочной части портала предполагает, что адресатом может быть хорошо или плохо видящий человек, лицо, говорящее на русском, или английском, или немецком, или китайском языках. Языковая ориентация отражает не только тенденции в сфере экономики, политики, но и акцентирует исторические связи региона и города с определенными этническими группами.

Навигационный каркас портала представляет собой достаточно простую систему линейных вертикальных и горизонтальных связей (о понятии навигационного каркаса и его структуры см. [22]). Он соответствует формальным компонентам, распространенным в структурах сайтов региональных правительств и администраций городов разных стран, состоит из «Заголовка, который включает Меню и Основную область сайта (область основного контента) и Футера» (см. анализ в [23, с. 44–45]). Заголовок – верхняя часть страницы портала, футер (или подвал) – его нижняя часть.

Статичный визуальный компонент заголовочного комплекса интерфейса содержит цветные рисунки – изображения герба, исторических объектов Омска (Тарских ворот, Пожарной каланчи, торговых рядов ул. Ленина (Любинского проспекта)) и современного здания мэрии. В данной части интерфейса портала визуальные компоненты выполняют функции дифференциации (герб сразу же указывает на город) и настройки адресата – на позитивные эмоции (знакомые исторические объекты вызывают положительный эмоциональный отклик у жителей города, у его гостей – интерес). Адресат данной части портала – любой житель г. Омска, Омской области, гости города вне зависимости от возраста, пола, социальной группы. Можно было бы предположить, что история герба, флага города заинтересует невзрослых жителей (школьников в первую очередь), но вербальная составляющая текста обнаруживает ориентацию на взрослых носителей русского языка. Об этом свидетельствует наличие в данной части контента официальных документов (например: *Решения Омского городского Совета от 20 сентября 1995 года № 92 «Об Уставе города Омска» (ред. от 20.04.2022)*, *Решение Омского городского Совета от 16.04.2014 № 221 «О гербе города Омска» (ред. от 20.07.2022)* и т. п.), а также преобладание единиц официально-делового стиля при описании истории герба, флага (например: *В 2014 году Омский городской совет*

принял новые герб и флаг Омска. До 1 января 2016 года их изображения использовались равноправно с принятыми в 2002 году).

Вербально означены в заголовочной части постоянные интерактивные рубрики: *Город, Администрация, Новости, Развитие, Услуги и сервисы, Законодательство, Обращения граждан*. Эти же рубрики повторены со всеми включенными гиперссылками в нижней (футерной) части интерфейса портала, объединенными в комплексы по тематике, что обеспечивает не только удобство (позволяют пользователю быстро добраться до искомого раздела), но и выполняет функцию эффективного воздействия. Указанный контент портала в варианте «заголовочного» расположения не содержит вертикального списка гиперссылок каждой части, зато его наличие в «футерном» расположении дает возможность получить информацию выборочно, без отвлечения на другие части. Например, часть «Город» содержит гиперссылки: *Устав и символика, История, День города, Экскурсия по Омску, Внешние связи, Градостроительство, Культура, Спорт, Меценатство, Окружающая среда и экология*; часть «Администрация» включает гиперссылки: *Мэр, Подразделения, Округа, Коллегиальные органы, Муниципальная служба, Противодействие коррупции, Муниципальный контроль, Информация для СМИ, Пресс-конференции, Избирательное право*.

Кроме этого, каждая из указанных частей контента, означенная гиперссылками, насыщена инфографикой. Особенно это касается части «Город», в которой есть цветные рисунки герба и флага, сопровождаемые вербальными компонентами, значительно уступающими по объему визуальным. Также здесь содержатся фотоотчеты о Дне города – 2022, выставке «Флора – 2022», содержащие карты города и пр., снабженные гиперссылками, переход по которым открывает цветные фотографии каждого объекта, сопровождаемые объемными или небольшими текстами.

Ежегодная выставка «Флора» в данной части контента портала имеет, кроме описанных, вертикальные гиперссылки: *История «Флоры», СМИ о «Флоре», Фотолетопись «Флоры»*. Такое внимание к указанному событию не случайно: ежегодная выставка «Флора» – заметное и любимое горожанами мероприятие, красивое, отражающее креативность создателей (в мероприятии задействованы районы города, агрофирмы, садоводческие товарищества и пр.). Наличие горизонтальных и вертикальных гиперссылок, связанных с обилием визуальных статичных объектов (цветных фотографий), отражающих историю события с 2011 г., воздействует на эмотивную и эстетическую сферы адресата, направлено на формирование позитивных эмоций, оживление воспоминаний.

Раздел «Экскурсия по Омску» информативен в визуальном и вербальном отношении. Не случайно его подзаголовок ориентирован на эмотивное воздействие с помощью средств синтаксиса (парцелированные структуры) и лексики (наименования чувства – с одной стороны, обозначение жанра – с другой): «Сибирь. Омск. С любовью. Экскурсия для омичей и гостей города».

Раздел содержит не только карту города с маркерами важных исторических мест (каждый маркер на карте открывает фотографию с надписью), но и полное описание всех значимых мест города, связанных с его культурой и историей (в этих частях преобладают информативные вербальные компоненты, имеющие заголовки, выполняющие и функции рекламирования, привлечения внимания, «перцептивно-когнитивного крючка»: «Омский узник», «С именем русского классика», «Пристаньца муз», «На весах мироздания», «Омск – белая столица» и пр.

Раздел «Город» имеет экспрессивный подзаголовок «Омск – город будущего!», направленный на эмоциональное воздействие на адресата. Данный раздел содержит различную информацию: справочного типа (географического, исторического, климатического и пр.) – *Город Омск основан в 1716 году. Официально получил статус города в 1782 году. С 1934 года – административный центр Омской области; Площадь Омска – 566,9 кв. км. Координаты города Омска: 55.00° северной широты, 73.24° восточной долготы; Климат Омска – резко континентальный и т. д.*; культурного, спортивного и иного типа. Информация представлена в краткой форме общелитературными вербальными средствами, тесно связанными с цветными визуальными компонентами (фотографиями). Большое количество визуальных средств сконцентрировано в разделах «День года – 2022», «Фотолетопись Дня города». Последний раздел содержит не только фотографии. Он снабжен разнообразными подзаголовками контента, сориентированными на точное означивание ведущих событий и каузирование интереса неопределенного адресата – «15-й “Щит” Сибири»: все легенды Средневековья», «Служилые люди Сибири»: фестиваль нашей истории» и пр.

Раздел «История» охватывает не только подразделы информативного типа, совмещающего вербальные и визуальные компоненты (фотографии, рисунки). В нем есть специальная часть – «Фильмы об истории Омска», включающая цикл фильмов о городе, снятых Тамарой Путинцевой.

Еще одним важным горизонтальным компонентом верхней части интерфейса портала является резко выделяющийся визуально, окрашенный черным цветом видео-, фотоконтент, состав которого

меняется в зависимости от смены актуальных событий жизни города.

Киночасть описываемого горизонтального контента отличается серьезным содержанием, в котором закадровым текстом включенными интервью специалистов ЖКХ, жильцов домов, старших по дому, видеорядом актуализированы концепты «город», «коммунальное хозяйство», «уборка снега», «жизнь горожан», «общество» и пр. Данная часть информирует и ситуативно воздействует стратегиями (адресата убеждают в том, что проблемы есть, но они решаются), связана с проблемами ЖКХ, благоустройства, общества. Она содержит гипер-ссылку *Муниципалитет меняет подход к контролю за работой управляющих организаций*, по которой открывается видео о жизни города и деятельности муниципалитета.

В этой же части интерфейса портала есть включенный поликодовый компонент, направленный на осуществление интеракции населения города с мэром. Компонент содержит фотографию мэра, указание на его официальную страницу «ВКонтакте» и ее адрес.

Основная часть вербальных и визуальных компонентов, призванных активизировать общение населения города с его мэрией, службами городского хозяйства, а также объявления о приеме на работу, подаче обращений граждан, дифференцированные по тематике, трансферы в порталы службы «одного окна», городского транспорта, бюджета для граждан, электронного магазина города Омска, осуществляющего закупки малого объема для муниципальных нужд и пр., сосредоточены в виде вертикальной ленты правой части интерфейса. В этой части преобладают вербальные средства передачи информации, объединенной актуализацией концептов «город», «транспорт», «работа», «бюджет», «тарифы» и пр. Для привлечения внимания пользователей портала применены графические средства – выделение крупным полужирным и жирным курсивом, изменение цвета (на фоне преобладающего черного цвета шрифта данные гиперссылки выделены синим цветом), наличие фона (кремового, зеленого), символических изображений транспорта, денег, аукционного молотка. Они выполняют функцию визуального означивания важных для адресата частей контента.

Тематика разделов такова, что некоторые из них (закупки малого объема) интересуют определенную группу адресата – руководителей организаций и предприятий, желающих участвовать в конкурсе (предложения для него оформлены соответствующим образом на портале электронного магазина). Раздел «Бюджет для граждан» выполняет информативную, обучающую, рекламную и контактную функции. Он построен в виде контента, содержащего

го яркие изображения (рисунки, диаграммы и пр.) каждой части с гиперссылками: *Что такое бюджет, Бюджет города Омска, Исполнение бюджета, Муниципальные программы, Муниципальный дорожный фонд, Конкурс проектов «Бюджет для граждан»* и др. По каждой ссылке раскрывается соответствующее содержание, переданное преимущественно визуально и графически – цветными объемными диаграммами, таблицами, схемами, символами. Вербальные компоненты выступают в качестве пространственных комментариев к визуальным.

Финальными частями вертикальной ленты являются поликодовый и вербальный компоненты, нацеленные на вовлечение жителей г. Омска в опросы. Первый компонент назван «Мой выбор, Мое будущее». Он является приглашением к общественному голосованию на портале Госуслуг, содержит цветные символические обозначения всех сфер жизни, по которым ведется голосование, и кнопку «Участвовать». Второй компонент является исключительно вербальным, имеет наименование «Мнение омичей», содержит приглашение ответить на вопросы в конкретных сферах деятельности городских и областных служб: *Ответьте на 7 вопросов о деятельности муниципалитета в сфере ЖКХ, ремонта дорог и организации транспортного обслуживания*. Адресат задан в номинации раздела – омичи. Кнопка «Участвовать в опросе» открывает страницу портала Правительства Омской области с анкетой.

Вертикальная лента левой части портала – наиболее широкая и длинная. Она содержит новости города, постоянно меняется, разнообразна по содержанию. Каждая гиперссылка в ней выделена полужирным курсивом и величиной шрифта, содержит визуальный компонент небольшого размера – фотографию объекта, события, о которых идет речь, вербальные компоненты, выполненные мелким шрифтом, указывающие на дату и время, рубрику, основную смысловую линию текста (подводку к медийному тексту).

В данной части собраны тексты разных речевых жанров, отражающих стратегии информирования (см. заголовки текстов выше), приглашения (*Омичей приглашают к участию в конкурсе на лучшую кормушку для птиц*), предупреждения-обещания (*За наледь и сосульки на крышах владельцев зданий в Омске ждут крупные штрафы*), напоминания (*Омичам напоминают о правилах пожарной безопасности*; данный текст снабжен поликодовым компонентом красного цвета, вербальная часть которого – призыв (*Соблюдайте правила пожарной безопасности*)). Тексты, реализующие стратегии информирования о прошедших и будущих событиях, преобладают, что соответствует рубрике «Новости» в тематическом, стилевом отношении.

Описываемая часть портала оформлена так же, как новостные ленты виртуальных порталов массмедиа, для которых типичным является графическое, стилистическое, тематическое, семантическое выделение заголовков контента, наличие небольшой фотографии (общего или частного типа), лида, передающего основной смысл текста. Все средства нацелены на привлечение внимания читателя вербальными средствами, информирование. Визуальные компоненты имеют вспомогательный характер. Адресат обозначен не во всех текстах данного контента. Там, где он есть, означен катойконимом *омичи*, описательными номинативами: *жители Советского округа, владельцы зданий*. В заголовках и текстах новостной ленты актуализированы концепты «зима», «ЖКХ», «дом», «транспорт», «спорт», «культура», «безопасность, пожар», «дороги».

Заключительным компонентом интерфейса портала является поликодовый компонент. Одна его половина окрашена в насыщенный голубой цвет, на фоне которого шрифтом разного размера черного цвета выполнен призыв-приказ написать о проблеме (*Не убран мусор, яма на дороге, не горит фонарь? Столкнулись с проблемой – сообщите о ней!*) и содержится кнопка «Написать о проблеме». Вторая половина – разноцветный рисунок, изображающий мальчиков, играющих в футбол, и женщины, везущей ребенка в корзине велосипеда. Вероятно, цветовое решение и изображение именно таких субъектов на фоне приятной городской среды призваны по принципу контраста показать адресату беспроblemное комфортное существование, усилить желание сообщить о проблемах.

Заключение

Коммуникативно-деятельностный подход к негомогенному тексту институционального типа – официальному portalу Администрации города Омска показал разнообразие средств коммуникации (визуальных и вербальных) при общей односторонности коммуникации, что типично для виртуальных объектов такого уровня.

Коллективный адресант передан в наименовании портала через указание на принадлежность (portal Администрации г. Омска), что соответствует правовым нормам институционального дискурса такого типа. Категория адресанта конкретизируется на фактитивном уровне в части портала «Администрация», где есть персональная страница мэра, описан аппарат Мэра, правовые основания его деятельности, структура, направления деятельности и пр.

Коммуникация адресанта в большинстве случаев ориентирована на регионально ограниченного коллективного адресата – жителей г. Омска (омичей). Реже адресат ограничен территориально (жи-

тели Центрального, Первомайского, Советского и пр. округов), возрастом (мальчики и девочки 2011–2013 года рождения и старше, воспитанники детских садов, дети, школьники, ребята), социальной группой (педагоги и учителя, семья, родители, социальные работники, работники транспорта и пр.).

Категория адресата выражена косвенными средствами – наименованиями возрастных, социальных, гендерных и иных групп и их представителей в заголовочных частях контента и внутри текстов, его заполняющих. Специальные обращения к неопределенному адресату единичны, ограничены призывами соблюдать пожарную безопасность, сообщить о проблемах городской среды, выразить мнение о деятельности муниципалитета в сфере ЖКХ, ремонта дорог и организации транспортного обслуживания. «Голос адресата» проявлен в разделе общественного голосования на портале Госуслуг «Мой выбор, Мое будущее».

Простая структура горизонтально-вертикальных связей навигационного каркаса портала, принцип «дублирования» составных частей контента в заголовочной и футерной частях направляют внимание адресата на нужные ему гиперссылки, обеспечивая комфортность и утилитарность восприятия. При этом заголовки этих гиперссылок не позволяют обнаружить воздействующие (эмотивные, экспрессивные, эстетические) стратегии, которые есть в некоторых частях контента. Последние реализуются с помощью разнообразной статической и динамической инфографики, обнаруживаются только после открытия гиперссылки.

Ведущими средствами поликодовой, полимодальной, мультимодальной реализации стратегии информирования являются тематический, логический, сюжетно-композиционный уровни контента портала в целом, текстов его частей. Номинации гиперссылок и лиды текстов, содержащихся в них, в совокупности с фотографиями, сопровождающи-

ми ссылки, выполняют функции привлечения внимание читателя, информирования.

В сложном мультимодальном виртуальном объекте – официальном портале Администрации города Омска – имеется многоплановая система регулятивов. Среди них выделяются: эксплицитные визуальные (горизонтальные) регулятивы, привлекающие и локализирующие внимание адресата с помощью цвета, размера, расположения в пространстве интерфейса портала, создающие контраст, актуализирующие определенную тему, проблему, информацию или дополняющие ее; визуальные вертикальные регулятивы, связанные с призывами к конкретным действиям; визуальные скрытые регулятивы (фотографии, инфографика – фоторепортаж, фотоотчет, фоторассказ, фотоэкскурсия, выполняющие функции воздействия на эмоциональную и эстетическую сферы перцепции адресата; диаграммы, графики, рисунки, таблицы, выполняющие функции концентрации большого объема информации, иллюстрирования, упрощения восприятия). Существование данных регулятивов обнаруживается только после открытия гиперссылок. Выявлены также эксплицитные вербальные горизонтальные и вертикальные регулятивы, номинирующие разделы контента, гиперссылки и т. п., передающие преимущественно информацию лексическими, стилистическими элементами (сочетание нейтральной, специальной и разговорной лексики), цифровыми, графическими средствами (шрифт, подчеркивания, выделение цветом). Их цель – «якорение» внимания адресата (*Омские КТОСы контролируют уборку снега во дворах; Омичей приглашают к участию в конкурсе на лучшую кормушку для птиц; Мэр Омска Сергей Шелест поручил дорожникам ускорить процесс по вывозу снега*). Имеются и полимодальные регулятивы (видео о профессиональной деятельности работников Администрации города, мэра, городских коммунальных служб).

Список источников

1. Болотнов А. В. Текстовая деятельность как отражение коммуникативного и когнитивного стилей информационно-медийной языковой личности. Томск, 2015. 403 с.
2. Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня / под ред. С. В. Сыпченко. Томск, 1992. 309 с.
3. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: учеб. пособие. Томск, 2006. 520 с.
4. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Томск, 2008. 384 с.
5. Болотнова Н. С. Категория диалогичности медиатекста как отражение идиостиля автора // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2021. Т. 20, № 2. С. 7–14. doi: 10.15688/jvolsu2.2021.2.2
6. Болотнова Н. С. Концепция эмотивности В. И. Шаховского в контексте исследований по коммуникативной стилистике текста // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2022. С. 197–202.
7. Сонин А. Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 321 с.
8. Бутакова Л. О. Когнитивная природа восприятия полимодального текста и его психолингвистическое моделирование (на материале рецепции русских и американских мультсериалов) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 21–32.
9. Бутакова Л. О., Козловская Е. А. Воздействующий потенциал и особенности восприятия рекламы детских товаров как части дискурсивного пространства для детей и взрослых // Наука о человеке. 2017. № 1 (27). С. 71–81.

10. Гуц Е. Н., Леонтьева О. А. Восприятие школьниками текстов популярных песен. Теория и практика языковой коммуникации: материалы IX Международной научно-метод. конф. / под ред. Т. М. Рогожниковой. Уфа: РИК УГАТАУ, 2017. С. 63–69.
11. Ключев Ю. В. Дискурс в массовой коммуникации (междисциплинарные характеристики, концепции, подходы) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2013. № 1. С. 207–217.
12. Лукашевич Е. В. Перспективы коммуникативного взаимодействия органов государственной власти Алтайского края с населением (на материале официальных сайтов) // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2014. № 1. С. 91–95.
13. Лукашевич Е. В. Социопсихолингвистический анализ власти Алтайского края. Эффективные модели взаимодействия органов государственной власти и населения в Интернете: сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 86–119.
14. Коммуникации органов государственной власти Алтайского края с населением: стратегии и технологии / под ред. проф. Е. В. Лукашевич. Барнаул: Концепт, 2013. 338 с.
15. Бутакова Л. О. и др. Сайт Пенсионного фонда РФ в аспекте виртуального общения государства с людьми пожилого возраста. Государство – общество – личность: способы речевого взаимодействия / под ред. Л. О. Бутаковой и Н. В. Орловой. Омск: ОмПГУ, 2019. С. 33–59.
16. Лукашевич Е. В. Технологии воздействия и взаимодействия в региональном политическом дискурсе // Филология и человек. 2011. № 4. С. 58–70.
17. Явинская Ю. В. Эмотивная и конативная функции сообщений сайтов органов власти // Современные исследования социальных проблем. Modern Research of Social Problems. 2013. № 9 (29). С. 1–22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotivnaya-i-konativnaya-funktsii-soobscheniy-saytov-organov-vlasti> (дата обращения: 12.01.2023).
18. Сербиновский Б. Ю., Марсуверский А. В. Анализ сайтов администраций субъектов Ростовской области // Вестник науки и образования Северо-Запада России. 2016. Т. 2, № 3. С. 1–10.
19. Юань Минцин. Реконтекстуализация новостной информации в веб-порталах: типы структурных модификаций // Вестник Московского гос. лингвист. ун-та. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 6 (861). С. 31–39. doi: 10.52070/2542-2197_2022_6_861_31
20. Луцинская О. В. Современные конвергентные средства массовой коммуникации: специфика структуры и содержания (на примере портала zvezda.by) // Труды БГТУ. 2020. Серия 4. № 2. С. 71–78.
21. Луцинская О. В. Структурно-организационные и содержательные характеристики медийного дискурса на примере веб-сайта «THE GUARDIAN» // Филология и человек. 2021. № 3. С. 148–172. doi: 10.14258/filichel(2021)3-13
22. Ганчарик Л. Анализ архитектуры информационных сайтов органов государственного управления // Наука и инновации. № 2 (204). Февраль 2020. С. 44–47. URL: <http://innosfera.by/files/2020/2.pdf> (дата обращения: 11.01.2023).
23. Беляев А. А. Навигация как ключевой компонент визуальной организации веб-сайта // Медиаскоп. 2009. Вып. 2. URL: <https://www.mediascope.ru> (дата обращения: 11.01.2023).

References

1. Bolotnov A. V. *Tekstovaya deyatel'nost' kak otrazheniye kommunikativnogo i kognitivnogo stiley informatsionno-mediynoy yazykovoy lichnosti* [Text activity as a reflection of the communicative and cognitive styles of an information-media linguistic personality]. Tomsk, 2015. 403 p. (in Russian).
2. Bolotnova N. S. *Khudozhestvennyy tekst v kommunikativnom aspekte i kompleksnyy analiz yedinit' leksicheskogo urovnya*. Pod redaktsiyey S. V. Sypchenko [Literary text in the communicative aspect and complex analysis of units of the lexical level. Ed. S. V. Sypchenko]. Tomsk, 1992 (in Russian).
3. Bolotnova N. S. *Filologicheskyy analiz teksta: uchebnoye posobiye* [Philological analysis of the text: textbook allowance]. Tomsk, 2006. 520 p. (in Russian).
4. Bolotnova N. S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-tezaurus* [Communicative style of the text: dictionary-thesaurus]. Tomsk, 2008. 384 p. (in Russian).
5. Bolotnova N. S. *Kategoriya dialogichnosti mediateksta kak otrazheniye idiostilya avtora* [The Category of Dialogic Media Text as a Reflection of the Author's Idiosyncrasy]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznaniye – Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2021, vol. 20, no. 2, pp. 7–14 (in Russian). doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.2>
6. Bolotnova N. S. *Kontseptsiya emotivnosti V. I. Shakhovskogo v kontekste issledovaniy po kommunikativnoy stilistike teksta* [Shakhovsky in the context of research on the communicative style of the text]. *Izvestiya VGPU. Filologicheskiye nauki – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2022, pp. 197–202 (in Russian).
7. Sonin A. G. *Modelirovaniye mekhanizmov ponimaniya polikodovykh tekstov. Dis. ... dokt. filol. nauk* [Modeling of the mechanisms of understanding of polycode texts. Diss. ... doct. philol. sci.]. Moscow, 2006. 321 p. (in Russian).
8. Butakova L. O. *Kognitivnaya priroda vospriyatiya polimodal'nogo teksta i yego psikholingvisticheskoye modelirovaniye (na materiale retseptsii russkikh i amerikanskikh mul'tserialov)* [The cognitive nature of the perception of the polymodal text and its psycholinguistic modeling (on the basis of the reception of Russian and American animated series)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2016, no. 4, pp. 21–32 (in Russian). doi: 10.20916/1812-3228-2016-4-21-32
9. Butakova L. O., Kozlovskaya Ye. A. *Vozdeystviyushchiy potentsial i osobennosti vospriyatiya reklamy detskikh tovarov kak chasti diskursivnogo prostranstva dlya detey i vzroslykh* [Influencing potential and especially perception of advertising of chil-

- dren's goods as part of the discursive space for children and adults]. *Nauka o cheloveke – The Science of Person: Humanitarian researches*, 2017, no.1 (27), pp. 71–81 (in Russian). doi: 10.20916/1812-3228-2016-4-21-32
10. Guts Ye. N., Leontyeva O. A. Vospriyatiye shkol'nikami tekstov populyarnykh pesen [Perception of schoolchildren texts of popular songs]. *Teoriya i praktika yazykovoy kommunikatsii* [Theory and practice of language communication]. Materialy IX Mezhdunarodnoy nauchno-metodicheskoy konferentsii [Materials of the IX International Scientific and Methodological Conference]. Ufa, RIK USATU Publ., 2017. 316 p. Pp. 63–69 (in Russian).
 11. Klyuyev Yu. V. Diskurs v massovoy kommunikatsii (mezhdistsiplinarnyye kharakteristiki, kontseptsii, podkhody) [Discourse in mass communication (interdisciplinary characteristics, concepts, approaches)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Seriya 9: Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika – Bulletin of St. Petersburg University. Philology. Oriental studies. Journalism*, 2013, no. 1, pp. 207–217 (in Russian).
 12. Lukashevich Ye. V. Perspektivy kommunikativnogo vzaimodeystviya organov gosudarstvennoy vlasti Altayskogo kraia s naseleniyem (na materiale ofitsial'nykh saytov) [Prospects for communicative interaction between the public authorities of the Altai Territory and the population (based on official websites)]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava*, 2014, no. 1, pp. 91–95 (in Russian).
 13. Lukashevich Ye. V. Sotsiopsikholingvisticheskiy analiz vlasti Altayskogo kraia [Sociopsycholinguistic analysis of the power of the Altai Territory]. *Effektivnyye modeli vzaimodeystviya organov gosudarstvennoy vlasti i naseleniya v Internetе: sbornik nauchnykh statey* [Effective models of interaction between public authorities and the population on the Internet: collection of scientific articles]. Barnaul, Alt. university Publ., 2012. Pp. 86–119 (in Russian).
 14. *Kommunikatsii organov gosudarstvennoy vlasti Altayskogo kraia s naseleniyem: strategii i tekhnologii*. Pod redaktsiyey profes-sora Ye. V. Lukashevich [Communications of public authorities of the Altai Territory with the population: strategies and technologies. Ed prof. Ye. V. Lukashevich]. Barnaul, Kontsept Publ., 2013. 338 p. (in Russian).
 15. Butakova L. O., et al. Sayt Pensionnogo fonda RF v aspekte virtual'nogo obshcheniya gosudarstva s lyud'mi pozhilogo vozrasta [Website of the Pension Fund of the Russian Federation in the aspect of virtual communication between the state and the elderly]. *Gosudarstvo – obshchestvo – lichnost': sposoby rechevogo vzaimodeystviya*. Pod redaktsiyey L. O. Butakovoy i N. V. Orlovoy [State – Society – Personality: Ways of Speech Interaction. Eds L.O. Butakova i N. V. Orlova]. Omsk, OmPGU Publ., 2019. Pp. 33–59 (in Russian).
 16. Lukashevich Ye. V. Tekhnologii vozdeystviya i vzaimodeystviya v regional'nom politicheskom diskurse [Technologies of influence and interaction in the regional political discourse]. *Filologiya i chelovek*, 2011, no. 4, pp. 58–70 (in Russian).
 17. Yavinskaya Yu. V. Emotivnaya i konativnaya funktsii soobshcheniy saytov organov vlasti [Emotive and conative functions of government site messages]. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem – Modern Research of Social Problems*, 2013, no. 9 (29), pp. 1–22 (in Russian). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotivnaya-i-konativnaya-funktsii-soobshcheniy-saytov-organov-vlasti> (accessed 12 January 2023).
 18. Serbinovskiy B. Yu., Marsuverskiy A. V. Analiz saytov administratsiy sub'yektov Rostovskoy oblasti [Analysis of the websites of the administrations of the subjects of the Rostov region]. *Vestnik nauki i obrazovaniya Severo-Zapada Rossii – Journal of Science and Education of North-West Russia*, 2016, vol. 2, no. 3, pp. 1–10 (in Russian).
 19. Yuan' Mintsin. Rekontekstualizatsiya novostnoy informatsii v veb-portalakh: tipy strukturnykh modifikatsiy [Recontextualization of news information in web portals: types of structural modifications]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki – Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2022, vyp. 6 (861), pp. 31–39 (in Russian). doi: 10.52070/2542-2197_2022_6_861_31
 20. Lushchinskaya O. V. Sovremennyye konvergentnyye sredstva massovoy kommunikatsii: spetsifika struktury i soderzhaniya (na primere portala Zvezda.ru) [Modern convergent mass media: the specifics of the structure and content (on the example of the zvezda.ru portal)]. *Trudy BGTU – Proceedings of BSTU*, 2020, vol. 4, no. 2, pp. 71–78 (in Russian).
 21. Lushchinskaya O. V. Strukturno-organizatsionnyye i soderzhatel'nyye kharakteristiki mediynogo diskursa na primere veb-sayta «THE GUARDIAN» [Structural, organizational and content characteristics of media discourse on the example of the website «THE GUARDIAN»]. *Filologiya i chelovek*, 2021, no. 3, pp. 148–172 (in Russian). doi 10.14258/filichel(2021)3-13
 22. Gancharik L. Analiz arkhitektury informatsionnykh saytov organov gosudarstvennogo upravleniya [Analysis of the architecture of information sites of government bodies]. *Nauka i innovatsii*, 2020, no. 2 (204), pp. 44–47 (in Russian). URL <http://innosfera.by/files/2020/2.pdf> (accessed 11 January 2023).
 23. Belyayev A. A. Navigatsiya kak klyuchevoyy komponent vizual'noy organizatsii veb-sayta [Navigation as a key component of the visual organization of a website]. *Mediascope*, 2009, vol. 2 (in Russian). URL: <http://www.mediascope.ru> (accessed 11 January 2023).

Информация об авторах

Бутакова Л. О., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (пр. Мира, 55а, Омск, Россия, 644077).

Information about the authors

Butakova L. O., Doctor of Philological Sciences, Professor, professor of the Department of Russian Language, Literature and Document Communications, Omsk Dostoevsky State University (pr. Mira, 55a, Omsk, Russian Federation, 644077).

Статья поступила в редакцию 30.01.2023; принята к публикации 17.03.2023

The article was submitted 30.01.2023; accepted for publication 17.03.2023

УДК 811.161.1'27'38'42
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-112-119>

Путь к осмыслению текста как осмысление жизни

Ольга Викторовна Мякшева

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия,
myaksheva.ov@gmail.com

Аннотация

Теория смыслового развертывания текста в оппозиции адресант – адресат является актуальной в современной антропоцентрической по своей онтологической сущности лингвистике. Проблема восприятия текста читателем исследуется в XXI в. многими учеными с разных сторон, исходя из лингвистических аргументационных ресурсов и с помощью смежных наук: когнитологии, философии, социологии, психологии и т. д. Цель – опираясь на труды философов, исследующих взаимосвязь понятий «познание», «сознание», «язык», «достижения когнитивной лингвистики и коммуникативной стилистики текста», показать, как происходит смысловое развертывание читателями текста воспоминаний. Материалом послужили отклики на книгу воспоминаний О. Б. Сиrotининой «Жизнь вопреки, или Я счастливый человек». Исследование основано на анализе, сравнении и обобщении научной литературы по теории и истории вопроса, применении сопоставительного, контекстологического, семантико-стилистического, дискурс-анализа. Семантико-стилистический анализ откликов на воспоминания с привлечением знаний составляющих образа адресата позволил заключить, что авторы откликов отразили в своих текстах общий смысл, гиперконцепт первичного текста. Отраженные в книге воспоминаний моральные принципы гуманизма, мужества, справедливости, толерантности и т. д. нашли отклик у всех ее читателей. Однако если для ученых-коллег Ольга Борисовна – безусловный носитель этих норм, то для молодежи акцент сместился в сторону императивной модальности: книга воспоминаний для них – мотиватор жизни. Продемонстрированные в откликах высокий уровень способности речепроизводства, сформированная когнитивная база, ценностные ориентиры ученых позволили сделать вывод о том, что старшее поколение свободно от ограничений в возможности выражения состояния сознания, у них соотносимы с авторскими коммуникативный и жизненный опыт, они не связаны условностями социальной среды общения. У молодежи уровень осознания не всегда доступен для анализа из-за помех в речепроизводстве, это осознание отражает еще небогатый жизненный опыт и т. д. Текст, по мнению философов, «это некоторая длительность содержания, ориентированная на некоторое состояние сознания». Другие парадигмы «добывания» знаний могут предложить иные трактовки состояний сознания, отраженные в первичном тексте и воспринятые во вторичном. Незыблемыми останутся только жизнеутверждающие моральные принципы межличностных отношений, о которых говорится в книге воспоминаний и которые авторы откликов осмысливали. Только они, эти нормы, являются гарантией существования жизни на Земле.

Ключевые слова: книга воспоминаний, отклики, составляющие образа адресата, точки смыслового развертывания текста, гиперконцепт

Для цитирования: Мякшева О. В. Путь к осмыслению текста как осмысление жизни // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 3 (227). С. 112–119. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-112-119>

The path to comprehension of the text as a comprehension of life

Olga V. Myaksheva

Saratov State University, Saratov, Russian Federation, myaksheva.ov@gmail.com

Abstract

The theory of the semantic deployment of the text in opposition *addresser* – *addressee* is relevant in modern linguistics, anthropocentric in its ontological essence. In the 21st century many scientists are studying the problem of text perception by the reader from different angles, based on linguistic argumentative resources and with the help of related sciences: cognitive science, philosophy, sociology, psychology, etc. The goal is to show how the semantic deployment of the text of memories by readers occurs, based on the works of philosophers exploring the relationship between the concepts of cognition, consciousness, language, the achievements of cognitive linguistics and the communicative style of the text. The material are responses to the memory book by O.B. Sirotinina “Life despite everything, or I am a happy person”.

The basis of the study were the analysis, comparison and generalization of scientific literature on the theory and history of the issue, the use of comparative, contextual, semantic-stylistic, and discourse analysis. The semantic and stylistic analysis of responses to the memories with the involvement of knowledge of the components of the addressee image made it possible to conclude that the authors of the responses reflected the general meaning (hyperconcept of the primary text) in their texts. The moral principles of humanism, courage, justice, tolerance, etc. reflected in the book of memoirs resonated with all of its readers. However, if for her fellow scientists Olga Borisovna is the unconditional bearer of these norms, for young people the emphasis has shifted towards the imperative modality: a book of memoirs for them is a motivator of life. The high level of speech production ability demonstrated in the responses, the formed cognitive base, the value orientations of scientists led to the conclusion that the older generation is free from restrictions in the ability to express the state of consciousness. They have communicative and life experience comparable with the author's, they are not bound by the conventions of the social environment of communication. For young people, the level of awareness is not always available for analysis due to interference in speech production, this awareness reflects not yet rich life experience, etc. The text, according to philosophers, "is a certain duration of content, focused on a certain state of consciousness". Other paradigms of "obtaining" knowledge can offer other interpretations of the states of consciousness, reflected in the primary text and perceived in the secondary one. Only the life-affirming moral principles of interpersonal relationships, which are mentioned in the memoirs book and which the authors of the responses comprehended, will remain unshakable. Only they, these norms, are a guarantee of the existence of life on Earth.

Keywords: book of memoirs, responses making up the image of the addressee, points of semantic deployment of the text, hyperconcept

For citation: Myaksheva O. V. The path to comprehension of the text as a comprehension of life [Put' k osmysleniyu teksta kak osmysleniye zhizni]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 3 (227), pp. 112–119 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-112-119>

Введение

Теория смыслового развертывания текста в оппозиции *адресант – адресат* является актуальной в современной антропоцентрической по своей онтологической сущности лингвистике. Парадигма развития теории текста, начавшаяся с изучения его внутренней устроенности [1–3] и провозгласившая главными, сущностными признаками понятия *соединение, сплетение, связь*, далее формировалась в направлении ответа на вопрос: *какая это связь – внутритекстовая или возникающая «за пределами текстового пространства в голове реципиента, встретившегося с текстом»* [4, с. 12].

Проблема восприятия текста читателем исследуется в XXI в. многими учеными с разных сторон, исходя из лингвистических аргументационных ресурсов и с помощью смежных наук: когнитологии, философии, социологии, психологии, семасиологии и т. д. [4–13].

Рассматривая разные концепции прагматики и не соглашаясь с тем, что говорение и понимание сводятся к «перекодировке» знаний в поверхностные структуры и наоборот, В. З. Демьянков еще в предыдущем столетии утверждал, что процесс построения реальных высказываний сопровождается «обогащением» замысла говорящего за счет его информационного запаса, а переход от поверхностной формы высказывания к тому или иному виду его интерпретации – это не «расшифровка» замысла, а интерпретация высказываний на основе знаний интерпретирующего [14, с. 376]. О невозможности однозначного соответствия между сообщаемым и воспринимаемым писал и Ю. М. Лотман,

утверждая, что для абсолютной идентичности замыслу автора восприятия адресатом сообщения нужны условия, в естественной ситуации практически недостижимые, потому что в этом случае участники коммуникации должны быть «как бы удвоенной одной и той же личностью», обладающей единством языкового опыта, тождественностью объема памяти, в частности семиотической памяти культуры, и т. д. [15, с. 157]. По-иному то же мнение выражается и другими учеными [16, с. 15].

Е. С. Кубрякова авторитетно поддержала и глубоко развила мысли когнитологов о конструировании, а не зеркальном отражении мира при его преломлении в языке, что позволило трактовать эту метафору антропоцентрически, по ее словам, «в том смысле, что в языке окружающая нас действительность предстает в том виде, в котором она воспринята – увидена, осмыслена, понята человеком» [8, с. 37]. И это осмысление и понимание, как мы теперь считаем, распространяется не только на создателя текста, но и на его адресата.

Текст в аспекте коммуникативного подхода на материале художественных произведений глубоко изучается представителями Томской лингвистической школы во главе с Н. С. Болотновой. В широко известном научной общественности учебном пособии «Филологический анализ текста» ученый пишет: «Образ адресата – читателя и слушателя – стал интенсивно изучаться в последние годы в связи с разработкой коммуникативного подхода к тексту <...>» [11, с. 168]. В дальнейшем автор продолжает развивать идею об интерпретационной деятельности личности адресата, которая «имеет ком-

муникативно-когнитивный характер, так как предполагает включение текста как объекта вторичной коммуникативной деятельности в сложные и по-разному протекающие в сознании каждого индивида процессы его осмысления и понимания» [13, с. 38–39]. Этот вторичный текст, по мнению Н. С. Болотновой, «является реакцией на первичный текст и имеющуюся в нем систему знаков и знаковых последовательностей, отражающих интенции автора и его ориентацию на диалог с адресатом» [13, с. 39].

В исследованиях Н. С. Болотновой и ее учеников детально разрабатывается методика выявления лингвокогнитивных механизмов – речемыслительных процессов, стимулированных общей системой текста, включающих когнитивные операции анализа, сравнения, синтеза с опорой на ассоциативную деятельность и имеющийся у индивида опыт. Итогом такой работы, по мнению исследователей, является осознание общего смысла (гиперконцепта), репрезентированного текстом [13, 17, 18].

Философская мысль, начиная с размышлений Ф. Шлейермахера, еще в начале XIX в. именно текст наделяла свойством сохранения достижений многовекового развития духовной культуры. Цель герменевтики, по мысли Шлейермахера, – понять автора и его произведение лучше, чем он сам. Для этого интерпретатор должен осознать все особенности исторической ситуации, создавшей условия для возникновения интерпретируемого текста, а также перипетии личной судьбы автора, наложившие отпечаток на его творение [19]. Формирование в современной отечественной лингвистике интереса к дискурсу (как совокупности внеязыковых условий реализации текста [20, с. 467]) представляется наложением научных изысканий герменевтики на лингвистическую почву.

С лингвистической точки зрения философская мысль о феномене текст – «завершенная с точки зрения его создателя, но в смысловом и интенциональном плане открытая для множественных интерпретаций линейная последовательность языковых знаков» [21, с. 8] – также акцентирует роль интерпретатора, адресата текста, который в коммуникативном взаимодействии говорящего и слушателя Ю. Хабермасом охарактеризован так: «Понимание того, что говорится, требует *участия*, а не одного *наблюдения*» [22, с. 44]. Б. В. Марков в послесловии к цитируемой книге Ю. Хабермаса толкует высказанную мысль следующим образом: «Понимание – это не сенсорный, а коммуникативный опыт <...> это разговор и понимание, возникающие между двумя субъектами, каждый из которых является участником переговоров» [22, с. 315]. Ю. Хабермас утверждает: «Когда говорящий высказывается о чем-либо в условиях повседневного контекста, он вступает в отношения не только к чему-то наличеству-

ющему в объективном мире (как совокупности того, что имеет место или могло иметь место), но и еще к чему-то в социальном мире (как совокупности законодательно урегулированных межличностных отношений) и к чему-то в своем собственном, субъективном мире (как совокупности манифестируемых переживаний, к которым он имеет привилегированный доступ) [22, с. 40]. Подробнее о связи стилистики текста и проблем герменевтики на материале работ Ю. Хабермаса см. в [23, с. 61–64].

Интересными представляются в этой связи размышления М. К. Мамардашвили [24, 25] и А. М. Пятигорского [25]. Рассуждая о познании, сознании и языке, ученые задумываются над проблемой соотношения реального мира и наших знаний о нем: «Реально наши знания о мире тоже ведь существуют так же, как существует мир. Где же они существуют? В головах? – именно это и предполагает унаследованная теория познания, что означает, что эксплицировать содержание – значит глядеть изнутри содержаний на мир» [24, с. 16–17]. Допуская тождество понятий *сознание* и *познавательный процесс* [25, с. 28], ученые пишут: «...Наше понимание сознания и сознание находятся на различных уровнях ситуативной достоверности» [25, с. 53]. Исследователи, исходя из своей концепции соотношения сознания и языка, так формулируют понимание текста: «...Текст – это некоторая длительность содержания, ориентированная на некоторое состояние сознания» [25, с. 67]. Последний шаг в нашей логике восприятия размышлений философов связан с таким мнением ученых: «...Мы понимаем мир через себя, и что естествознание в действительности есть „естествоузнавание“ как познание самих себя не в своем естестве» [25, с. 116].

Целью статьи является попытка показать, как происходит смысловое развертывание читателем текста воспоминаний известного ученого-лингвиста (этот текст мы назвали научно-художественным произведением) [26]. В связи с особой жанровой характеристикой текста приведем уместное здесь размышление Е. С. Кубряковой: «Уже давно полагали, что лингвистика открывает окно в окружающий нас мир, сегодня правильно полагают, что язык – это окно в духовный мир человека, его интеллект, средство доступа к тайнам мыслительных процессов <...>» [8, с. 26]. Именно отражение в тексте воспоминаний духовного мира ученого-лингвиста, его интеллекта, мыслительных процессов и специфика интерпретации этого семантического содержания в откликах на произведение послужили тем триггером, который мотивировал наш анализ.

Материал и методы

Материалом для анализа послужили отклики на книгу воспоминаний О. Б. Сиротининой о прожи-

той жизни «Жизнь вопреки, или Я счастливый человек» [26]. Представлять автора, Ольгу Борисовну Сиротинину, филологическому сообществу едва ли стоит. Это хорошо известный всем и в России, и далеко за ее пределами ученый, создатель Саратовской школы изучения разговорной речи и, шире, реального функционирования языка в разных сферах общения.

Е. В. Сидоров предлагает, на наш взгляд, исчерпывающий перечень составляющих образа деятельности реципиента как адресата: способность речевосприятия, психическое состояние, преследуемые при восприятии текста цели, возраст, социальный статус, половая принадлежность, знание языка, ценностные ориентиры, когнитивная база, стереотипы восприятия, коммуникативный и жизненный опыт и др. [6, с. 54]. Авторы откликов на книгу, интерпретаторы воспоминаний – известные лингвисты России (Л. П. Крысин, М. П. Котурова, А. П. Сковородников, В. И. Карасик, Т. Н. Колокольцева, А. А. Чувакин, Н. Л. Шамне), Белоруссии (Б. Ю. Норман), известные ученые, коллеги О. Б. Сиротининой по работе в Саратовском государственном университете (СГУ) (В. В. Дементьев, Л. В. Балашова, Е. Г. Елина, О. Ю. Крючкова, Ю. Г. Кадькалов, А. Н. Байкулова), в большинстве своем – ученики Ольги Борисовны, а также писатель, старший научный сотрудник Института чеченского языка и истории А. С. Джунаидов [27]. Молодое поколение читателей представляют дети учеников Ольги Борисовны, аспиранты, магистранты, бакалавры Института филологии и журналистики СГУ. Читатели воспоминаний, что понятно по перечню, – разного возраста (от 20 до 90 лет), национальности (русские, украинцы, казахи, армяне, чеченцы и др.), пола, уровня образования.

Исследование основано на анализе, сравнении и обобщении научной литературы по теории и истории вопроса, применении сопоставительного, контекстологического, семантико-стилистического, дискурс-анализа.

Результаты и обсуждение

Ю. Хабермас в книге «Моральное сознание и коммуникативное действие» писал: «Интерпретаторы не могут понять семантическое содержание текста, если для них самих те основания, которые в исходной ситуации сумел бы, в случае необходимости, привести автор, не обретают наглядности» [22, с. 50]. Для читателей воспоминаний, что не вызывает сомнений, семантическое содержание этого текста понятно уже потому, что они – современники автора, существуют не просто в одной среде общения (университеты, академические институты), но в одних и тех же сферах – научной, просветительской, духовной.

Перейдем к анализу откликов. Сначала рассмотрим отклики молодежи – аспирантов, магистрантов, бакалавров. Семантико-стилистический анализ откликов позволил выделить семантические доминанты – точки смыслового развертывания текста [10, с. 192–193] (стилистика речи авторов сохранена).

Наиболее выраженной семантической доминантой откликов молодежи стала мысль о том, что жизнь – это преодоление: *Ведь здесь рассказывается не только о научных изысканиях, но и советы по преодолению многих проблем: книга больше, чем просто воспоминания; Человек живет, пока он борется, когда перестает бороться – умирает.* Новые знания, точнее – под иным углом зрения осмысленные уже существующие знания: *Как же тяжело во время Великой Отечественной войны давалось людям обучение в университете – оценивались лично, в сравнении с современной жизненной ситуацией: На мой взгляд, эту главу было бы неплохо прочитать каждому студенту, потому что после этой истории даже стыдно жаловаться на то, что что-то мешает учиться.* Книга позволила вдумчивым читателям на конкретном опыте убедиться во взаимообусловленности ситуаций: *Если есть настоящее стремление к науке и желание учиться, если есть честное отношение к своим знаниям, то тогда любые, даже самые высокие вершины, обязательно покорятся.* Прочитавшие книгу молодые люди, хочется верить, меняли свои жизненные принципы: *Бессмысленными становятся все препятствия, которые мы сами себе придумываем, потому что перед пятиминутным сном исследователя или умением прочесть книгу разом вне зависимости от ее объема меркнет абсолютно все.*

Второй точкой развертывания смысла стало ярко выраженное в тексте ощущение счастья жить: *Книга проникнута невероятной любовью к жизни, ощущением счастья и благодарности каждой секунде; эта книга про счастье быть собой, про силу веры в себя, про искреннего человека, про становление большого ученого.*

Третьей семантической доминантой, которую можно отнести к поведенческим, социально-психологическим жизненным установкам, стали такие качества поведения автора воспоминаний, как уважение друг к другу, толерантность, благодарность: *С какой чуткостью Ольга Борисовна Сиротинина отзывается о работе в университете, об отношениях между коллегами-преподавателями и общении со студентами; Также для меня это пример уникальности человеческих отношений. Моя мама была ученицей Ольги Борисовны, оказала на маму большое влияние, и мама всю жизнь ей благодарна, всю жизнь они помогают друг другу.*

Прошло столько времени, и она справляется теперь о здоровье уже моих детей.

Оказалось замеченным и оцененным молодыми людьми жизненное кредо автора – избегать субъективности в суждениях: *По мнению О. Б. Сиротининой, всегда есть две стороны, и обе нужно учитывать.* Кстати, Е. С. Кубрякова с когнитивной точки зрения утверждает то же: «...Истина не является ни абсолютной, ни объективной, но относительной – относительной, поскольку она отражена человеком, мир же существует вне зависимости от его сознания» [8, с. 31]. Недопустимость ставить людей на пьедестал, вероятно, тоже следствие этого кредо: *еще одна заповедь Ольги Борисовны <...> – это никого не ставить на пьедестал, никого не идеализировать, потому что у каждого есть изъян, и он все равно оттуда, с этого пьедестала, когда-нибудь слетит.*

Точками смыслового развертывания в откликах ученых стали ее вклад в лингвистическую науку, уникальные личные качества и причастность к ее судьбе. (Отклики ученых опубликованы в [26].)

Рассмотрим текстовую репрезентацию первой, наиболее выраженной доминанты – вклад в лингвистическую науку. Высокая оценка вклада часто репрезентирована в оценочном номинативном словосочетании: *выдающийся ученый; большой ученый-лингвист; выдающийся филолог; талантливый ученый; образец филолога; вдохновенный защитник чистоты и правильности русского языка; уникальный организатор целой Саратовской школы.* Чаще эта оценка лаконично или подробно аргументируется: *У нее есть все – и живой интерес к языку, и умение вызвать этот интерес, и удивительное сочетание огромной эрудиции и творческого подхода к теориям и фактам; С Ольгой Борисовной Сиротининой я познакомился более полувека тому назад. Время от времени мы встречались на научных конференциях, на заседаниях Головного совета по филологии, но активная фаза знакомства, переросшего в дружбу, началась в 1981 году.*

Второй точкой развертывания смысла первичного текста стали уникальные личные качества. Особое содержание этой доминанты имело следствием усиление эмоциональной составляющей откликов, именно здесь ряды эпитетов, опредмеченных оценок, эмоциональных лексических и синтаксических повторов, риторических фигур, выразительной неполноты фраз и т. д. резко возрастают: *У Ольги Борисовны удивительные сила воли, мужество, стойкость, целеустремленность и, конечно, незаурядные способности; Счастье для Ольги Борисовны в том, чтобы ощущать свою нужность людям; Доброжелательный, открытый, полный оптимизма человек – близкий нам,*

Вашим московским коллегам, во многом учившимся у Вас и жизни, и лингвистике; (из художественных зарисовок) Ольга Борисовна зашла в отдел аспирантуры узнать, пришел ли отзыв <...> и увидела на стуле непосланную диссертацию. Сумку в руки – и на почту!; «Дорогая Мария Павловна! Передайте Владимиру Александровичу Салимовскому поздравление с защитой докторской диссертации. До сих пор не писала из-за операции на глазах. Теперь немного вижу. Это первое письмо после операции...». Комментарии избыточны.

Высокий уровень эмоционального напряжения усиливается также приемом интимизации – третье лицо, объект повествования, в этот момент трансформируется в собеседника, человека, находящегося рядом: *Дорогая Ольга Борисовна, Ваша книга воспоминаний очень нужна сегодня читающим людям; Низкий Вам поклон, Ольга Борисовна!; Будьте здоровы! И просто – будьте!*

Третьей точкой смыслового развертывания в откликах ученых-лингвистов является причастность к ее судьбе. В этих фрагментах откликов повествование нередко переносится в далекие времена: *Ольга Борисовна была моей первой нянькой. Концептуально значимыми и узнаваемыми ее многочисленными учениками становятся интерьер комнаты, где Ольга Борисовна обычно принимает своих гостей, детали ее облика: Когда я прихожу в ее квартиру на Пугачевской, от пола до потолка наполненную книгами (они там главные жители), всегда волнуюсь <...> Ольга Борисовна очень быстро прочитывает (статьи – О. М.), используя свою «усовершенствованную» лупу (соединены две и замотаны изолентой). Ученики, волею судеб давно уехавшие из Саратова, признаются, что имели счастье быть рядом с мудрейшим человеком, ученые, не бывшие ее официальными учениками, считают Ольгу Борисовну своим наставником: она мой неформальный Учитель.*

Наконец, остановимся на отклике на книгу воспоминаний писателя, чеченца, научного сотрудника Института чеченского языка и истории, который создал и перевел на русский язык не только уникальный по замыслу и исполнению труд – документальную повесть «Турти-хутор зажигает звезды» [27], но пишет рассказы на чеченском языке и переводит их на русский, ездит по селениям Чечни и описывает ее топонимию. То есть – и это важно для наших размышлений! – его взгляд на предназначение человека на Земле созвучен автору воспоминаний. Как представитель кавказской цивилизации, в своем отклике он не смог не дать комплементарные оценки посреднику его связи с Ольгой Борисовной, своему «сердечному» другу: *Ольга Борисовна Сиротинина – лингвист, ученый с большим именем, подаривший отечественной и миро-*

вой науке десятки и сотни **достойных** последователей (в их числе и **непревзойденная по степени глубины и широте научных взглядов** всеми уважаемая <...>). В конце текста помещено сердечное и искреннее напутствие: «**Пусть по-орлиному гордым и высоким будет ваш полет в мире науки и жизни людской!**», в котором отражены концепты культуры Кавказа.

Заключение

Семантико-стилистический анализ откликов на воспоминания с привлечением знаний составляющих образа адресата позволил сделать вывод о том, что авторы откликов отразили в своих текстах общий смысл (по терминологии Н. С. Болотной – гиперконцепт [13, с. 39]) первичного текста, который уже заявлен в названии книги: «Жизнь вопреки, или Я счастливый человек».

Отраженные в книге воспоминаний моральные принципы гуманизма, мужества, справедливости, толерантности и т. д. нашли живой отклик у всех ее читателей. Однако если для ученых-коллег Ольга Борисовна – безусловный носитель этих норм, то для молодежи акцент сместился в сторону императивной модальности: книга воспоминаний для них – мотиватор: *Самый важный урок, который можно вынести из жизнеописания великого (не побоюсь этого слова) ученого, это отсутствие каких бы то ни было преград для счастливой жизни.*

Общей чертой откликов является также эмоциональное прочтение текста, что отражается в частоте подобных откровений: *Местами я хохотал в голос, а местами слезы наворачивались на глаза (ученый); накатывали слезы и бежали по телу мурашки (студентка, 20 лет).*

Высокий уровень способности к речепроизводству позволяет авторам откликов – ученым – давать максимально точные характеристики и самой Ольге Борисовне, и книге ее воспоминаний. Эти характеристики акцентированы стилистически маркированными словами и грамматическими формами: от точных терминологических, например от номинаций – официальных квалификаций автора (*известный филолог*), до стилистически маркированных средств художественной и публицистической речи (*инопланетянка, человек-леген-*

да). Стремление адекватно ситуации выразить ее осознание вынуждает некоторых лингвистов (даже виртуозов авторского пера) признаваться в следующем: *В том же году вышла из печати эта книга. Говорить о ней – невозможно, нет нужных слов. Адекватность понимания – в молчанье.* Конечно, это может рассматриваться как специальный выразительный прием, однако можно с уверенностью утверждать, что здесь передано то состояние сознания пишущего, которое очень точно охарактеризовали философы: «...Сознание невозможно понять посредством лингвистического исследования текста. Исследование текста, даже самое глубинное, даст нам не более чем „проглядывание“ сознания» [25]).

Смысл текста постигается через осознание его содержания, то есть через попытку проникновения в сознание автора этого текста. У старшего поколения осознание текста максимально близко заложенной автором воспоминаний интенции. Старшее поколение уже свободно от условностей социальной среды общения, ограничений в возможности выражения, у него сформирована когнитивная база, ценностные ориентиры, достаточен и соотносим с авторским коммуникативный и жизненный опыт.

У молодежи уровень осознания не всегда доступен для анализа из-за помех в речепроизводстве, это осознание отражает еще недостаточно богатый жизненный опыт, иногда оно просто наивно: *Оказалось, что интересы О. Б. Сиротининой намного шире, они даже выходят за пределы филологии.* Вероятно, на способность свободно, непредвзято выразить свое мнение могла повлиять и целеустановка: написать отклик студентам предложил их преподаватель, и этот фактор нельзя не учитывать.

Подводя итоги, вернемся к определению текста философами: «Текст – это некоторая длительность содержания, ориентированная на некоторое состояние сознания» [25, с. 67]. Другое время, другие обстоятельства, другие парадигмы «добывания» знаний могут предложить иные трактовки состояний сознания, отраженные в первичном тексте. Незыблемыми останутся только жизнеутверждающие моральные принципы межличностных отношений, о которых говорится в книге воспоминаний. Только они, эти нормы, являются гарантией существования жизни на Земле.

Список источников

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 139 с.
2. Лосева Л. М. Как строится текст / под ред. Г. Я. Солганика. М.: Просвещение, 1980. 96 с.
3. Тураева З. Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика): учеб. пособие. М.: Просвещение, 1986. 127 с.
4. Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. М.: ЛЕНАНД, 2014. 200 с.
5. Николина Н. А. Филологический анализ текста. М.: Академия. 2008. 256 с.
6. Сидоров Е. В. Онтология дискурса. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 232 с.
7. Текст: теоретические основания и принципы анализа: учеб. науч. пос. / под ред. проф. К. А. Роговой. СПб.: Златоуст, 2011. 464 с.

8. Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 208 с.
9. Демьянков В. З. Трансфер идей герменевтики в когнитивную лингвистику // Вопросы когнитивной лингвистики. 1918. № 4. С. 5–14.
10. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: Словарь-тезаурус. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2008. 384 с.
11. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. М.: Флинта, Наука, 2009. 520 с.
12. Болотнова Н. С. Лексическая структура поэтического текста как ключ к постижению его ценностных смыслов // Русский язык в школе. 2019. № 1. С. 20–25.
13. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика: лингвокогнитивные механизмы смысловой интерпретации поэтического текста // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2021. Вып. 6 (218). С. 38–48.
14. Демьянков В. З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40, № 4. С. 368–377.
15. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
16. Карасик В. И., Прохвачева О. Г., Зубкова Я. В., Грабарева Э. В. Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. 352 с.
17. Кабанина О. Л. Контраст как лексическая регулятивная универсалия в поэзии М. И. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2022. 23 с.
18. Шутова А. В. Лексическая регулятивность в лирике О. Э. Мандельштама как отражение динамики его поэтической картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2022. 22 с.
19. Шлейермахер Ф. Герменевтика / пер. с нем. А. Л. Вольского. СПб.: Европейский дом, 2004. 242 с.
20. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка. М.: УРСС, 2017. 656 с.
21. Гончарова Е. А., Шишкина И. П. Интерпретация текста. Немецкий язык. М.: Высшая школа, 2005. 365 с.
22. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 379 с.
23. Мякишева О. В. Лингвистика текста и философские проблемы герменевтики // Мир русского слова. 2020. № 3. С. 61–64.
24. Мамардашвили М. К. Стрела познания (набросок естественно-исторической гносеологии). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 304 с.
25. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические размышления о сознании, символике и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с.
26. Сиротинина О. Б. Жизнь вопреки, или Я счастливый человек: Воспоминания / запись и подгот. текста, предисл., справ. аппарат О. В. Мякшевой; хронологический указатель трудов О. Б. Сиротининой – Т. Н. Сиротининой, А. В. Дегальцевой; под ред. О. В. Мякшевой, А. Н. Байкуловой. 2-е изд., испр. и доп. Саратов: Амирит, 2022. 365 с.
27. Джунаидов А. С. Турти-хутор зажигает звезды (Документальная повесть) // Нормативная и стилистическая корректировка текста О. В. Мякшевой. Грозный: Грозненский рабочий, 2008. 640 с.

References

1. Gal'perin I. R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 139 p. (in Russian).
2. Loseva L. M. *Kak stroitsya tekst* [How the text is constructed]. Ed. by G. Ya. Solganik. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1980. 96 p. (in Russian).
3. Turayeva Z. Ya. *Lingvistika teksta (Tekst: struktura i semantika): uchebnoye posobiye* [Text linguistics. Text: structure and semantics. Textbook for students]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1986. 127 p. (in Russian).
4. Chernyavskaya V. E. *Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa* [Text linguistics. Discourse linguistics]. Moscow, Lenand Publ., 2014. 200 p. (in Russian).
5. Nikolina N. A. *Filologicheskii analiz teksta* [Philological analysis of the text]. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 256 p. (in Russian).
6. Sidorov E. V. *Ontologiya diskursa* [Ontology of discourse]. Moscow, Librokom Publ., 2009. 232 p. (in Russian).
7. *Tekst: teoreticheskiye osnovaniya i printsipy analiza* [Text: theoretical grounds and principles of analysis]. Ed. prof. K. A. Rogova. Saint Petersburg, Zlatoust Publ., 2011. 464 p. (in Russian).
8. Kubryakova E. S. *V poiskakh sushchnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya* [In the search for the essence of language: Cognitive research]. Moscow, Znak Publ., 2012. 203 p. (in Russian).
9. Dem'yankov V. Z. Transfer idey germenevтики v kognitivnuyu lingvistiku [Transfer of ideas of hermeneutics into cognitive linguistics]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2018, no. 4, pp. 5–14. doi: 10.20916/1812-3228-2018-4-5-14 (in Russian).
10. Bolotnova N. S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-tezaurus* [Communicative style of the text: Dictionary-thesaurus]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2009. 384 p. (in Russian).

11. Bolotnova N. S. *Filologicheskii analiz teksta* [Philological Analysis of the Text]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2009. 520 p. (in Russian).
12. Bolotnova N. S. Leksicheskaya struktura poeticheskogo teksta kak klyuch k postizheniyu ego tsennostnykh smyslov [The lexical structure of a poetic text as a key to comprehending its value meanings]. *Russkiy yazyk v shkole – Russian Language at School*, 2019, no. 1, pp. 20–25 (in Russian). doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-1-20-25
13. Bolotnova N. S. Kommunikativnaya stilistika: lingvokognitivnye mekhanizmy smyslovoy interpretatsii poeticheskogo teksta [Communicative stylistics: lingual and cognitive mechanisms of semantic interpretation of a poetic text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2021, vol. 6 (218), pp. 38–48 (in Russian).
14. Dem'yankov V. Z. Pragmaticheskiye osnovy interpretatsii vyskazyvaniya [Pragmatic foundations of utterance interpretation]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR. Literature and Language Series]. 1981, vol. 40, no. 4, pp. 368–377 (in Russian).
15. Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg, Iskustvo-SPB Publ., 2004. 704 p. (in Russian).
16. Karasik V. I., Prokhvacheva O. G., Zubkova Ia. V., Grabareva E. V. *Inaya mental'nost'* [A different mentality]. Moscow, Gnozis Publ., 2005. 352 p. (in Russian).
17. Kabanina O. L. *Kontrast kak leksicheskaya regulativnaya universal'iya v poezii M. I. Tsvetaevoy. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Contrast as a lexical regulatory universal in the poetry of M. I. Tsvetaeva. Abstract of thesis ... cand. philol. sci.]. Tomsk, 2022. 23 p. (in Russian).
18. Shutova A. V. Leksicheskaya regulativnost' v lirike O. Ye. *Mandel'shtama kak otrazheniye dinamiki ego poeticheskoy kartiny mira. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Lexical regularity in the lyrics of O. E. Mandelstam as a reflection of the dynamics of his poetic picture of the world. Abstract of thesis ... cand. philol. sci.]. Tomsk, 2022. 22 p. (in Russian).
19. Shleijermaher F. *Germenevtika* [Hermeneutics]. Perevod s nemetskogo A. L. Vol'skogo [Translated from German by A. L. Vol'skii]. Saint Petersburg, Evropeyskiy dom Publ., 2004. 242 p. (in Russian).
20. Vsevolodova M. V. *Teoriya funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa. Fragment prikladnoy (pedagogicheskoy) modeli yazyka* [Theory of functional and communicative syntax. Fragment of applied (pedagogical) language model]. Moscow, URSS Publ., 2017. 656 p. (in Russian).
21. Goncharova E. A., Shishkina I. P. *Interpretatsiya teksta. Nemetskiy yazyk* [Interpretation of the text. German language]. Moscow, 2005. 365 p. (in Russian).
22. Khabermas Yu. *Moral'noye soznaniye i kommunikativnoye deystviye* [Moral consciousness and communicative action]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2001. 379 p. (in Russian).
23. Myaksheva O. V. Lingvistika teksta i filosofskie problemy germenevtiki [Text linguistics and philosophical problems of hermeneutics]. *Mir russkogo slova – The world of the Russian word*, 2020, no. 3, pp. 61–64 (in Russian).
24. Mamardashvili M. K. *Strela poznaniya (nabrosok estestvenno-istoricheskoy gnoseologii)* [Arrow of cognition. An outline of natural-historical epistemology]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoy kul'tury" Publ., 1996. 304 p. (in Russian).
25. Mamardashvili M. K., Piatigorskiy A. M. *Simvol i soznaniye. Metafizicheskiye razmyshleniya o soznanii, simvolike i yazyke* [Symbol and consciousness. Metaphysical discussions on consciousness, symbolism, and language]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoy kul'tury" Publ., 1997. 224 p. (in Russian).
26. Sirotinina O. B. *Zhizn' vopreki, ili Ya schastlivyy chelovek: Vospominaniya* [Life despite everything, or I am a happy person. Memoirs]. *Recording and preparation of the text, the foreword and explanatory notes by O. V. Myaksheva. Chronological index of the works of O.B. Sirotinina by T. N. Sirotinina and A. V. Degal'ceva*. Edited by O. V. Myaksheva. Saratov, Amirit Publ., 2022. 365 p. (in Russian).
27. Dzhunaidov A. S. *Turti-khutor zazhigayet zvezdy (Dokumental'naya povest')* [Turti-Khutor Lights the Stars (Documentary story)]. *Normative and stylistic correction of the text by O. V. Myaksheva*. Grozny, Groznenskiy rabochiy Publ., 2008. 640 p. (in Russian).

Информация об авторе

Мякшева О. В., доктор филологических наук, профессор, Саратовский государственный университет (ул. Астраханская, 83, Саратов, Россия, 410012).

Information about the author

Myaksheva O. V., Doctor of Philological Sciences, Professor, Saratov State University (ul. Astrakhanskaya, 83, Saratov, Russian Federation, 410012).

Статья поступила в редакцию 02.02.2023; принята к публикации 17.03.2023

The article was submitted 02.02.2023; accepted for publication 17.03.2023

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА

УДК 82.091

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-120-127>

Организация действия в пьесе В. Масса и Н. Эрдмана «Телемах»

Наталья Алексеевна Бабенко

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, na75@mail.ru

Аннотация

Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения в полном объеме творческого наследия Н. Эрдмана – драматурга с мировой славой. Впервые исследуется неопубликованный текст «представления в одном акте» «Телемах», созданный с участием Н. Эрдмана. Цель – выявление особенностей организации действия пьесы, выразительных возможностей комического, актуализирующих проблемы советского социума на рубеже 1920–1930-х гг. Материал исследования – текст пьесы В. Масса и Н. Эрдмана «Телемах» в соотношении с обзором «Одиссея» этих же авторов изучался с опорой на возможности таких литературоведческих методов, как типологический, сравнительно-исторический, историко-функциональный. Анализ пьесы «Телемах» в контексте обзора «Одиссея» обнаруживает трагическую разработку авторами не только фрагмента гомеровской истории, на что указывает название, но также истории выбора жениха в варианте гоголевской «Женитьбы» как известных культурных моделей. Персонажи пьесы с античными именами говорят в «Телемахе» гекзаметром. Тем острее и очевиднее в действиях главного героя, в речевом оформлении его требований, в средствах достижения цели проявление отечественной социально-политической реальности рубежа 1920–30-х гг. Трагизация фрагментов гомеровской поэмы позволяет острее представить процессы, происходившие в современном авторам социуме. Драматическое действие пьесы 1930 г. обнажает безудержное стремление героя командовать, подчинять других, определять события в выгодном для себя направлении. В результате частное преобразуется в государственное, личное – в идеологическое, уничтожаются основания для создания семьи и нормального существования людей. Анализ поведения персонажей и событий в действии пьесы «Телемах» представляет процесс утверждения правителя авторитарного типа. Последовательная разработка, трансформация-трагизация фрагментов сюжета гомеровской поэмы в «Одиссее», «Телемахе» и др. произведениях В. Масса и Н. Эрдмана конца 1920-х – в начале 1930-х гг. позволяет видеть этих авторов в числе первых создателей эпической драмы условно-метафорического направления.

Ключевые слова: Н. Эрдман, В. Масс, «Телемах», Н. Гоголь, «Женитьба», Гомер, «Одиссея», действие, трагизация, известный сюжет, условность, комическое, эпическая драма

Для цитирования: Бабенко Н. А. Организация действия в пьесе В. Масса и Н. Эрдмана «Телемах» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 3 (227). С. 120–127. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-120-127>

RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

Organization of action in the play “Telemachus” by V. Mass and N. Erdman

Natalya A. Babenko

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, na75@mail.ru

Abstract

The relevance of the study is due to the need to study the creative heritage of N. Erdman, a world-famous playwright, in full. The article examines for the first time the unpublished text of the “representation in one act” “Telemachus”, cre-

ated with the participation of N. Erdman. The purpose of this work is to identify the features of the organization of the action of the play, the expressive possibilities of the comic, actualizing the problems of Soviet society at the turn of the 1920s-30s. The text of the play "Telemachus" by V. Mass and N. Erdman as a research material was studied based on the works of V. Ya. Propp, V. M. Zhirmunsky. General scientific methods of analysis, synthesis, generalization were used, as well as such specifically literary criticism methods as typological, phenomenological, historical-functional methods and the method of descriptive poetics. The analysis of the play "Telemachus" in the context of the review of "The Odyssey" by the same authors reveals the authors' travesty development of not only a fragment of Homer's story, as indicated by the title, but also the story of the choice of the groom in the version of Gogol's "Marriage" as well-known cultural models. The characters of V. Massa and N. Erdman with ancient names in Telemachus speak in hexameter, the sharper and more obvious in the actions of the protagonist, in the speech formulation of his requirements, in the means of achieving the goal, the manifestation of domestic socio-political reality at the turn of the 1920s and 30s. The travesty of fragments of the Homeric poem makes it possible to actualize the processes taking place both in the individual consciousness and in modern society. The dramatic action of the play of 1930 reveals the unrestrained desire of the main character to command, to subjugate others to direct events in a direction favorable to himself. As a result, the private is transformed into the state, the personal into the ideological, the foundations for creating a family and the normal existence of people are being destroyed. An analysis of the behavior of the characters and events of the play "Telemachus" reveals the logic of the changing and accepted by others demands of the main character to the mother and her suitors as a process of unstoppable assertion of an authoritarian ruler. Consistent development, transformation-travesty of a well-known plot - fragments of the Homeric poem in "The Odyssey", "Telemachus" and other works by V. Mass and N. Erdman of the late 1920s – early 1930s. allows us to see these authors among the first creators of the epic drama of a conventionally metaphorical direction.

Keywords: N. Erdman, V. Mass, "Telemachus", N. Gogol, "Marriage", Homer, "The Odyssey", action, travesty-ing, famous plot, conventionality, comicality, epic, non-classical drama

For citation: Babenko N. A. Organization of action in the play "Telemachus" by V. Mass and N. Erdman [Organizatsiya deystviya v pyese V. Massa i N. Erdmana «Telemakh»]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 3 (227), pp. 120–127 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-120-127>

Введение

В творческом наследии Н. Эрмана значительное место занимают произведения для разного типа театров, эстрады. В 1920-е – в начале 1930-х гг. он один и в соавторстве, чаще всего с В. Массом, написал множество скетчей, песенок, частушек, текстов реприз, концертов, а также либретто для оперетт и балетов, программ представлений для цирка и клоунады [1]. Историк отечественного эстрадного театра 1920–1960-х гг. Е. Д. Уварова ставит Эрмана на первое место в «тройке» авторов, которые, по ее мнению, «на протяжении ряда десятилетий <...> во многом определяли репертуар советского эстрадного театра и отдельных артистов» [2, с. 62]. Предмет ее внимания – малые формы эстрады. Появились литературоведческие статьи, посвященные анализу пьес, написанных в соавторстве с В. Массом для музыкальных коллективов: «Музыкальный магазин» [3], «Прекрасная Елена» [4, 5], «Одиссея» [6], а также статья, анализирующая интермедии Эрмана к пьесе У. Шекспира «Два веронца» [7]. В 2017 г. М. А. Шеленок издал учебно-методическое пособие «Путь к „Мандату“». Жанрово-стилевые искания в ранней драматургии Н. Эрмана [8], представил в нем сатирический водевиль «Гибель Европы на Страстной площади», скетч «Квалификация» и обозрение «Москва с точки зрения», написанное драматургом в соавторстве с Д. Гутманом, В. Массом и В. Типотом. Но целый ряд произведений драматурга, написанных в конце

1920-х – начале 1930-х гг. специально для эстрадных, сатирических, музыкальных театров, по-прежнему остается за пределами внимания литературоведов.

Материал и методы

Основным материалом настоящего исследования послужил текст пьесы В. Массы и Н. Эрмана «Телемах» [9], который анализировался с опорой на труды В. Я. Проппа, и прежде всего о кумулятивной сказке [10], В. М. Жирмунского [11] о вариантах гомеровской «Одиссеи».

Цель – выявить художественный потенциал трагестирования фрагментов гомеровской истории в пьесе В. Массы и Н. Эрмана «Телемах», особенности организации ее действия, выразительные возможности комического, актуализирующие проблемы советского социума на рубеже 1920–1930-х гг. и человека в нем.

Результаты и обсуждение

Пьеса «Телемах», согласно данным А. Гутерца и Д. Фридмана, была написана Н. Эрманом в соавторстве с В. Массом в 1930 г. [1, с. 516]. Можно полагать, что одной из причин нового обращения к Гомеру был успех обозрения «Одиссея» [12], созданного соавторами в 1928 г. для Ленинградского мюзик-холла.

«Одиссея», заложившая, по мнению Е. Д. Уваровой, «основы советского мюзик-холла как искус-

ства не только развлекательного, зрелищного, но остросовременного, по содержанию самобытного» [2, с. 83], была написана и поставлена в тот период, когда «тучи над сатирическими жанрами сгустились до предела» [13, с. 209]. Касаться реальной сложности социальной психологии советского человека, шутить, смеяться на эту тему становилось весьма опасно. Спектакль, поставленный в октябре 1929 г. в Ленинградском мюзик-холле режиссером Н. В. Смоlichem, балетмейстером К. Я. Голейзовским, подвергся резкой критике в печати. В журнале «Рабочий и театр» появилась большая статья М. Падво. Он осудил ленинградскую «Одиссею» и спектакль Московского мюзик-холла «Букет моей бабушки» [13, с. 209]. «Дальше таких безобразий Главискусство терпеть не будет. Постановки в роде “Букета” и “Одиссеи” будут сниматься после генеральной репетиции», — писал М. Бройде в журнале «Цирк и эстрада» [14, с. 15].

И действительно, вскоре «Одиссея» и другие, в том числе лучшие пьесы Н. Эрдмана, оказались под запретом. Он и его соавтор В. Масс были арестованы в 1933 г. на съемках политически совершенно безобидного фильма, известного под названием «Веселые ребята».

Пьеса «Телемах» до сих пор оставалась за пределами внимания исследователей во многом от того, что не была опубликована. Ее машинописная копия хранилась у дочери одного из авторов — Анны Владимировны Масс, от нее попала к американскому исследователю творчества Эрдмана Джону Фридману. Он в 2013 г. передал ее в числе других материалов по творчеству Эрдмана профессору Томского государственного педагогического университета (ТГПУ) В. Е. Головчинер.

И в «Одиссее», и в «Телемахе» авторы прибегают к особенно широко использовавшемуся в европейском театре с начала XVIII в. приему травестирования. Суть этого приема, — пишет современник соавторов М. Янковский, — состоит в «использовании античного или средневекового сюжета для построения пьесы современного характера, что при подчеркнутым контрасте внешнего фона и действительного существа произведения создает особенную остроту восприятия» [15, с. 45]. Как пишет Е. Д. Уварова, «к подобному травестированию классических литературных сюжетов и образов эстрадные авторы прибегали и будут прибегать неоднократно», поскольку оно позволяет соединять «злободневное с вневременным, “низкое” с “высоким” и такие контрасты создают особый комедийный эффект» [2, с. 83].

В отечественной драматургии яркий пример травестирования представил В. Маяковский в «Мисте-

рии-буфф» (1918). Как отмечает В. Е. Головчинер, в ней впервые в отечественной драматургии XX в. было обозначено «интереснейшее — условно-метафорическое направление развития эпической драмы, связанное с трансформацией известных в мировой культуре сюжетов» [4, с. 43–44]. Это направление активно развивалось в русской литературе 1920-х — начала 1930-х гг. и было представлено целым рядом пьес, написанных Н. Эрдманом в соавторстве с В.¹

Время и пространство пьес «Одиссея» и «Телемах» имеют условно-метафорическую природу. Произведения с отсылками к античности насыщены деталями, явно соотносимыми с реалиями советской жизни конца 1920-х гг. Главный герой «Одиссеи» Эрдмана и Масса представлен в пути. Развитие действия в пьесе задано чередой испытаний, через которые проходит «скиталец» Одиссей, посещая места гомеровской поэмы, травестированные в духе современности. В них легко угадываются современные авторам Европа, США и СССР. Формально являясь царем Итаки, Одиссей Масса и Эрдмана обнаруживает психологию мелкого и трусливого советского функционера. Импульс действию на протяжении пьесы задает активность тех, с кем он встречается. Его постоянно пытаются подчинить своей воле, обижают, надувают, используют. Сам герой не пытается сопротивляться давлению извне, легко поддается на провокации и оказывается в ситуациях, все более заслуженно его снижающих и разоблачающих.

Эпизоды, впоследствии вошедшие в пьесу «Телемах» (картина Первая и Третий акт под отдельным названием «Возвращение Одиссея»), начинали и завершали «Одиссею». Домашние сцены, в которых действуют самые близкие родственники — жена и сын Одиссея — были своеобразной рамкой для странствий главного героя. В «Телемахе» центральной становится ситуация гомеровского сюжета, предшествующая возвращению Одиссея домой. Долгое отсутствие царя Итаки открыло двери его дома для многочисленных женихов, сватающихся к его верной жене Пенелопе.

Первую сцену пьесы можно воспринимать как своеобразный пролог к действию. В центре — скорбящая *соломенная* вдова Одиссея. Говорит она гекзаметром, знакомым русскому читателю по переводу поэмы «Одиссея» Гомера В. Жуковским:

Вот уж четырнадцать лет, как мой муж Одиссей хитроумный.

Не возвращается к верной супруге своей.

Ах, женихи без конца предлагают мне руку и сердце.

Я же еще никого выбрать из них не могу! [9, с. 1].

Эта речь-плач вслед за названием не только указывает на древнейший памятник древнегреческой поэмы, но прямо называет центральный мотив но-

¹ Кроме «Одиссеи» и «Телемаха», это «Божественная комедия», «Боккаччио» (1930), «Орфей в аду», «Прекрасная Елена», «Дом Телье, или Разоружение» (1931).

вого текста – мотив одолевающих героиню многочисленных женихов.

Авторы сразу (и далее часто) добиваются комического эффекта резкой сменой, столкновением в речевом самовыражении персонажей разновременных знаков, введением в гекзаметр специфически русских идиоматических выражений и реалий, современных для времени создания текста. В первой сцене, подхватывая возвышенный гекзаметр госпожи, рабыня пытается развлечь ее, «не взирая на лица», «самобытной песней-страданием» с приметами явно советского происхождения – она опасается запрещения своего «репертуара» со стороны «Главреперткома» (Главного репертуарного комитета).

Грустная, о, госпожа, ты лежишь, не взирая на лица,
Жаждающей брака с тобой, юной толпы женихов!
Чем усладить твою скорбь мы не ведаем, о Пенелопа,
Все опостылело тебе! Выслушать ныне изволь
Юной служанки твоей самобытные песни-страдания
Волости Пелопонесской, деревни Лессбосской², уезда
Самофракийского, губернии Волоколамской.
Если ей Главрепертком запрещением уста не закроет,
Может быть, репертуар этот тебя развлечет [9, с. 1–2].

Просторечными русскими выражениями и закаулированными под античность грубыми выражениями особенно богата речь Телемаха:

Вы пеньем здесь, мамаша, терзаете нервы,
Пением гнусным себе нервы терзаете Вы,
Нервы терзаете здесь себе снова Вы пеньем, мамаша,
Пеньем снова Вы...
Тьфу, ты чорт! Одним словом, сладкозвучные наши рабыни
Убирайтесь к зевсовой матери! [9, с. 2]

Сначала Телемах пытается соответствовать настроению матери – говорить стихами в ее духе, но не справляется с высоким стилем, опускается на уровень Васисуалия Лоханкина из «Двенадцати стульев» И. Ильфа и Е. Петрова. Просторечное обращение «мамаша» и выражение «терзаете нервы» сразу снижают его речь. К тому же, не справившись с трудным для него размером, Телемах начинает повторяться и, совершенно запутавшись, переходит на грубую прозу. Употребление гомеровского эпитета «сладкозвучные» дезавуируется «гречеподобной» грубостью: «убирайтесь к зевсовой матери».

Благородный, любящий у Гомера «рассудительный сын Одиссея» [16, с. 211] в пьесе 1930 г. предстает чрезвычайно практичным молодым человеком. Гомеровский герой отправлялся в путь, чтобы отыскать отца. Современный Телемах на месте, не выходя из дома, хочет найти себе нового – «выгодного» отца среди претендентов на руку матери.

При своем появлении раздраженный тем, что многочисленные женихи превратили дом в «фабрику-кухню» и слишком дорого обходятся для семейного бюджета – их нужно угощать, поить-кормить в доме – он требует от матери как можно скорее выдать жениха и выйти замуж.

И в этой практически важной для него части обращения к матери он переходит на прозу: «Вы сами не понимаете, какая для Вас в этом выгода. Вы подумайте только: у Вас будет муж, у меня – папаша. У Вас будет рука, у меня – заручка. У Вас будет ТЭЖЕ³, у меня – протеже!» [9, с. 4]. В этой ситуации можно видеть своеобразную разработку мотива выгодной в условиях советской власти женитьбы, известную по пьесе Н. Эрдмана «Мандат» – Сметаничам нужен был в качестве приданого коммунист. Но в 1925 г. основные хлопоты по выгодной женитьбе брал на себя отец жениха. В 1930 г. инициатива исходит от сына, который с каждой новой сценой усиливает давление на мать, добиваясь выгодного для себя решения.

Склоняя Пенелопу к замужеству, Телемах изначально и сразу заявляет об общей и собственной выгоде: «Вы не для себя должны выйти замуж, а для протекции. Нам теперь без протекции прожить невозможно» [9, с. 4]. Он требует от матери скорее определиться с кандидатом в мужья: последовательно оправдывая замеченные ей отрицательные качества каждого из женихов, пытается убедить ее в том, что глухота, пьянство, излишняя идеологичность не являются недостатками, когда речь идет о замужестве: «Этот – глухой, тот – не грек, третий – идейный. С этим бюрократизмом в брачных отношениях пора покончить. Жениться надо ударно, жениться надо так, как наши инженеры на заводе “Электроаппарат” работают: тят, ляп и брак. Вот и Вы должны смотреть на брак с этой же точки зрения» [9, с. 4]. Телемах демагогически соотносит явление личной жизни и сферу современного производства. Комический эффект слова *брак* создает игра его значениями. Форма узаконенных личных отношений приравнивается к продукции, изготовленной с изъязом.

В первой картине «Одиссеи» логика действия показывала своеобразное сближение Пенелопы с женихами. В финале первой картины ситуация доводилась до абсурда: страдающая по странствующему мужу женщина, днем не желающая и слышать о замужестве, ночью поочередно принимала у себя каждого из женихов. Пряча их друг от друга в шкаф, под кровать и кресла, она заявляла последнему визитеру: «Я слишком верна своему мужу, чтобы изменить тебе с кем-нибудь» [12, с. 288].

² Здесь и везде в цитируемых фрагментах сохраняется написание машинописи.

³ ТЭЖЭ – популярная в СССР в 1920-е – 30-е гг. косметика, выпускавшаяся «Государственным трестом высшей парфюмерии жировой и костеобрабатывающей промышленности».

Образ античной Пенелопы был травестирован до полной противоположности. Героиня, представляющая собой «мировой экземпляр женской верности» [12, с. 279], состояла в интимных отношениях с каждым из женихов.

В «Телемахе» авторы отказались не только от подобного эпизода, но от такого направления действия: они сосредоточились на образе заглавного героя, последовательно развивая сюжет свадьбы, которая не может состояться. В пьесе три сцены, три диалога между Телемахом и Пенелопой, и в каждом следующем потенциальное ее замужество, с настойчивым предложением которого появляется ее сын, становится все менее возможным. Во втором диалоге персонажи меняют позиции на противоположные. Позволившая уговорить себя Пенелопа, наконец, пытается остановить свой выбор на ком-то, а Телемах отвергает женихов одного за другим, критикуя их за те же самые качества, за которые недавно расхваливал.

Современник Эрдмана, театральный критик П. Марков в рецензии на спектакль «Мандат» одним из первых отметил удивительную способность драматурга Эрдмана «оформлять речь современности», переводя «в эстетическую форму те слова, которые раздаются в театрах, на улицах, митингах и заседаниях» [17, с. 287]. Подобным образом говорят герои и этой пьесы. Речь Телемаха изобилует не к месту используемыми клишированными словосочетаниями, хорошо знакомыми гражданам СССР того времени устойчивыми оборотами.

Телемах. Время партизанщины кончилось! В женитьбу нужно вовлечь широкие массы, нужно вооружиться цифрами, нужно наладить связь.

Пенелопа. Что ты говоришь Телемахушка? Какую связь?

Телемах. С мечтами! Выработать устав! Составить смету! Наметить основные перспективы! Заострить внимание! Организовать экскурсии! [9, с. 8].

Короткие предложения-приказы Телемаха передают его ощущение себя в функции главного. Абсурд распоряжений усиливается тем, что лексика, словосочетания из сферы деловой и общественной распространяются на личную жизнь его матери. Сын создает «анкету для желающих сочетаться» с ней, организует грандиозную бюрократическую канцелярию и становится ее главой.

В третьем диалоге между матерью и сыном, который происходит несколько лет спустя, повышается уровень и количество инстанций, через которые Телемах требует провести уже не людей, а документы каждого для того, чтобы те стали кандидатами в женихи: называются художественно-политический совет, президиум, комиссия, местком. Теперь требуется, чтобы «прошла» утверждение уже и кандидатура самой Пенелопы. Цель, поставленная в начале, и возможность брака становятся все менее осуществимыми.

Женихи, предстающие у Гомера «многобуйными мужьями, пожирающими чужое без платы богатство» [16, с. 105], вступившими в заговор, чтобы убить Телемаха, в пьесе 1930 г. действуют, скорее, по давней привычке, без особого напора и воинственности. Они в «Телемахе» являются дважды. И логика их появления также демонстрирует все меньшую вероятность будущего брака. В первый раз они предстают в доме потенциальной невесты, во второй раз – в бюрократической канцелярии. Вторая сцена построена по принципу нарастания кумулятивной цепочки, которая предстает «в многократном повторении одних и тех же действий» [10, с. 243]. Кумулятивные сказки, о которых писал В. Я. Пропп, «строятся по самым разнообразным формам присоединения, нагромождения или нарастания» [там же].

В канцелярию Телемаха женихи являются один за другим, и каждый из них получает отказ по все более нелепой причине. Так потенциальной женитьбе первого препятствует ежегодное изменение его возраста:

Телемах. «Дело отложить» за невяясненностью возраста.

Антиох. Как за невяясненностью возраста?

Телемах. А так, очень просто! У Вас, гражданин, возраст меняется каждый год! Это сбивает комиссию! Так работать нельзя! Подайте новые сведения и укажите Ваш точный возраст, хотя бы ориентировочно [9, с. 8].

Взаимоисключающее требование – указать точный возраст «хотя бы ориентировочно» создает комический эффект и представляет Телемаха не задумывающимся не только о судьбе матери, но и о логике своих требований – он использует набор бюрократических клише вне всякого смысла. Поданное пять лет назад дело другого жениха не успели рассмотреть по причине борьбы с волокитой. Третьего Телемах отказывается выслушивать, потому что пробует «провести в жизнь совершенно новую идею – прекращение приема посетителей за полчаса до назначенного срока» [9, с. 13].

Таким образом, требование скорее выбрать наиболее выгодного жениха, выдвинутое Телемахом Пенелопе в начале пьесы, становится все менее достижимым по мере развития действия, и препятствием этому становится он сам. Его усилия человека, все более отвечающего тенденциям и словарю времени, приводят к тому, что то, чего он так сильно желал в начале, становится принципиально невыполнимо.

Авторы вводят в текст пьесы явные аллюзии на самую известную в России пьесу о женихах. И первая сцена подробного обсуждения недостатков каждого жениха, и сцена одновременного визита женихов к невесте с просьбой сделать выбор отсылают читателя к «Женитьбе» Н. В. Гоголя. «Вы, мамаша, как Агафья Тихоновна у Гоголя выбирае-

те» [9, с. 8], – восклицает раздосадованный Телемах. В нескольких сценах пьесы авторы используют прямые цитаты из «Женитьбы». Это можно видеть, в частности, в диалоге Пенелопы с одним из женихов:

Жених /после молчания/ Странная погода нынче. Поутру совершенно было похоже на дождик, а теперь как будто и прошло.

Пенелопа. Да-с уж эта погода ни на что не похожа. Иногда ясно, а в другое время совершенно дождливая. Очень большая неприятность [9, с. 6].

Аналогична этому часть диалога Яичницы и Агафьи Тихоновны:

Яичница. Странная погода нынче: поутру совершенно было похоже на дождик, а теперь как будто и прошло.

Агафья Тихоновна. Да-с, уж эта погода ни на что не похожа: иногда ясно, а в другое время совершенно дождливая. Очень большая неприятность [18, с. 119].

Первая цитата из «Женитьбы» («В комнате совсем не прибрано... Да, салфетка-то, салфетка на столе совсем черная... Я чуть не в рубашке» [9, с. 4]) вводится в текст непосредственно перед встречей Пенелопы с женихами, когда они звонят в дверь. Героиня оказывается в той же ситуации, что и Агафья Тихоновна [18, с. 11]. Цитаты из Гоголя в пьесе В. Масса и Н. Эрмана появляются и в связи с попытками женихов при их появлении завязать разговор с Пенелопой.

Телемах в первом диалоге с матерью предстает в функциях свахи. Но подобно гоголевскому Кочкареву, стремясь организовать свадьбу, он разрушает ее. В отличие от гоголевского персонажа, Телемах не хлопочет за единственного жениха, для него равнозначны все соискатели руки Пенелопы. У Пенелопы же, в отличие от Агафьи Тихоновны, нет свободы выбора.

Женихи в пьесе 1930 г. предстают единой безликой массой. Несмотря на разные характеристики, которые дают им Пенелопа и Телемах, они ведут себя одинаково. Выбивается из этого ряда только глухой Лаплас, который говорит невпопад, и персонаж, обозначенный авторами как «Неизвестный жених». Сам себя этот человек представляет так: «Я просто так, никто, человек» [9, с. 5]. «Просто человек» в ситуации нового времени является «ником». Это подтверждает и Телемах, мгновенно заявляющий, что «сам по себе человек это каламбур какой-то» [9, с. 5].

Примечательно, что этому подчеркнuto лишнему имени персонажу в эпизоде первой встречи Пенелопы с женихами уделено больше всего внимания. «Неизвестный» – единственный из женихов объявляет, что хочет сделать предложение, просто потому что влюбился. Для Телемаха важно не это, а дружба претендента с неким Салоном Перикло-

вичем⁴, который является, как можно догадаться по репликам Телемаха, высокопоставленным лицом.

Обращение к тексту гоголевской пьесы использовано авторами для усиления появляющегося у воспринимающих предположения, что брак Пенелопы так и не состоится подобно тому, как не состоялся брак Агафьи Тихоновны. Только причины и обстоятельства разные.

Анализируя сказочный сюжет возвращения мужа на свадьбу жены, В. М. Жирмунский выделял в числе прочих такие эпизоды, его составляющие, как изменение внешнего облика (переодевание) и состязание с соперником. «Неудачный соперник, если он виноват, несет заслуженную кару; в других случаях дело кончается примирением» [11, с. 105].

В поэме Гомера вернувшегося Одиссея сначала не узнают близкие. В конце концов, они его идентифицируют по свойственным только ему приметам – по шраму (кормилица), тайне кровати (Пенелопа), знанию деревьев в саду (отец). В пьесе ставшему законченным бюрократом сыну для идентификации отца нужны разнообразные удостоверения, свидетельства и справки, подтверждающие, что он – это он. И Пенелопа новой реальности стала другой – она устраивает скандал из-за того, что Одиссей не привез ей дорогих подарков из-за границы. Именно с членами своей семьи, а не с женихами предстоит Одиссею «сражение» в пьесе русских авторов. В последнем эпизоде «возвращения мужа» от него требуют, чтобы он записался в очередь женихов.

Телемах в интерпретации В. Масса и Н. Эрмана – мелкий домашний тиран в начале пьесы, к ее концу все больше ощущает себя имеющим право диктовать – он говорит на языке власти, действует ее методами. Действие представляет процесс превращения установленного им порядка как губительного для человека и социума. В финале все персонажи тонут в море бумажных анкет и удостоверений.

Заключение

Пьеса с отсылками к Гомеру насыщена деталями, явно соотносимыми с реалиями советской жизни рубежа 1920–1930-х гг. Прием травестирования известного сюжета позволяет авторам представить сложные процессы реальности в условно-метафорической форме. Используя ситуации, персонажей с именами, памятными по гомеровской «Одиссее», ее гекзаметр, В. Масс и Н. Эрман организуют действие пьесы в логике, близкой гоголевской «Женитьбе», но речевой выразительностью (реплика Телемаха особенно) погружают своих героев

⁴ В русской форме именования Салона Перикловича комически соединены жившие в разное время крупные политические деятели Афин: законодатель, политик Солон и афинский архонт, крупнейший деятель, устроитель столицы из царской династии Перикл.

в социальную практику современности, актуализируют проблему положения в ней человека.

Приватный план действия с массой забавных комических деталей постепенно обнаруживает практику государственного управления, личное интерпретируется как идеологическое. Активность заглавного героя, действующего в логике новых социальных тенденций, обнаруживает энергию, гибельную для общества, человечества: нет семьи – нет будущего...

Детали сопоставления пьес «Одиссея» и «Телемах» позволяют видеть трансформацию центрального образа: на смену живущему с учетом политической конъюнктуры Одиссею приходит Телемах, обретающий в интерпретации В. Масса и Н. Эрдма-

на черты диктатора. Эти авторы в названных произведениях рубежа 1920–1930-х гг., как и ряда других этого времени (в «Прекрасной Елене», «Орфее в аду», «Боккаччио»), предстают в числе первых создателей условно-метафорического направления эпической драмы, последовательно использующих в действии пьес травестию известного сюжета как прием актуализации современной социальной проблематики. Эту возможность обращения к мысли соотечественников, их способности думать, находить соотносимые компоненты художественного целого и реальности в дальнейшем, как отмечает В. Е. Головчинер [19], развивали в своих пьесах Е. Шварц, Г. Горин, Л. Филатов и др.

Список источников

1. Гутерц А., Фридман Д. Основные даты жизни и творчества Николая Робертовича Эрдмана // Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников. М.: Искусство, 1990. С. 512–520.
2. Уварова Е. Николай Эрдман, Владимир Масс, Михаил Червинский // Е. Уварова. Москва с точки зрения... Эстрадная драматургия 20–60-х годов. М.: Искусство, 1991. С. 62–100.
3. Головчинер В. Е., Фридман Дж. Трансформации «Музыкального магазина» В. Масса и Н. Эрдмана // Трансформация и функционирование культурных моделей в русской литературе: материалы III Всерос. с междунар. участием науч. конф. / сост. В. Е. Головчинер. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. С. 294–304.
4. Головчинер В. Е. «Прекрасная Елена»: проблема идентификации «ленинградского» текста В. Масса и Н. Эрдмана // Театрон. 2013. № 1. С. 43–53.
5. Юрченкова О. Н. Генеалогия жанра «Прекрасной Елены» В. Масса и Н. Эрдмана // Values in literature and Arts V / Ediator Josef Dohnal. The proceedingce of the 13th international conference. Brno, 2021. P. 359–368.
6. Бабенко Н. А., Головчинер В. Е. Тексты помощника режиссера в обозрении В. Масса и Н. Эрдмана «Одиссея»: природа и функции // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2016. Вып. 11 (176). С. 124–130.
7. Баринова К. В. Юмор как основная тональность интермедий Н. Эрдмана к пьесе У. Шекспира «Два веронца» // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2011. Вып. 7 (109). С. 41–46.
8. Шеленок М. А. Путь к «Мандату». Жанрово-стилевые искания в ранней драматургии Н. Эрдмана: учебно-метод. пособие. Саратов, 2017. 52 с.
9. Масс В., Эрдман Н., Телемах: [Рукопись]: представление в одном акте [Б. м.: б. и., б. г.]. 17 с. (Из личного архива профессора В. Е. Головчинер).
10. Пропп В. Я. Фольклор и действительность: избранные статьи. Москва: Наука, 1976. 328 с.
11. Жирмунский В. М. Эпическое сказание об Алпамыше и «Одиссея» Гомера // Известия АН СССР. Отделение лит. и яз. 1957. Т. 16. Вып. 2. С. 97–113.
12. Масс В., Эрдман Н. Одиссея // Москва с точки зрения... Эстрадная драматургия 20–60-х годов. М.: Искусство, 1991. С. 278–325.
13. Уварова Е. Эстрадный театр: миниатюры, обозрения, мюзик-холлы (1917–1945). М.: Искусство, 1983. 320 с.
14. Бройде М. Как же быть с мюзик-холлом? // Цирк и эстрада. 1929. № 18–19. С. 15.
15. Янковский М. Оперетта. Возникновение и развитие жанра на Западе и в СССР. Л., М.: Искусство, 1937. 456 с.
16. Гомер. Одиссея // Европейский эпос Античности и Средних веков. М.: Дет. лит., 1989. С. 201–306.
17. Марков П. Третий фронт. После «Мандата» // Марков П. О театре: в 4 т. М.: Искусство, 1976. Т. 3: Дневник театрального критика. С. 278–293.
18. Гоголь Н. В. Женитьба / Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 4. М., 1984. С. 94–150.
19. Головчинер В. Е. Использование известных сюжетов в русской эпической драме XX века // Folia Litteraria Rossica. Zeszyt specjalny / pod red. Olgi Głowko i Małgorzaty Leyko. Wydawnictwo UŁ, 2013. S. 79–93.

References

1. Guterts A., Freedman D. Osnovnyye daty zhizni i tvorchestva Nikolaya Erdmana [The main dates of life and art of Nikolai Erdman]. N. Erdman. P'yesy. Intermedii. Pis'ma. Dokumenty. Vospominaniya sovremennikov [The plays. The interludes. The letters. The documents. The memoirs of contemporaries]. Moscow, Iskuststvo Publ., 1990. Pp. 513–523 (in Russian).

2. Uvarova E. D. *Nikolay Erdman, Vladimir Mass, Mikhail Chervinskiy. Moskva s tochki zreniya: Estradnaya dramaturgiya 20–60-kh godov* [Moscow from a Point of View: Variety Drama from the '20s to the '60s]. Moscow, Iskustvo Publ., 1991. Pp. 62–100 (in Russian).
3. Golovchiner V. E., Freedman J. Transformatsii “Muzykal’nogo magazina” V. Massa i N. Erdmana [Transformation of the “Music store” by V. Mass and N. Erdman]. *Golovchiner V. Ye. (compiler). Transformatsiya i funktsionirovaniye kul’turnykh modeley v russkoy literature: materialy III Vserossiyskoy s mezhdunarodnym uchastiyem nauchnoy konferentsii (7–8 fevr. 2008 g.)* [Transformation and functioning of cultural models in the Russian literature. Materials of III National Scientific Conference with the International Participation]. Tomsk, TSPU Publ., 2008, pp. 294–304 (in Russian).
4. Golovchiner V. E. «Prekrasnaya Elena»: problema identifikatsii “leningradskogo” teksta V. Massa i N. Erdmana [Helen of Troy: Problem of Identification of “Leningrad Text” by Vladimir Mass and Nikolay Erdman]. *Teatron*, 2013, no. 1 (11), pp. 43–53 (in Russian).
5. Yurchenkova O. N. Genealogiya zhanra «Prekrasnoy Eleny» V. Massa i N. Erdmana [Genealogy of the genre of “Helen of Troy” by V. Mass and N. Erdman]. *Dohnal J. (ed.) The proceedingce of the 13th international conference held in June 4, 2021 in Brno, Cze Republic*, pp. 359–368 (in Russian).
6. Babenko N. A., Golovchiner V. E. Teksty pomoshchnika rezhissera v obozrenii V. Massa i N. Erdmana «Odisseya»: priroda i funktsii [Texts of the assistant director in the review “The Odyssey” by V. Mass and N. Erdman: nature and functions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2016, vol. 11 (176), pp. 124–130 (in Russian).
7. Barinova K. B. Yumor kak osnovnaya tonal’nost’ intermediy N. Erdmana k p’ese U. Shekspira «Dva verontsa» [Humor as the main tone of N. Erdman’s interludes to W. Shakespeare’s play “Two Veronians”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2011, vol. 7 (109), pp. 41–46 (in Russian).
8. Shelenok M. A. Put’ k «Mandatu». Zhanrovo-stilevye iskaniya v ranney dramaturgii N. Erdmana: uchebno-metodicheskoye posobiye [The path to “The Mandate”. Genre-style searches in the early dramaturgy of N. Erdman: teaching aid]. Saratov, 2017. 52 p. (in Russian).
9. Mass V., Erdman N. *Telemakh: [Rukopis’]: predstavleniye v odnom akte* [Telemachus: [Manuscript]: the performance in one act]. From the personal archive of Professor V. E. Golovchiner. 17 p. (in Russian).
10. Propp V. Ya. *Fol’klor i deystvitel’nost’: izbrannye stat’i* [Folklore and reality: selected articles]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 328 p. (in Russian).
11. Zhirmunskiy V. M. Epicheskoye skazaniye ob Alpamyshe i «Odisseya» Gomera [An epic legend about Alpamysh and Homer’s “The Odyssey”]. *Izvestiya AN SSSR. Otdeleniye literatury i yazyka*, 1957, vol. 16, issue 2, pp. 97–113 (in Russian).
12. Mass V., Erdman N. *Odisseya [The Odyssey]. Moskva s tochki zreniya: Estradnaya dramaturgiya 20–60-kh godov* [Moscow from a Point of View: Variety Drama from the '20s to the '60s]. Moscow, Art Publ., 1991. Pp. 278–325 (in Russian).
13. Uvarova E. D. *Estradnyy teatr: miniatyury, obozreniya, m’yuzyk-kholly* [Variety Theater: short piece, revues, music halls]. Moscow, Art Publ., 1983. 320 p. (in Russian).
14. Broyde M. Kak zhe byt’ s myuzik-kholloom? [What about the music hall?]. *Tsirk i estrada*, 1929, no. 17–18, p. 15 (in Russian).
15. Yankovskiy M. *Operetta. Vozniknoveniye i razvitiye zhanra na Zapade i v SSSR* [Operetta. The emergence and development of the genre in the West and in the USSR]. Leningrad, Moscow, Art Publ., 1937. 456 p. (in Russian).
16. Gomer. *Odisseya [The Odyssey]. Evropeyskiy epos Antichnosti i Srednikh vekov* [European epic of Antiquity and the Middle Ages]. Moscow, 1989. Pp. 201–306 (in Russian).
17. Markov P. Tretiy front. Posle «Mandata» [Third front. After “Mandate”]. *Markov P. O teatre: v 4 tomakh. Tom 3. Dnevnik teatral’nogo kritika* [About theater. In 4 volumes. Vol. 3]. Moscow, Iskustvo Publ., 1976, vol. 3. Pp. 278–293 (in Russian).
18. Gogol N. V. Zhenit’ba [Marriage]. In: *Gogol’ N. V. Sobraniye sochineniy: v 8 tomakh. Tom. 4* [Collected works. In 8 volumes. Vol. 2]. Moscow, 1984. Pp. 94–50 (in Russian).
19. Golovchiner V. E. Ispol’zovaniye izvestnykh syuzhetov v russkoy epicheskoy drame XX veka [The Use of Famous Plots in Russian Epic Drama of the 20th Century]. *Folia Litteraria Rossica. Zeszyt specjalny. Pod red. Olgi Główko i Małgorzaty Leyko*, Wydawnictwo UŁ, 2013. The Use of Famous Plots in Russian Epic Drama of the 20th Century. Pp. 79–93 (in Russian).

Информация об авторе

Бабенко Н. А., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the author

Babenko N. A., postgraduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 17.11.2022; принята к публикации 17.03.2023

The article was submitted 17.11.2022; accepted for publication 17.03.2023

УДК 821.161.1-93
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-128-135>

Коммуникативные неудачи и способы их преодоления в «подростковых» повестях Аси Петровой

Нина Владимировна Барковская

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, n_barkovskaya@list.ru

Аннотация

Ася Петрова – современная петербургская писательница, активно работающая в жанре «школьной» повести. В повестях Аси Петровой рассматривается важный вопрос: почему коммуникация подростка со сверстниками или взрослыми бывает невозможной или неудачной? Связанный с этим вопрос: должен ли подросток различать «свой» круг семьи/друзей и «широкий» социальный круг общения и в соответствии с этим выбирать линию речевого поведения? Выбор в качестве материала для анализа произведений Аси Петровой обусловлен тем, что в большинстве случаев писательница находит для своих героев возможность позитивного разрешения конфликтов, финалы ее произведений разомкнуты в будущее. Особое внимание уделено повести «Кто что скажет – все равно», поскольку это произведение может быть рекомендовано учителю для совместного обсуждения с учащимися 6-го или 7-го класса. Целью данной статьи является выявление способов решения коммуникативных неудач героев, предлагаемых Асей Петровой. Экзистенциальные проблемы героев (желание «просто сказать» и ощущение невозможности этого действия) реализуются в однотипной ситуации разговора. Эти ситуации отмечают этапы развития сюжета. Методологическая основа исследования включает, помимо уже ставшего традиционным системно-структурного представления о художественном мире произведения и сюжета как части хронотопа, теорию субъектной организации повествования. С опорой на концепцию диалогического слова М. М. Бахтина анализируются приемы организации речевого уровня; при исследовании ошибок и неудач диалогов привлекается теория дискурсных формаций В. И. Тюпы. Учитываются особенности жанра «школьной» повести. В результате рассмотрены пять повестей Аси Петровой, предлагающих несколько возможных вариантов налаживания коммуникативных контактов подростка с окружающими его людьми. Общий инвариант – преодоление героем замкнутости на самом себе, возникновение стремления помочь другим людям. Кроме того, автор декларирует независимость личного высказывания ребенка, не подчиняющегося двойным коммуникативным стандартам. В выводах указывается на существенность такого течения в современной подростковой литературе, которое удачно совмещает психологизм в раскрытии образов героев и игровые стратегии автора. Практическая значимость видится в привлечении внимания к активно пишущему современному автору, пока еще находящемуся вне зоны внимания исследователей детской и подростковой литературы.

Ключевые слова: современная детская литература, детские писательницы, литературное творчество, литературные жанры, школьные повести, коммуникативные неудачи, подростки, подростковые конфликты

Для цитирования: Барковская Н. В. Коммуникативные неудачи и способы их преодоления в «подростковых» повестях Аси Петровой // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 3 (227). С. 128–135. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-128-135>

Communication failures and ways to overcome it in the “teenage” stories by Asya Petrova

Nina V. Barkovskaya

Urals State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russian Federation, n_barkovskaya@list.ru

Abstract

Asya Petrova is a modern St. Petersburg writer who is actively working in the genre of “school” story. Asya Petrova’s stories address an important question: why is it impossible or unsuccessful for a teenager to communicate with peers or adults? A related question: should a teenager distinguish between “own” circle of family / friends and a “wide” social circle of communication and, in accordance with this, choose a type of speech behavior? The choice of Asya Petrova’s works as a material for analysis is due to the fact that in most cases the writer finds for her characters the possibility of a positive resolution of conflicts; the finals of works are open to the future. Particular attention is paid to the story «Who says what – it doesn’t matter», since this work can be recommended to the teacher for a joint discussion with pupils in

grades 6 or 7. The purpose of this article is to identify ways to solve the communicative failures of the heroes offered by Asya Petrova. The existential problems of the characters (the desire to “just say” and the feeling of the impossibility of this action) are realized in the same type of conversation situation. These situations mark the stages of plot development. The methodological basis of the study includes, in addition to the traditional system-structural concept of the artistic world of the work and the plot as part of the chronotope, the theory of the subjective organization of the narrative. Based on the concept of the dialogic word M.M. Bakhtin, methods of organizing the speech level are analyzed; in the study of errors and failures of dialogues, the theory of discourse formations of V.I. Tyupa is involved. The features of the genre of “school” story are taken into account. As a result, five stories by Asya Petrova are considered, offering several possible options for establishing communicative contacts between a teenager and people around him. The general invariant is the hero’s overcoming of isolation on himself, the emergence of a desire to help other people. In addition, the author declares the independence of the child’s personal statement, not subject to double communicative standards. The conclusions point to the significance of such a trend in modern teenage literature, which successfully combines psychologism in revealing the characters’ images and the author’s game strategies. The practical significance is seen in drawing attention to an actively writing modern author, who is still outside the attention of researchers in children’s and adolescent literature.

Keywords: modern children’s literature, children’s writers, literary creativity, literary genres, school stories, communication failures, adolescents, adolescent conflicts

For citation: Barkovskaya N. V. Communication failures and ways to overcome it in the “teenage” stories by Asya Petrova [Kommunikativnye neudachi i sposoby ikh preodoleniya v «podrostkovykh» povestiyakh Asi Petrovoy]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 3 (227), pp. 128–135 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-128-135>

Введение

Большинство повестей Аси Петровой¹ можно отнести к жанру «подростковой» или «школьной» повести. Герой (а чаще – героиня) переживает проблемы и конфликты, свойственные этому возрасту. Конфликты проявляются не только в девиантных поступках, что бывает не так уж часто, но прежде всего через затрудненность коммуникации как с родителями или учителями, так и со сверстниками, а также и с самим собой. Почему подростку в повестях Аси Петровой так часто не удается выстроить успешную коммуникацию с другими? Внешние или внутренние причины тому виной? Есть ли, по мнению автора, способ избежать провала коммуникации и гармонизировать свои отношения с миром?

Писательница отталкивается от наблюдений над современными подростками, которым, по мнению психологов, свойственна повышенная конфликтность, нередко – безразличие и холодность к другим [1, с. 386], затрудненность общения со сверстниками [2]. Данные обстоятельства подчеркивают актуальность темы, избранной Асей Петровой: выявление причин, затрудняющих разговор с собой или с другим и поиск условий для преодоления барьера «немоты».

Материал и методы

Коммуникативные неудачи – важная составляющая конфликтов, в которые втянуты герои повес-

тей Аси Петровой. Дадим краткий обзор нескольких произведений, где наиболее явно представлены коммуникативные неудачи. Теоретическим основанием для анализа, помимо ставшего уже традиционным системно-структурного подхода, являются идеи М. М. Бахтина о диалогическом слове, высказанные прежде всего в книге «Проблемы поэтики Ф. М. Достоевского». Кроме того, учитывается концепция дискурсных формаций, предложенная В. И. Тюпой в книге «Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике».

Результаты и обсуждение

В повести «Чувства, у которых болят зубы» [3] повествование ведется от лица девочки. Героиня испытывает злость, неприязненное отношение к взрослому мужчине, которого она называет Черчилль и с которым проводит каникулы в Греции. Родители девочки в разводе, этот мужчина, социолог по профессии, – друг мамы и, вероятно, станет ее мужем, а теперь старается играть роль папы. Это ужасно раздражает девочку: «Он не папа, но ведет себя как папа, хочет казаться папой. Читает мне нотации и учит жить» [3, с. 46]. Она стремится вывести его из себя, однако он остается корректным: «Я хотела выяснить, до какого предела можно испытывать его терпение. Ведь он живой человек, должен же он, в конце концов, не выдержат» [3, с. 76]. Поведение девочки направлено на прерывание коммуникации.

¹ Ася Петрова – автор книг: «Девочка с флейтой» (СПб., 2010), «Волки на парашютах» (СПб., 2012), «Чувства, у которых болят зубы» (М., 2013), «Кто не умер – танцуйте диско!» (М., 2014), «Короли мира» (М., 2015), «Взрослые молчат» (2015) и др.; лауреат премии «Книгуру» (2011) и премии им. С. Маршака в номинации «Дебют» (2015), финалист конкурса «Новая детская книга». Переводчица модернистской французской литературы. Живет в Санкт-Петербурге.

Далее в сюжете разыгрывается своя интрига. После знакомства с другим семейством, в котором свои серьезные проблемы, речь девочки меняется. Теперь ее речевая зона, складывающаяся из прямых слов и форм косвенной передачи речи, начинает перемежаться с речевыми зонами других героев, причем мысли и чувства других «я» и соответствующие фрагменты текста не оформлены знаками препинания, не разделены графически, не «приписаны» тому или иному персонажу. Читатель должен проникнуться проблемами каждого из участников сюжета, чтобы разобраться, с чьим сознанием он встречается в том или ином отрезке текста. Получается своеобразный «коллективный» поток сознания или неоформленный графически полилог сознаний. Так уже форма субъектной организации повествования показывает, что герои совместно проживают события, что создает основу для взаимопонимания в дальнейшем.

Девочка пытается посмотреть на себя со стороны: «Поначалу все от меня, как правило, в восторге. Сложности начинаются позднее. Вдруг оказывается, что я не готова пойти на компромисс ни по одному пункту. Я дружу, пока кто-то ходит за мной хвостиком и смотрит мне в рот, пока все мои интересы соблюдены. Как только требуется проявить более-менее длительное внимание к другому человеку, я выхожу из игры» [3 с. 92]. Благодаря умению посмотреть на себя со стороны, заметить свой эгоцентризм, девочка начинает более внимательно относиться к окружающим. К финалу все герои примиряются друг с другом, более того, начинают чувствовать себя близкими друзьями. Чувство взаимопонимания так велико, что даже не нужно слов: «И хотя мы были уже в будущем, я решила, что можно немного подправить свое эгоистическое прошлое, протянула руку и ухватила за пальцы Максима. – “Спасибо”, – сказал он, взглянув на меня и не проронив ни слова. – “Пожалуйста”, – ответила я, храня полное молчание» [3, с. 145].

Повесть «Последняя треть темноты» [4] показывает, что сама жизнь ставит ребенка в трудные ситуации, окружающий хаотичный мир мешает налаживанию контактов, препятствует обретению собственного «я» и четкому восприятию действительности. Саша, центральный персонаж повести, находится в сложной психологической ситуации. Начинается повесть с неудавшегося сеанса у психотерапевта, который бесил девочку своим профессиональным спокойствием и эмпатией, блокируя ее желание высказаться: «Саша хотела просто сказать. Сказать – просто. Сказать» [4, с. 5]. При этом Саша абсолютно сосредоточена на себе, вообще никогда не думала, как живут другие люди, какие существуют проблемы в обществе: «Мира вокруг словно не существовало. И мама, и папа, и

Саша – каждый жил внутри своей коробки...» [4, с. 66]. Кажется, героине этой повести так и не удалось окончательно социализироваться, хотя некоторые дружеские отношения у нее все-таки появились. Читателю остается только надеяться, что «последняя треть темноты» все-таки сменится рассветом.

Повести «Скажи “люблю”, а то хуже будет» [5] и «Лучшая» [6] развивают более традиционные для «девической» повести сюжеты.

В первой из названных повестей рисуется вполне благополучный мир: петербургская французская гимназия, музыкальная школа. В самом начале выпускного класса Маша вдруг влюбляется в парня из музыкальной школы, которого называет Бэтменом. Они давно знакомы, но вдруг «со стопицотмиллионного взгляда» в девушке проснулись совсем другие чувства – «бабочки в животе». Маша ломает стереотипы, прямо признается другу в любви, тот не спешит с ответным признанием. Они продолжают встречаться («кофе, мороженое, разговор» [5, с. 9]), но Маша чувствует, что на Бэтмене словно защитная маска надета, видимо, внутренне он не вполне ощущает себя тем суперменом, каким кажется окружающим. Только в конце учебного года к Маше пришло освобождение от навязчивого чувства. Шагая в одиночестве по городу, Маша думает: «Нельзя принять решение не чувствовать боли. Не чувствовать любви. Нельзя сбежать. Надо прожить всем сердцем, не сломаться и с благодарностью пойти вперед...» [5, с. 172–173]. Последняя глава так и называется – «Вся жизнь впереди». Таким образом, тяжелая для девушки ситуация (полная психологическая подчиненность объекту своей любви) не решается в данном случае словами, а требует внутреннего преодоления, борьбы в собственной душе и принятия того факта, что не всегда твое чувство находит отклик в другом человеке.

Ситуация в повести «Лучшая» отчасти напоминает коллизию предыдущего произведения. У Саши благополучная семья, она учится в одной из лучших гимназий и в прекрасной музыкальной школе. Однако тут обнаруживаются свои подводные камни, например: «Вообще мама была такой идеальной, что меня это даже напрягало» [6, с. 11]. Кроме того, у девочки сформирована установка на то, чтобы быть первой во всем, любой ценой добиваться успеха, даже если для этого приходится играть на рояле по 12 часов. Мама объясняет Саше: «Исполнительство – ремесло! А не творчество» [6, с. 46]. У Саши, наоборот, техники маловато (предыдущая учительница и мама никогда ее не хвалили), зато есть «музыкальность», умение чувствовать музыку. Девочку преследуют неудачи, что отражено в однотипном названии глав: «Музыкально, но...», «Патетично, но...», «Патриотично,

но...», «Банально, но...», и только последняя, тринадцатая главка, называется без «но»: «Лучшая». Пройдя через мучительные поиски себя, Саша нашла свое призвание – музыкальный театр: на сцене, во время пения, она полностью раскрепощается, она артистична, у нее широкий диапазон голоса, в общем, все данные музыкальной артистки. И стихи, которые она пишет – странные, но красивые верлибры – только помогают установить гармонию с собой и окружающими.

Однако у героини этой повести есть еще одно качество: она не боится сказать вслух то, что думает. Однажды задали написать сочинение о борьбе граждан во Франции за свои права. Подруга Женя попросила Сашу проверить ошибки, а та взяла и переписала сочинение полностью. Пока Саша читала сочинение подруги, ей даже слышался голос учительницы – Женя написала так, как хотела учительница (имитируя, по Бахтину, «чужое слово») [7, с. 215]. Внутренне протестуя против диктата учительницы, Саша написала, что французы ленивые, привыкли, что все им сходит с рук, что бюрократия у них хуже, чем у нас, городской транспорт вечно ломается, и люди опаздывают на работу... Женя, не посмотрев, сдала тетрадь на проверку и получила нагоняй от учительницы, но при этом не выдала подругу. И на уроке Саша сделала нечто, совершенно неожиданное для самой себя: она вскочила на стол в классе и громко крикнула, что это сочинение за Женю написала именно она: «Это мои мысли! У меня есть мысли! Эти мысли нельзя перечеркнуть! За эти мысли нельзя поставить оценку на балл ниже! Я виновата перед Женей <...> Я никому не буду подчинять мои мысли» [6, с. 62–63]. Суть независимого характера героини, желание оставаться самой собой – хоть в общении, хоть в игре на рояле или на сцене – проявилась в этом эпизоде очень ярко.

Итак, в повести *«Чувства, у которых болят зубы»* героиня отучалась раскрываться полностью перед людьми, избегала прямых откровений, поскольку, как ей казалось, разговоры ничего не меняют, но в итоге все же преодолела свой эгоцентризм, что стало залогом успешной коммуникации. Героиня второй книги (*«Последняя треть темноты»*) чувствует потребность высказаться и ощущает мучительную невозможность «сказать, просто сказать». В повести *«Скажи „люблю“*, а то хуже будет» показано, что слова, как и молчание, не способны заставить другого человека полюбить тебя, в жизни бывают трудные ситуации, которые надо пережить и идти дальше. Наконец, героиня повести *«Лучшая»* стремится быть самой собой, высказывать без страха свои мысли и чувства, не боясь наказания или порицания. Отметим также, что ни в одном из затронутых произведений нет фигуры

«значимого взрослого», если использовать выражение В. Н. Горенинцевой и А. Н. Губайдуллиной [8], девочки должны найти внутренние ресурсы в самих себе.

Не столь пафосно, более юмористично, проблема коммуникативной неудачи реализуется через историю семиклассника Вити, героя повести *«Кто что скажет – все равно»* [9]. Эта повесть более других укладывается в жанр «школьной повести».

М. А. Черняк пишет о модели этого жанра: «Все строится вокруг школьной жизни: школа является и местом действия, и важнейшим этапом в жизни героя, проходя через который, он взрослеет. Момент взросления, переход из состояния неведения, наивности, неспособности, неправоты, незнания, непонимания к состоянию ответа на все вопросы, приобретению опыта или жизненного урока ... заложен в семантике жанра школьной повести» [10, с. 255]. Исследователи отмечают активизацию жанра школьной повести с начала XXI в., причем в поле зрения критиков попадают в первую очередь произведения с острой социальной составляющей [11].

Своеобразие произведений Аси Петровой в том, что ее героями являются нормальные дети из вполне обеспеченных семей, с любящими родителями, делающими все возможное для своего ребенка. Ослабление социального пафоса переносит центр тяжести на процесс формирования субъектности ребенка. Екатерина Асонова и Ольга Бухина пишут о книгах, в которых выражены идеи «нового родительства»: «Основой новой дидактики в этих произведениях стали безусловное уважение к личности ребенка, ценность эмоциональной близости и взаимопонимания между ребенком и взрослым, легитимизация конфликтов, негативных эмоций, ошибок и проступков, идеи социальной инклюзии» [12, с. 126]. Однако, как пишет М. А. Черняк, школа – «больной вопрос для всего общества, центр притяжения сил и эмоций, она как особый социальный феномен объединяет и разъединяет общество одновременно» [10, с. 251]. В частности, исследовательница отмечает феномен «двойной морали», когда ребенок отлично понимает, что определенные нормы действуют в школе, а вот в узком кругу семьи или друзей могут быть совсем другие принципы общения и другие слова. В какой-то степени здесь можно усмотреть наследие советского «двоемыслия». Само название повести – *«Кто что скажет – все равно»* – декларирует независимость личного высказывания ребенка, не подчиняющегося двойным коммуникативным стандартам.

Как соотносятся эти два мира, близкий и широкий? Должен ли ребенок различать, где и что можно или нельзя говорить? Этот вопрос становится центральным в книге Аси Петровой *«Кто что скажет – все равно»*.

Сквозная коллизия всех главок-эпизодов книги – желание Вити понравиться учительнице литературы Марине Станиславовне. Он чувствует, что не нравится ей и пытается преодолеть антипатию, доказать, что он хороший. Особенно его расстраивает то, что вообще-то Марина Станиславовна – отличная учительница: «С другими она была очень милой, веселой, хотя иногда и строгой» [9, с. 4]. И мама, и лучший друг Паша советуют Вите смириться с фактом нелюбви, тем более что на оценках Вити это никак не отражается. Но Вите важно быть любимым ВСЕМИ, с кем он соприкасается в жизни. Еще в книге «Волки на парашютах» маленький Витя рассуждал, почему ему важны нормальные отношения с учительницей: ведь она часть его жизни, он видит ее ежедневно [13, с. 33].

Учительница никогда не хвалит Витю. «Если я нормально готовился к уроку, она говорила, что я не подготовился. Если я отлично готовился, она говорила, что сочинение за меня написали родители. Когда я обращался к ней очень вежливо, она была недовольна тем, что я подлизываюсь. Когда я обращался к ней просто вежливо, ей казалось, что я хамлю. <...> Я не мог ей угодить никогда и никак» [9, с. 4]. Витя выполнял все поручения учительницы, но она всегда была им недовольна. И это недовольство выливалось в речевой агрессии, в серии запретов и окриков:

- Опустит руку!
- Перестать молчать!
- Перестань тараторить!
- Перестань!
- Прекрати!
- Не надо!» [9, с. 5].

Общения не получалось, потому что Марина Станиславовна реализует нормативно-риторический дискурс власти [14, с. 106–107], а он принципиально монологичен.

Как-то на уроке разбирали рассказ современного писателя, и учительница спросила, чем ребятам понравился этот рассказ. Витя посмел сказать, что рассказ ему не понравился, поскольку там все банально. И получил выговор за «плохие манеры». Друг Паша объясняет реакцию учительницы: «Ты посмел с ней не согласиться. <...> Ей нравится только то, что она понимает, и только то, с чем она согласна» [9, с. 42].

Витя даже подумал, что ведь учительница ему тоже не нравится, и в этом нет ничего особенного. Человек не виноват, что кому-то он не нравится. Антипатию можно скрывать, а можно показывать. Марина Станиславовна нелюбовь не скрывала. Как-то Витя стоял позади Марины Станиславовны в очереди к автомату за кофе и решил все-таки завязать разговор, и разговор получился, и даже учительница похвалила его сочинение. И тут мальчик

закричал: «Ура!», но как раз в то время, когда учительница купила свой кофе и сказала, что покидает его. Получилось, что он радовался тому, что она уходит. От попытки извиниться стало еще хуже. Витя чувствует, что получилось бестактно и бестолково.

Антипатия к учительнице начала понемногу сглаживаться, когда в нескольких ситуациях Марина Станиславовна вдруг вместо роли непререкаемого авторитета, стоящего НАД учениками, оказывалась просто обычным человеком, таким, как все. Например, однажды утром она была плохо выспавшейся, забыла дома учебник, а при выполнении упражнения допустила ошибку. В другой раз, чтобы заставить учеников убрать с парт телефоны, она приобрела новый прекрасный айфон (до этого у нее был старый кнопочный) и даже завела страничку в соцсетях. Там были ее фотографии студенческой поры, просто домашние снимки, и Вите это так понравилось, что он поставил лайк под одной из фотографий. Учительница не отреагировала, хотя только один Витя и «лайкнул», но потом она поздравила Витю с днем рождения – то есть она смотрела его страничку в Сети! Так постепенно налаживаются отношения.

Забавно выглядит ситуация-«перевертыш» в главке «Учительница и я» [9, с. 16–18]. Сначала Витя в разговоре с другом Пашей критикует внешний вид Марины Станиславовны: у нее хорошие волосы, но дурацкая прическа, у нее хорошая рубашка, даже рукава стильно закатаны, но совершенно «бабская» юбка и «отстойные» туфли с «отстойными» бантиками. Хотя, говорит Витя, у нее есть потенциал, могла бы быть веселой и крутой, просто она к себе плохо относится, «она настоящий букет комплексов». На следующее утро Витя, как обычно, немного опоздал на урок, и Марина Станиславовна буквально теми же словами отругала его, дескать, есть потенциал, но он плохо к себе относится, настоящий букет комплексов: брюки отглажены, отличные ботинки, даже шнурки прелесть, волосы хорошие, но взлохмачены, у рубашки мятый воротник, на пиджаке дырка. Ситуация зеркально перевернута, но по сути – та же самая, т. е. они и думают одними словами, вполне могли бы отлично друг друга понимать.

Успешность диалога зависит, разумеется, от желаний и намерений двух субъектов. В том, что общение не складывается, виновата не только учительница, занимающая по отношению к ученику авторитарную позицию, но и сам Витя. Он не всегда тактичен, он не владеет этикетными нормами. Об этом – главка «Плохой вопрос» [9, с. 34–36]. На уроке разбирали текст для изложения про День матери. И вдруг Витя спросил Марину Станиславовну, есть ли у нее дети. Учительница очень расстро-

илась, сказал «нет» и вышла на несколько минут из класса. Дома мама объяснила Вите, что это, с его стороны, был плохой вопрос, причинивший боль человеку. А дальше Витя вспомнил, что Паши не было в школе, потому что его родители опять очень поругались и собираются разводиться. И Витя не стал звонить Паше, решив, что своими вопросами он только сделает хуже. В результате Паша обиделся: ему было плохо, а друг даже не позвонил, не поинтересовался. Эта ситуация показывает подростку, что важно учитывать, с кем ты говоришь, кому что можно говорить, а что лучше не говорить.

Означает ли это, что ребенок должен подлаживаться под других, ориентироваться на то, что прилично, а что неприлично? Однажды директриса потребовала убрать из туалета девочек коробку с чистыми прокладками, потому что «нечего выставлять на всеобщее обозрение всякий срам» [9, с. 42–43]. И тогда Витя залез в рекреации на подоконник и заорал: «Я требую вернуть прокладки!». Все смеялись и тоже орали, особенно мальчишки. Таким образом, Витя против ханжества взрослых и квалификации телесных потребностей как неприличных.

Двойственная ситуация разворачивается в смешном рассказе «Мама и манекен». Витя с мамой ходили в магазин покупать шорты и купальные принадлежности для поездки на море. В магазине было много пестрого и блестящего, интересное освещение, черные манекены. Витя попросил маму, которая как раз очень ярко оделась, встать рядом с манекеном, чтобы ее сфотографировать. У мамы было хорошее настроение, она согласилась. А Витя попросил ее приобнять манекен и положить руку манекену на грудь. Мама засмеялась и встала, как просил Витя. А мальчик потом выложил фотографию в Сети с подписью «Мама пристает к манекену». Разумеется, на следующий день весь класс смеялся и обсуждал фотографию, а Марина Станиславовна позвонила маме. Мама накричала на Витю, сказала, что он все-таки ненормальный, потребовала немедленно убрать фотографию, потому что опять-таки это были их личные дела, не предназначенные для всеобщего обозрения. Витя сказал, что у людей просто нет чувства юмора. Опять ситуация получилась неоднозначная. Так Витя осваивает границу между своим, семейным, интимным кругом и публичной территорией, где есть свои этикетные нормы.

Можно ли сказать, что ребенок исподволь усваивает двойные стандарты поведения и высказывания? Думается, что нет. Витя вовсе не боится наказания. Так, например, он считает недопустимым обсуждать (критиковать, унижать) кого бы то ни было за глаза. Об этом – глава «Неприятный человек». У Паши появились новые друзья, они Вите

не нравились, но все же он решил пойти в гости к одному из новых товарищей Паши. Мальчики наперебой ругали и Марину Станиславовну, и других ребят, требовали, чтобы и Витя согласился с тем, что один одноклассник – дурак, а другой – идиот. Витя чувствовал, что если не поддержит остальных, сам будет выглядеть как идиот. И все же он нашел в себе силы отказаться и просто уйти, пусть он и будет для этой компании «неприятным человеком».

Повествование ведется от лица Вити, поэтому авторская оценка выражена косвенно, через юмор, которым сопровождаются конфузные ситуации, в которые попадает мальчик. Кроме того, важна логика расположения главок-эпизодов. Начинается повесть с настойчивого повторения слов Вити о том, что Марине Станиславовне он не нравится. Предпоследняя глава называется «Секунда». У Марины Станиславовны умер отец, и она несколько дней не приходила в школу. Витя представил, каково это, когда умирает близкий человек, к тому же он знал, что больше у Марины Станиславовны никого нет. Он очень переживал за нее, перед бедой отступили личные мелкие обиды. И когда учительница снова пришла в школу, он просто обнял ее за шею, на секунду повис, как маленький, сказал, что ужасно рад ее видеть, потом отпустил, сказал: «Извините». «А она улыбнулась так светло, словно мы были настоящими друзьями, которые даже обнимаются» [9, с. 75].

Завершает книгу глава «Моя тетя – министр. История из моего детства». Там сначала сообщается, что у них маленькая семья: папа, мама и он. А папа не хочет общаться со своей старшей сестрой (которая заместитель министра), потому что он якобы не любит людей. И Витя думает, что когда он вырастет, тоже не будет любить людей. А потом все-таки отношения налаживаются, и мальчик радуется, как их много: тетя, ее муж, их сын и его жена, внук тети. Мальчик в восторге: «Оказалось, что мой папа на самом деле любит людей, и я, когда вырасту, не стану злым и одиноким, как Доктор Хаус» [9, с. 78].

Таким образом, книга исподволь убеждает читателя, что собственная субъектность подростка формируется только через выстраивание отношений с другими людьми, умение вести с ними диалог. Да, Витя по-прежнему много рефлексировал над своими чувствами, но все его переживания касаются именно отношений с другими. Коммуникативные неудачи чаще всего возникают из-за бестактности, неумения пользоваться этикетными правилами в речи. Если в первой половине книги Витя очень хвалит себя (он прекрасно учится, он лучше всех читает стихи и пишет сочинения, он смелый...), то ближе к концу повести он больше думает о других, чем о себе. И еще он понимает,

что не надо бояться слов, которые тебе говорят и которые ты говоришь, но главное – быть всегда искренним. Думается, что именно такой смысл заложен в название книги – «Кто что скажет – все равно». Конечно, не все равно, важно слушать и слышать других, но не попадать в зависимость от чужого мнения.

Повесть «Кто что скажет – все равно» небольшая по объему, написана с юмором и вполне подходит для обсуждения с учащимися 6-го или 7-го класса в рамках урока по развитию речи или тематического классного часа, посвященного культуре общения.

Заключение

Повести Аси Петровой заостряют проблему коммуникативной стратегии подростка. Самоанализ героя неотделим от выстраивания диалога-взаимопонимания со сверстниками и авторитетными взрослыми. В коммуникативных неудачах вина лишь отчасти лежит на авторитарной позиции родителей или учителя. Поиск нужного слова связан с преодолением подростковой эгоцентрической замкнутости, приобретением умения сочувствовать другим людям и не падать духом в трудных ситуациях. На уровне поэтики эта идея

реализуется через обилие прямых и скрытых диалогов. Традиционная для «девической» повести форма дневника не только представляет собой форму разговора с самим собой, но и широко включает передачу разговоров с другом/подругой, мамой, учителем. Герой/героиня вспоминает чужие слова, обращенные к себе, размышляет над причинами недопонимания, воспринимает сказанное слово как поступок.

Реализуя установку на диалогизм повествования, Ася Петрова следует приемам психологизма, разработанным в классической литературе. Размышляя о героях Достоевского, М. М. Бахтин писал, что «изобразить внутреннего человека <...> можно, лишь изображая его общение с другими. Только в общении, во взаимодействии человека с человеком раскрывается и “человек в человеке”, как для других, так и для себя самого». И далее Бахтин пишет о том, что диалог не средство, а самоцель: «Быть – значит общаться диалогически» [7, с. 293–294]. И главное, как полагает Ася Петрова, не нужно подстраиваться под чужое мнение, под те слова, которые хотел бы услышать родитель или учитель, быть искренним, не боясь быть наказанным или смешным, «неприятным» в глазах окружающих.

Список источников

1. Чикова И. В., Мантрова М. С. Психологические особенности конфликтности современных подростков // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 386–389.
2. Хомич Э. П., Сухотерина Т. П. Коммуникативное начало в детской литературе // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 1 (56). С. 339–341.
3. Петрова А. Чувства, у которых болят зубы. СПб.: Премудрый сверчок, 2013. 288 с.: ил.
4. Петрова А. Последняя треть темноты. СПб.: Лимбус Пресс, 2017. 254 с.
5. Петрова А. Скажи «люблю», а то хуже будет. СПб.: Черная речка; М: Омега-Л, 2021. 176 с.
6. Петрова А. Лучшая. СПб.: Черная речка, 1921. 159 с.
7. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М.: Сов. Россия, 1979. 320 с.
8. Горенинцева В. Н., Губайдуллина А. Н. Новая модель «значимого взрослого» во внутрисемейных отношениях (по материалам современной российской прозы для детей и подростков) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 176–187.
9. Петрова А. Кто что скажет – все равно. М.: Росмэн, 2020. 80 с. ил.
10. Черняк М. А. Проза цифровой эпохи: тенденции, жанры, имена: учеб. пособие. М.: Флинта, 2018. 328 с.
11. Черняк М. А. Отечественная проза XXI века: предварительные итоги первого десятилетия: учеб. пособие. СПб.; М.: Сага: Форум, 2009. 176 с.
12. Асонова Е. А., Бухина О. Б. Феминизм в современной русской детской литературе, или Как перевести на английский слово «авторка» // Уральский филол. вестник. 2022. № 3. Серия «Русская литература XX–XXI веков: направления и течения». С. 123–139.
13. Петрова А. Волки на парашютах. М.: Росмэн, 2020. 112 с.
14. Тюпа В. И. Дискурсивные формации: Очерки по компаративной риторике. М.: Языки славянской культуры, 2010. 320 с.

References

1. Chikova I. V., Mantrova M. S. Psikhologicheskiye osobennosti konfliktnosti sovremennykh podrostkov [Psychological features of the conflict of modern adolescents]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya*, 2019, vol. 8, no. 4 (29), pp. 386–389 (in Russian).
2. Khomich E. P., Sukhoterina T. P. Kommunikativnoye nachalo v detskoj literature [Communicative beginning in children's literature]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The world of science, culture and education*, 2016, no. 1 (56), pp. 339–341 (in Russian).

3. Petrova A. *Chuvstva, u kotorykh bolyat zuby* [Feelings that have toothache]. Saint Petersburg, Premudryy sverchok Publ., 2013. 288 p. (in Russian).
4. Petrova A. *Poslednyaya tret' temnoty* [Last third of darkness]. Saint Petersburg, Limbus Press, 2017. 254 p. (in Russian).
5. Petrova A. *Skazhi «lyublyu», a to khuzhe budet* [Say “I love you”, otherwise it will be worse]. Saint Petersburg, Chernaya rechka Publ.; Moscow, Omega-L Publ., 2021. 176 p. (in Russian).
6. Petrova A. *Luchshaya* [The best]. Saint Petersburg, Chernaya rechka Publ., 1921. 159 p. (in Russian).
7. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1979. 320 p. (in Russian).
8. Gorenintseva V. N., Gubaydullina A. N. Novaya model' “znachimogo vzroslogo” vo vnutrisemeynykh otnosheniyakh (po materialam sovremennoy rossiyskoy prozy dlya detey i podrostkov) [A New Model of a “Significant Adult” in Family Relations (Based on Modern Russian Prose for Children and Adolescents)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2017, no. 50, pp. 176–187 (in Russian).
9. Petrova A. *Kto chto skazhet – vse ravno* [Who says what – it doesn't matter]. Moscow, Rosmen Publ., 2020. 80 p. (in Russian).
10. Chernyak M. A. *Proza tsifrovoy epokhi: tendentsii, zhanry, imena: uchebnoye posobiye* [Proza tsifrovoy epokhi: tendentsii, zhanry, imena: textbook]. Moscow, Flinta Publ., 2018. 328 p. (in Russian).
11. Chernyak M. A. *Otechestvennaya proza XXI veka: predvaritel'nye itogi pervogo desyatiletiya: uchebnoye posobiye* [Domestic Prose of the 21st Century: Preliminary Results of the First Decade: textbook]. Saint Petersburg, Moscow, Saga: Forum Publ., 2009. 176 p. (in Russian).
12. Asonova E. A., Buhina O. B. Feminizm v sovremennoy russkoy detskoj literature, ili Kak perevesti na angliyskiy slovo «avtorka» [Feminism in modern Russian children's literature, or how to translate the word “she-author” into English]. *Ural'skiy filologicheskij vestnik. Seriya “Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya”*, 2022, no. 3, pp. 123–139 (in Russian).
13. Petrova A. *Volki na parashyutakh* [Wolves on parachutes]. Moscow, Rosmen Publ., 2020. 112 p. (in Russian).
14. Tyupa V. I. *Diskursnye formatsii: Ocherki po komparativnoy ritorike* [Discourse Formations: Essays on Comparative Rhetoric.]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2010. 320 p. (in Russian).

Информация об авторе

Барковская Н. В., доктор филологических наук, профессор, Уральский государственный педагогический университет (пр. Космонавтов, 26, Екатеринбург, Россия, 620091).

Information about the author

Barkovskaya N. V., Doctor of Sciences in Philology, Professor, Urals State Pedagogical University (pr. Kosmonavtov, 26, Yekaterinburg, Russian Federation, 620091).

Статья поступила в редакцию 10.01.2023; принята к публикации 17.03.2023

The article was submitted 10.01.2023; accepted for publication 17.03.2023

УДК 821.161.1:821.111
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-136-144>

Периферия без центра: система narrаторов в романе «Sketches of Russian Life in the Caucasus»

Анастасия Михайловна Сердюк

Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, am.serdyuk@mail.tsu.ru

Аннотация

Роман «Sketches of Russian Life in the Caucasus» (1853) – анонимный перевод «Героя нашего времени», опубликованный как самостоятельное произведение. Во многом сохраняя текст оригинала, концептуально роман отличен от него: его основная установка дидактическая. Центральное положение в нем также занимают трое маргинальных narrаторов; определение их роли в рамках новой прагматики текста является целью статьи. Исследуется англоязычный роман «Sketches of Russian Life in the Caucasus, by a Russe, Many Years Resident amongst the Various Mountain Tribes» и лежащий в его основе «Герой нашего времени» с точки зрения их нарративных стратегий. Используются сравнительный, культурно-исторический и герменевтический методы. Безымянный narrатор первой части становится гражданским, отдаляясь от двух других narrаторов-офицеров, но сохраняет изначально маргинальный статус как путешественник. Его взгляд на героев, в частности на Задонского (Печорин), как самый сторонний на первый взгляд предстает и самым объективным, но в действительности преломляется через призму общеевропейского культурного контекста. Штабс-капитан Сорокин (Максим Максимыч), в целом сохраняя оригинальные черты, демонстрирует более резкое неприятие местного населения и более эксплицитную религиозность. В его взаимоотношениях с narrатором первой части и Задонским при наличии сходств прежде всего подчеркиваются различия, в частности, в возрасте и мировоззрении. Как следствие, степень пограничности его образа снижается и выделяется роль его нравственного ориентира для главного героя и читателя. Наконец, сам Задонской остается мультимаргинальной фигурой, но в отличие от Печорина обладает потенциалом к полноценной социальной интеграции. И Сорокин, и безымянный narrатор видят его странным и эксцентричным, но в собственных записках незаметно для себя самого герой открывает в себе человека. Маргинальная природа narrаторов, и в частности главного героя, нивелирует их национальное происхождение, сместив фокус повествования на универсальные проблемы, имеющие первостепенное значение в романе.

Ключевые слова: «Sketches of Russian Life in the Caucasus», «Герой нашего времени», Лермонтов, система narrаторов, narrатор-маргинал

Для цитирования: Сердюк А. М. Периферия без центра: система narrаторов в романе «Sketches of Russian Life in the Caucasus» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 3 (227). С. 136–144. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-136-144>

Periphery without centre: system of narrators in the novel “Sketches of Russian Life in the Caucasus”

Anastasiya M. Serdyuk

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, am.serdyuk@mail.tsu.ru

Abstract

Sketches of Russian Life in the Caucasus was published in London in 1853, and soon after was proven to have plagiarised Mikhail Lermontov’s *A Hero of Our Time*. Though following the original almost to the letter, the novel is conceptually different, nor does it justify its presumably ethnographic title, being didactic in its core. Like the original, it centres around three marginal narrators. This article aims at defining their role within the new pragmatics of the text. The article examines the novel *Sketches of Russian Life in the Caucasus, by a Russe, Many Years Resident amongst the Various Mountain Tribes*, as well as *A Hero of Our Time* by Mikhail Lermontov, which it is based on. The methods used include the comparative, culture-historical, and hermeneutic ones. Following the wandering officer of the original, the nameless narrator of the novel’s first part remains the former, yet ceases to be the latter. As a result, not only does he retain his marginal status as a traveller, but also moves further away from the narrating officers. His outsider’s view of the characters, particularly Zadonskoi (Pechorin), thus, at first glance appears to be the most objective; in fact, however, it is subject to the European cultural context. Sorokin (Maxim Maximych) largely retains the original features. However, his rejecting

the local population is more evident, so is his religious vigour. Though he, the nameless narrator, and Zadonskoi are in some ways akin, the focus lies on their differences, mainly in age and worldview. As a result, Sorokin's image is less marginal, with his role as a moral compass for both the protagonist and the reader emphasised. Finally, Zadonskoi himself remains a multi-marginal figure, yet unlike Pechorin has the potential for social integration. Though both Sorokin and the nameless narrator see him as strange and eccentric, in his own papers he unwittingly discovers a human in himself. The marginal status of the narrators, particularly the main character, obscures their national background allowing the focus of the narrative to shift towards universal problems, which are of paramount importance in the novel.

Keywords: *Sketches of Russian Life in the Caucasus, A Hero of Our Time, Lermontov, the system of narrators, marginal narrator*

For citation: Serdyuk A. M. Periphery without centre: system of narrators in the novel "Sketches of Russian Life in the Caucasus" [Periferiya bez tsentra: sistema narratorov v romane «Sketches of Russian Life in the Caucasus»]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2023, vol. 3 (227), pp. 136–144 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2023-3-136-144>

Введение

Роман "Sketches of Russian Life in the Caucasus, by a Russe, Many Years Resident amongst the Various Mountain Tribes" был опубликован в Лондоне в 1853 г. в серии "The Illustrated Family Novelist", включавшей в себя произведения, «не только занимательные и интересные, но и назидательные» (здесь и далее перевод наш – А. С.) [1; n.p.]. «Точные» (correct) изображения нравов стран и сообществ разной степени экзотичности в книгах серии переплетались с моральными наставлениями (elucidation of great principles) [1; n.p.]. Посвященный описанию ряда кавказских приключений рефлексующего русского эксцентрика роман удачно вписывался в этот контекст. Вскоре после публикации, однако, книга была разоблачена как плагиат «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова. И действительно, многое из оригинального романа перенесено в "Sketches..." почти или вовсе без изменений. В частности, в общих чертах сохранена его композиция и сюжет, новые имена получают оригинальные персонажи, несмотря на заглавие, не меняется жанр. Местами перевод осуществлен практически дословно, однако очевидна тенденция к излишнему распространению авторского текста; в то же время отдельные фрагменты (в частности, некоторые ключевые рассуждения Печорина) и части («Тамань», предисловие к «Журналу Печорина») опущены. Все это не позволяет считать перевод адекватным.

Впрочем, адекватности, по всей видимости, не предполагалось изначально: "Sketches..." создается и преподносится как самостоятельное произведение и потому может рассматриваться как такое, что тем не менее требует определенной доли сопоставления с оригиналом. В частности, если задача автора «Героя нашего времени» – «рисовать современного человека, каким он его понимает» [2, с. 6], то основная установка "Sketches...", как и всей серии, дидактическая. Главный герой романа предстает антипримером, его поступки показаны – а к финалу и осознаются им самим – как непра-

вильные. Заявленный в заглавии фокус на экзотические для британской публики образы России и Кавказа, визуально подчеркнутый изображениями на фронтисписе («кавказская» сцена из «Халилы») и титульной странице (тройка), в самом романе смещен на вопросы реализации викторианской морали. Русские герои оказываются русскими лишь номинально, а Кавказ предстает своего рода универсалией – пространством столкновения сообществ, воплощением зоны фронта. Все это делает роман интересным с точки зрения художественной репрезентации России в британской литературе, чаще всего изображавшейся как пространство принципиально далекое и чуждое. Созданный немногим после Всемирной выставки 1851 г., вызвавшей новую волну интереса к России, и накануне Крымской войны 1853–1855 гг., изменившей окраску этого интереса, в этом аспекте он разительно отличается как от многих предшествовавших ему произведений о России, так и от другого анонимного романа-подделки, вольного перевода «Мертвых душ» "Home Life in Russia", опубликованного в 1854 г. и в литературе упоминающегося вместе с ним [3–4].

Уже в заглавии Кавказ противопоставляется России и одновременно сосуществует с ней: это пространство принадлежит «горным племенам», но и у русского здесь есть своя жизнь. В самом же тексте романа собственно местный быт и местные персонажи находятся в центре повествования лишь в первой части («Халила») и затем постепенно перемещаются на второй план, превращаясь в красочный фон основного сюжета, в то же время оставляя открытой возможность определить героя в противопоставлении радикально иному или в сопоставлении с ним. Тем не менее автор не стремится определять своих персонажей как специфически русских: выявляемые качества оказываются присущи европейскому миру в целом, к которому в романе, как будет показано далее, примыкает и Россия, а единственная эксплицитная характеристика, данная русскому человеку в оригинале –

«Меня невольно поразила способность русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить...» [2, с. 21] – в “Sketches...” опущена.

В первой части быт и некоторые традиции черкесов описаны достаточно подробно и ярко, как представляется, не без чисто эстетического желания продемонстрировать романтическую экзотику. Собственно русские же и русский быт в повести почти не описаны и фигурируют в основном в примечаниях и внутритекстовых ремарках нарратора: “...occasional and irregular tinkling of the bells, which, **according to our Russian fashion**, were fastened to our troikas” [1, с. 40]. Подобные вставки делают очевидной изначальную установку на нерусского, уже – британского читателя. Эта целевая аудитория задается еще во введении – попытке краткого обзора истории русской литературы от ее зарождения до 1840-х гг. Как видно уже из заглавия, основной целью книги заявляется просвещение аудитории относительно России, отдаленной и неизведанной, и российского общества, говорящего на сложном и непонятном языке [1, с. 1–4]: и Кавказ, и Россия на первый взгляд оказываются равно чужими по отношению к читателю. Однако в то же время анонимный автор указывает на культурную, эстетическую и даже технологическую близость России к Европе, европейскость русской «элиты», среди прочего в совершенстве владеющей европейскими языками (при всей непостижимости их собственного языка для европейца [1, с. 7–9]): “...individuals of both sexes are to be met with, remarkable for their extreme elegance and refinement, and for the ultra-Parisian accent with which they speak – what you in common with everybody else would have conceived to be their native tongue, till your opinion was in all probability shaken, by hearing them converse in three or four other languages – among them your own – and in each with the same ease and fluency” [1, с. 5–6]. Вопреки географии, эти, казалось бы, чужаки под более пристальным взглядом оказываются почти «своими», едва ли отличимыми от любого европейца. Это их свойство и позволяет автору реализовать задачу наставления, скрывающуюся за эксплицированной в заглавии и введении, но принципиально значимую как для романа, так и для серии в целом.

Несмотря на то, что заглавие обещает рассказ, скорее, о типичном, нежели уникальном, центральное положение в тексте вслед за оригиналом занимают персонажи странные, особенные, маргинальные. В разной степени и в разных контекстах они находятся и оказываются между пространствами, группами или мирами. Таковы и трое нарраторов – безымянный нарратор двух первых частей романа и, по всей видимости, автор введения и коммента-

риев штабс-капитан Сорокин – аналог Максима Максимыча – и сам Задонской, которым оборачивается Печорин. Определение их роли в романе является целью статьи.

Материал и методы

Материалом для анализа послужил англоязычный роман “Sketches of Russian Life in the Caucasus, by a Russe, Many Years Resident amongst the Various Mountain Tribes”, а также лежащий в его основе роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» с точки зрения явленных в них нарративных стратегий. Несмотря на статус первого, пусть и вольного, перевода лермонтовского романа на английский язык, “Sketches...” до сих пор почти не привлекал внимания исследователей. На сегодняшний день наиболее полно книга рассмотрена в работах Чин Вен (Chin Wen) [5–6], в основном же лишь упоминается в работах, посвященных англоязычным переводам Лермонтова [7–8] и рецепции русской литературы в Великобритании, прежде всего в контексте Крымской войны 1853–1856 гг. [3; с. 12–14; 9; с. 14–15; 10; с. xi]. Среди использованных методов следует указать сравнительный, культурно-исторический и герменевтический.

Результаты и обсуждение

Первым на страницах романа появляется безымянный нарратор и сразу же сам определяет себя как путешественника: “I am an old traveller” [1, с. 35]. Путешественник – лишь гость в чужом пространстве, в тексте к тому же пребывающий в нем проездом. Его отношение к местному населению очевидно предвзято и составляет закономерный для романтической и колониальной традиции контраст с восхищением красотами экзотического ландшафта. Несмотря на заявленную опытность (old), нарратор оказывается одурочен погонщиками быков и в целом чувствует себя окруженным малопонятными, малоприятными и вызывающими ощущение опасности людьми (“armed, and sinister-looking boors” [1, с. 36]; “**I wished them far off**, for I had as little taste for their **suspicious** vicinity as for their national beverage” [1; с. 127–128]). На новом месте он не спешит менять своих «домашних» установок и по большей части остается закрытым для нового культурного опыта и осознанного контакта с Другим; его маргинальность таким образом оказывается в некотором роде технической, обусловленной ситуативно: он чужой в рамках той местности, того общества, в которое попадает как путешественник, странник, сохраняемые же им установки позволяют ему сохранять и принадлежность к группе происхождения, физически находясь за ее пределами.

Эти установки, однако, едва ли можно назвать национально-специфическими. На момент начала

первой части все, что известно о первом нарраторе, — он опытный путешественник (правда, насколько это положение желанно, неизвестно) и едет из Тифлиса по срочному делу. Пока он не заговаривает с Сорокиным, в глазах читателя он в равной степени может быть и англичанином, и вообще любым европейцем. Прямо его происхождение и настоящее положение принципиально не раскрывается; даже на вопрос, гражданский ли он чиновник, читатель подчеркнуто не получает ответа: “I said, “I,” &c. &c. &c.; <...> egotism shall not tempt me into fatiguing you with my personal history” [1, с. 39]. Кроме того, уже во введении, претендуя на уникальное знание о России, он все же отделяется от сообщества русских, то посредством местоимения *we* и его производных, сливаясь с читателем, говоря о «той стране» (*that country*), то вдруг, словно вспомнив о своем происхождении, рассуждая, к примеру, о «нашей» русской литературе (*our literature*).

Во второй части романа он остается единственным рассказчиком, что позволяет значительно дополнить его речевой портрет. В его речи появляются французские вкрапления, он обращается к образам из Данте [1, с. 120], Кеведа [1, с. 127], Бомарше [1, с. 123], Бальзака [1, с. 129], цитирует (несколько неточно, что позволяет предположить цитирование по памяти) оперное либретто Метастазियो [1, с. 140], а также демонстрирует склонность к пространным рассуждениям морально-этического толка. Его эрудиция, по всей видимости, обширна, но представляется довольно поверхностной, «средней»: сюжеты, имена и понятия, знакомство с которыми он демонстрирует, понятны читателю без пояснений. Французские вкрапления встречаются в его речи гораздо чаще русских, связанных исключительно с реалиями, а среди культурных отсылок собственно русской нет ни одной — что, однако, может рассматриваться как специфически русская черта: полилингвизм образованных русских и их особые отношения с французским языком отмечены как во введении, так и в затекстовом комментарии [1, с. 150]. Обращаясь же к читателю напрямую, он апеллирует скорее к общечеловеческому и личному, а не национально-специфическому опыту: “Reader! did you ever feel such mysterious sympathies with distant places and unknown people?” [1, с. 122]. Национальная идентичность нарратора окончательно размывается, и на передний план выходит его принадлежность к общему европейскому пространству, в романе противопоставляемому пограничному Кавказу.

Группа, к которой нарратор принадлежит, таким образом, как и пространство, которое он может считать своим, предстают чрезвычайно широкими. Сохраняя внутреннюю связь с ними, он так или иначе оказывается оторван от них; так же, как, на-

ходясь внутри повествования, одновременно создавая и организуя его, он выходит за его границы. Такое «единство близости и удаленности» зиммелевского Чужака обеспечивает успешное выполнение безымянным нарратором его основной функции — функции наблюдателя [11, с. 78]. Однако если название книги указывает, скорее, на этнографический характер наблюдения, описание русского и кавказского быта и народов, то, по сути, главным объектом интереса в первой части и наблюдения во второй является Задонской, а заметки нарратора становятся своего рода преамбулой к его «автоэтнографическим» эзерсисам. Этот взгляд на героя как самый сторонний должен, казалось бы, быть и самым объективным, но в то же время оптика нарратора искажена культурным контекстом его происхождения — не собственно русским, но общеевропейским.

В первой части романа безымянного нарратора временно сменяет Сорокин, в этом повторяя судьбу Максима Максимыча: о Халиле и ее истории, а также о Задонском читатель узнает от него. Самого же Сорокина изначально описывает безымянный нарратор, в целом сохраняя оригинальный портрет, но несколько дополняя его: новые детали делают образ штабс-капитана более ярким и четким (*a tall stout man; erect and soldier-like; weather-beaten countenance; closely-cropped hair and heavy mustaches* [1, с. 36–37]), но сами по себе являются довольно общими — перед читателем предстает не конкретный штабс-капитан Сорокин, но абстрактный пожилой офицер колониальных войск. Резкость же Сорокина, его склонность к просторечию (повторяющаяся формула *just so, [exactly]*, лексика в адрес местных) и в то же время способность выражать свои мысли и чувства сложно и образно — вкупе с отдельными упоминаниями его докавказского прошлого выдают в нем не только опытного «вояку», давнего обитателя крепости на краю империи, но и сердечного, в известной мере чувствительного и образованного человека.

Пробывший на Кавказе больше десятилетия, успевший познакомиться с местной культурой и освоивший как минимум один местный язык Сорокин все же не принимает кавказских законов и обычаев, осознанно от них отгораживается. В отличие от Максима Максимыча, в целом демонстрирующего эту же стратегию, Сорокин выражается более жестко, даже жестоко, и очерчиваемая им граница вырисовывается гораздо более явно. Кавказцы для него — если и люди, то люди второго, в сравнении с русскими, сорта, а то и вовсе не люди: *animals, vermin, hounds*. В понимании Сорокина, чем ближе народ к русским, тем выше его положение: «наши» кабардинцы и черкесы — уже не животные, хоть и воры, и даже вызывают положи-

тельную оценку некоторыми своими качествами (“...they are at least courageous, that there is no denying” [1, с. 43]). Показательно в связи с этим и то, что в оригинале Максим Максимыч является кунаком отца Бэлы и, по крайней мере, изначально уважает этот статус и связанные с ним обязательства: «...он отдавал старшую дочь замуж, а **мы были с ним кунаки**: так нельзя же, знаете, отказаться, хоть он и татарин» [2, с. 12]. Сорокин же выступает здесь в другом качестве, и мотивация его иная: “**being old friends as well as neighbours**, I could not refuse, you perceive, although the old sinner was a Tscherkess and a heathen, and, like the rest of them, strongly suspected of treachery and an amiable weakness towards brigandage” [1, с. 49]. Максим Максимыч не может отказать татарину, потому что согласился принять законы *его* мира, «применился» к *его* обычаям; Сорокин же принес с собой свои обычаи и законы и не отказывает «черкесу и язычнику», склонному к предательству и разбою, по-добрососедски, как принято в его собственном, европейском обществе; потому эта мотивация в его представлении должна быть понятна и собеседнику – “you perceive” [1, с. 49].

На первый взгляд положение Сорокина и безымянного нарратора сходно, если не одинаково: оба физически находятся в чужом пространстве, оба предпочитают существовать в нем по своему уставу. Однако в ходе повествования разница становится очевидна: во-первых, штабс-капитан все же в известной мере адаптировался к местным реалиям – процесс при долговременном проживании в «чужом» пространстве практически неизбежный; во-вторых, как от нарратора, так и от Задонского он отделен социально и темпорально. Граница между Сорокиным и нарратором особенно подчеркнута во второй части романа: несмотря на то, что им легко удалось сойтись, они все же принципиально различны. Нарратор, несмотря на отказ заявить об этом прямо, по всей видимости, все же не военный – на это указывает постоянное определение Сорокина через прилагательное *military* (*my military acquaintance* [1, с. 39], ~ *travelling companion* [1, с. 85], ~ *fellow-traveller* [1, с. 120]), позволяющее предположить, что сам нарратор не причисляет себя к этой группе. Однако же военным является и Задонской, но при первом их непосредственном столкновении нарратор демонстрирует гораздо большее сходство с ним, нежели с Сорокиным. В частности, ему знакома терзающая Задонского *ennui*, которой Сорокин не понимает вовсе. Более того, нарратор прямо заявляет, что имеет с последним мало общего: “...for I had discovered that **we had very few ideas and opinions in common**” [1, с. 121–122]. Сам Сорокин, по всей видимости, это мнение разделяет, в финале части

обобщая в местоимении *you* нарратора и Задонского [1, с. 139].

Тем временем нарратор, продолжая изучать своего случайного попутчика, находит его «оригиналом в своем роде» (“He was, indeed, an original in his way” [1, с. 121]), что могло бы сблизить его с Задонским, однако продолжает линию, описанную выше: «оригиналом» его видит один из тех «молодых людей», с которыми у Сорокина и по его собственному мнению нет почти ничего общего. И в целом во второй части Сорокин словно стареет: в то время как при первом знакомстве пятидесятилетний штабс-капитан, несмотря на частоту употребления по отношению к нему прилагательного *old*, представал скорее опытным, нежели пожилым, здесь он, напротив, видится даже не пожилым, но отжившим. И все же именно он становится своего рода нравственным ориентиром двух первых частей, сохраняя эту роль и в двух последующих уже в преломлении сознания Задонского. Его фигура оказывается на периферии не только физически, но и духовно: его ценности в глазах молодых героев предстают безнадежно устарелыми, подчеркивая значимость той глобальной проблемы, которую автор романа стремится разрешить в нем: под угрозой моральное состояние не только конкретных представителей нового поколения жителей метрополии, но всего их сообщества.

Главный герой романа Задонской становится нарратором в третьей и четвертой частях, представляющих собой его собственные записки, аналогичные журналу Печорина, но впервые появляется – и сразу же выходит на передний план – уже в первой части. Сорокин описывает его как странного человека, которого он так и не смог понять до конца: “**certainly a little eccentric in his manners. It was long before I could understand him perfectly – if I ever did**, indeed. <...> His was **a strange character indeed**” [1, с. 47–48]. Задонской не оправдывает ожиданий как только что приехавший из России петербургский молодой офицер, хотя изначально предстает именно таковым и в дальнейшем, следуя за оригиналом, демонстрирует полярные модели поведения: “...and though in appearance he was so delicate, he possessed a constitution of cast-iron; and he was ever in extremes” [1, с. 46–47], оставаясь загадкой для своего командира.

Стоит отметить, однако, что уже здесь Задонской в сравнении с Печориным гораздо более открыто выражает свои чувства, которые, в свою очередь, оказываются более близки и понятны как Сорокину, так, вероятно, и читателю. Задонской демонстрирует способность действовать с холодным расчетом и даже жестоко для достижения своей цели – здесь обладания Халилой – но, в отличие от оригинала, он словно отчасти оправдан степенью

своего увлечения: в то время как Печорин после первой встречи с Бэлой довольно сухо характеризует ее как «прелесть», Задонской демонстрирует гораздо большую пылкость (“She is **incomparably beautiful!**” said he, **impetuously**. ‘By heavens!’” [1, с. 52]), а Сорокин оказывается вынужден щипком пробудить его от представшего перед ним «видения». Тем не менее в дальнейшем Задонской снова демонстрирует холодность и расчет, желание обладать ею как вещью, трофеем: “‘But, my dear sir, **she pleases me,**’ he observed, with the greatest *sang froid*” [1, с. 76], – разделяя установку на восприятие «восточной» женщины как части экзотики, романтической фантазии, объект желания, лишенный всякой субъектности, традиционную для рассматриваемого периода как в России, так и в Великобритании [12]. Еще позже его поступкам вновь сообщается мотивация, заявленная изначально, но уже в сочетании с присущей ему холодностью: “**I thought I loved her** <...> I find that I was wrong <...> And yet **I love Khalila still** <...> I am ready to make any sacrifice for her: were it necessary, I could die for her, **anything but remain with her – she now fatigues me**” [1, с. 101–102]. Разделить этого сентимента не может ни Халила, постоянная в своих привязанностях к их силе, ни Сорокин (“Such a frame of mind **is to me as inexplicable as it is fearful**” [1, с. 102]): его не понимают не только этнически «чужие», но и «свои», расширяя таким образом спектр чуждости Задонского.

Во второй части романа это отстоящее положение закрепляется и подчеркивается еще до его непосредственного появления: рассматривая неузнанный экипаж Задонского, Сорокин отмечает, что владелец, по всей видимости, не знаком с особенностями кавказских дорог (“It is apparent, though, that he does not know exactly what our mountains are made of” [1, с. 123]), что, конечно, не может быть верно относительно несколько лет прослужившего на Кавказе героя. Тем не менее вернувшись из Петербурга, он словно приносит с собой его часть, подчеркивая и свою территориальную неоднозначность.

Вслед за оригиналом портрет Задонского, образ которого самим заглавием повести («Фёдор Романович Задонской») вынесен в центр, создается из контрастов, и как и в оригинале особое внимание нарратора в героя привлекают его глаза, не улыбающиеся вместе с губами и сияющие стальным блеском, “brilliant but cold” [1, с. 130]. Лишь одна характеристика отличает взгляд Задонского от печоринского: «нескромный вопрос» сменяется «неприятным видом тревожного любопытства разума, обеспокоенного самим собой и всем человечеством» (“leaving an unpleasant impression of the anxious inquisitiveness of a mind ill at ease with itself and with all mankind” [1, с. 130]). Это несколько ту-

манное описание, с одной стороны, «разбавляет» общую картину спокойствия, расслабленности героя, с другой – словно размыкает его в пространстве, заставляя «беспокоиться обо всем человечестве»; и то и другое в дальнейшем проявляется в его речи, а затем и в записках.

Заявленная прежде эмоциональная открытость и экспрессивность героя здесь также получает развитие. Так, свою отставку (“I sent it to the devil long ago!”) с «проклятой службы» он объясняет испытанной «адской скукой» [1, с. 132], воспоминание о Халиле заставляет его «закусить губу, пока не выступила кровь» [1, с. 133], о крепости – разразиться тирадой о бытовых неудобствах [1, с. 133], а расстройство штабс-капитана Сорокина его *действительно* трогает [1, с. 134]. Прощание также оказывается гораздо более многословным, и в ходе него Задонской демонстрирует сходство с нарратором, свободно обращаясь к популярным образам и сентиментальным клише [1, с. 134–135]. Это сближение подчеркивает и сам нарратор: ему жаль Сорокина, но Задонского он *понимает*, если не разделяет его чувств, понимает его мир и, в отличие от Сорокина, по всей видимости, сам является его частью [1, с. 136–137].

В двух последних частях романа Задонской впервые выступает не только главным героем, но и нарратором, примеряя на себя роли одновременно исследователя и объекта исследования. Тем не менее его задача – самописание и самоанализ – не совпадает с авторской. Автор, как было упомянуто выше, стремится превратить роман в своего рода роман воспитания, сместив, однако, фокус влияния с героя на читателя. Как пишет М. Моран, такая установка в целом свойственна викторианскому роману, где авторы стремились «сделать для своего читателя то же, что роман воспитания делает для своего протагониста, т. е. заместить ложный (ошибочный) взгляд на мир подлинным (зрелым)» [13, с. 82]. В связи с этим исследовательская свобода Задонского без его ведома в сравнении с печоринской оказывается гораздо более ограниченной, ведь он должен выступить антипримером, показать человека незавидной судьбы, страдающего от собственных пороков. Его самоанализ ценен не сам по себе, но как предостережение читателю. В результате, несмотря на всю «эксцентричность», а во многом и благодаря ей Задонской предстает менее глубоким, но потому и менее безнадежным.

На первый взгляд Задонской сохраняет мультимаргинальность Печорина, но и в этом оказывается его гораздо более бледной копией. В частности, ему не только доступны человеческие чувства – чужие и собственные – но и выражает он их различными способами и с разной степенью интенсивности. Помимо «вписанности» в род человеческий,

Задонской находит себе место и в более узких сообществах. Так, если Печорин, будучи представителем «высшего света», не находит себе в нем применения и стремится покинуть его, Задонской, скучая в местном обществе, все же стремится вернуться в столицу. Даже скука видится органической частью не только его жизни, но жизни вообще: *ennui*, от которой так страдает Задонской, испытывает и Анастасия (Мери) в окружении поклонников, и Франтовской (Грушницкий) в окружении «водяного общества»; более того, *ennui* свойственна «всем здоровым людям» (“...and in the evening we take wine, and suffer *ennui* like all other healthy people” [1, с. 148]).

Сентиментальность Задонского, проблески которой уже нашли отражение в двух предыдущих частях, в полной мере проявляется в его записках: постоянно заявляемая безэмоциональность и холодность Задонского, якобы трагически отчуждающая его, все больше раскрывается как ложная. Так, монолог в объяснении с княжной на прогулке, который Печорин произносит, «приняв глубоко тронутый вид» [2, с. 78], у Задонского сопровождается искренними слезами и сокрушениями, а их последняя встреча проходит не менее драматично: во время объяснения Задонской пытается утешить княжну, собирается с духом, с трудом подбирает слова и дважды характеризует процесс как болезненный (*painful*), причем, очевидно, для обеих сторон; на этой же ноте встреча и кончается [1, с. 284]. Далее, в «Предопределении» («Фаталист»), прибыв к хате, занятой казаком, Задонской, как и Печорин, стремится вступить в своего рода поединок с судьбой, но в то же время демонстрирует и «нормальное» человеческое сочувствие к матери казака и к нему самому, руководствуясь этим чувством если не больше, то в равной мере: “I was determined the man should not be shot like a dog in a pit. He had committed a terrible crime as a soldier and a man; at the same time he was drunk, and perhaps he remembered nothing of what he had done” [1, с. 312].

Кульминации это «очеловечивание» Задонского достигает на десяти не существующих в оригинале страницах «Княжны Анастасии», относящихся к его пребыванию в крепости. Здесь он демонстрирует полный спектр своих эмоциональных и моральных возможностей и, наконец, впервые непосредственно обращается к читателю с наставлением, прямо заявляя себя как антипример. Завершается же «Княжна Анастасия» почти басенной моралью: “A few weeks of levity, vanity, and folly, had ended in a broken heart and death, a duel – a conventional murder – and madness!” [1, с. 295].

И Печорин, и Задонской постоянно находятся в окружении персонажей традиционно в той или иной степени маргинальных – женщины, инородцы и иноверцы, чудаки, при этом в рамках романа

почти не представляющих самостоятельного интереса. По наблюдению Б. М. Эйхенбаума, такое их положение было принципиально важным для оригинального романа и прямо вытекало из его «личного» характера: «никто не должен равняться с героем или оспаривать у него первенство, но у него должны быть враги и хотя бы один друг, а кроме того, конечно, в его жизни и поведении со всей силой должен сказаться “недуг сердца” – порывы “пустых страстей”, кончающиеся разочарованием или бессмысленной мезьей» [14, с. 284]. Ожидаемо, подлинно «своих» среди всех этих персонажей не находят ни Печорин, ни Задонской. Однако если Печорин в целом демонстрирует открытость к интеграции в иные сообщества и пространства (поиск потустороннего, inferнального в «Тамани», стремление визуально слиться с черкесами в «Княжне Мери»), но оказывается на нее не способен в силу своей природы, то Задонской, напротив, оказывается заложником собственных установок, постоянно конструируя свою уникальность и в то же время держась за Петербург и «свет», в котором ему не находится места. И само пространство Кавказа, ключевое в обоих романах, преломляется в них по-разному. Так, в «Герое нашего времени» можно говорить о нем, скорее, как о контактной зоне, пользуясь термином М. Л. Пратт, подразумевающей под ним «пространство, в котором географически и исторически разделенные народы вступают друг с другом в контакт и устанавливают продолжительные взаимоотношения, обычно включающие в себя условия принуждения, радикального неравенства и трудноразрешимого конфликта» [15, с. 8], с одной стороны, синонимичным фронтиру, но, с другой – принципиально смещающим перспективу с изначальной европоцентричности на факт сосуществования и взаимовлияния вступающих в этот контакт культур. Кавказ же в “Sketches...”, как было показано выше, видится именно фронтиром и воспринимается односторонне, исключительно через европоцентричную оптику, и даже на этом уровне маргинальность Задонского «проигрывает» печоринской. Не раз упомянутая «эксцентричность» также, скорее, не отчуждает Задонского, но, напротив, встраивает его в систему как значимый ее элемент. Эксцентричность находится «на полях» приемлемого, но не выходит за его границы, хотя постоянно находится в опасной близости к переходу в категорию «чужого». Эксцентрики необходимы группе и обществу: как пишет Р. Эмиг, «эксцентричное становится тестовой площадкой для новых идей и в то же время свалкой для неудавшихся экспериментов; резервуаром новых возможностей, и в то же время кривым зеркалом, демонстрирующим, что может случиться, когда соблюдение признанных норм зайдет

слишком далеко» [16, с. 380]. Более того, в британской культуре эксцентричность играет особую роль, со временем превратившись в своего рода автостереотип. Литература Великобритании в целом изобилует персонажами разной степени эксцентричности, а для викторианской эпохи – «эпохи противоречий, которая так хотела быть эпохой стабильности» [16, с. 388] – этот тип становится символом. Награждая Задонского эпитетом *eccentric*, автор одновременно отделяет его от общества в тексте и снижает степень его маргинальности в глазах читателя. Таким образом, оставляя Задонского маргинальным героем, но наделяя его чувствами, мыслями, чертами характера и поведением, несвойственными Печорину, автор “Sketches...” стремится продемонстрировать читателю антигероя, пусть и не преуспевшего в этом, но все же потенциально способного на раскаяние и изменение.

Заключение

Изначально маргинальная природа нарраторов и главного героя позволила нивелировать их национальное происхождение без особых усилий, переместив заявленные в заглавии реалии на задний план: формально оставаясь чужими, сущностно русские в “Sketches...” сближаются с потенциальным читателем. В частях, входящих в «записки Задонского», по большому счету не важ-

но, где происходит действие и откуда родом герой, и русский локус становится лишь декорацией, на фоне которой ставятся универсальные вопросы добра и зла, верного выбора пути, судьбы и свободы воли. Фигуры Сорокина и безымянного нарратора подчинены образу Задонского, в свою очередь подчиненному общей дидактической установке романа. Как следствие, характер и степень маргинальности главного героя, а вслед за ним и нарраторов отличаются от оригинала. Доля периферийности, пограничности все еще необходима в повествовании и потому сохраняется каждым нарратором в соответствии с его задачей. Безымянному нарратору необходимо оставаться «на полях», чтобы полноценно наблюдать за Задонским со стороны и представить его «извне», Сорокину – чтобы продемонстрировать силу его убеждений, сохранившихся, несмотря на долговременный отрыв от дома, тем самым как подчеркнув контрастное положение Задонского, так и выступив для него потенциальным ориентиром, положительным примером; маргинальность же самого Задонского становится надуманной и сводится к эксцентричности, однако не утрачивает значимости и в этих проявлениях, позволяя ему отделить себя от общества и сосредоточиться на самоанализе, в отличие от печоринского ведущего к раскаянию и обнаружению потенциала к исправлению.

Список источников

1. Sketches of Russian Life in the Caucasus. By a Russe, many years resident amongst the various mountain tribes. London: Ingram, Cooke, & Co, 1853. 315 p.
2. Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 234 с.
3. A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture / ed. by A. Cross. Cambridge: Open Book Publishers, 2012. 330 p.
4. Lefevre C. Gogol and Anglo-Russian Literary Relations during the Crimean War // The American Slavic and East European Review. 1949. № 2 (8). P. 106–125.
5. Chin W. From glaring cheat to daring feat: two episodes in the reception of M. Yu. Lermontov in Victorian England // New Zealand Slavonic Journal. 1980. № 2. P. 1–16.
6. Chin W. The reception of Mikhail Yurevich Lermontov in Victorian Britain. M. A. Thesis (Hons). Wellington, 1979. 145 p.
7. Погребная Я. В. М. Ю. Лермонтов в переводческой интерпретации В. В. Набокова: стихотворение «Сон» как смысловый ключ к роману «Герой нашего времени» // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 2. С. 113–119.
8. Потапова Г. Е. Изучение Лермонтова в Великобритании и США // Творчество М. Ю. Лермонтова в контексте современной культуры: сб. ст. к 200-летию со дня рождения / под ред. Л. В. Богатыревой, К. Г. Исупова. СПб.: ПХГА, 2014. С. 232–248.
9. Beasley R. Russomania. Russian Culture and the Creation of British Modernism, 1881–1922. Oxford: Oxford University Press, 2020. 560 p.
10. McAteer C. Translating Great Russian Literature. The Penguin Russian Classics. N.Y.: Routledge, 2021. 196 p.
11. Баньковская С. П. Другой как элементарное понятие социальной онтологии // Социологическое обозрение. № 1 (6). 2007. С. 75–87.
12. Scotto P. Prisoners of the Caucasus: Ideologies of Imperialism in Lermontov’s “Bela” // PMLA. 1992. № 2 (107). P. 251–256.
13. Moran M. Victorian Literature and Culture. N.Y.; London: Continuum, 2007. 192 p.
14. Эйхенбаум Б. М. «Герой нашего времени» // Эйхенбаум Б. М. О прозе: сб. ст. / сост. И. Г. Ямпольский. Л.: Худож. лит., 1969. С. 231–305.
15. Pratt M. L. Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation. 2nd ed. N.Y.: Routledge, 2008. 276 p.
16. Emig R. Eccentricity begins at home: Carlyle’s centrality in Victorian thought // Textual Practice. 2003. № 17 (2). P. 379–390.

References

1. *Sketches of Russian Life in the Caucasus. By a Russe, many years resident amongst the various mountain tribes.* London, Ingram, Cooke, & Co, 1853. 315 p.
2. Lermontov M. Yu. *Geroy nashego vremeni* [A Hero of Our Time]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1962. 234 p. (in Russian).
3. Cross A. (ed.) *A People Passing Rude: British Responses to Russian Culture.* Cambridge, Open Book Publishers, 2012. 330 p.
4. Lefevre C. Gogol and Anglo-Russian Literary Relations during the Crimean War. *The American Slavic and East European Review*, 1949, no. 2 (8), pp. 106–125.
5. Chin W. From glaring cheat to daring feat: two episodes in the reception of M. Yu. Lermontov in Victorian England. *New Zealand Slavonic Journal*, 1980, no. 2. pp. 1–16.
6. Chin W. *The reception of Mikhail Yurevich Lermontov in Victorian Britain. M. A. Thesis (Hons).* Wellington, 1979. 145 p.
7. Pogrebnaya Ya. V. M. Yu. Lermontov v perevodcheskoy interpretatsii V. V. Nabokova: stikhotvorenie «Son» kak smyslovoy klyuch k romanu «Geroy nashego vremeni» [M. Lermontov in interpretation of V. V. Nabokov: the poem “The Dream” as a semantic key to the novel A Hero of Our Time]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya – Humanities and Law Research*, 2014, no. 2. pp. 113–119 (in Russian).
8. Potapova G. E. Izucheniye Lermontova v Velikobritanii i SShA [Studying Lermontov in the UK and the USA]. In: Bogatyreva L. V., Isupov K. G. (eds) *Tvorchestvo M. Yu. Lermontova v kontekste sovremennoy kul'tury: sb. st.* [Oeuvre of M. Yu. Lermontov in the Context of Modern Culture: collected articles]. Saint Petersburg, RKhGA, 2014. pp. 232–248 (in Russian).
9. Beasley R. *Russomania. Russian Culture and the Creation of British Modernism, 1881–1922.* Oxford, Oxford University Press, 2020. 560 p.
10. McAteer C. *Translating Great Russian Literature. The Penguin Russian Classics.* New York, Routledge, 2021. 196 p.
11. Ban'kovskaya S. P. Drugoy kak elementarnoye ponyatiye sotsial'noy ontologii [The Other as an elementary concept of social ontology]. *Sotsiologicheskoye obozreniye – Russian Sociological Review*, 2007, no. 1 (6), pp. 75–87 (in Russian).
12. Scotto P. Prisoners of the Caucasus: Ideologies of Imperialism in Lermontov's “Bela”. *PMLA*, 1992, no. 2 (107), pp. 251–256.
13. Moran M. *Victorian Literature and Culture.* New York; London, Continuum, 2007. 192 p.
14. Eykhenbaum B. M. *O proze: sbornik statey* [On the Prose: collected articles]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1969. Pp. 231–305 (in Russian).
15. Pratt M. L. *Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation.* 2nd ed. New York, Routledge, 2008. 276 p.
16. Emig R. Eccentricity begins at home: Carlyle's centrality in Victorian thought. *Textual Practice*, 2003, no. 17 (2), pp. 379–390.

Информация об авторе

Сердюк А. М., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

Information about the author

Serdyuk A. M., postgraduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 17.11.2022; принята к публикации 17.03.2023

The article was submitted 17.11.2022; accepted for publication 17.03.2023